

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

448

Н. ЛУКИН (Н. АНТОНОВ)

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

1871 года

BBR-И
25
Biro Handlowego
Ambasady R. P. w Mosku

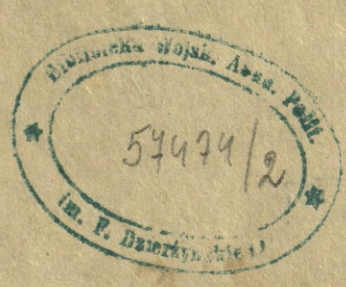
970

R. S. F. S. R.	
AMMOTEC	
27806	3K2(44) II
184	(P)

Государственное Издательство □ 1922

BBRZH 9(44): 323.2e
25

ПАРЬЖСКАЯ КОММУНА

Гиз № 2397. (Р. Ц. Москва.) № 169. Напеч. 15.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Литература по истории Парижской Коммуны довольно обширна, но большая часть ее написана в начале 70-х годов, под непосредственным впечатлением кровавого усмирения первой пролетарской революции. Это обстоятельство в двойном отношении невыгодно отразилось на первых исторических работах. С одной стороны, многие материалы еще не были собраны и опубликованы; то, что уцелело, попадало в руки торжествующих победителей, явно заинтересованных в одностороннем подборе документов, если не их фальсификации. Во всяком случае сидевшие в Париже историки-реакционеры были по части документов в несравненно более благоприятных условиях, чем писавшие о Коммуне эмигранты, вынужденные восстанавливать многое лишь по памяти.

С другой стороны, непосредственная близость только что пережитых событий придала этой литературе 70-х г. г. памфлетно-мемуарный характер. Если контр-революционеры старались во что бы то ни стало очарнить движение, изобразить ненавистную Коммуну, как сборище преступников и всякого рода общественных отбросов, способных лишь на зверства, грабежи и поджоги¹⁾, то литераторы-участники движения ставили

¹⁾ Такой характер носит, например, четырехтомный труд Максим Дю-Кана „Судороги Парижа“ (Les convulsions de Paris, I—IV, 1878—1880) или Кларети „История революции 1870—1871“ (Claretie „Hist. de la Rév. de 1870—1871“, 1872).

В качестве образчика рассуждений „академика“ Дю-Кана достаточно будет привести несколько строк из предисловия к первому тому „Судорог Парижа“. „Деяния Коммуны,— пишет этот ученый лакей буржуазии,— не могут быть отнесены к области политики: они носят характер исключительно уголовный. Я рассказал только истину, но не всю истину. Последняя была порой столь невероятно чудовищна, вскрывала столь ужасные проявления зверства, разгула и извращенности, что во многих случаях, щадя чувства читателей и оберегая свое собственное достоинство, я должен был обойти соответствующие факты молчанием. Во время Коммуны прорвались наружу самые гнусные страсти, точно целый зверинец, разломав свои клетки, вырвался на свободу. В продолжение целых двух месяцев люди находились в состоянии полнейшего озверения, наблюдалось паразитическое моральное одичание, какого еще не знала история.

Коммуну не приходится упрекать в лицемерии; действуя весьма откровенно, она никого не могла ввести в заблуждение. С наглостью и о-

своей основной задачей опровержение гнусных клеветнических вымыслов реакционеров, реабилитацию пролетарского Парижа.

В то же время эти защитники Коммуны принадлежали к различным политическим течениям. Желая уяснить себе причину разгрома революции, они, естественно, склонны приписывать неудачи тактике своих фракционных противников. Вот почему работы членов Коммуны, прудонистов—Арну, Малона, Белэ, Лефрансе, бланкиста *Да-Коста* или «нейтрального» Лиссагарэ, интересны, главным образом, для характеристики социально-политических течений внутри самой Коммуны¹⁾.

Единственной марксистской работой о Коммуне, написанной вслед за ее поражением, является воззвание Генерального Совета Интернационала, которое вместе с двумя ему предшествовавшими принадлежало перу Маркса и вошло в так называемую «Гражданскую войну во Франции 1871 г.». Вышедшая из печати на другой день после подавления Коммуны, эта работа, при всей своей гениальности, могла быть написана на основании лишь отрывочных данных.

Наряду с историческими работами версальцев и коммунаров следует отметить еще третью группу произведений, принадлежащих литераторам из лагеря радикалов-соглашателей, сочувствовавших Коммуне, как чисто муниципальному движению, но отрицавших ее, как пролетарскую революцию.

Считая движение как бы спровоцированным неуступчивостью как версальцев, так и коммунаров (обычная теория соглашателей всех времен и народов!), возмущаясь кровавыми расправами с побежденными, эта группа историков (Lanjué et Corriez, Pelletan, Fiaux, братья Маргерит²⁾ и др.) осталась весьма далекой от правильного понимания разыгравшихся перед ней событий, но, по крайней мере, собрала и пу-

ститутки она выставляла на показ все, и остается только удивляться множеству разъедавших ее язв... Коммуна—порождение человеческих пороков и чувства зависти—по преимуществу. Она коренится в далеком прошлом, восходящем ко временам появления людей на земле: ее прародителем был сын первого человека, а сын этот назывался Каин». (Les conv. de Paris, I, IV).

В доказательство этих положений, вскрывающих все убожество мысли почтенного академика, им написано целых четыре объемистых тома. Обнаглевшая после подавления Коммуны реакционная буржуазия могла быть довольна своим „историком“.

¹⁾ Lefrançais. Étude sur le mouvement communaliste à Paris (Genève, 1872). Beslay. La vérité sur la Commune. Art Arnould. Hist. populaire et parlementaire de la Commune (Br. 1873). B. Malon, La 3-e défaite du prolétariat français. (Neuchatel, 1871). Lissagaray. Hist. de la Com. (Br. 1896). Da-Costa. La Commune vue. Paris. 1903—1905.

²⁾ Lanj. et Corr. Hist. de la Rév. du 18 mars, 1871. C. Pelletan. La Commune et le Comité central. La Semaine de mai, 1879—1889. L. Fiaux. Hist. de la guerre civile de 1871 (P. 1879). P. et V. Marguerite. La Commune, 1904.

стила в научный оборот весьма ценный документальный материал.

Большинство новейших работ по истории Коммуны вышло из-под пера буржуазных ученых: сюда относятся книги *Буржуазна и Лепеллетье*¹⁾.

Их авторы, относящиеся к Коммуне в общем благожелательно, дают много интересного фактического материала, не освещенного, однако, никакой общей точкой зрения. Нечего и говорить, насколько далеки они от материалистического понимания истории, достаточно сослаться на недавно вышедшую книгу Лепеллетье, который склонен рассматривать всю мартовскую революцию и Коммуну, как осуществление грандиозного провокационного плана, задуманного Тьером²⁾.

В сущности, строго научная разработка истории Коммуны только еще начинается. Прошло уже полвека после первой пролетарской революции, а между тем до сих пор мы еще не имеем вполне научного издания хотя бы декретов и воззваний Коммуны³⁾. Нечего и говорить, что совершенно не разработана социально-экономическая история эпохи.

Впрочем такое положение вещей вполне естественно. Историография всегда тесно связана с общественными настроениями и политическими течениями эпохи. Из всех революций прошлого наибольшим вниманием буржуазной профессуры пользовалась Великая революция, да и то лишь во Франции, где партия радикалов опиралась на традиции этой героической эпохи в истории буржуазии, да в буржуазно-феодальной России, стране с преобладающим крестьянским населением, где разрешение аграрного вопроса должно было, как во Франции конца XVIII века, получить в предстоящей революции решающее значение.

Коммуна 1871 года, которая была смелым вызовом всему буржуазному обществу, напротив, весьма мало интересовала даже радикально настроенные университетские круги.

Из больших социалистических работ, специально посвященных Коммуне 1871 г., можно отметить лишь две: одна из них написана Луи Дюбрейлем и вышла в серии «Социалистической истории», издававшейся Ж. Жоресом, другая — нашим соотечественником П. Л. Лавровым⁴⁾, жившим в 1871 г. в Париже

1) Bourgin. Histoire de la Commune (1907) *Lepelletier*. La Commune du 18 mars, 1871. (P. 1911—1913). Пока вышло три тома.

2) *Lepelletier*, I, l. VIII.

3) Мы имеем лишь собрание „Актов революционного парижского правительства“, извлеченное из „Официального Журнала“ и изданное редакцией „Revue de France“ (Journal officiel de la Commune. Publié par Revue de France. Actes du gouvernement révolutionnaire de Paris. Arrêtés, Décrets, Ordres, Proclamations, Rapports militaires, etc. (P. 1871).

4) *Histoire Socialiste*, Т. XI. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Женева, 1880. Изд-во „Колос“. 1919.

и близко стоявшим к деятелям Коммуны. Несмотря на пародичность автора, эта превосходная работа содержит в себе немало метких социологических сообщений, которые сделали бы честь любому последовательному марксисту. Но этого мало. Покойный П. Лавров, написавший свою книгу еще 1879 г., дал, исходя из опыта Парижской Коммуны, поразительно верное разрешение многих тактических проблем пролетарской революции, которые в наши дни получили особенно жизненный интерес.

Итак, если не считать брошюрной литературы и памфлета Каутского¹⁾, написанного для вящего посрамления русских большевиков, в сущности, не только в русской, но и в зарубежной литературе нет последовательно марксистской работы по истории Парижской Коммуны²⁾. Подребность в такой работе особенно ощутительна в данное время, когда опыт Коммуны, рассматриваемый в свете мировой пролетарской революции наших дней, приобретает колоссальный не только теоретический, но и практический интерес.

Предлагаемая работа и имеет своей задачей дать научную историю Коммуны, написанную с точки зрения революционного марксизма или коммунизма.

Самая возможность написать таковую, не выезжая из России, создалась лишь после октябрьской революции. Известно, насколько ничтожна литература о Парижской Коммуне, имевшаяся в наших самых крупных библиотеках—публичных и университетских: только с организацией библиотеки при Социалистической Академии—учреждении, обязанном своему возникновению пролетарской диктатуре—для русских коммунистов, которым еще, вероятно, долго будет закрыта дорога во Францию, создались объективные условия для научного изучения истории Парижской Коммуны.

Необходимо, однако, оговориться, что при всем богатстве имеющейся в Социалистической Академии литературы по интересующей нас эпохе, не удалось еще собрать кое-каких весьма важных материалов, как, например, некоторых памфлетов, а главное—периодических изданий 1870—1871 г. (кроме официальных), которыми, например, пользовался, сидя в Париже, тот же Лавров.

С другой стороны, за недостатком времени пришлось заранее отказаться от использования значительной части мемуарной литературы, обильно представленной в библиотеке Академии. Предлагаемая работа вообще не претендует на исчерпывающую полноту в освещении революции 1871 года: она может

¹⁾ Kautsky, *Terrorismus und Kommunismus*, Berlin, 1919.

²⁾ Предлагаемая работа была уже сдана в печать, когда вышла книжка Т. И. Степанова—«Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики в пролетарской революции».

играть лишь роль предварительной марксистской разведки в том документальном материале, который оставила после себя Коммуна. Дальнейшая разработка отдельных проблем и сторон движения—дело молодых историков-коммунистов, имеющих сейчас полную возможность засесть вплотную за изучение первой пролетарской революции.

В качестве марксиста, автор не считал возможным изучать историю Коммуны, не остановившись предварительно на анализе социально-экономического строя Второй Империи, не проследив главнейших этапов в развитии рабочего движения той же эпохи, в которое уходит своими корнями первая пролетарская революция. Ввести соответствующие отделы представлялось тем более необходимым, что все писавшие до сих пор о Коммуне, касаются этих важнейших для понимания последующего вопросов лишь вскользь, или не касаются вовсе¹⁾.

С другой стороны, правильное понимание тех событий, которые разбухали с 18 марта, немыслимо без обстоятельного изучения подготовки новой революции, происходившей в период от 4 сентября (крушение монархии) до 18 марта.

Вот почему предлагаемая работа распадается на три части, из которых лишь последняя посвящена истории самой Коммуны.

Две первые могут все же показаться слишком растянутыми или обремененными подробностями. Однако, это разбухание вводных отделов имеет свое достаточное оправдание. Книга предназначается не только для лиц, специально занимающихся историей Коммуны, но и для лекторов партийных школ, пропагандистов и агитаторов, которые найдут в двух первых частях то необходимое введение в историю Коммуны, которое в существующих работах обычно отсутствует. Наконец, желая, по возможности, сделать книгу доступной и для более широкого круга читателей, автор снабдил ее примечаниями, объясняющими иностранные слова, термины и т. п.

Остается упомянуть, что глава 3-я II части и главы 2, 3, 9 и 10 третьей представляют собою несколько видоизмененную и дополненную III часть моего курса «Из истории революционных армий», читанного в Академии Генштаба и находящегося пока еще в стадии печатания; а часть материала из 6-й (ч. III, а) вошла в статью «Рабочая политика Парижской Коммуны», долженствовавшую появиться в первой книжке «Научных Известий».

Н. Лукин-Антонов.

Август 1921 г.

¹⁾ Лишь у П. Лаврова находим богатый материал для выяснения, по крайней мере, идеологических предпосылок Коммуны.

ОТДЕЛ I.

Эпоха Второй Империи.

Глава I.

Французская промышленность при Второй Империи.—Крупная буржуазия, бюрократия и духовенство.

В эпоху Второй Империи французская промышленность переживала период пышного расцвета. Необычайно быстрое развитие парового транспорта повело к расширению внутреннего рынка и усилению французского вывоза. В 1851 г. железнодорожная сеть Франции равнялась 3.627 километрам, к 1855 г. она увеличилась до 5.535 км., а к 1870 г.—до 17.440 км. Таким образом, за последние пятнадцать лет, длина железных дорог возросла более, чем в три раза.

В 1850 г. французский ввоз составлял всего 1.435 милл. фр.; в 1869 г. он поднялся до 3.993 милл. За то же время вывоз увеличился с 1.119 милл. фр. до 4.009 милл.!

Торговый договор с Англией, заключенный в 1860 г. и изменивший таможенную политику Второй Империи в сторону свободы торговли, не оправдал опасений французских промышленников, кричавших о неминуемой гибели отечественной промышленности в результате английского засилья. Но конкуренция передовой капиталистической страны заставила многих французских предпринимателей перейти к более совершенным способам производства.

Прогресс техники наблюдался во всех главнейших отраслях промышленности. На хлопчатобумажных фабриках впервые появляются сельфакторы. Металлургические заводы переходят с древесного топлива на минеральное, что ведет к удешевлению производства чугуна и железа. Замена сырьевой стали пудлингованной, распространение бессемерования сократили издержки производства стали наполовину. Открытие анилиновых красок Перкинеом произвело целый переворот в

красильном производстве. С другой стороны, в ряде производств, где до того времени исключительно господствовал ручной труд, теперь впервые вводятся машины. Механический вязальный станок, увеличивший производительность в шесть раз, вытесняет ручных вязальщиц. Изобретение машины для кройки и пивейной машины произвело целый переворот в конфекционном деле. На гвоздильных заводах все сорта гвоздей стали изготовлять машинным способом. Наконец, машины проникают даже в строительную промышленность.

Рост машинной техники виден и по быстрому увеличению числа промышленных предприятий с паровыми двигателями. В 1862 г. их насчитывалось уже около 15 тысяч, а в 1872 г. — 23.400! Успехи капитализма характеризуются обычно ростом отраслей промышленности, изготовляющих средства производства. В этом отношении наполеоновской Франции было чем похвалиться: за двадцать лет (1852—1872) производство каменного угля, антрацита и пр. увеличилось с 4,9 милл. тонн до 16,1 м. т. Производство чугуна поднялось с 522 тыс. тонн¹⁾ до 1.218 тыс.; производство железа и стали возросло за то же время с 320 тыс. тонн до 1.025 тыс.

Прогресс техники сопровождался закрытием мелких, плохо оборудованных предприятий и концентрацией производства на крупных фабриках и заводах. В металлургической промышленности с переходом на минеральное топливо происходил непрерывный рост производства, несмотря на то, что число доменных печей уменьшилось.

До 1848 г. акционерные компании были известны лишь в области торговли; теперь появляется много промышленных акционерных обществ.

Успехи концентрации производства могут быть иллюстрированы следующими цифрами. В 1865 г. общая ценность промышленного производства Франции определялась в 12 миллиардов фр., при чем на долю крупных предприятий приходилось около половины этой суммы. Из 3 миллионов хозяев и рабочих, составлявших промышленное население тогдашней Франции, на долю крупной промышленности приходилось около 1 милл. 300 тыс. чел., в том числе около 1 милл. 100 тыс. рабочих.

Особенно заметна концентрация в области парового транспорта: в конце 1851 г. 3.627 км. рельсовых путей эксплуатировались восемнадцатью мелкими компаниями; в первые годы Империи, благодаря усиленной выдаче концессий правительством, число железнодорожных компаний возросло до 30; к 1860 году рельсовая сеть увеличилась до 9.439 км. Но в результате ряда новых концессий и слияния железнодорожных

¹⁾ Тонна — 61 пуд.

обществ сложилось всего шесть акционерных компаний, захвативших в свои руки всю рельсовую сеть страны.

Одновременно с быстрым ростом промышленности и транспорта происходило развитие кредита. Банки, которые до тех пор не вмешивались активно в экономическую жизнь и, главным образом, занимались эмиссионными операциями¹⁾, начинают фигурировать в новой роли: путем выпуска акций, они способствуют возникновению крупнейших предприятий, особенно проведению железнодорожных линий. С 1855 г. Французский Банк стал выдавать ссуды под железнодорожные акции и облигации. С 1867 г. императорское правительство обязало Банк иметь, по крайней мере, по одному филиальному отделению в каждом департаменте²⁾.

Но гораздо больше способствовали развитию промышленности вновь основанное Общество Поземельного Кредита и «Кредита под залог движимых имуществ» (Credit mobilier, основан с 1852 г.) братьев Перейр. В 1854 г. «Поземельный кредит» уже выдал ссуд на 50 милл., преимущественно под залог городских недвижимостей. «Движимый кредит» содействовал постройке целого ряда железнодорожных линий: Восточной, Большой Центральной, Юго-Западной, Арденнской. Он же основал «Компанию Транс-Атлантического пароходства», содействовал слиянию шести газовых обществ Парижа в одну компанию, ссудив ей 10 милл. фр.

Процесс концентрации захватил и банковое дело: департаментские банки мало-по-малу слились с Французским Банком.

Государственный переворот 2 декабря 1851 г., за которым вскоре последовало превращение президента республики Луи Бонапарта в императора Наполеона III, — означал водворение самодержавных порядков, едва прикрытых мнимо-конституционными учреждениями. Император восстановил всеобщее избирательное право, отмененное Законодательным Собранием в 1850 г. Но выборы проходили под сильнейшим давлением со стороны назначавшихся правительством префектов³⁾ и мэров⁴⁾, употреблявших все усилия, чтобы не допустить никакой агитации в пользу кандидатов республиканской партии: устройство избирательных собраний не разрешалось, республиканские афиши бесцеремонно срывались, раздача избирательных бюллетеней строго преследовалась. Зато агитация за правительственных кандидатов входила в прямую обязанность местной администрации, не останавливавшейся в своем усердии перед

1) Эмиссионные операции — выпуск банкнот.

2) В административном отношении Франция разделяется на 86 департаментов или губерний.

3) Губернаторов.

4) Городских голов.

подлогами и фальсификацией выборов. Голосование происходило в течение двух дней; в деревенских округах с наступлением вечера первого дня мэр по-просту уносил избирательную урну к себе домой.

При таких условиях выборы превращались в ненужную комедию: не даром в первое десятилетие после переворота в кругах республиканской буржуазии и рабочих господствовали бойкотистские настроения.

Сама Палата (Законодательный Корпус) была карикатурой на парламент. Она не имела права законодательной инициативы, права вносить какие бы то ни было поправки к правительственным законопроектам, составленным Государственным Советом, права изменять отдельные параграфы в бюджете различных ведомств. Ни одна газета не могла печатать полностью отчеты о заседаниях Законодательного Корпуса, к тому же происходивших под руководством назначенного императором председателя. Обреченная на полное бессилие, Палата, в лучшем случае, могла затормозить правительственный законопроект.

Права собраний не существовало. Печать была отдана под бдительный надзор министра внутренних дел и префектов, к услугам которых имелась система предварительных разрешений на выпуск, предостережений и приостановок газет и журналов в административном порядке. Проступки по делам печати подлежали особым судам исправительной полиции. Высокий залог (в Париже он составлял 50 тыс. фр.) и штемпельный сбор затрудняли издание газет и, удорожая их стоимость, закрывали им доступ в широкие народные массы. Центральная власть управляла страной при помощи целой армии назначенных ею префектов, супрефектов и прокуроров. С 1858 г. стали назначаться и все мэры.

Для полноты характеристики политического режима остается упомянуть еще о неограниченном административном произволе. Накануне приезда императора в какой-либо город арестовывались все местные жители, подозревавшиеся в республиканских симпатиях. Система шпионажа получила необычайное развитие.

Напуганная красным призраком 48 года, буржуазия потеряла всякий вкус к парламентаризму; она сама отказалась от политической свободы и приветствовала наглого проходимца, превратившегося в монарха, как «спасителя общества», который гарантировал ее собственность от всяких покушений со стороны мятежного пролетариата.

«Буржуазия,—говорит Маркс в своем «18 брюмера»,—справедливо рассуждала, что все оружие, которое она выковала против феодализма, может повернуться против нее самой..., что все так называемые буржуазные свободы..., нападая на ее *классовое господство*, грозят одновременно и социальному фунда-

менту и политической вершине и становятся, следовательно, *социалистическими*. «Буржуазия признала, что собственный интерес побуждает ее освободиться от опасности *самоуправления*, что для восстановления спокойствия в стране необходимо прежде всего сдать на покой свой буржуазный парламент, что для сохранения в целости ее социального могущества должно быть сломлено ее политическое могущество, что буржуа может заниматься своими частными делами, эксплуатировать другие классы и безмятежно наслаждаться собственностью, семьей, религией и порядком лишь под условием, что его класс вместе с другими классами будет обречен на одинаковое политическое ничтожество, что для спасения своего кошелька необходимо отказаться от своей короны и повесить над собственной головой меч, долженствующий охранять ее и быть вместе с тем дамкловым мечом для нее»¹⁾.

Этим «мечом» и была Вторая Империя, как «единственно возможная форма правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять народом, а рабочий класс еще не приобрел этой способности».

Устраняясь от непосредственного управления государственной машиной через парламент, буржуазия могла до известной степени утешаться новым ростом военно-бюрократического аппарата, посредством которого император управлял страной. «Материальный интерес французской буржуазии,—говорит тот же Маркс,—как раз самым тесным образом связан с сохранением этого огромного и сложного государственного механизма. В нем она находит место излишним членам своего общества, и под видом жалованья от государства берет себе то, что она не могла украсть в виде барышей, процентов, ренты и тоннаров»²⁾.

Но за утрату политической свободы буржуазия получила весьма существенные материальные компенсации. Следуя примеру своего дядюшки³⁾, Наполеон III всячески покровительствовал отечественной промышленности и торговле.

Система долгосрочных железнодорожных концессий с правительственной гарантией минимума 4% на капитал облегчила процесс концентрации железнодорожного дела и обеспечила акционерам высокий дивиденд.

Ряд правительственных декретов облегчал возникновение кредитных обществ и расширял круг их операций. Парижский Поземельный Банк, преобразованный в 1852 г. во «Французский Поземельный Банк», получил исключительную привилегию на производство по всей Франции операций по залогоу недвижи-

¹⁾ К. Маркс. „18 брюмера Луи Бонапарта“, изд. „Колокол“, стр. 57, 58—59.

²⁾ К. Маркс. Гражданская война во Франции 1870—1871. Гос. Изд-во 1919, стр. 47—48. „18 брюмера“, 54.

³⁾ Луи Бонапарт был племянником Наполеона I.

местей и право пролотить два провинциальных банка, на что правительство давало субсидию в 10 милл. франков. В то же время путем назначения директора и его товарищей императором это кредитное учреждение теснейшим образом связывалось, подобно Французскому Банку, с государством.

В угоду булочникам и мясникам правительство отменило монополию и регламентацию в хлебопекарном производстве и мясном деле. Оно же освободило мелких мастеров от уплаты патентного сбора.

Наконец, огромные затраты правительства на блестящие придворные балы, празднества и т. п. увеселения обогащали целые группы парижской буржуазии—портных, ювелиров, декораторов, садоводов и т. д. «Расходы на большой бал,—писала газета «Монитор»,—обратно падают в виде золотого дождя на все отрасли промышленности».

Бонапартизм, иначе говоря, военная диктатура, возникает в рамках вполне развитого буржуазного общества при некотором неустойчивом равновесии классов. Но это вовсе не означает, что он является каким-то «внеклассовым» или «надклассовым» политическим режимом.

Совершая свой государственный переворот, Луи Бонапарт имел на своей стороне все имущие классы (в том числе и крестьянство), дрожавшие перед возможностью нового подъема рабочего движения. Но по мере того, как наступало «успокоение», и Франция переходила из состояния открытой гражданской войны в полосу сравнительно мирного развития,—все острее должны были чувствоваться социальные противоречия внутри этих классов. В буржуазно-капиталистической Франции половины XIX века Бонапарт не мог опираться ни на земельную аристократию, ни на среднее крестьянство, ни на отступавшую перед крупным капиталом мелкую городскую буржуазию.

Империя должна была искать социальной опоры, прежде всего, в крупной финансовой и промышленной буржуазии, бросая в то же время некоторые подачки городскому мещанству и даже, как увидим ниже, пролетариату, чтобы, по возможности, ослабить неизбежное развитие классовых противоречий и сохранить за короной симпатии сколько-нибудь широких общественных кругов.

Действительно, больше всего милостей выпадало, как мы видели, на долю *крупного* промышленного и банкового капитала. Именно эти верхушки буржуазии использовали львиную долю выгод, связанных с расцветом промышленности и торговли. Благодаря крупным займам¹⁾, концессиям, казенным

¹⁾ В конце 1851-го года платежи по государственным займам составили 242.774.478 фр.; к 1870-му ежегодная дань, уплачиваемая государством финансистам, возросла на 171.585.646 фр., достигая теперь 414.360.124 фр. Государственный долг Франции равнялся к концу Империи 4 миллиардам 224 милл. фр.!

заказам и субсидиям, государственным гарантиям определенного процента на капитал — кучка крупнейших заводчиков, фабрикантов и финансистов получала колоссальные барыши, наживала миллионные состояния, захватывая в свои руки важнейшие промышленные предприятия и банки. Один публицист времен 2-й Империи (Duchesne) показал, что все крупные и финансовые общества, взятые вместе, находились в руках 183 лиц, владевших акциями и облигациями на сумму около 20 миллиардов франков¹⁾. Банкир Перейр возглавлял 17 крупнейших компаний с общим капиталом в 3 миллиарда 704 мил. франков. Таково было могущество тогдашних биржевых королей.

Не удивительно, что большинство актов внутренней, а особенно внешней политики были проликованы интересами финансовой олигархии.

Известно, что мексиканская авантюра, стоившая казне огромных затрат, была предпринята по настоянию финансового синдиката Морни-Жекера. Ссудив мексиканскому правительству деньги под ростовщические проценты, Жекер довел эту южно-американскую республику до банкротства, а затем убедил Наполеона III снарядить туда экспедицию для обеспечения интересов кредиторов. Каждая новая война сопровождалась новым займом, а, след., ростом государственного долга²⁾.

Второй опорой Империи явилось католическое духовенство, этот верный союзник всех реакционных правительств.

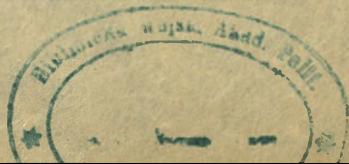
На-ряду с армией и строго централизованным аппаратом светского чиновничества, Наполеон III нуждался для поддержания своей власти в чиновниках в сутанах³⁾. Воспитание народных масс в духе преданности престолу и уважения к частной собственности, подкрепляемое угрозами вечных мук, должно было восполнить укрощение врагов Империи с помощью тюрьмы, ссылки и расстрелов.

А если так, то, бесспорно, для народа нужна религия. Еще будучи президентом республики, Бонапарт говорил в Бордо: «Я желаю приобщить к религии, к морали, к материальному довольству ту все еще столь многочисленную часть населения, которая в стране благочестия и веры едва знакома с учением Христа...»

¹⁾ Тома. „История Второй Империи“, стр. 18.

²⁾ Так в связи с Крымской войной было произведено три займа в общей сложности на 1½ миллиарда; Итальянская война повела к новому займу в 519 милл. 667 тыс. фр., Мексиканская авантюра увеличила государственный долг еще на 315 милл. фр.

³⁾ Сутана — платя, которое носят католические священники.

Католическое духовенство, состоявшее на «приличном жалованьи» у государства¹⁾ и, сверх того, располагавшее огромными богатствами, представляло собою внушительную социальную силу, которая, в свою очередь, шла навстречу герою государственного переворота. 12 декабря глава католической партии Монталамбер рекомендовал всем католикам признать новую власть, «чтобы предотвратить гибель страны». А орган этой партии «L'univers» («Вселенная») приветствовал объединение (в интересах торжества порядка) обеих армий: одной, составленной из 400.000 воинов, полных чувства повинности и юношеской бодрости, верящих в старую честь своего знамени, и другой, которой не было в распоряжении Наполеона I, и которая ни в одной стране никогда, пожалуй, не достигала такого расцвета и красоты, — армии милосердия, состоящей из сорока тысяч священников и 50 тысяч монахов.

Завоевав симпатии духовенства, Наполеон III мог рассчитывать на поддержку всего, так называемого, «христианского общества», т. е. представителей высших классов, ставших «христианами за страх» под впечатлением революционных бурь 48 г. Но нужно было усилить влияние церкви на общественные низы. Нужно было открыть духовенству доступ в общества взаимопомощи — единственные рабочие организации, официально признававшиеся в первые годы Империи. «Содействие клоуэ — читаем в циркуляре министра внутренних дел — окажет весьма ценную поддержку для достижения добрых результатов. Слово его может объединить, примирить, *внушить одним — обязанность экономии*, другим — долг и самопожертвование. Поставить ассоциацию под покровительство религии, значит заимствовать все, что есть хорошего, возвышенного, благородного у тех старых корпораций, которые шли под знаменем креста и носили имя святого».

Но еще важнее подчинить влиянию духовенства молодое поколение. В угоду церкви правительство произвело тщательную чистку профессуры, подчинило университеты строжайшему надзору, заменило в лицах курс философии курсом логики, обязало всех пансионеров обучаться «закону божьему».

Что касается начальной школы, то она постепенно переходила в руки клириков. При Империи народное просвещение было в самом жалком состоянии: школ было мало, на сто новобранцев приходилось двадцать семь совершенно неграмотных. Если в 1850 г. насчитывалось 60.679 начальных школ, а в 1863 г. 65.761, то этот прирост надо почти целиком отнести за счет увеличения *церковных* школ. Действительно, в 1850 г. было

¹⁾ Положение католической церкви определялось так называемым конкордатом, заключенным в 1801 г. между первым консулом Бонапартом и римским папой. Согласно конкордату, католичество признавалось «религией огромного большинства французов» и ставилось почти в положение государственной церкви.

50.267 светских школ (государственных и частных) и 10.412 принадлежало разным монашеским братствам (конгрегациям); в 1863 г. число первых возросло до 51.555, число вторых — до 17.206.

Женские школы почти целиком находились в руках монахинь. Если в 30-х—40-х годах монахини могли открывать в среднем по 360 школ в год, то в период 1849—1857 г. они открывали ежегодно по 396 школ. За 13 лет (1850—1863) светские школы приобрели 376 тыс. учеников, тогда как монашеские—588 тыс. Монахи стремились завоевать не только исконно преданное церкви крестьянство, но и «безбожный» городской пролетариат. Святые отцы усиленно насаждали школу в промышленных центрах, куда их часто приглашали сами фабриканты, заинтересованные в воспитании детей рабочих в духе смирения и покорности.

Но этого мало: доховенство с успехом провизкало и в светскую школу. В случае открытия учительской вакансии в государственной школе, местная коммуна могла (по закону 1850 г. и 1854 г.) высказаться за приглашение либо светского, либо духовного учителя. Но монахи употребляют все усилия, чтобы с помощью местного помещика, мэра и юра обработать мужицкие головы и добиться приговора о замещении вакансий духовным лицом. Таким путем народные учителя с республиканскими и социалистическими взглядами устранились из начальной школы.

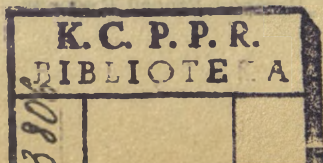
Но захватом школы не исчерпывалось влияние духовенства. «Богадельни, убежища, ясли, а также посещения нуждающихся на дому монахинями и монахами ...давали возможность воспитывать бедняков Парижа и других крупных центров в духе преданности богу и императору»¹⁾.

И светская власть не оставалась в долгу у духовенства. Вот что читаем у католического писателя Де-Ла-Горса в его «Истории Второй Империи»: «Никогда церковь не получала более широких поблажек, никогда не прилагалось столько забот к постройке церковных зданий: никогда церковная утварь не обогащалась в такой степени».

На ряду с церковными школами процветали и умножались конгрегации. В 1841 г. орден²⁾ «Братьев Христава ученья» насчитывал 3690 человек, в 1863 г. в нем состояло уже 7.726 чел. Возросло за время II Империи и общее количество монахинь во Франции. Можно вполне согласиться с Вейо, что «для католиков Империя действительно была даром Провидения».

¹⁾ Тома. „История Второй Империи“, стр. 48.

²⁾ Орден — монашеская община. Конгрегация — духовное общество, братство.

Католическое духовенство поддерживало Наполеона III, но в то же время стремилось всецело овладеть своим союзником. Организованное в интернациональном масштабе под главенством римского папы, оно подчинялось лишь власти святого престола. Монахи не довольствовались уже сделанными завоеваниями в области народного просвещения: полное уничтожение светской школы как низшей и средней, так и высшей—таков был их идеал. И поскольку даже правительство Наполеона не желало идти так далеко, поскольку, с другой стороны, оно разошлось с папой в своей итальянской политике¹⁾,—клирики составляли своего рода оппозицию Империи, но эта оппозиция находилась, разумеется, совсем в ином положении, чем республиканская.

Глава II.

Мелкая городская буржуазия. — Крестьянство. — Крупное землевладение.

Несмотря на блестящие успехи капитализма, во Франции все еще сохранилось множество средних и мелких предприятий. Мелкий, ремесленный характер промышленности особенно упорно держался в самой столице. В этом отношении Париж эпохи Второй Империи мало изменился со времен Великой революции. «Перепись 1866 г. показала, что из всех отраслей парижской промышленности наибольшее количество рабочих занималось изготовлением одежды, строительным делом, изготовлением съестных припасов, производством металлических изделий, а также предметов роскоши и развлечения»²⁾.

Преобладали таким образом как раз те отрасли производства, которые почти не были затронуты вторжением машины, а потому конкуренция крупного производства еще не оказала своего разрушительного действия на кустарно-ремесленную парижскую промышленность. Статистические данные хорошо иллюстрируют это положение. По данным Торговой Палаты, относящимся в 1860 г. в Париже было 7.492 промышленных предприятий, или 7,4%, с количеством рабочих более 10-ти: 31.480 заведений, или 31,1% имели от 2—10 рабочих и, наконец, 62.199 хозяев (61,2%) имели только по *одному* рабочему, или обходились собственными силами. В среднем на одно предприятие приходилось 7,7 рабочих. Из того же источника мы узнаем, что в 1860 г. в Париже насчитывалось 416.811 рабочих и 101.171 хозяев, т. е. в среднем по 4 рабочих на каждого предпринимателя.

¹⁾ Об итальянской политике Наполеона III см. в гл. V.

²⁾ Тома. «История Второй Империи». 167.

Итак, на целые две трети столичная индустрия состояла из карликовых предприятий; мелкие предприятия составляли около трети, и лишь ничтожный процент приходился на долю средних и крупных. Мелкий хозяин-одиночка или мастер с одним — двумя подмастерьями — такова типичная фигура парижского «предпринимателя».

Мелко-ремесленный характер парижской промышленности хорошо вырисовывается также из одного документа, относящегося уже ко времени Парижской Коммуны. Документ этот — декларация «Примирительной комиссии торгово-промышленных и трудовых корпораций», предлагавшей свое посредничество между Коммуной и Версалем. Эта организация объединяла 107 различных «промышленных, торговых и рабочих корпораций и товариществ. В нее входило три следующих объединения: 1) Национальный Торгово-промышленный Союз, 2) Центральный Комитет Синдикальных Камер (предпринимательских), 3) рабочие товарищества.

Оставляя в стороне «рабочие товарищества», которые были не чем иным, как артелями квалифицированных мастеров, рассмотрим поближе к тому, что представляли из себя два первые объединения.

Оказывается, что в Национальный Торгово-промышленный Союз входили предпринимательские «камеры», объединявшие хозяев следующих предприятий: кожевенные и меховые изделия, экипажные и седельные принадлежности, газовое отопление и освещение, белье, мебелировка комнат, шитье рубашек, производство шляп, бакалейная торговля, химические товары, механическое производство, медно-литейное производство, производство предметов художественной промышленности, предметы басонного производства, пуговицы, лекты и портновский приклад; производство цветов и перьев, писчебумажное, торговля готовым платьем, фотографии, производство перчаток, пивоварни, полировка мрамора, производство зонтов и тростей, токарные изделия, производство щеток, ситценабивное дело... производство музыкальных инструментов и музыкальные издательства, жестяное производство, прокат карет, производство оружия, хирургических инструментов, краски, производство минеральных вод, извозный промысел, торговля вывесками и шторами, производство оптических инструментов, сафьяновых изделий и футляров, дамские и детские наряды... кружева, тюль и вышивки, парфюмерия, игрушечное производство, булочные, мужское и детское платье, гончарное производство, бутылки и пробки и т. д.

Не менее красноречив и список синдикальных камер, объединявшихся Ц. К.-том: ювелиры и часовых дел мастера, брозовщики, подрядчики по производству строительных работ, каменоломы, гончары, торговые комиссионеры... подрядчики по настилке мостовой, малярному делу и вставке стекол, содер-

жатели извозного промысла, экспортеры товаров, литографы, типографы, мастера постельных приборов, подрядчики по кладке зданий... фармацевты, торговцы скобяными товарами, цветной бумагой, мастера, изготавливавшие ковры и ткани, вино-торговцы, владельцы слесарных мастерских, орнаменталисты (*sculpteurs ornemanistes*) и т. д. ¹⁾.

Подавляющее преобладание мелких предприятий свидетельствует о наличии весьма многочисленного класса мелкой буржуазии. Но положение этого промежуточного слоя, весьма значительного и по всей стране, было все же иным, чем накануне 1789 г. Тогда Франция переживала еще стадию торгового капитализма: применение машин почти не было известно, кустарное производство решительно преобладало над крупно-капиталистическим, а потому социальная позиция мелкого производителя была весьма прочной.

Франция в эпоху Второй Империи была уже страной, где промышленный капитализм сделал весьма серьезные успехи, где в ряде отраслей мелкое производство уже было убито конкуренцией крупного капитала или влачило жалкое существование, а в других должно было вести отчаянную борьбу за самосохранение. Мелкий городской буржуа второй половины XIX в.—совсем иная социальная фигура, чем его предок, современник Великой революции. Благодаря конкуренции со стороны крупного капитала его социальное положение стало весьма неустойчивым. Вся экономическая политика Второй Империи, направляемая рукой кучки промышленных и банковских королей, только ускоряла процесс разорения мелкой и средней буржуазии.

В том же направлении действовала и процветавшая при Империи бешеная биржевая спекуляция, сопровождающаяся пестыханым обогащением крупных дельцов, обиравших мелких держателей. Отлично осведомленные во всех дипломатических комбинациях и тайнах благодаря своей близости к правительству ²⁾, биржевики безошибочно играли на понижение и повышение курса бумаг.

За 15 лет (1852—1867) французские и иностранные ценности, котировавшиеся на парижской бирже, упали на 7 миллиардов 324 милл. фр. Эта кругленькая сумма в 7 с лишним миллиардов целиком попала в карманы крупных биржевых спекулянтов, искусственно вздувавших ценные бумаги и успевших распродать их до краха 1866 г.

Империя,—говорит К. Маркс,—разорила средний класс в материальном отношении своим расхищением общественного

¹⁾ Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars, T. III. p. 279—280 (4).

²⁾ При Империи все так или иначе причастные к правительству лица находились в теснейшей связи с крупными финансистами и сами играли на бирже.

обогатства, покровительством биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала и вызываемой ею экспроприации значительной части этого среднего класса. Империя политически угнетала его и нравственно возмущала своими сурдинями, она оскорбляла его вольтерьянство ¹⁾, поручая воспитание его детей «невежественным патерам» ²⁾.

Все это толкало среднюю и мелкую буржуазию в непримиримую оппозицию к Империи. Именно из этих слоев составилось ядро тогдашней республиканской партии.

Переходим к крестьянству. Великая революция сделала французского крестьянина полным собственником его земельного участка. Кроме того, значительные слои крестьянства увеличили свое землевладение путем покупки из фонда церковных и эмигрантских земель, наконец, все деревенское население получило известную долю при разделе общинных угодий.

За первую половину XIX в. площадь крестьянского землевладения почти не увеличилась, зато с ростом населения происходило усиленное дробление участков, в результате которого сильно сократился средний размер крестьянского владения. В 40-х и 50-х г. г. число мелких владений росло особенно заметно, тогда как рост средних и крупных значительно отставал. В 1862 году во Франции насчитывалось 2 миллиона собственников, имевших менее одного гектара ³⁾, 2.435.401 владели от 1 до 10 гектаров; итого 4½ миллиона карликовых и мелких хозяйств. Средних хозяйств от 10 до 40 гектаров, было 636.309 и, наконец, крупных—154.167. Процесс измельчания собственности можно иллюстрировать следующими цифрами: в 1826 г. число парцелл ⁴⁾ увеличилось на 128.520, тогда как число собственников — на 56.853.

Дробность владения и его ничтожные размеры сильно затрудняли обработку земли. Большая часть накопленных тяжелым трудом крестьянских сбережений уходила не на улучшение мелкого хозяйства, а на уплату государственных налогов, прикупку земли на расходы по бесконечным и дорогим судебным процессам.

Но больше всего поплошали платежи по займам. Задолженность крестьянского землевладения быстро возросла. Сумма ипотечных займов увеличилась с 11 миллиардов в 1832 г. до 12½ миллиардов в 1840 году. Большая часть займов произво-

¹⁾ Вольтерьянец—последователь Вольтера; в XVIII в. вольтерьянцами называли всех свободомыслящих.

²⁾ Католический священник.

³⁾ Гектар=2.197 кв. саж.

⁴⁾ Парцеллой во Франции назывался определенного размера участок земли, засеянный каким-либо одним злаком; отсюда второе значение этого слова—мелкий земельный участок.

дилась для расплаты за прежде купленные земли. Кредит был дорог: правда, законный рост на заем под недвижимость составлял 6%, но всякого рода издержки по производству операции повышали его до 8—9%. Что касается % по займам под купчие крепости, то таковой не был ограничен никаким законом: в некоторых департаментах ростовщик получал в таких случаях 100 на 100.

В сущности собственность мелкого крестьянина находилась в закладе у банкира, который и являлся настоящим собственником крестьянского участка. Номинальному же владельцу оставалось лишь право изо дня в день трудиться в поте лица для удовлетворения притязаний своего неумолимого кредитора.

Благами кредита могут вообще пользоваться лишь состоятельные собственники, употребляющие занятые суммы на улучшение и расширение производства, а не в виде непроеводительных расходов. «Мелкий же землевладелец,—читаем в одной современной агрономической статье,—занимающий свыше известной минимальной суммы, это—человек разорившийся; облегчить ему условия займа, значит ускорить разрушение его хозяйства».

Вечно нуждаясь в деньгах, крестьянин попадал, сверх того, в лапы ростовщика из местных кулаков или приезжих хлеботорговцев. Пользуясь затруднительным положением земледельца, эти мелкие хищники скупали по дешевке крестьянский хлеб, чтобы потом продавать его втрое дороже.

«Как только жатва убрана,—писал один исследователь,—хлебные торговцы и мельники объезжают деревни. Крестьянин задолжал: его преследуют, ему угрожают отнятием собственности, и вот они являются к нему и заставляют его согласиться на самые невыгодные условия; эти сделки производятся в таких обширных размерах, и обнищавших крестьян так много, что цена на хлеб стоит весьма низко в продолжение 3 или 4 месяцев после жатвы. Затем она поднимается на 2 фр., но эти 2 фр. уже потеряны для производителя, и достаются посреднику, совершенно излишнему».

Подвергаясь двойной эксплуатации со стороны ростовщического и торгового капитала, мелкий крестьянин едва сводил концы с концами. Когда-то общинные земли были важным подспорьем в его хозяйстве, но они в значительной степени исчезли в результате разделов. Четыре неурожайных года—1853—1857—основательно подорвали крестьянское хозяйство, масса мелких собственников обнищала. В январе 1851 г. из 7.845.724 собственников, внесенных в податные списки, 3 милл. не платили личных налогов по официально установленной бедности, а 600 тыс. других вносили в общем не более, как по шесть сантимов. Если, в среднем, с каждого гектара приходилось уплачивать 3 фр. налогов, а эти 600 тыс. собствен-

пиков вносили 36 тыс. фр., то они владели все вместе всего 12 тыс. гектаров, или, в среднем, по 2 ара ¹⁾ на каждого! Беря обе эти категории собственников, получаем 3.600.000 настоящих сельских пролетариев и полупролетариев, не имеющих ничего, кроме убогой хижины.

Не будучи в состоянии прокормиться с своего карликового участка, крестьянин вынужден либо соединять с сельским хозяйством работу на скупщика, либо временно отрываться совсем от деревни, заниматься отхожими промыслами. В департаментах с преобладающей мелкой собственностью издавна была развита домашняя система крупной промышленности. В Оверни и на юге Франции крестьяне-кустари плетут кружева и шьют перчатки; в северо-западных департаментах, соседних с Лионом, ткнут и прядут шерсть и шелк.

Отхожие промыслы были особенно развиты в центральных департаментах, где в продолжение зимы крестьяне работали на стекольных и гипсовых заводах. Жители Луарского бассейна шли в шахты. Из департамента Крèз и Оверни обнищавшие крестьяне уходили в Париж, где работали в качестве каменщиков или грузчиков. Из 287 тыс. жителей Крèз в 1856 г. в отхожих промыслах числилось 50 тыс. Но кустарные и отхожие промыслы редко спасают падающее крестьянское хозяйство. Земля ускользает из рук мелкого производителя.

Мелкое и среднее крестьянство, еще уцелевшее в деревне, цепко держалось за свои клочки. Оно живет в постоянном страхе за свою «собственность», у которой множество врагов в виде сборщиков податей, судебного пристава, таинственного городского банкира, местного кулака-ростовщика, префекта и так далее.

В своей хозяйственной деятельности такой крестьянин—безнадежный сторонник рутины: ко всяким новшествам он чувствует непреодолимое отвращение. Его политический кругозор крайне узок и не распространяется за пределы его округа.

Всецело поглощенный заботами о своем жалком хозяйстве, французский крестьянин еще с конца Великой революции перестал принимать активное участие в политической жизни. Но он привык ждать от города только худого. Едва доносившиеся до деревни отголоски поднимавшегося рабочего движения отражались в голове крестьянина, как попытка грабителей-социалистов отнять у мужика его землю и свести со двора последнюю корову. Поны, помещики и буржуазные газеты, спекулировавшие на крестьянском невежестве, только укрепляли его в этих нелепых предположениях.

Под влиянием смутных воспоминаний о Наполеоне I, который закрепил за крестьянами доставшиеся им во время революции клочки и с помощью крестьянской армии создал

¹⁾ Ар—22 кв. сажени, ¹/₁₀₀ гектара.

ею империю. 10 дек. 1848 г. реакционная деревня голосовала за его племянника Луи Бонапарта, а затем одобрила государственный переворот 2 дек. 1851 г., надеясь, что будущий император вернет крестьянству его былые политическое значение.

Бонапарт, разогнавший *буржуазный* парламент и восстановивший всеобщее избирательное право, сделался в глазах деревни настоящим крестьянским императором. Но крестьян ждало серьезное разочарование.

Вторая Империя покровительствовала как раз тому самому банкиру, который, как вампир, «высасывал у крестьянства кровь и мозг». Империя дала новый толчок к всему капиталистическому развитию в целом, которое осуждает мелкое крестьянское хозяйство на исчезновение или жалкое прозябание.

Она поставила своей задачей защищать буржуазную собственность, власть капитала, все более и более порабощавшего крестьянина. Но этого мало: именно крестьянство должно было в последнем счете оплачивать невероятно разросшийся бюрократический аппарат и многочисленные войны и колониальные авантюры императорского правительства¹⁾, а крестьянская молодежь — нести тяжесть военной службы, от которой буржуазия всегда могла откупиться. Словом, вся внешняя и внутренняя политика Империи велась не в интересах 16-миллионной крестьянской массы, которая рано или поздно должна была развенчать своего героя.

Но не только крестьяне, но и *крупные землевладельцы* оказались пасынками империи; да иначе и быть не могло, раз главной опорой трона был финансовый и крупно-промышленный капитал, интересы которого были несовместимы с покровительством помещику.

Пока промышленники работали, главным образом, на внутренний рынок, они поддерживали землевладельцев в их стремлении затруднить ввоз хлеба из-за границы. Но как только французская буржуазия должна была вступить в борьбу с английской за обладание мировым рынком, она стала требовать по отношению к сельскохозяйственным продуктам свободы торговли. В 1861 г. были уничтожены высокие пошлины на хлеб, установленные в эпоху реставрации; помещики лишились привилегии на получение дани со всего населения в виде 4—6 фр. с каждого продаваемого ими гектолитра²⁾.

Правда, как раз при Второй Империи возникло Общество Поземельного Кредита, которое должно было сосредоточить свои операции на выдаче ссуд под залог недвижимости. Общество получило правительственную субсидию в 15 м. фр. но

¹⁾ Крымская и итальянская войны и мексиканская экспедиция обошлись Франции в 2½ милл.-рда фр.

²⁾ Гектолитр=100 литров. Литр=0,08 русск. ведра или 0,04 четверика.

занялось прежде всего выкачиванием излишних денег из деревни. Чтобы заставить зажиточного крестьянина вынуть золото из заветной кубышки, были пущены в ход все средства. В распоряжение Общества были представлены сборщики податей, получавшие особые комиссионные за успешную пропанду среди крестьян подписки на выпущенные банком акции. Результаты оказались блестящими. Директор О-ва Поземельного Кредита г. Фрема мог с гордостью заявить в 1866 г. в Палате: «Я имею право говорить о том, что такое сбережения нашего народа: мне достаточно-таки приходится иметь с ними дело; они притекают в мои руки в количестве даже большем, чем нужно».

Собранные таким образом капиталы уже не вернулись в деревню: они прежде всего пошли на выдачу ссуд под товары, лежащие на парижских складах, на финансирование разного рода предприятий, затеянных в Египте, или были использованы в спекулятивных целях. «Финансовые учреждения нужны для стягивания в Париже денег, находящихся в провинции, а вовсе не для рассасывания по провинции капиталов, находящихся в Париже», цинично заявил представителю аграриев¹⁾ графу Экстерно министр финансов.

Это было недурным разъяснением того, что понимали биржевики под сельско-хозяйственным кредитом!

В царстве банкиров крупные землевладельцы не могли и мечтать о даровом или только дешевом кредите: вначале Общество Поземельного Кредита должно было довольствоваться при выдаче ссуд 5%; в 1853 г. % был повышен до 5.95, а в 1854 г. всякие ограничения в этом смысле были отменены. Но этого мало: банкиры готовы были предоставить помещикам кредит, но лишь под залог *движимости*, т. е. сельско-хозяйственных продуктов: о помещичьих землях финансисты говорили с презрением, как о «пустырях». но это презрение объясняется тем, что оставались еще в силе законы, затруднявшие переход этих «пустыррей» в руки банковых воротил. Мы готовы открыть вам кредит, заявляют землевладельцам Французский Банк, но под одним непременным условием: мы требуем отмены «нелепых формальностей, которыми обставлена экспроприация поземельной собственности... без этого нет кредита».

В 1856 г. по настоянию аграриев была учреждена особая комиссия для рассмотрения представленного ими проекта организации сельско-хозяйственного кредита. Проект был торжественно похоронен в комиссии.

Крупным землевладельцам удалось выклянчить у Законодательного Корпуса специальную ассигновку в 100 милл. фр. для оказания кредита лицам, приступающим к улучшениям в земледелии. Но дело выдачи ссуд попало в руки того же Обще-

¹⁾ Партия, отстаивающая интересы крупного землевладения.

ства Поземельного Кредита, которое оказалось столь разборчивым, что до падения Империи выдало всего один миллион.

Поистине прав был граф Экстерно, который доказывал свей кните «О привилегированных», что появились новые «привилегированные» — «финансисты и промышленники», потомки же благородного дворянства превратились в учетенных и эксплуатируемых. И нет ничего удивительного, что падение Империи было встречено крупными землевладельцами с нескрываемой радостью.

Глава III.

Пролетариат.—Рабочее движение.

Быстрый рост промышленности означал увеличение городского населения за счет сельского и возрастание класса каменных рабочих. До переписи 1846 года никогда не обнаруживалось уменьшение населения больше, чем в 12 департаментах; к переписи 1851 г. таких департаментов насчитывалось уже 22, а за период 1851—1866 г. сокращение населения было констатировано в 54—58 департаментах.

В 1846 г. на каждые 100 жителей приходилось 75,58 сельского населения, в 1851 г.—74,48, к 1856 г. % сельского населения упал до 72,69, в 1861 г.—до 71,14, в 1872 г.—68,88. Процент городского населения за соответствующие годы составлял: 24,42, 25,5, 27,31, 28,86 и 31,12. Сельское население сократилось и абсолютно: в 1851 г. оно составляло 26.647.711 чел., в 1866 г.—26.474.716 чел.

В то же время население городов возросло на 1.712.000. В 1846 г. было только 4 города с населением более 100.000 жителей, а население этих городов (1.540 тыс.) составляло всего 4,03% всего населения Франции. По данным переписи 1866 г. таких городов было уже 8, с населением 3.126.000 чел., т.е. 8,21% всего населения.

Число городов, имевших свыше 10 тыс. жителей, с 1851 г. поднялось с 164 до 186. С 1851 по 1856 г. оно возросло (абсолютно) на 7,8%, с 1856 г. по 1861 г.—на 9,6%, с 1861 по 1866 г.—на 7,5%. При том быстрее всего росло население наиболее крупных городских центров. Так, с 1836 по 1861 г. население городов, имевших от 10 до 20 тыс. возросло на 42,10%, имевших свыше 20 тыс.—на 60,46%.

Особенно заметно увеличилось население Парижа. Обширные строительные работы, предпринятые при Наполеоне III, усиленный спрос на предметы роскоши, географическое положение Парижа, где скрещивались важнейшие железнодорожные пути,—все это способствовало быстрому росту города и его рабочей армии. В 1851 г. в Париже насчитывалось 1.053.262 жит., в 1866 г.—1.825.274. С 1836 по 1861 г. население

Гавра возросло с 28 тыс. до 75, население Бордо — с 131 тыс. до 194, Марсели — с 198 до 300 тыс., Лиона — с 134 до 323 тыс.

По данным переписи 1866 года, число лиц, живущих доходами от промышленности, определялось в 10.951.091 чел., или 28,8% всего населения Франции, тогда как в 1861 г. эта часть населения страны составляла 27,3%. Из них было занято в промышленности непосредственно 4.715.805 чел., при чем хозяев оказалось 1.661.153, служащих — 115.068, рабочих — 2.938.153 чел.

В промышленных предприятиях Парижа в том же 1866 г. было занято 34.846 служащих и 442.310 рабочих (281.509 мужчин и 160.801 женщин), между тем как в 1860 г. число парижских рабочих составляло 416.811 чел., а в 1847 году — 342.530.

Что касается состава столичного пролетариата, которому суждено было сыграть столь важную роль в 1871 году, то из общего числа 416.811 рабочих, насчитывавшихся в Париже в 1860 году, лишь 42.208 рабочих было занято в общественных предприятиях и у крупных компаний, 71.242 чел. насчитывали в своих рядах строительные рабочие; остальная масса работала в средних и мелких предприятиях. Отсюда следует, что, хотя в стенах Парижа и были сконцентрированы значительные массы рабочих, среди них преобладал *ремесленный* пролетариат, пролетариат же фабрично-заводский составлял лишь 1/3 всего рабочего населения столицы.

Посмотрим теперь, как отразился общий подъем французской промышленности на положении рабочего класса. За время Второй Империи денежная заработная плата значительно возросла. Так, например, в Париже заработок различных категорий строительных рабочих в 1852 г. составлял 3,50—5 фр. в день, в 1862 г. 4,50—6 фр., в начале 1870 г. 5—6 фр. Рабочие каменноугольных копей получали: в 1852 г. 2,04 фр. в день, в 1862 г. 2,55, в 1870 г. — 3,04 фр. На металлургических заводах в Кресо средняя заработная плата возросла за период с 1851 по 1866 г. с 2,56 фр. до 3,46, т.е. на 35%.

Это увеличение номинальной заработной платы нельзя, однако, считать какой-то счастливой привилегией французского рабочего: за тот же период годовой заработок бельгийских углекопов поднялся в среднем с 665 фр. (1850) до 889 фр. (1865 г.), т.е. на 25%; более, чем на 25% увеличилась заработная плата и строительных рабочих в Англии.

С другой стороны, в период от 1847 по 1870 г., а особенно с 1850 по 1866 г., сильно вздорожали все предметы потребления. Так, цена гектолитра пшеницы поднялась с 17,23 фр. (в 1852 году) до 23,24 — в 1862 г.; цены же на мясо в уездных городах поднялись на 25%; съестные припасы в Париже вздорожали на 55%.

Еще значительнее было повышение цен на квартиры в крупных городах, а особенно в Париже, где с 1835 по 1863 г.

небольшие квартиры, в которых преимущественно селились рабочие, вздорожали на 70%. Средний расход парижского рабочего на квартиру в 1844—1853 г.г. составлял 120 фр. (в год), в промежутке между 1854 и 1863 г.—170, в 1864—1873 г.г.—220.

В общем можно считать, что в то время, как заработная плата рабочего поднялась в годы Империи от 10 до 40%, предметы обрабатывающей промышленности вздорожали на 15%, продукты сельского хозяйства—на 67%, квартирная плата поднялась на 70%.

У отдельных категорий рабочих несоответствие между повышением денежной заработной платы и ростом дороговизны было еще значительнее: так, в 1856 г. официальные статистики полагали, что заработная плата строительных рабочих увеличилась всего на 18%, тогда как цены на предметы первой необходимости поднялись на 45%.

Все эти данные приводят нас к тому неоспоримому выводу, что, несмотря на блестящее состояние промышленности, увеличилась лишь денежная заработная плата, реальная же понизилась, что означало абсолютное ухудшение положения рабочего класса.

К такому же выводу приходят и доклады, привезенные делегатами парижских рабочих на Лондонскую выставку 1862 г. «За последние двенадцать лет,— читаем, напр., в докладе делегата от типографов,—цены на квартиры и на съестные припасы возросли, по крайней мере, на 50%, тогда как моя заработная плата вряд ли увеличилась и на 9—10%, так что в итоге получилось уменьшение благосостояния на 40%».

Длина рабочего дня продолжала регулироваться законом 1848 г., ограничившим рабочий день 12 часами.

По данным анкеты, произведенной Торговой Палатой в 1860 г., в 7.000 парижских предприятиях продолжительность рабочего дня была менее 12 часов, в 37 тыс. заведениях она превышала 12 час. (считая в том числе двухчасовой перерыв на завтрак и обед), в 20 тыс. остальных продолжительность рабочего времени не была установлена.

Широкое применение машин, упрощавшее трудовые процессы, повело к усиленному применению женского и детского труда на фабриках. В 1868 году в одних только предприятиях, имевших механические двигатели и занимавших не менее 20 рабочих, насчитывалось 99.212 чел. детей и подростков; из них 5.015 в возрасте от 8 до 10 лет, 17.471 в возрасте от 10 до 12 лет и 76.736—от 12 до 16 лет.

Фабричного законодательства, ограничивавшего эксплуатацию женского и детского труда, почти не существовало. Закон 1841 года, воспрещавший принимать на фабрику детей моложе 8-ми лет и ограничивавший их рабочий день 12-ю часами, оставался мертвой буквой: никаких органов контроля, в виде фабричной инспекции, которая следила бы за его соблюдением, не

существовало¹⁾. Чрезмерная эксплуатация и низкая заработная плата вели к вырождению рабочего класса и росту проституции. Семья пролетария быстро разрушалась. «Сознаюсь.—писал по этому поводу Ж. Симон²⁾,—что действительность превзошла мои самые мрачные опасения».

На фабриках и заводах рабочие были подчинены самому суровому режиму. Хозяева чувствовали себя неограниченными владыками и издавали строгие правила внутреннего распорядка, которые особенно остро чувствовались вчерашними «независимыми» хозяевами-кустарями, превратившимися теперь в пролетариев. Штрафы и вычеты устанавливались за самые ничтожные проступки против заводской дисциплины. В одном фабричном регламенте (Дюшен³⁾) насчитал 29 случаев наложения штрафа, который колебался от 10 сантимов до размера дневного заработка. В одном из своих сочинений Прудон возмущается распорядками, установленными для железнодорожных рабочих. Он же приводит пример, когда одна работница была оштрафована на 10 фр. только за то, что, вопреки правилам, пришла на фабрику в деревянных башмаках.

За соблюдением регламента следили мастера, набравшиеся обычно из сверхсрочных солдат, или монахи. В некоторых мастерских на 100 рабочих насчитывалось 17 надзирателей.

Всюду царил атмосфера шпионажа. «В мастерских полиция организована точно так же, как и в городах. Всякое доверие и общение между рабочими исчезло, так как даже стены имеют уши»,—писал Прудон.

Бесправное положение рабочих усугублялось еще тем, что в случае недоразумений с выдачей заработной платы закон отдавал рабочего на полный произвол предпринимателя. Еще со времен Наполеона I существовала знаменитая ст. 1781 Гражданского кодекса, которая гласила: «Хозяину должно верить относительно выдачи заработной платы за истекший год и относительно сумм, выданных в счет текущего года».

Развитие крупного производства не только означает численный рост пролетариата, скопление рабочих масс в промышленных центрах, но и способствует пробуждению у него классового сознания. Несмотря на июньскую бойню 48 г. и белый террор, наступивший после государственного переворота 2 декабря, в рабочем классе упорно держался мятежный дух; вопреки видимому спокойствию, в крупных предприятиях чувствовался все возрастающий антагонизм между рабочими и хозяевами.

Это настроение среди рабочих не ускользнуло от внимания наблюдательных современников. «Следует признать.—говорит

¹⁾ В этом отношении Франция далеко отстала от Англии, где рабочий день женщин и подростков, занятых в текстильной промышленности, еще в 1847 году был ограничен 10 часами.

²⁾ Ж. Симон—публицист из республиканского лагеря.

³⁾ Дюшен—один из учеников Прудона.

прокурор парижского апелляционного суда в 1855 г., — что вражда бедняка к богатым, глубоко укоренившаяся среди рабочего класса благодаря революции 48 г., и поддерживающие эту вражду учения в достаточной мере объясняют то обстоятельство, что из среды рабочего класса каждый раз выходят все новые и новые заговорщики, злоумышляющие против императорского правительства». К такому же выводу приходит и Одиган в своей книге «Рабочее население Франции». «Наружное спокойствие, — читаем здесь, — повидимому, не основано на серьезном возобновлении доверия. В большинстве случаев можно было бы сказать, что здесь налицо перед нами не только два класса, но даже... две нации. В мастерских господствует полное повиновение, да иначе и быть не может; но за стенами *фабрики* незаметно никакого влияния — с одной стороны, и никакой почтительности — с другой. А в некоторых местах слова «нас эксплуатируют» до сих пор остаются молчаливым символом веры для многих озлобленных людей». Одиган подчеркивает, что отмечаемые им явления особенно типичны для крупных и притом недавно основных предприятий.

Классовые противоречия особенно остро чувствовались в таких крупных промышленных центрах, как Лион, где никогда не забывалось кровавое подавление пролетарского восстания 1831 г. Констатируя в 1852 г. наступившее успокоение, местный прокурор пишет: «Неизгладимое последствие этого возбуждения (революции 48 г. *Н. Л.*) выражается в том, что рабочее население чувствует себя связанным *классовыми интересами*».

В Париже, где преобладала мелкая промышленность, между рабочими и предпринимателями сохранились патриархальные отношения, чему в немалой степени содействовали бытовые условия старого Парижа, когда рабочие и буржуа жили по соседству, занимая квартиры лишь в разных этажах одних и тех же домов. Один старый рабочий с грустью вспоминал в 1874 г. «об этих гостеприимных домах, где еще несколько лет тому назад смешивались богатые с бедными, где жильцы различных этажей, как бы по чувству молчаливо признающей солидарности, помогали друг другу; где разорение коммерсанта, жившего в нижнем этаже, вызывало во всем доме всеобщее сочувствие, где благотворительность немедленно являлась на помощь в случае какого-нибудь несчастья, постигавшего обитателей мансарды»¹⁾.

Основательная перестройка Парижа, предпринятая при Второй Империи, беспощадно разрушила эту трогательную идилию: она повела к выселению рабочих на окраины, тогда как буржуазия с комфортом расположилась во вновь отстроенных домах и роскошных отелях. Между рабочими и его хозяином легла новая пропасть.

¹⁾ Мансарда — небольшое жилое помещение на чердаке.

Рост классового самосознания среди парижских рабочих выражался в повышении чувства собственного достоинства, в сознании обособленности пролетариата в буржуазном обществе, в страстном стремлении к самообразованию.

«До 1862 г. всеобщее даровое светское начальное обучение, дополненное профессиональным образованием, было одним из коренных и наиболее настойчиво повторяемых требований рабочих»¹⁾.

Парижским рабочим принадлежала инициатива открытия в городе первых районных библиотек. Возникали рабочие кружки для изучения истории, политической экономии, социальных систем и естественных наук. В интеллигентных пролетарских кружках большой успех имело еженедельное популярное издание «Рабочий Пантеон», специально приспособленное для обслуживания культурных потребностей рабочего класса.

Тяжелые условия труда, нужда и нищета, естественно, толкали пролетариат на борьбу за улучшение своего правового и экономического положения. Но здесь перед ним стояли почти непреодолимые препятствия. У рабочих не было своих газет, которые защищали бы их интересы, не было права собраний, союзов и стачек.

Знаменитые ст. 414—416 Уголовного кодекса запрещали всякую коалицию рабочих в целях «одновременного и насильственного прекращения работ», а также какие-либо меры воздействия в виде бойкота и т. п. на нежелающих бастовать поварами или неуступчивого хозяина и администрацию предприятия.

Правда, закон одновременно воспрещал и «коалицию работодателей» в целях понижения заработной платы. Но в то время, как коалиция рабочих считалась преступной всегда, коалиция предпринимателей только в том случае, если она устраивалась в целях «несправедливого и произвольного» сокращения заработной платы. С другой стороны, за нарушение закона о коалициях, хозяину грозило тюремное заключение от 6 дней до одного месяца или штраф от 200 до 3000 фр., тогда как рабочий наказывался тюремным заключением от одного до трех месяцев, «зачинщики» же и «подстрекатели» рисковали получить от двух до пяти лет²⁾.

Государственный переворот 2 декабря 1851 года сопровождался разгромом рабочих организаций, еще уцелевших после июньского поражения пролетариата в 48 г. Были закрыты не только профессиональные союзы, возникшие после революции 48 г., но и большая часть потребительских и производственных рабочих товариществ, как напоминающих о социализме; другие, охваченные паникой, сами спешили ликвидировать свои

¹⁾ Ж. Вейль. «История социального движения во Франции», 45.

²⁾ Histoire Socialiste. Т. VI, p. 233.

дела. Даже общества взаимопомощи не всегда щадились властями. В Лионе генерал Кастелян закрыл все рабочие общества.

Но правительство Наполеона III прекрасно понимало, что наступившее «успокоение» могло быть лишь временным, и глеющие искры народного возмущения всегда грозили разгореться пожаром. Об этом напоминали тревожные сообщения прокуроров, отмечавших то там, то сям признаки недовольства. Массовое участие на дополнительных выборах 57 и 58 г. рабочих, голосовавших за республиканцев, подтвердило опасения правительства.

Бонапартизм всегда держится на неустойчивом равновесии классов, и всякое изменение в соотношении общественных сил может оказаться для него губительным. Буржуазия отказалась от политической свободы при условии, что Империя гарантирует общество от новых революционных потрясений. Оживление рабочего движения могло внушить общественным верхам мысль о непригодности их «приказчика», не сумевшего обеспечить спокойное обладание собственностью. Гарантировать рабочим массам известную устойчивость существования и некоторый жизненный минимум, и таким образом примирить их с существующим общественным и политическим порядком — такова одна из главных забот, которые ставил себе император, любивший повторять слова Наполеона I: «Я больше боюсь восстания голодных, чем битвы с 200 тыс. войска».

Для уменьшения числа таких «голодных» правительством были предприняты обширные работы по перестройке и украшению Парижа. Сооружение центрального рынка, новых церквей, достройка Лувра, разбивка новых парков, проведение сети газовых, канализационных и водопроводных труб и т. д. — все это давало заработок десяткам тысяч рабочих, со всех сторон тянувшихся в столицу. По идее императора префектом Османом были проложены широкие проспекты, связавшие центр города со всеми вокзалами, для чего пришлось снести немало узких и извилистых улочек, столь удобных для постройки баррикад.

Подобные же работы были предприняты в ряде провинциальных городов. В Марсели закончили стройку многочисленных доков, соорудили собор; в Гавре расширили новый порт и проложили широкие бульвары, много новых зданий было возведено в Лионе и Лилле.

С другой стороны, симпатии рабочих надеялись купить чисто филантропическими мерами. Из перешедших в казну капиталов Орлеанского дома¹⁾ ассигнуется 10 миллионов на улучшение рабочих жилищ; в годы неурожаев и кризисов организуются правительственные подлинки в пользу «бедных»;

¹⁾ Последним королем из этой династии был Людовик-Филипп, низвергнутый революцией 1848 г.

основывается сиротский дом имени наследного принца, а сама императрица становится во главе родовспомогательных заведений; выдаются, наконец, казенные субсидии фабрикантам, открывшим при своих предприятиях «богоугодные» заведения.

В то же время императорское правительство подчинило рабочие массы бдительному надзору и опеке полиции и хозяев. Декрет 22 июня 1854 года снова вводил обязательные рабочие книжки, что облегчало полицейский надзор за рабочими¹⁾. За год перед тем делегаты от рабочих были введены наряду с представителями от хозяев в так называемые «Советы добросовестных», игравших роль третейских судов при разборе конфликтов, возникавших между трудом и капиталом. Председатели этих советов назначались императором.

Рабочие общества взаимопомощи, основанные под покровительством местного мэра и священника, ставились в особо привилегированное положение. Декрет 1852 года предоставлял в распоряжение таких, одобренных свыше, организаций 10 миллионов из фонда Орлеанского дома, бесплатное помещение и тому подобное. Но эти общества не имели права выдавать пособия своим безработным членам; во-вторых, в целях сближения между «богатыми» и «бедными», они обязывались допускать в свои ряды хозяев в качестве почетных членов. Привилегированные «рабочие» общества должны были внести раскол в пролетарскую среду и продемонстрировать трогательный союз труда, капитала, власти и религии.

В роли посредника между императором и рабочими выступил принц Наполеон. Его агент, некто Леви, проповедывал необходимость социальных реформ, осуществляемых плавкой государством в союзе с рабочим классом.

Эта французская зубатовщина до известной степени достигла своей цели: некоторые группы рабочих серьезно поверили в искренность императорского рабочелюбия и стали ожидать от правительства защиты интересов пролетариата. Среди рабочих-бонапартистов были подлинные агенты империи вроде жесъяника Шабо или Базэна, получивших потом даже орден Почетного Легиона. Рабочие-бонапартисты устраивали общества взаимопомощи с казенной субсидией и пользовались известной свободой устного и печатного слова. Статьи их вожаков любезно печатались на столбцах официальных органов. Из тех же бонапартистских кругов вышли так называемые «рабочие брошюры», авторы которых с жаром доказывали возможность сближения между империей и пролетариатом, если Наполеон III уничтожит знаменитую ст. 1781 гражданского и 414—416 ст. уголовного уложения, если рабочим будет предо-

¹⁾ В рабочих книжках должно было точно отмечаться время поступления в предприятие и ухода рабочего от хозяина.

ставлено право коалиции, возможность получать даровое и светское образование.

«Пусть наши братья-рабочие,—писал Шабо,—присоединятся к нам, чтобы совместно выразить наши пожелания и осведомить о наших нуждах государя, которого, конечно, напрасно обвиняют в нежелании сделать все необходимые уступки в пользу рабочего класса... Наш голос должен дойти до императора». Другой автор «рабочей брошюры» верит, что монарх положит предел безграничной эксплуатации трудящихся буржуазией.

Но среди передовых рабочих имелось и другое течение, находившееся под идейным влиянием Прудона¹⁾ и в то же время весьма близкое английскому трэд-юнионизму 50—60-х годов XIX в. В отличие от бонапартистов, прудонисты принципиально отрицали всякое вмешательство государственной власти в отношения между трудом и капиталом, но, повторяя тактику английских трэд-юнионистов, они были непрочь практически использовать одну из борющихся сторон; в данном случае—принять содействие правительства с тем, чтобы при изменившихся условиях тотчас же бросить своего союзника.

Когда в 1862 году правительство решило послать рабочую делегацию на предстоящую всемирную выставку в Лондоне, прудонисты, самой крупной фигурой среди которых был рабочий-чеканщик Толэн, согласились принять участие в кампании по выборам делегатов, если вся организационная сторона дела будет передана самим рабочим.

Несмотря на то, что среди большинства парижских рабочих наблюдалось глубокое недоверие ко всему, что исходило от императорского правительства, в выборах приняло участие до 200.000 человек, назначивших 200 делегатов, среди которых были как бонапартисты, так и прудонисты. Делегаты составили доклады, которые позволяют судить о характере требований, разделявшихся тогда большинством сознательных пролетариев Парижа.

В качестве таких требований фигурировали: 1) отмена законов против коалиций, 2) организация смешанных комиссий из хозяев и рабочих («синдикальных камер») для улаживания конфликтов, 3) свобода корпоративных обществ, соответствующих английским трэд-юнионам, 4) установление 10-часового рабочего дня²⁾.

Сожительство прудонистов с бонапартистами не могло, однако, быть продолжительным: первые склонялись теперь к более решительному образу действий, вторые продолжали ожидать всех благ от его величества. Окончательный раскол произошел по вопросу о так называемых рабочих кандидатурах.

¹⁾ Подробнее о прудонизме смотри ниже.

²⁾ Должен ли 10-часовой рабочий день быть введен законодательным порядком—об этом открыто не говорится.

На законодательных выборах 1863 г. группа Толэна впервые решилась выставить наряду с республиканским чистый рабочий список. Идея рабочих кандидатур встретила резкий протест со стороны буржуазных республиканцев и потерпела неудачу, чему в немалой степени содействовали бонапартисты. Шабо умышленно выставил свою кандидатуру, чтобы сорвать кандидатуру Толэна, а в день выборов отказался от своей, внося дезорганизацию в ряды рабочих-избирателей.

В связи с полемикой, разгоревшейся по вопросу о рабочих кандидатурах, группа Толэна выпустила так называемый «Манифест 60-ти». Этот любопытный документ, носящий преимущественно черты прудонизма, характерен для идеологии этой группы, и на нем стоит остановиться.

Главная цель авторов «Манифеста» — доказать законность и необходимость рабочих кандидатур. Буржуазные газетчики возмущались уже одними разговорами о рабочих, как какой-то особой группе граждан, имеющих специфические интересы. Авторы «Манифеста» доказывают, что люди, «не обладающие иной собственностью, кроме своих рук», осужденные на социальное бесправие, существующее несмотря на наличие политических прав, бесспорно, составляют особый класс общества, который нуждается в специальном представительстве своих интересов. Рабочие должны иметь своих депутатов, подобно тому, как промышленники, купцы и землевладельцы фактически представлены в Законодательном Корпусе. Рабочий класс не может доверить представительства своих интересов буржуазным республиканцам, ибо «рабочие не хотят быть людьми благотворимыми, а требуют равенства».

Подобно английским трэд-юнионистам, авторы «Манифеста» наивно полагали, что социальное равенство будет достигнуто, если рабочие будут пользоваться теми же правами, которые имеют капиталисты: свободе промышленности должна соответствовать «свобода труда», под которой разумеется свобода союзов, стачек, право на представительство в парламенте, право на получение образования и т. д.

Но, выдвигая идею рабочих кандидатур, «Манифест» отнюдь не проповедует классовой борьбы; наоборот, в нем проводится мысль о необходимости мирного сотрудничества с буржуазией. Хозяева не должны опасаться, что свобода коалиций непременно поведет к учащению стачек. Без содействия рабочего класса, говорится в «Манифесте», буржуазия не создаст ничего прочного, а *«без ее содействия наше освобождение может затянуться на долгое время».*

Не следует, однако, думать, что под *«освобождением»* рабочего класса здесь разумеется переход от капитализма к социализму: разрешить проблему пауперизма¹⁾, уничтожить про-

¹⁾ Нищета широких слоев населения.

летариат, эту «язву современного общества», можно лишь постепенно, путем основания кредитных и производительных товариществ.

Ни бонапартисты, ни группа Толэна, в сущности, не имели за собой пролетарских масс. Огромное большинство рабочих держалось республиканских убеждений и осуждало какие бы то ни было компромиссы с империей. С идеей республики в головах рабочих старшего поколения, свято хранивших революционные традиции 1848 г., неизменно связывалось отрицание существующего общественного строя. Но каков должен быть новый общественный строй, что такое эта «демократическая и социальная республика» — об этом имелись самые смутные представления.

Чем больше пролетариат оправляется от разгрома июньских дней, тем определеннее заявляет он о своих республиканских чувствах. Во Франции не существовало тогда рабочей партии, которая вписала бы требование республики в свою программу, а потому республикански настроенные рабочие круги, аккуратно являясь на выборы, подавали свои голоса за представителей буржуазной оппозиции.

К тому же, несмотря на успехи промышленности и филантропическую политику императора, экономическое положение масс все ухудшалось. Многие из тех рабочих, которые соблазнились было перспективами полицейского социализма, теперь разочаровались в империи. Падение популярности Наполеона III в значительной степени содействовала его безучастная политика по отношению к польскому восстанию 1863 г., между тем как рабочие хотели активного вмешательства Франции для защиты Польши от царских палачей.

В крупных городах выборы 1863 г. дали большинство республиканской партии, за кандидатов которой толосовало большинство рабочих, отвергнувших как тактику бойкота, так и идею рабочих кандидатур. Своим успехом в Париже республиканская партия была целиком обязана дружной поддержке рабочих.

Встревоженное результатами выборов, правительство пыталось отколоть рабочих от республиканской буржуазии и восстановить свою популярность в пролетарских кругах. С этой целью 25 мая 1864 года оно провело через Законодательный Корпус отмену закона против коалиций, вопреки протестам со стороны крупных промышленников. Знаменитые ст. 414—416 уголовного уложения были изменены в том смысле, что стачка вообще не считалась теперь преступлением, но тем рабочим, которые станут прибегать к угрозам или насилиям, чтобы заставить товарищей прекратить работу, с целью добиться повышения заработной платы, — закон грозил тюремным заключением от 6 дней до 3 лет и штрафом от 16 до 3000 франков.

Как видим, закон 1864 г. далеко не означал свободы стачек: ведь всякую сколько-нибудь энергичную агитацию за забастовку при желании всегда можно подвести под понятие «угрозы» или «насилия». Но все же это была первая брешь, пробитая французским пролетариатом в буржуазном законодательстве, лишившем рабочих права стачек и союзов еще со времени Великой революции¹⁾.

Вслед за изданием закона 25 мая стачечное движение усилилось, рабочие требовали, главным образом, повышения заработной платы, ввиду все возрастающей дороговизны, и 10-часового дня.

Большинство забастовок оканчивалось, однако, поражением рабочих. Дело в том, что, разрешая стачки, закон 1864 г. оставлял под запретом право собраний и союзов; между тем успешное проведение стачки как раз предполагает предварительную подготовку ее: организацию стачечников, обстоятельное обсуждение требований, выяснение шансов на успех и т. д. Лишенные этих возможностей, рабочие часто объявляли стачку недостаточно обдуманно; а если они пытались проводить ее организованным путем, вожаки попадали под суд за участие в недозволенной «ассоциации». Благодаря неорганизованности рабочих, забастовки 1864—1865 г. г. носили бурный характер, это давало судам удобный предлог карать стачечников и на основании нового закона. С 25 мая 1864 г. по 1 января 1866 г. исправительными судами было заслушано 96 дел о «нарушении свободы труда»; из 209 обвиняемых 147 были приговорены к тюремному заключению на срок менее года, 26—к штрафу, 36—оправдано.

Считая закон 25 мая 1864 года лишь полупобедой, рабочие все настойчивее требуют права организации в рабочие синдикальные камеры, т. е. в боевые профессиональные союзы, а пока что стремятся использовать для борьбы с предпринимателями наполеоновские общества взаимопомощи, сберегательные товарищества или даже советы добросовестных. «Всякая более или менее подготовленная стачка того времени, говорит Тома, была делом обществ взаимопомощи»²⁾.

Неустойчивая политика правительства, фактически вынужденного терпеть рабочие союзы, только придавала смелости нарушителям закона. Наиболее проникательные представители власти уже тогда сознавали, что заигрывание правительства с пролетариатом приводит совсем не к тем результатам, которых ожидал император, что даже самые плохонькие организации оказываются в руках пролетариата опасным оружием, которое может быть направлено и против буржуазии и против самой империи.

¹⁾ Первым законом, запрещавшим профессиональные общества и стачки, был так называемый закон Шампелье (14 июня 1791 г.).

²⁾ История Второй Империи, 182.

Вот что писал, например, лионский прокурор, пересылая министру внутренних дел прошение лионских фабрикантов, жаловавшихся, что рабочая часть совета добросовестных и разные неофициальные собрания вмешиваются в фабричные распорядки. «Я знаю, что общества взаимопомощи составляют любимое детище правительства... Принято думать, что можно избавиться от тайных сообществ путем основания разрешенных обществ, и приятно было бы надеяться, что можно создать громадную ассоциацию, преданную правительству. К сожалению, рабочие принимают предлагаемое им оружие, но имеют в виду им воспользоваться по своему усмотрению, а пользуются они им в интересах своих злокозненных стремлений». И это естественно: «рабочим свойственна вражда ко всякому превосходству и ко всякому правительству... им не хватает только *организации*; и вот мнимые общества взаимопомощи дают им эту организацию».

Но не везде, разумеется, можно было придать таким обществам характер профессиональных, или, как выражаются французы, синдикальных организаций. В рабочем движении наступило несомненное оживление, и отсутствие боевых союзов чувствовалось все острее. Даже рабочие-бонапартисты, чтобы не отстать от требований масс, вынуждены были принять участие в агитации за свободу союзов.

Между тем республиканская партия пыталась всячески отвлечь внимание рабочих от создания боевых профессиональных организаций в сторону основания обществ самообразования и всякого рода кооперативов.

Кооперативное движение, действительно, начало оживать: с 1851 года по 1863 г. было основано только 8 новых обществ, а с июня 1863 г. по декабрь того же года возникло сразу 15. Особой популярностью пользовались народные общества с дешевым кредитом; в парижских предместьях насчитывалось до 35 таких обществ.

Кооперативное движение, в котором господствующие классы, очевидно, усматривали лишь невинную затею, отвлекающую рабочих от политической и экономической борьбы, одно время встречало поддержку со стороны всех партий, начиная от самых правых и кончая самыми решительными республиканцами. Прошел даже специальный закон (24/VII—67 г.), введший для кооперативов явочный порядок открытия вместо разрешительного. Сам император поспешил пожертвовать 500 тыс. фр. только что открытому народному банку, носившему громкое название «Кредит труду».

Но эта подачка не могла уже сбить с толку рабочих и укрепить положение Империи. Не помогло и повпорение затеи 1862 года: вновь избранные парижским пролетариатом делегаты образовали что-то вроде рабочего парламента, где сразу же обнаружился раскол между бонапартистами и сторонниками полной

независимости рабочих организаций от Империи. С другой стороны, сами рабочие массы не проявляли никакого интереса к происходившим в этом собрании прениям: оно должно было умереть естественной смертью. Наполеоновская зубатовщина доживала свои последние дни.

Правительство еще раз пытается привлечь пролетариат на свою сторону путем новых уступок: оно отменяет ненавистную 1781 ст. гражданского уложения и обещает допустить свободное существование рабочих синдикальных палат (профессиональных союзов) наряду с предпринимательскими (1868). В результате та полсотня союзов, которая существовала до тех пор нелегально, открыто заявила теперь о своем существовании. Рабочий класс получил теперь право союзов, но обострение стачечной борьбы в конце 60-х годов привело к новым столкновениям с правительством и должно было убедить рабочих, что все свободы остаются пустым звуком, пока существует Империя.

Стачки второй половины 60-х годов проходили при деятельной поддержке их со стороны новой международной организации, в которую вошли и передовые французские рабочие. Этой организацией был Первый Интернационал. С развитием капитализма растут и экономические связи между отдельными странами, создается мировой рынок. Всякого рода хозяйственные потрясения, происходящие в одной стране, немедленно сказываются и на других странах. Экономическое и политическое утешение трудящихся в одной стране отражается на положении пролетариата всех других стран. Столкновения, происходящие между капиталистами разных наций, не мешают международной буржуазии выступать солидарно против рабочих.

Все это вскрывает перед пролетариями необходимость сплочения их сил в международном масштабе. События начала 60-х годов дали последний толчок к такому сплочению. Гражданская война, разгоревшаяся в Соединенных Штатах, повела к прекращению вывоза хлопка в Европу, что повлекло за собою кризис в хлопчатобумажной промышленности, особенно тяжело отозвавшийся на английском пролетариате. В ответ на оборонительные стачки рабочих английские фабриканты грозили ввозом швейцарских хлопков с материка. Расстроить эти планы буржуазии можно было только путем установления братского союза между английскими и континентальными рабочими. С другой стороны, французские промышленники пытались понизить заработную плату, ссылаясь на разорительность английской конкуренции, облегченной торговым договором 1860 г. Стесненные в своей экономической борьбе законами императорского правительства, французские рабочие надеялись предотвратить падение заработной платы путем соглашения с английскими товарищами.

Поездка французских рабочих на Лондонскую выставку 1862 г. облегчила установление связей между английским и французским пролетариатом. 28 сентября 1864 года в Лондоне, на митинге в Сен-Мартинс-Холле, устроенном в знак сочувствия Польше, истекавшей кровью под ударами царских палачей, было положено основание Международному Товариществу Рабочих.

Душой и мозгом новой организации был, как известно, К. Маркс, вынужденный после разгрома революции 1848 г. переселиться в Англию. Перу Маркса принадлежал первый манифест и устав Интернационала. В этом документе Маркс стремится изложить свои воззрения в приемлемой для тогдашнего уровня рабочего движения форме. Стоя на точке зрения научного социализма, Маркс выяснял значение фабричного законодательства и кооперативного движения в борьбе рабочего класса за его экономическое освобождение, которое может совершиться лишь после завоевания пролетариатом политической власти. Соотношение между политической борьбой рабочего класса и его конечной целью—экономическим освобождением—в уставе Интернационала было сформулировано следующим образом: «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство». Наконец, целью Международного Общества Рабочих объявлялось установление связей и взаимной поддержки между рабочими всех стран для успешности классовой борьбы пролетариата.

Но выраженные в Манифесте марксистские идеи разделялись первое время лишь весьма немногими членами Интернационала, главным образом, немцами.

Французская группа Интернационала состояла из правых последователей Прудона. Прудонисты игнорировали те средства освобождения, которые даются пролетариату самим крупно-капиталистическим производством. Положить конец капиталистической эксплуатации они думали не переходом всех средств производства в собственность всего общества, а организацией экономических отношений на началах «взаимности».

Полное равенство, справедливый обмен услугами должны господствовать не только между мелкими производителями, но и между капиталистами и рабочими¹⁾. Чтобы избавить рабочего от необходимости предлагать свои услуги капиталисту, должны быть созданы банки с даровым кредитом: такие банки могли бы, по мнению прудонистов, не только оказывать кредит мелким самостоятельным производителям, но и снабжать их всем необходимым соответственно стоимости произведенных ими продуктов, иначе говоря, могли бы организовать безденежный обмен.

¹⁾ Вся система Прудона, построенная на теории „взаимности услуг“ называется мю т ю э л и з м о м (от французского слова мю т ю э л, что значит взаимный).

Таким образом прудонисты думали разрешить социальный вопрос в рамках самой капиталистической системы, не нарушая права частной собственности. В сущности они не были социалистами, ибо их общественный идеал сводился к мирному превращению наемных рабочих в самостоятельных производителей, в мелких хозяйчиков. Но такое превращение для огромного большинства пролетариев было безнадежной утопией, а предлагаемые прудонистами средства освобождения рабочего класса—в виде народных бабков, производительных товариществ и т. п.—только отвлекали пролетариат от единственно правильного пути к социализму—от классовой борьбы.

Прудонизм опирался на мелко-буржуазную психологию полусамостоятельных мастеров, эксплуатируемых крупным капиталом—с одной стороны, и квалифицированного, ремесленного пролетариата, еще не потерявшего надежды выбраться в ряды самостоятельных хозяев,—с другой. Если прудонизм пользовался во Франции большим успехом, то именно потому, что здесь, несмотря на успехи крупной машинной промышленности, все еще сохранилось множество мелких предприятий ремесленного типа.

Это преобладание мелкой промышленности, изготовлявшей преимущественно предметы роскоши, а не продукты массового потребления, особенно бросалось в глаза в Париже. Немудрено, что эксплуататор-капиталист представлялся парижским пролетариям и полупролетариям преимущественно в образе «товарища или скушника, сбывающего на рынке «продукты труда» мелкого ремесленника, а не в виде крупного предпринимателя, покупающего и эксплуатирующего рабочую силу. Отсюда—успех прудонизма среди французских рабочих, особенно среди парижского ремесленного пролетариата, представители которого, как наиболее культурные элементы рабочего класса, первые примкнули к Интернационалу.

Но и французские прудонисты не могли витать исключительно в области своих мелко-буржуазных утопий: окружавшая их капиталистическая действительность требовала ответа на целый ряд весьма жизненных для пролетариата вопросов. Прудонисты вынуждены были определить свое отношение к стачкам, союзам, законодательному ограничению рабочего времени, к привлечению женщин к фабричному труду, политической борьбе и т. д.

Прудонисты отрицали стачки, которые, по их мнению, только усиливают безработицу и нарушают «свободу труда и договаривающихся сторон».

Вместо организации стачек прудонисты рекомендовали (на первом Женевском конгрессе Интернационала) устройство производительных кооперативов, что больше соответствовало настроениям рабочей аристократии ремесленного типа. На том же конгрессе они выступили против установления в законодатель-

ном порядке 8-часового рабочего дня, исходя из принципа невмешательства государства в отношения между хозяевами и рабочими,—принципа, столь милого сердцам тогдашних буржуазных экономистов.

Самый Интернационал прудонисты мечтали превратить «во всемирное кооперативное общество с переменным капиталом и ежемесячными одинаковыми вкладами, задачей которого будет находить работу своим членам, оказывать им кредит, основывать повсюду магазины, интернациональные конторы для продажи их продуктов и ссужать кооперативные общества средствами»¹⁾.

Большинство прудонистов было против бесплатного государственного образования: по их мнению, образование должно было иметь семейный характер, а так как образование детей—дело матери, то недопустимо, чтобы женщина работала на фабрике: вообще удел женщины—семья, незамужняя женщина—ненормальное явление. Парижская группа решила даже не допускать женщин-работниц в свою организацию, мотивировав свое постановление следующими глубокомысленными соображениями: «место женщины у домашнего очага, а не на форуме²⁾; природа сделала ее кормилицей и хозяйкой, не будем же отвлекать ее от этих общественных функций... мужчине—труд и изучение человеческих проблем; женщине—заботы о детях и украшение жилища работника».

Такое решение вопроса свидетельствует о полнейшем непонимании прудонистами положения женщины в капиталистическом обществе, а в конечном счете объясняется боязнью конкуренции женского труда среди квалифицированных рабочих.

Надеясь разрешить социальный вопрос в рамках капиталистического общества путем основания народных банков, кооперативов и т. п., прудонисты, естественно, считали ненужным завоевание политической власти пролетариатом, а потому отрицали необходимость политической борьбы, или считали ее чем-то второстепенным, несущественным, не стоящим ни в какой связи с борьбой пролетариата за свое экономическое освобождение.

В оправдание своего равнодушного отношения к политике прудонисты ссылались на пункт устава Интернационала, где говорилось о политической борьбе, пытаясь истолковать его, как простое подчинение политической борьбы экономическим задачам рабочего класса, под которыми прудонисты разумели, конечно, свои чудодейственные мютюэлистские средства. Такое истолкование облегчалось тем, что во французском переводе было опущено слово «как средство»³⁾.

¹⁾ Стеклов, I, 44.

²⁾ Форумом в древнем Риме называлась площадь, где происходили народные собрания.

³⁾ В поллиннике соответствующее место гласило: „Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство“.

Это отвращение прудонистов к политике отчасти объясняется равнодушием к ней рабочих масс, наблюдавшимся в первое десятилетие Империи.

«Во Франции,—говорит В. Засулич,—подъем общественного настроения обнаруживается сперва в среде буржуазии, в особенности революционной.. Но рабочие массы остаются к нему равнодушны. В их среде движение возобновляется с воспоминаниями о том, как отплатила рабочим июньскими днями созданная ими республика,—возобновляется с глубоким недоверием к революционерам из буржуазной среды, к заговорщикам, к «политикам» и даже к самой политике, неразрывно связанной в умах рабочих со следованием за той или другой фракцией радикальной буржуазии. Идея самостоятельной, отдельной от буржуазии политики рабочего класса еще незнакома во Франции»⁴⁾.

Но, помимо разочарования в буржуазной республике, в этом аполитизме рабочих, несомненно, сказывалось и временное бессилие пролетариата, еще не оправившегося от ран, полученных им в 48 году.

Опасаясь, как бы Интернационал не был увлечен на путь политической борьбы, прудонисты на первом же международном конгрессе настояли на недопущении в организацию лиц, не занимающихся физическим трудом. Это враждебное отношение к интеллигенции объяснялось еще и тем, что среди бланкистов, настаивавших на необходимости политической борьбы и обвинявших Толэна и его товарищей в прикосновенности к правительству за их политическое безразличие, преобладала как раз революционная интеллигенция.

Впрочем, в вопросе о политической борьбе прудонисты были непоследовательны. Выше мы видели, что еще на дополнительных выборах 1863 г. прудонистская группа во главе с Толэном выдвинула вопрос о рабочих кандидатурах, что в сущности означало переход к политической борьбе, хотя бы и в духе тогдашних английских трэд-юнионистов. Полицейский режим Империи толкал прудонистов против их воли на этот путь.

Прудонисты не скрывали своего отрицательного отношения к коммунизму. В записке, составленной ими к Женевскому конгрессу Интернационала (1866 г.) между прочим говорилось: «Ассоциация допустима лишь в форме *кооперации*, которая, не нивелируя индивидуальных особенностей (как это делает ассоциация или *государственный коммунизм*)... объединяет людей, возбуждая их силу и личную инициативу». Особенно отрицательно относились прудонисты к уничтожению частной собственности на землю, в чем сказывалась мелко-буржуазная сущность прудонизма. По мнению Толэна, высказанному им

⁴⁾ В. Засулич, 248—249.

на брюссельском конгрессе 1868 г., социализация земли недопустима, так как она отдала бы личность в рабство государства.

В первые годы существования Интернационала прудонисты имели в нем решительный перевес над сторонниками коллективизма¹⁾. Прудонисты задают тон на Женевском конгрессе (1866 г.); на Лозаннском (1867 г.) они провели резолюцию о желательности организации дарового кредита; в прудонистском смысле были решены и вопросы о женском труде и народном образовании, но в вопросе международной политики прудонисты потерпели поражение: Лозаннский конгресс решил послать делегатов на Женевский конгресс Лиги Мира²⁾, несмотря на возражения прудонистов, боявшихся, как огня, всякой политики.

В истории французских секций Интернационала следует различать два периода: период безраздельного господства правоверного прудонизма и период упадка и разложения прудонизма и его вытеснения коллективистическими течениями. Первый период охватывает время от основания Международного Общества Рабочих в 1864 г. до двух первых процессов парижского Интернационала (весна 1868 г.).

Первая группа возникла совершенно легально в Париже; ее организаторами были: Толэн, Фрибур и Лимузен. Ее бюро приютилось в убогой квартире на улице Гравилье. Группа собиралась регулярно по четвергам, занимаясь мирным изучением Прудона, составлением сложных проектов взаимного кредита, взаимного страхования, на случай рождения детей и т. д. Эти проекты предполагалось внести на ближайший международный конгресс Интернационала, в котором прудонисты видели не активную организацию международного пролетариата, а мирное ученое общество по обследованию рабочего вопроса и разработке прудонистских рецептов его разрешения.

В первые годы существования Интернационала его успехи во Франции были весьма скромны. В Париже за 7 первых месяцев к организации удалось привлечь не более 500 членов. На первом (Женевском) конгрессе от Франции было 17 делегатов, представлявших всего 4 секции или группы³⁾; к Лозаннскому (1867 г.) число секций по всей стране увеличилось с 17 до 26. В Париже секция насчитывала теперь 600 чел. По уставу Интер-

1) Последние далеко не все были марксистами: идеи коллективизма разделяли, как увидим, и бланкисты, а также бакунисты.

2) Съезд буржуазных сторонников мира. Посылка Интернационалом делегатов на съезд свидетельствует о том, что Международное Общество Рабочих еще разделяло иллюзию о возможности борьбы пролетариата за мир совместно с *буржуазной демократией*.

3) Фактически секций было больше: кроме Парижа, они имелись в таких крупных центрах, как Лион, Марсель, Бордо, Сен-Этьен, Лимож, Руан и т. д.

национала, основные ячейки (секции) каждой страны могли объединяться в национальном масштабе, избрав национальный *федеральный совет*; кроме того, допускались и областные федерации секций с *областными советами* во главе.

Во Франции, в период господства прудонистов, в организации Интернационала не сложилось ни национальной, ни областных федераций; отдельные секции непосредственно сносились с находившимся в Лондоне Генеральным Советом.

Причины слабости прудонистского Интернационала во Франции очевидны. Их следует искать не столько в полицейских преследованиях, которые дали о себе знать тотчас же после Женевского конгресса, в отсутствии свободы печати, собраний и союзов, — сколько в характере Общества и направлении его деятельности. Жалкое крохоборство, которым занимались прудонисты, не могло привлечь к Интернационалу внимания широких рабочих масс, уже вышедших из состояния апатии и переходивших в наступление как против своих хозяев, так и против Империи. Закрывая глаза на повседневную борьбу рабочего класса, отрицая полезность стачек и не интересуясь профессиональными союзами, прудонисты отталкивали от Интернационала многих энергичных рабочих. Работы международных конгрессов, где, несмотря на прудонистское засилье, всегда сказывалось влияние научного социализма, не вносили ничего нового в практику французских секций. К тому же многие рабочие-республиканцы упорно не доверяли новой организации в виду ее легального существования и воздержания от политической борьбы; ходили слухи, ни на чем, впрочем, не основанные, о симпатии членов Интернационала к бонапартовской империи. В сущности, прудонисты превратились в секту, которая только тормозила дальнейшее развитие рабочего движения во Франции.

Чтобы очистить себя от подозрений в бонапартизме и дать доказательство своего республиканизма, французские интернационалисты должны были занять враждебную империи позицию. Принятие лозаннским конгрессом резолюции о необходимости борьбы за политическую свободу, участие парижской группы в двух республиканских демонстрациях — на могиле венецианского революционера Манина 2/XI—1867 г. и (через день) по поводу занятия Рима императорскими войсками, оказавшими пале защиту против итальянских патриотов¹⁾, наконец, установление Интернационалом связи с буржуазной Лигой Мира, ставившей борьбу с императорским режимом во Франции во главу угла своей деятельности, — все это обратило на Интернационал благосклонное внимание императорской полиции.

¹⁾ Так назывались тогда сторонники объединения Италии.

В конце декабря 1867 г. в помещении бюро парижской секции был произведен обыск, а ее исполнительная комиссия в лице Толэна, Камелины, Элигона, Шемалэ и др. привлечена к судебному следствию. В марте 1868 г. 15 человек было приговорено судом к штрафу (по 100 фр.) за участие в неразрешенном сообществе, а парижское бюро объявлено распущенным.

Еще до суда секция поспешила избрать новую комиссию, в которую вошло несколько левых прудонистов, уже тяготевших к коммунизму; среди них особенно выдавались рабочий переплетчик Варлен и красильщик Малон. Новые руководители вскоре открыли подписку в пользу строительных рабочих Жешевы, объявивших всеобщую стачку. Уже в мае 68 г. этой второй комиссии в числе 9 человек пришлось предстать перед судом, который приговорил их к трем месяцам тюрьмы; второе парижское бюро было закрыто.

Эти два процесса привели к полному разгрому парижской организации, остались лишь отдельные члены; вновь вступающим в Международное Общество приходилось получать свои членские карты непосредственно от Генерального Совета. Но и в других городах секции Интернационала временно сходят на нет; на Брюссельском конгрессе 1868 г. Толэн заявил, что во Франции организация погибла.

Глава IV.

От прудонизма к коллективизму.

Разгром парижской группы как раз совпал с началом массового революционного движения, знаменовавшего близость конца Империи. Теперь в развитии французских секций Интернационала начинается новая полоса. Правительственные преследования усилили интерес к нему со стороны рабочих масс и увеличили число его сторонников. «Движение начало принимать широкий, массовый характер. Синдикальные камеры, различные ремесленные организации и кооперативные общества Парижа, раньше почти не интересовавшиеся Интернационалом, берут теперь дело в свои руки и, не присоединяясь формально к его организации, начинают действовать заодно с ним, а в сентябре (1868 г.) посылают представителей на его конгресс в Брюссель»¹⁾.

Увлечение кооперативами ослабевает, чему в немалой степени содействовал последовавший в 1868 г. крах народного банка «Кредит Труд». Переходя на рельсы политической борьбы, рабочее движение выдвигает на смену правоверным

¹⁾ Засулич, Сб. статей, 294.

прудонистам новых идеологов и вождей. Это были, с одной стороны, бланкисты¹⁾, с другой—левые прудонисты, которые переработали свои взгляды в сторону коллективизма и революционной тактики преимущественно под влиянием Бакунина.

Говоря о Бланки, обычно вспоминают фигуру неутомимого революционера, руководителя тайных обществ, организатора восстаний и в то же время «вечного узника» реакционных правительств. Но Бланки был и теоретиком, хотя и мало оригинальным.

Бланки был определенным сторонником коммунизма, в котором видел единственное средство против социального неравенства и анархии производства, господствующих в капиталистическом обществе.

В противоположность прудонистам, он относится отрицательно к кооперации, которая, по его мнению, лишь усыпляет революционный дух пролетариата и приучает рабочих к мысли о возможности серьезного улучшения их положения без революции, а потому является ловким орудием в руках буржуазии, обеспечивая ей спокойное существование.

Особенно резко Бланки расходился с прудонистами по вопросу о политической борьбе. Прудонисты мыслили себе переход к новому общественному строю путем мирного и постепенного вращивания в капиталистическое общество, и потому стояли на точке зрения сотрудничества классов. Бланки, напротив, полагал, что осуществление коммунизма возможно лишь путем вооруженной борьбы и *захвата власти* у буржуазии. В этом пункте Бланки возвращается к идеям революционного коммуниста эпохи Великой французской революции—Бабефа.

Бланки связывал социальный переворот с политическим: в 60-х годах он считал низвержение Империи неизбежным предварительным условием коренной перестройки капиталистического общества.

Восстание должно быть подготовлено в тайных кружках. В назначенный день небольшая, сплоченная группа рабочих и революционеров должна захватить власть в столице, что даст ей возможность господствовать—с помощью строго централистических приемов управления—над всей страной: достаточно иметь в своих руках Париж, чтобы вся Франция пошла за ним.

Практически это означало диктатуру парижского пролетариата над остальной Францией. Бланки полагал, что в период революционной диктатуры инициативное меньшинство не может предоставлять господствующим классам права голоса, свободы слова, печати и собраний. «Никакой свободы вра-

¹⁾ Последователи известного революционера Бланки (1805—1881).

гам,—говорил он.—Голосует лишь тот, кто с оружием в руках отстаивает завоевания революции».

В эпоху революции буржуазия и ее идеологи, затемнявшие и отравлявшие в течение десятилетий сознание масс, должны смолкнуть. Зато, стоя уже у власти, революционное меньшинство должно немедленно вслед за переворотом дать в руки народа просвещение. «В образовании—все», без него невозможно осуществление коммунизма, который для Бланки является вопросом не экономики, а прежде всего—просвещения и морали. Коммунизм станет неизбежен, как только массы получат знания, ибо образованный человек никогда не потерпит, чтобы его эксплуатировали, и буржуазное общество, церковь и монархия держатся лишь народным невежеством. «Писать историю значит рассказать роль сознания и мысли в жизни народов».

Здесь атеист и материалист Бланки целиком разделяет идеалистическую точку зрения французских материалистов XVIII века, согласно которой идеи правят миром; он далек от материалистического понимания истории, которое учит, что формы общества определяются состоянием производительных сил и видоизменяются в зависимости от развития последних.

Идеалистическое понимание истории приводило к тому, что Бланки считал возможным захват власти пролетариатом в любой момент, на всякой стадии развития буржуазного общества. Для Маркса же коммунистическая революция была немыслима без предварительной школы классовой борьбы, в процессе которой пролетариат организуется, как класс.

В связи с этим необходимо отметить различие между Бланки и Марксом и в понимании той диктатуры, которая должна существовать в переходный период. Маркс мыслил себе диктатуру пролетариата, как захват власти его авангардом — коммунистической партией, опирающейся на массовое рабочее движение, на организованный рабочий класс, *активно* поддерживающий коммунистов. У Бланки диктатуру осуществляет группа энергичных революционеров, в сущности не связанных с рабочим движением: рабочие массы остаются пассивными как до переворота, так и после него; они лишь сочувствуют революционному меньшинству. В эпоху диктатуры эти массы усиленно просвещаются, но Бланки нигде не говорит об организации и активной роли пролетариата в строительстве нового общества.

Этот заговорщицкий характер учения Бланки и переоценка роли инициативного меньшинства вполне соответствует тому огромному значению, которое он придавал интеллигенции, что, в свою очередь, стоит в теснейшей связи с идеалистическим пониманием истории. Бланки считал интеллигенцию лучшим элементом буржуазного общества и, подобно нашим народникам, верил в ее прирожденную склонность к социа-

лизму, в ее внеклассовый характер. С точки зрения Бланки, именно революционная интеллигенция является застрельщиком рабочего движения, без ее участия обреченного на неудачу. Массы, это—толпа, которую ведут «герои»¹⁾. «Народнический характер учения Бланки сказывается и в его некритическом употреблении таких понятий, как, «народ», «трудящиеся», которые часто покрывают у него «пролетариат».

Бланки был горячим сторонником политической борьбы, и это выгодно отличало его от прудобистов. Но для Бланки политическая борьба мыслилась единственно в форме заговора, восстания и захвата власти. Низвержение наполеоновской империи должно было непременно сопровождаться устранением от власти и буржуазии. Марксистское представление о политической борьбе, которая ведется сначала за демократизацию политического строя, а потом—за власть, оставалась чуждым созданию Бланки.

Центр тяжести учения Бланки—вооруженный захват власти и диктатура. Убеденный коммунист, он в то же время мало интересовался теми конкретными мероприятиями, с помощью которых захватившая власть революционная партия осуществит коммунистический идеал. Для Бланки не существуют те сложнейшие вопросы производства и распределения, на которые неизбежно должны натолкнуться строители коммунистического общества. Правда, он едко высмеивает тех «сектантов», которые думают «с места в карьер строить здание, из которого был бы изгнан капитал», когда, в сущности, нет ни «плана», ни «материалов», «ни всех составных частей этого драгоценного здания». Но все эти трудности подчеркиваются, в сущности, для того, чтобы доказать, что социальную революцию можно «делать» без всякого плана дальнейшего экономического строительства: коммунизм «должен ждать своего осуществления от свободных решений» просвещенной революционерами страны.

Насколько Бланки решителен в вопросах организации революционной власти, настолько же он робок в области тех экономических реформ, которые должны быть проведены вслед за социальным переворотом. В этом отношении программа Бланки стоит далеко позади соответствующих мероприятий, намеченных Марксом еще в «Коммунистическом Манифесте».

Бланки не предлагал ничего, что сколько-нибудь серьезно затрагивало бы буржуазную собственность.

Несмотря на существенные расхождения с Марксом, по своим воззрениям Бланки ближе к основоположнику научного социализма, чем представители других французских социалистических школ. Бланки решительно порвал с тем

¹⁾ См. Горев. Оч. Бланки, стр. 92.

мирным социализмом и коммунизмом, который преобладал во Франции в течение нескольких десятков лет после Великой революции¹⁾). Коммунизм Бланки революционен, как и коммунизм Маркса. Вполне в духе Маркса, хотя под иным влиянием, создалась у Бланки идея революционной диктатуры, принципиально несовместимой с парламентаризмом и так называемыми свободами, оставляющими в руках буржуазии оружие для борьбы с революционным пролетариатом.

Бланки считал, что в 1848 году со стороны революционеров было величайшей наивностью провозгласить полную свободу всех мнений, классов и партий. «Больше этой глупости не повторится: в тот день, когда вынут клык изо рта трудящихся, он будет вложен в рот капитала!»²⁾). Бланкизм выражал настроения и стремления беднейшей, непристроившейся в буржуазном обществе интеллигенции и верхушек рабочего класса в ту эпоху, когда рабочее движение едва зарождалось, и массы пролетариата еще не принимали активного участия в политической и экономической борьбе.

Нелегальные кружки рабочих-бланкистов существовали во Франции еще до революции 48 года. Бланкистские симпатии были сильны среди части парижских рабочих и в эпоху Империи. Но вся энергия бланкистов была направлена на организацию нелегального общества революционеров, которое не могло быть связано с широкими массами. Ядро бланкистской партии составляла тогда революционная интеллигенция, особенно учащаяся молодежь. Среди ближайших последователей Бланки можно отметить: Тридона, Жакляра, Моро, студента-медика Лафарга. Эта революционная молодежь, отрицая всякие соглашения с парламентарийской оппозицией, не хотела идти ни за «чистыми» республиканцами³⁾, желавшими лишь наложить заплату на 48 год; она мечтала о союзе с рабочими и о революции, сопровождаемой социальным переворотом.

Как и у самого Бланки, среди его молодых учеников наблюдалось преклонение перед якобинской республикой 1793 года и ее героями. Будущий член Коммуны Тридон реабилитировал гебертистов, как самое крайнее течение в якобинстве; идеалом других были Марат или Фукье-Тэнвиль, которым увлекался другой будущий коммунарь—Рауль Риго.

Старые бланкисты-эмигранты, жившие в Англии, с самого начала вошли в Интернационал, надеясь сделать его орудием заговора против правительства Наполеона III, но были отодви-

¹⁾ Сен-Симон, Фурье, Каба, Пьер-Леру, Луи Блан отрицали насильственные, революционные методы борьбы за новый общественный идеал.

²⁾ *La Critique Sociale*, I, 208.

³⁾ Так называли представителей мелко-буржуазной демократии, уцелевших от времен 2-й республики. Они же „якобинцы“.

нуты на задний план прудонистами, теснее связанными с передовыми группами рабочих во Франции. Позже к Интернационалу примкнула и часть бланкистски настроенной учащейся молодежи.

Именно бланкисты ожесточенно нападали на парижскую секцию Интернационала за ее равнодушие к политике и обвиняли ее вожakov в прислужничестве бонапартизму и измене делу революции. Между бланкистами и прудонистами шли ожесточенные споры по вопросу о взаимоотношении политической и экономической борьбы, напоминая полемику между русскими революционными социал-демократами — «искровцами» и так называемыми «экономистами», как известно, тоже отрицавшими необходимость политической агитации среди рабочих масс. Оба течения заняли по отношению друг к другу резко враждебную позицию.

Но с оживлением рабочего и революционного движения среди части рабочих-прудонистов произошел сдвиг в сторону коллективизма и признания необходимости борьбы за низвержение империи в целях социальной революции. На этой почве стало возможным некоторое сближение между левыми прудонистами и бланкистами. Этому сближению в немалой степени могло совместное тюремное заключение.

После второго процесса Интернационала (май 68 г.) Варлен и его товарищи попали в тюрьму Сент-Пелажи, где встретились с заключенными там же за заговор бланкистами. «При ежедневных сношениях, — говорит В. Засулчич, — взаимная враждебность между молодыми рабочими и их керабочими товарищами по заключению быстро сгладилась». Вполне естественно, что искавшие новых путей левые прудонисты должны были испытать известное влияние со стороны бланкистов, как представителей того течения, которое было одновременно и революционным и социалистическим. Это не значит, однако, что Варлен и другие члены Интернационала вышли из Сент-Пелажи бланкистами: прудонистская закваска была слишком сильна, и, перестраивая свои теории, левые прудонисты пришли, как увидим, не к бланкизму, а к бакунизму.

Как бы то ни было, мютюэлизм заметно отеснялся революционным социализмом и коммунизмом. На больших митингах, происходивших в Париже летом и осенью 68 г., наряду с правоверными прудонистами выступали бланкисты Жакляр и Моро, бакунист Гайар-старший, коллективист Мильер и др., которые пользовались большим успехом у рабочей аудитории.

Подводя итоги этой митинговой кампании, Малон писал Ришару: «Народные собрания в Париже все время играли революционизирующую роль. Вначале проникнутые духом буржуазных экономистов, затем окрашенные мютюэлизмом, еше

позже неопределенным социализмом,—они все более и более приобретают окраску революционного коммунизма¹⁾.

Решительный удар старому прудонизму был нанесен Брюссельским конгрессом Интернационала, происходившим в сентябре 68 г. На этом конгрессе коллективисты одержали первую серьезную победу, проведя, вопреки возражениям прудонистов, резолюцию о коллективной собственности не только на копи, рудники и средства сообщения, но и на *землю*²⁾. Впервые Интернационал, как целое, открыто объявил коммунизм своим общественным идеалом. «Не имея непосредственного практического значения, — говорит Засулич, — вопрос о поземельной собственности приобрел, однако, огромное идейное значение, и, главным образом, для той французской части Интернационала, в которой и требования борьбы, и обмен мнений в среде Общества распатали уже безусловную веру в авторитет Прудона и разрушили ту цельность программы, которая замчалась до некоторой степени у мюлюэлистов группы Толэна».

Действительно, в рядах французской делегации наблюдался полный развал: при голосовании резолюции в пользу установления общественной собственности на землю, четверо французов голосовало за резолюцию вместе с большинством Конгресса, один—против, остальные члены французской группы воздержались³⁾. Сидевшие в тюрьме левые прудонисты, члены 2-й парижской Комиссии Интернационала, радостно приветствовали резолюцию конгресса.

Влияние мюлюэлизма все же сказалось на Брюссельском конгрессе: правоверным прудонистам удалось в последний раз протащить свою резолюцию о меновых банках, предназначенных для «демократизации кредита» и «освобождения труда от господства капитала». Но характерно, что Толэн и его единомышленники кое в чем и сами сошли теперь со старых позиций: так, они должны были признать неизбежность стачек в капиталистическом обществе, а во время дебатов по земельному вопросу договорились даже до допустимости (!) обобществления машин и вообще средств производства в индустрии. При обсуждении вопроса об образовании уже никто из французских делегатов не защищал «семейного» образования, а в докладе, руководимых Варленом парижских переплетчиков, прямо выдвигалось требование дарового, государственного и обязательного образования.

¹⁾ Здесь Мален разумеет под революционным коммунизмом бакунизм, который правильнее называть коллективизмом во избежание смешения с марксизмом.

²⁾ За резолюцию голосовали, главным образом, бельгийцы, англичане и немцы.

³⁾ На следующем, Базельском конгрессе, где вопрос о земельной собственности был поставлен снова, из 26 французских делегатов за желательность немедленного обобществления земельной собственности голосовали 11, против 7, воздержались 8.

Брюссельский конгресс воочию показал, что среди части нрудонистов, которые не отказывались прислушиваться к голосу живой действительности, назревал целый идейный переворот. После этого конгресса правоверные прудонисты теряют всякое влияние на организации Интернационала во Франции и превращаются лишь в злостных критиков того нового, что безжалостно разрушало их мелко-буржуазные утопии. Место Толэна и его друзей занимают частью прудонисты левого толка (Варлен, Малон, Обри, А. Ришар), частью бланкисты. На Базельском конгрессе (69 г.) среди французской делегации правоверных мютюэлистов почти не было; отвергнутому парижскими рабочими союзами Толэну пришлось удовольствоваться мандатом, полученным от марсельских булочников.

Но поражение мютюэлизма вовсе не означало торжества идей научного коммунизма во Франции. В самом Интернационале марксисты были в ничтожном меньшинстве, и коллективистическое большинство, одержавшее верх над прудонистами, составилось из марксистов, бланкистов, левых прудонистов и бакунистов. В самой Франции сторонников Маркса не было тогда совсем.

Бакунизм¹⁾, выступавший таким образом вначале союзником марксизма, а вскоре сделавшийся самым опасным его врагом, вырос на почве таких экономически отсталых стран, как Италия, Испания и Швейцария. Не индустриальный пролетариат, а бунтарски настроенные элементы крестьянства, ремесленные подмастерья и кустари, уже потерявшие надежду добиться экономической самостоятельности, наконец люмпен-пролетариат²⁾ и выходцы из интеллигенции, не сумевшие устроиться в буржуазном обществе,—таковы те общественные слои, на которые опирался бакунизм, и психология которых отразилась на его учении.

Бакунисты требовали перехода земли и орудий труда в общественную собственность, но, чтобы отмежеваться от коммунистов-государственников³⁾, называли себя коллективистами⁴⁾. Подобно прудонистам, бакунисты хотели разрешить социальный вопрос помимо государства: участие пролетариата в политической борьбе, в частности в избирательных кампаниях, им отвергалось, как и всякое политическое действие. «не имеющее непосредственной и прямой целью торжество рабочего дела над капиталом». Отвергалась и борьба за фабричное

1) Бакунизм получил свое название от имени русского революционера Михаила Бакунина. Будучи принят в Интернационал еще в 1864 г., Бакунин выступает в нем активно с 68 г., когда в состав Интернационала были приняты на правах секций группы основанного Бакуниным „Международного Союза Социальной Демократии“ или „Альянса“.

2) Нищенский пролетариат, босяки.

3) Так называли тогда марксистов и бланкистов.

4) Термин коллективизм был введен в употребление Бакуниным.

законодательство, якобы только усиливающее существующий строй. «Не прибегая к государству, рабочие должны прямо улаживать свои дела». Тем более пролетариат не может стремиться к завоеванию политической власти, хотя бы и в целях своего экономического освобождения.

Но прудонисты были мирными реформаторами-утопистами, бакунисты — революционерами-бунтарями; первые относились к государству пассивно, вторые хотели разрушить это государство до основания и видели в этом свою главную задачу.

Это уничтожение государства рисовалось Бакунину в форме отмены права наследства, провозглашения общего банкротства, разрушения всех государственных и церковных учреждений.

Маркс говорил рабочим: «Вы должны 15, 20, 50 лет вести междоусобные и международные войны не только для того, чтобы изменить внешние условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству». Бакунин считал ненужным сколько-нибудь длительное систематическое воспитание пролетариата, подготовляющее его к новой роли — хозяина общества, и, подобно бланкистам, верил в непосредственную близость социалистического переворота.

Бедь страдающие от современного режима составляют большинство, народ; а народ — революционер по инстинкту, по натуре; его идеал — уничтожение государства и всякой эксплуатации; для того, чтобы начать свою разрушительную работу, он нуждается лишь в инициативном примере. «Социальная ликвидация» и произойдет в результате непрерывных бунтов, вначале разрозненных, потом выливающихся во всеобщее восстание. Но бунтари не создадут никакой государственной власти, они обойдутся без законов и декретов: новая организация будет совершенствоваться сама собой и строиться с низу вверх посредством вольных союзов.

Во Франции влияние Бакунина было невелико, но к нему все же примкнуло несколько левых прудонистов, соответственным образом перестроивших свои теории. При внутреннем средстве бакунизма и прудонизма¹⁾ такое приспособление не требовало особых усилий. Левые прудонисты, в противоположность правоверным мютюэлистам, были коллективисты и хотели разрешать социальный вопрос не мирными, а революционными средствами. Но и те и другие были против использования государственной власти пролетариатом.

Со времени Брюссельского конгресса левые прудонисты принялись за восстановление во Франции организаций Интернационала. Вышедшие из тюрьмы Варлен и Малон повели социалистическую агитацию в Париже; в Лионе действовал

¹⁾ Бакунин сам называл свое учение „анархической системой Прудона, расширенной, развитой нами (т.-е. Бакуниным) и освобожденной от всего метафизического, идеалистического и доктринерского убранства“.

Альбер Ришар, в Руане — Обри, в Марсели — Бастелика. Социально политические условия, сложившиеся в 68—70 г. г., в высшей степени благоприятствовали росту политических и экономических организаций: то были годы небывалого оживления стачечного движения и нарастания революционной волны.

Интернационалисты прекрасно использовали в агитационных целях куцый закон о собраниях (6 июля 68 г.), изданный правительством в виде новой либеральной уступки. На тысячных митингах, происходивших летом 68 г. во всех концах Парижа и собиравших, главным образом, рабочую аудиторию, социальный вопрос был поставлен во всей своей широте. Сочувствие слушателей, проявивших огромный интерес к прениям, было всецело на стороне социалистов, выступавших как против буржуазных профессоров, защищавших право частной собственности, так и против правозверных мютюзелистов. «В настоящее время,— писал Молинари ¹⁾.—мы не можем питать более никаких иллюзий насчет убеждений и стремлений, господствующих в массах. Из 10 рабочих, интересующихся чем-нибудь, кроме еды и питья, девять уже социалисты, или готовые сделаться ими».

Глава V.

Накануне революции.

«Годы 1866—68 особенно изобиловали как в Англии, так и на континенте забастовками рабочих и локаутами со стороны капиталистов»,—говорит Эйхгоф ²⁾. «Общей причиной этого явления были кризис 1866 года и его результаты. Кризис парализовал спекуляцию. Крупные предприятия остановились, а часть предпринимателей, которые при изменившихся условиях денежного рынка не в состоянии были выполнить своих финансовых обязательств, заключенных в эпоху, когда волны спекуляции достигли апогея, даже обанкротилась. Наступил... застой во всех делах».

Не находившее себе применения в торговле и промышленности золото скоплялось в банках в огромном количестве. Эта «забастовка миллиарда», как ее называли, иллюстрируется следующими цифрами: учетные операции Французского Банка, составлявшие в 1866 г. 6 миллиардов 556 милл. фр., сократились в 67 г. до 5,7 миллиардов, зато кассовая наличность достигла к концу 67 г. колоссальной суммы 1.000.919.000 фр.

Застой в делах сопровождался падением товарных цен, за исключением цен на съестные припасы, которые, наоборот, вздо-

¹⁾ Молинари. „Социалистическое движение и народные собрания до 4 сентября“.

²⁾ Цитирую по „Интернационалу“ Стеклова, I, стр. 61—62.

рожали, особенно хлеб, что объясняется неурожаем 1866—1867 г.г.

Положение рабочего класса резко ухудшилось: промышленный кризис привел к сокращению рабочих дней и падению заработной платы, которая далеко отстала от роста цен на предметы питания.

Французские рабочие, если они не хотели обречь себя на голодовку, должны были начать ряд оборонительных стачек. Забастовочное движение с особой силой проявилось в 68—69 г. г. Из забастовок 1868 г. отметим стачку текстилей в Руане и рабочих по мрамору.—в Париже. Последние вышли из борьбы победителями благодаря тому, что бастовали очередями. В январе 69 г. бросили работу текстили в Эльбёфе, их поддержали денежными посылками английские трэд-юнионисты. В Лионе бастовали сучильщицы шелка. В Париже 4½ месяца продолжалась стачка рабочих кожевников, привлекавшая к себе внимание всего парижского пролетариата. Несмотря на значительную денежную помощь со стороны парижских профессиональных союзов (рабочих синдикальных камер), кожевники вынуждены были капитулировать. В том же Париже ткачи канвы бастовали более десяти недель, рабочие, изготовившие малярные кисти,—7 недель.

Стачки этого года в большинстве случаев кончались поражением рабочих, что объясняется как слабостью рабочих организаций, так и неуступчивостью хозяев, начинавших в свою очередь объединяться в национальный союз предпринимателей и охотно закрывавших свои фабрики в виду «тихих дел». Но неудачи не обескураживали, а только еще больше революционизировали рабочих. Современники отмечали, что забастовочное движение 68—69 г. г. отличалось по сравнению со стачками 66—67 г. г. весьма бурным и затяжным характером. «Стачки, снова стачки, и еще стачки. Конец теоретическим исследованиям, и всему, что на них похоже»... с ужасом восклицает Фрибур, говоря о событиях 1870 г.

Начавшись на чисто экономической почве, некоторые стачки принимали политический характер. Такова была, например, стачка шахтеров, охватившая в 1869 г. весь Луарский бассейн, во время которой императорские войска дважды стреляли по рабочим: в июле—на Кентенском руднике в Рикомари и в октябре—в Обэне; в первом случае 13 стачечников было убито, двое—ранено, во втором—среди демонстрантов убитых оказалось 14, раненых 20. Особенно сильное впечатление произвела стачка в Крезе на крупнейшем металлургическом заводе, принадлежавшем самому председателю Законодательного Корпуса Шнейдеру.

Забастовка возникла в начале 70 г. из-за увольнения администрацией рабочего-интернационалиста Асси, которому его то-

варианты поручили реорганизовать заводскую кассу пособий, находившуюся прежде в руках хозяина. С объявлением стачки правительство немедленно прислало на завод 4 тысячи солдат. Скоро рабочим пришлось сдаться. Все «защитники», члены стачечного комитета и вообще «подозрительные», в том числе Асси, были уволены с завода. В марте стачка повторилась, вызванная на этот раз понижением расценок; рабочие снова потерпели поражение.

Расстрелы стачечников в Рикомари и Обане, вызов войск в Крезе убедительно показывали, что пора заигрывания правительства с пролетариатом миновала, что наполеоновские солдаты и полиция — всегда к услугам капиталистов. Впрочем пролетарии давно уже разочаровались в «рабочелюбии» императора, политика которого всегда была двойственной, менявшейся в зависимости от обстоятельств: прайник чередовался с плешкой; наряду со всякого рода податками и признанием за рабочим права союзов происходили судебные преследования Интернационала, запрещались съезды рабочих кооперативов, основанных не под покровительством императора или императрицы.

Еще в 1866 г., при всем своем нерасположении к стачкам, парижские прудонисты должны были поддержать забастовавших парижских бронзовщиков, которым Генеральный Совет и английские трэд-юнионисты оказали значительную материальную помощь. Теперь, когда во Франции действовали левые прудонисты, Интернационал принимал деятельное участие во всех стачках, хотя и не вызывал их, как это хотела представить императорская прокуратура, относившая на счет Интернационала все неприятные для правительства события.

Содействие Интернационала стачечникам выражалось не столько в материальной, сколько в моральной (выпуск воззваний к рабочим, посылка к бастующим доверенных лиц и т. п.) поддержке, но популярность организации среди рабочих неуклонно возрастала. «Всякая стачка, — говорит буржуазный историк Интернационала Тестю, — приводит ли она к победе или поражению, неизбежно кончается присоединением всех участвовавших в ней рабочих к Интернационалу».

В этот период к Интернационалу, действительно, присоединялись отдельные фабрики, рабочие кооперативы, синдикальные камеры, иногда целые профессии. «Среди рабочих мастеровских, — говорит Фрибур, — предложение о вступлении в ассоциацию делалось и получалось согласие на него так же просто, как предлагался и принимался стакан вина». Как происходили массовые присоединения к Международному Обществу, — видно из показаний обвиняемых по третьему процессу Интернационала. «Во время стачки плавильщиков железа, — говорил подсудимый Бастен, — на одном собрании один из наших друзей сказал нам: «Мы состоим в обществе сопротивле-

ния, но нам следует сделать еще одну вещь: это вступить в Интернационал». Этот приятель дал нам прочесть уставы. Мы признали, что они хороши, и что нет препятствий для нашего вступления. При подаче голосов мы, в числе 1.200 человек, вступили в Интернационал». Случай, рассказанный Бастеном, был типичный. Но с такою же легкостью целые союзы, сами часто весьма непрочные, незаметно и отпадали от Международного Общества Рабочих.

Эти массовые вступления обеспечивали ему известное влияние на массы, но не могли создать из него настоящей правильной организации: не существовало даже регулярных членских взносов.

Очень трудно, поэтому, определить, хотя бы приблизительно, те силы, которыми Интернационал действительно располагал во Франции. По показаниям Мутона и Фрибура перед следственной комиссией, организованной позже для выяснения событий мартовской революции, число членов Интернационала в Париже составляло 70 тыс., а во всей Франции—200 тыс. На третьем процессе парижской организации прокурор говорил даже о 433.785 членах. Все эти цифры надо признать совершенно произвольными и, конечно, весьма далекими от действительности. Можно только с решительностью утверждать, что в эти годы число сочувствующих Интернационалу непрерывно возрастало.

Париж не составлял исключения. И здесь со времен разгрома первой прудонистской группы организации не существовало, но популярность Интернационала увеличивалась. «Роспуск парижского бюро,—писал друг Малона Комбо в швейцарском органе «Равенство»¹⁾,—привело к распадению постоянной группы, состоявшей из нескольких членов, но зато фактически привлекло на нашу сторону (правда, в *неоформленном виде*) все мыслящие и активные элементы парижского трудящегося населения». Особенно много сторонников удалось привлечь благодаря широкому использованию социалистами закона о собраниях. Другой парижский корреспондент «Равенства» сообщает (от 30 марта): «Восьмимесячные дебаты на народных собраниях вскрыли тот факт, что большинство рабочих, активно стремящихся к общественному преобразованию, разделяют коммунистические взгляды».

Но вскоре руководители движения поняли всю непрочность и недостаточность подобного рода успехов. События быстро назревали, и можно было опасаться, что при такой неоформленности, текучести организации Интернационал окажется в решительную минуту штабом без армии. «Силы есть,—писал 2 февраля 70 г., работавший в Марсели Бастелика,—но движения нет: мы представляем дух без плоти. Стадию ученичества

¹⁾ От 16 марта 69 года.

наши рабочие прошли в синдикатах. Интернационал—это стадия революционного мастерства: лично и с точки зрения активности движения я не столько полагаюсь на число, сколько на закал».

Но этот «закал», т. е. революционную выдержанность и дисциплину рабочие могли получить только при правильной постановке организации. И вот с первых месяцев 1870 года вожаки усердно принимаются за создание новых и укрепление старых ячеек (секций). В Марсели и Варском департаменте широкую агитацию за вступление в организацию развернул Бастелика. Ришар реорганизовал федерацию секций в Лионе, где в марте 70 года к Интернационалу примыкало 27 ремесленных корпораций. Малон завязал связи с Сен-Этьеном, в начале апреля местная секция примкнула к лионской федерации. В Руане, где действовал Обри, секция начала издавать свою газету—«Социальная Реформа». Благодаря энергии Варлена и Ледоре, были основаны секции в Лилле и Бресте. Посланный в Крезе во время стачки Малон установил связи с рабочими группами во многих соседних городах. «Побольше мужества,—писал он от 22 апреля 1870 г.,—и скоро Интернационал распространится по всей Франции; на нашем ближайшем конгрессе у нас будут уже представители от *крестьян*».

Во всех крупных центрах в результате стачек усилился приток новых членов в местные секции. В Париже Варлену удалось организовать 13 секций: из них пять кооперативных, пять районных (в пригородах и в городских кварталах столицы) и три кружка: кружок социального самообразования, социалистический и позитивистский. Кооперативы, районные секции, кружки для самообразования—уже одно это отсутствие внутреннего организационного единства не создавало благоприятных условий для единства действий! В апреле число секций в Париже достигло 25.

19 апреля 1870 года парижские секции окончательно объединились в федерацию, которая старалась установить более тесные сношения с Генеральным Советом и играла роль общенациональной организации, хотя и не была таковой формально.

В этом году во Франции существовало 4 областных федерации Интернационала: парижская, руанская, марсельская, лионская. Обе последние объединяли по 27 рабочих союзов. Оставалось объединить эти областные федерации в общенациональную.

По мнению Варлена, такое объединение дало бы социалистам возможность сыграть влиятельную роль в назревавших событиях, и после падения Империи немедленно «приступить к изучению средств организации труда»... «Мы должны быть готовы к этому дню,—писал он,—если не хотим лишиться раз остаться в дураках». Но осуществить этот план так и не удалось. В общем, несмотря на все достигнутые успехи, Интерна-

ционал продолжал оставаться «не столько правильной организацией, сколько обширным очагом пропаганды»¹⁾.

Волна забастовок 1868—70 г. г. вызвала к жизни ряд новых профессиональных организаций: в 1868 г. в Париже возникли синдикальные камеры краснодеревцев, портных, маляров и механиков; в 1869 г. организовались шляпочники, лионские ткачи гладкого бархата, лиможские тончары, парижские плотники и т. д.

В конце 1869 года парижские союзы объединились в Федерацию Рабочих Синдикальных Камер. Эта организация сложилась в результате затяжной стачки парижских кожевников, материальная поддержка которой потребовала тяжелых жертв со стороны союзов. Забастовка была проиграна, но навела рабочих на мысль поставить дело взаимной поддержки при стачках на более прочную основу. Федерация и была создана с целью «обеспечить каждому из примыкающих к ней обществу, в случае стачки, материальную и моральную поддержку остальных союзов посредством займов, заключаемых за поручительством занимающих обществ».

Федерация Синдикальных Камер находилась в самой тесной связи с федерацией парижских секций Интернационала: обе организации собирались в одном и том же помещении на площади Ла-Кордери и руководились одними и теми же лицами.

Мощная волна забастовок, успехи профессионального движения и рост организаций Интернационала,—все это свидетельствовало об усилении недовольства и накоплении революционной энергии в рабочем классе, который стал теперь самым опасным врагом империи.

Но и среди тех общественных слоев, которые казались наиболее прочной опорой правительства, назревало разочарование в бонапартизме. Крупная буржуазия не могла простить Наполеону фридрихерского²⁾ торгового договора с Англией (1860 г.), заключенного без ведома французских промышленников.

Еще более разочарований и недовольства возбуждала внешняя политика императора. Буржуазия требовала от империи энергичной внешней политики и новых территориальных приобретений, и в этом она сходилась с Наполеоном III, который

1) Тома. „История Второй Империи“, 332.

2) Основанного на принципе свободной торговли. В силу этого договора были отменены запретительные пошлины, касавшиеся важнейших предметов британского вывоза во Францию; на будущее время пошлины не могли превышать стоимость товаров более, чем на 30%. В свою очередь Англия понизила ввозные пошлины на французские вина и др. товары.

надеялся поднять свой престиж внутри страны дипломатическими победами и военной славой. Но под влиянием возмставших внутренних осложнений правительство отбросило всякую осторожность и зарвалось на авантюрах, которые совершенно не соответствовали ни международному положению Франции, ни ее внутренней силе, а потому рано или поздно должны были кончиться катастрофой.

Мексиканская экспедиция¹⁾ испортила отношения с Англией; Соединенные Штаты были недовольны вмешательством Франции в гражданскую войну 60-х годов; наконец, союз Бисмарка с Россией, укрепившийся со времени польского восстания,—все это означало международную изоляцию Франции.

Попытки Наполеона использовать австро-прусский конфликт привели к дипломатическим поражениям Франции. За свой нейтралитет во время австро-прусской войны (1866 г.) французский император надеялся получить от Пруссии компенсацию в виде уступки Майнца и части левого берега Рейна. В ответ на представление этого «ресторанного счета» Бисмарк ответил: «Ни пяди немецкой земли!». После битвы при Садовой Наполеон не решился вынудить австрийским мольбам о помощи и двинуть свои войска на Рейн, что было истолковано пруссаками, как новое доказательство внутренней слабости Франции.

Вскоре французской дипломатии пришлось понести новое поражение: Бисмарк не дал согласия на задуманное Наполеоном присоединение к империи Люксембурга и отказался сохранить вооруженный нейтралитет, если Франция введет свои войска в нейтральную Бельгию. В результате этих неудачных попыток отношения с Пруссией были испорчены; французской буржуазии приходилось с тревогой смотреть на все увеличивающегося врага на востоке.

Оставался еще возможный сочечник—боровшаяся за свою национальную независимость Италия, но в своей итальянской политике Наполеон вечно колебался между стремлением помочь объединению Италии (конечно, под условием известных компенсаций в пользу Франции) и боязнью испортить отношения с папой, для которого всякий успех итальянцев грозил потерей Рима. Договор 1864 года, по которому Италия обязалась не нападать на папские владения, а Франция—отозвать свои войска из Рима, как только организуется папская

¹⁾ Попытка посадить на мексиканский престол габсбургского принца Максимилиана при поддержке французской оккупационной армии. Мексиканская экспедиция была предпринята по настоянию французских банкиров, вложивших в мексиканские акции крупные капиталы, и из желания Наполеона угодить папе: создание новой католической империи не могло не порадовать сердца его святейшества. Ввиду огромных расходов, связанных с этим предприятием, и выяснившейся его безнадежности, Наполеон в конце концов вынужден был отозвать французские войска, после чего опереточный „император“ был расстрелян мексиканскими повстанцами.

армия, вызвал протест со стороны папы Пия IX ¹⁾ и вооружил против империи ее старого союзника—католическое духовенство.

После австро-прусской войны Наполеон, не желавший дальнейшего усиления Италии (уже захватившей Венецию), воспротивился попыткам итальянцев занять Рим: французские войска нанесли поражение гарибальдийцам ²⁾. Этот шаг означал полный разрыв с итальянскими патриотами.

Крах мексиканской авантюры, этой «великой идеи царствования», не в меньшей мере подрывал престиж империи, чем неудачная игра на австро-прусском антагонизме.

Итак, внешняя политика Империи привела к ряду дипломатических поражений и утрате Францией ее преобладающего положения в концерте европейских держав. Этого французская буржуазия не могла простить Наполеону.

Законодательные выборы 1869 года окончились новыми победами республиканской партии: в Париже прошли все ее светила: Гамбетта, Пикар, Ферри, Ж. Фавр, Жюль Симон и др. В 1863 году за правительственных кандидатов было подано во всей стране 5,3 милл. голосов, за оппозицию—2 милл. Теперь республиканцы получили 3 миллиона 355 тыс. голосов, правительство—4 миллиона 438 тысяч, т.-е. потеряло 662 тысячи. Легком 1869 года сторонники либеральных уступок (либеральные бонапартисты) вместе с 40 депутатами-республиканцами (так называемой «левой») составляли большинство Законодательного Корпуса.

Правительство как будто идет на уступки: 12 июля Законодательному Корпусу было предоставлено право самому выбирать свой президиум и устанавливать регламент этих заседаний, расширено бюджетное право Палаты и право внесения поправок к правительственным законопроектам и запросам. Но уже через день правительство, точно издеваясь над оппозицией, незаконно отсрочило заседания Палаты до 29 октября (вместо 26), чем вызвала сильнейшее возбуждение в среде республиканцев. Депутат «левой» Гамбетта демонстративно заявил, что он явится в зал заседаний 26-го. Рабочие приготовились к решительным действиям; в руководящих рабочих кругах Марсели и Лиона был поднят вопрос о поддержке республиканской партии путем объявления всеобщей забастовки-протеста на 26 октября.

Но в последнюю минуту республиканцы забились отбой: учитывая настроение рабочих, даже наиболее непримиримо настроенная часть буржуазии прекрасно понимала, что революция не может ограничиться одним уничтожением империи.

¹⁾ Так называемая энциклика *Quanta cura*.

²⁾ Гарибальди—вождь итальянских патриотов, борец за объединение Италии.

Красный призрак снова встал перед напуганным воображением оппозиционных депутатов. Лучше империя, чем скачок в неизвестность — таков был смысл их трусливых заявлений. Нерешительность республиканской партии подорвала ее престиж среди революционно-настроенных рабочих и мелко-буржуазных групп.

В ноябре 1869 года в Париже предстали дополнительные выборы. Еще в мае, во время основных выборов, среди парижских социалистов возникла мысль о решительном отмежевании от буржуазных республиканцев всех оттенков и выставлении Интернационалом рабочих кандидатур. Эта идея горячо отстаивалась Варленом, в противоположность Малону, который защищал тактику бойкота. Тогда восторжествовала линия Варлена. Парижская группа выпустила даже избирательный манифест, где, помимо чисто-демократических пунктов¹⁾, имелось требование ликвидации государственного долга, экспроприации всех финансовых компаний и передачи государству, для превращения в общественные службы, банков, каналов, железных дорог, страхования, рудников. Но Варлен и его товарищи ставили своей непосредственной задачей не столько проведение своего кандидата, сколько демонстрацию перед рабочими массами требований социалистических групп и «разрыва народа с буржуазией».

Но большинство парижских рабочих все еще полагало, что лучшим способом борьбы за республику является голосование за наиболее крайних республиканцев, которые пострадали при империи и считались признанными борцами за свободу. Социалистическая кандидатура Бриона не имела успеха. То же повторилось и в других городах. Лионские социалисты отказались от мысли выставить своего кандидата. В Марсели Бастелика сам голосовал за Гамбетту. Таким образом, попытка самостоятельного выступления Интернационала на выборах потерпела неудачу.

В ноябре вопрос об использовании избирательной кампании снова стал на очередь. Левые прудонисты, более других склонявшиеся к бакунизму, полагали, что грядущая революция сметет не только империю, но и буржуазию. «Не будем заблуждаться,— писал Бастелика руководившему организацией в Лионе Ришару (6/X 1869 г.),—мы никогда не будем правительством... Империя падет как раз во-время, чтобы унести с собою последние следы деспотизма и буржуазии». «Если мы не

¹⁾ В числе таковых фигурировали: свобода союзов, собраний и печати, право отзыва депутатов, ежегодные перевыборы депутатов, выборность судей, замена постоянной армии всеобщим вооружением народа, отделение церкви от государства, установление прогрессивно-подоходного налога и отмена всех косвенных налогов, автономия коммун (общин) и колоний. Почти все эти требования имелись уже в бельвильской программе буржуазных республиканцев.

хотим, чтобы предстоящая революция была политической, сделаем ее социальной и коллективистической¹⁾ (курсив мой. Н. Л.).

Отрицая парламентаризм и завоевание власти пролетариатом, они были против участия в выборах. Варлен, наоборот, признавал необходимость политического переворота в интересах социальной революции. «Мы хорошо знаем,—писал он Обри (в августе 1869 г.),—что невозможно будет организовать социальную революцию до тех пор, пока будем жить под властью такого деспотического правительства, как нынешнее». Поэтому Варлен считал самоустранение социалистов нежелательным.

Той же точки зрения держался на этот раз и Малон, когда он писал Ришару: «Я не стою за самоустранение социализма от растущего в Париже движения. Революция надвигается с роковой необходимостью, но пока она доступна еще всевозможным влияниям. При таких условиях самоустранение было бы для нас гибельной тактикой, так как оно было бы равносильно предоставлению всего движения в руки чистых (курсив мой. Н. Л.) политиков. Вот по каким соображениям я без колебаний бросился в республиканскую агитацию».

Парижская группа не выставляла на этот раз своих кандидатов, ограничившись широкой пропагандой идеей Интернационала.

В то же время социалисты стремились использовать выборы для разоблачения перед широкими массами «всех... более или менее радикальных буржуазных знаменитостей»²⁾, выяснения их неспособности удовлетворить народные желания. Выступая на предвыборных собраниях, социалистические ораторы «заставляли радикальных кандидатов... избранию которых помешать было невозможно, взять на себя определенные обязательства»³⁾. Накануне дополнительных выборов Варлен писал Ришару: «Почти все наши республиканские знаменитости вочию обнаружили свое бессилие и свою неспособность. В Законодательный Корпус войдут еще четыре буржуазных республиканца, вот и все».

Парижские прудонисты не возлагали никаких надежд на парламентаризм, но были принуждены самым ходом событий все более и более втягиваться в политическую борьбу. Вскоре после выборов Варлен писал: «Нынешнее положение Франции не позволяет социалистической партии держаться в стороне от политики. В настоящий момент вопрос о недалеком падении империи перевешивает все остальные, и социалисты под страхом политического банкротства должны были стать во главе движения».

¹⁾ Письмо к Ришару от 15 февраля 1870 года.

²⁾ Из корреспонденции Варлена, напечатанной женевской «Egalité».

³⁾ Там же.

Исходя из этих соображений, Варлен и его товарищи приняли участие в основанной Ришаром¹⁾ «Марсельезе», где наряду с политическим отделом широко освещался рабочий вопрос и перспективы надвигающейся социальной революции. Редактором социального отдела был литератор-социалист Мильер²⁾. Политической хроникой заведывал будущий член коммуны Аргюр Арну. Таким образом, «Марсельеза» стала боевым социально-политическим органом, обслуживавшим парижскую группу Интернационала³⁾. В то же время его члены приняли деятельное участие во всех республиканских манифестациях конца 1869 г. и начала 1870 г.

Правительство шло на новые уступки. 2 января к власти было призвано министерство Оливье, недавно превратившегося из республиканца в сторонника сохранения империи, при условии перехода к либеральному режиму, но никакие уступки не могли уже остановить нараставшее революционное движение.

10 января весь Париж был потрясен убийством принцем Пьером Бонапартом Виктора Нуара⁴⁾.

В «Марсельезе» был напечатан призыв граждан к оружию. Организованные в тайное общество бланкисты назначили на день похорон активное выступление. 12-го двухсоттысячная толпа провожала тело убитого на кладбище. Рабочие хотели было идти с телом через город, но Рошфор воспротивился этому плану, опасаясь возможного столкновения с войсками; процессия прошла прямо на кладбище. Похороны Нуара обнаружили полную неподготовленность парижских социалистов, не сумевших в нужный момент взять движение в свои руки. Массы были разочарованы. Бланкист Флюранс вышел из редакции «Марсельезы» в виде протеста против образа действий Рошфора.

По предложению правительства Палата постановляет привлечь Рошфора к суду. Арест популярного депутата, арестованного потом вместе с другими революционерами к шести месяцам тюрьмы, повел к попытке Флюранса поднять восстание в парижских предместьях. Сотрудники «Марсельезы», где было напечатано пламенное воззвание к народу, были арестованы в помещении редакции 18 февраля. В тот же день рабочая делегация потребовала от депутатов «левой» демонстративного сложения своих полномочий. Но республиканцы отнюдь не собирались стать на чисто революционный путь. «Если бы депутаты последовали этому приглашению,—писал на сле-

1) Радикал, избранный на дополнительных выборах 1869 г. В Палате он принадлежал к крайней левой.

2) Мильер был сыном бочара. До 20 лет занимался профессией отца. В 69 г. ему было уже 53 года.

3) Журнал выходил до 8 февраля 1877 года.

4) В конце марта суд приговорил принца к 10 дням (!) тюремного заключения.

дующий день Варлен Ришару,—это послужило бы сигналом к всеобщему восстанию. Рабочие готовы. Решительный шаг буржуазных депутатов увлек бы буржуазию; ввиду единодушного восстания, армия, несомненно, поколебалась бы, и революция удалась бы».

Но и члены Интернационала считали выступление преждевременным: в демократических газетах появился их призыв к спокойствию, ибо решительный момент еще не настал.

Между тем события шли своим чередом, революционная волна непрерывно нарастала. Начало 1870 года ознаменовалось уже известной читателю стачкой в Крезе, принявшей чисто политический характер. Чувствуя, как почва уходит у него из-под ног, правительство решило осчастливить Францию новой либеральной конституцией и тем предотвратить революционный взрыв. Новую конституцию решили освятить всенародным голосованием. Этот плебисцит, в случае утвердительного ответа большинства населения, должен был демонстрировать монархические чувства французов и подорвать республиканскую агитацию.

Ввиду этого, республиканская партия повела агитацию против участия в плебисците и одобрения новой конституции. Ту же тактику рекомендовали секции Интернационала и «Марсельеза», где 24 апреля появился манифест, подписанный Федерацией секций и федеральной камерой рабочих союзов. Избирателям рекомендовалось опускать пустые бюллетени. «Из урны,—говорилось в манифесте,— должно выйти бесповоротное осуждение монархического режима и полное, радикальное провозглашение единственной формы политического устройства, соответствующей нашим законным стремлениям, т.е. демократической и социальной республики».

Результаты плебисцита, происходившего 5 мая 1870 года, однако, показали, что большинство населения готово было помириться на либеральной империи. За новую конституцию, а, следовательно, и за империю, голосовало 7.358.786 человек (из них 248.492 солдат и офицеров), 1.571.939 человек высказалось против, 1.894.681 воздержался. Таким образом, если считать неоспоримо республиканскими лишь голоса воздержавшихся, то противники империи собрали всего около 2 миллионов голосов.

Но в городах настроение было определенно республиканское. Так, в Париже за империю голосовало 138.406, против нее—184.345 и 94.544 воздержалось. Были налицо и другие, не менее грозные для империи симптомы. В армии против нее высказалось 40.181 солдат и офицеров, т.е. одна седьмая всех военных, принимавших участие в голосовании. В парижских газармах принца Евгения 1.422 человека голосовало за и 1.135 против.

Но чем революционнее проявляли себя рабочие массы, тем умереннее становилась республиканская буржуазия. Это поведение буржуазии сказалось в разложении республиканской партии. Часть ее, во главе с Пикаром, образовала умеренную фракцию, так называемую «открытую левую», ждавшую лишь удобного момента, чтобы перейти в группу сторонников Оливье. Остальные республиканцы составили тогда «закрытую левую» (Ж. Фавр, Ферри, Гамбетта, Гриви и др.). Эта «закрытая левая» в свою очередь спешила всячески отмежеваться от *крайней* левой, слабой в Палате, но сильной за ее стенами сочувствием рабочих масс. Ж. Фавр находил, что оппозиция Роллфора «чрезмерна, непочтительна, неконституционна и склонна к насилию». Орган «левой» «Национальное Будущее» выступил против «нелепого» учения интернационалистов, а Гамбетта отозвался о крайней левой, как о «компрометирующем хвосте». Гамбетта против всяких «насилий», восстания и заговоров; он хочет гарантировать буржуазии республику мирными средствами. Выступая против социалистов, он говорил: «Политическая реформа содержит в себе зародыши социальных реформ. Я говорю во множественном числе — социальные реформы, — потому что того целого, которое называют социальным вопросом, в действительности не существует». В письме от 24 апреля 1870 года Гамбетта уверяет имущие классы, что он и его друзья хотят такой республики, которая «будет сопровождаться улучшением положения и поднятия нравственности обездоленных, *без всякого ущерба и опасности для обладающих богатством и образованием*» (курсив мой. Н. Л.).

Правительство считало виновником всех революционных выступлений Интернационал, который с каждым днем усиливался во всей стране. Оливье решил сокрушить эту ненавистную организацию. Незадолго до плебисцита был «открыт» заговор на жизнь императора; к этому делу во что бы то ни стало хотели пристегнуть социалистов. Парижский Федеральный Совет¹⁾ издал манифест, где отрицалась всякая связь Интернационала с покушением. «Международное Товарищество рабочих есть постоянный заговор всех притесняемых и эксплуатируемых, но Интернационал слишком хорошо знает, что страдания пролетариата зависят гораздо более от экономического положения, чем от случайного деспотизма каких-либо устроителей государственных переворотов, чтобы терять время на мечты об устранении одного из них».

Ободренное успехом плебисцита, министерство Оливье предписало прокурорам начать преследование Интернационала по всей Франции, привлекая его членов к суду за участие в тайном

¹⁾ Федеральный Совет стоял во главе парижских секций Интернационала.

сообществе. Так создался третий процесс Интернационала, 22 июня перед парижским исправительным судом предстало 39 социалистов, 7 человек было приговорено к заключению в тюрьму на 1 год, 21—на 2 месяца. Во время процесса императорская прокуратура старалась всячески раздуть роль Интернационала в событиях последних месяцев и невероятно преувеличила степень его влияния на рабочие массы; при этом власти должны были признать, что Интернационал совершенно не оправдал надежд, возлагавшихся на него правительством, в последнем они были правы.

В приговоре по 3-му процессу находим следующую характеристику Международного Товарищества Рабочих. «Основанное исключительно в чисто-экономических целях, для улучшения положения рабочего класса, оно вскоре уклонилось со своего пути, и ныне не подлежит сомнению, что это общество... сделалось социальной опасностью и опасностью огромною, если принять во внимание число его членов... и тот пыл, с каким оно ринулось в область самых жгучих вопросов текущей политики, не отказываясь при этом от своей первоначальной программы, но заявив, что она может быть осуществлена только посредством революции и установления социально-демократической республики».

Третий процесс Интернационала закончился 5 июля 1870 года, а 19 июля началась франко-прусская война, которая расстроила рабочие ряды и временно задержала надвигающуюся революцию.

Чтобы понять роль Интернационала в дальнейших событиях и правильно оценить деятельность Парижской Коммуны, необходимо подвести итоги, уяснить себе хорошенько, что представляли из себя французские организации Интернационала к началу франко-прусской войны.

Мы уже отмечали организационную расплывчатость и слабость французского Интернационала. Сколько-нибудь правильное организационное строительство началось лишь с 1870 года, но и теперь Интернационал состоял из рабочих обществ и кружков самого различного типа. Общефранцузского центра создано еще не было. Его роль до известной степени играла Парижская Федерация, но связь с тремя другими областными федерациями была чрезвычайно слабой, что весьма затрудняло совместное выступление центра и провинции. По поводу демонстрации на похоронах Виктора Нуара Бастелика писал из Марсели: «События дня заставили нас подумать о недостатке соглашения между группами партии... В то время, как парижане стояли готовую хлынуть массою, мы были почти спокойны, и руководством нам служили лишь телеграммы агентства Гаваса».

Связь Парижской Федерации с Генеральным Советом Интернационала также была весьма нерегулярной. В феврале 70 года парижской организацией была составлена записка, отмечавшая ненормальность подобного положения. «Самые серьезные события,—говорилось там,—могут случиться каждый день, и чрезвычайно прискорбно, что Генеральный Совет давно уже не находится в деятельной переписке с теми, которым придется стать во главе революционного движения...».

Вожаки Интернационала и сами отмечали слабость своей организации. «Почти единодушно,—писал Варлен,—мы признали свою неподготовленность к революции; мы признали, что нам потребуется год, может быть, два года активной пропаганды посредством газет, публичных и закрытых собраний, чтобы сделаться господами положения и получить уверенность в том, что революция не ускользнет из наших рук к выгоде республиканцев-несоциалистов».

Третий процесс Интернационала лишил движение наиболее активных деятелей: одни из них сидели теперь в тюрьме, другие вынуждены были скрыться за границу.

Среди членов организации не было единства взглядов по самым основным вопросам социализма: наряду с левыми прудонистами, тяготевшими к бакунизму, и бланкистами, среди вожаков Интернационала все еще встречаем прудонистов-мютоэлистов старого толка. На Базельском конгрессе Интернационала (сентябрь 69 г.) ряд французских делегатов (Лонге, Шемале, Толэн, Мюра) выступали в качестве горячих сторонников сохранения частной собственности на землю. Лишь меньшинство французской делегации голосовало за немедленное установление коллективной собственности. Из семи главных осужденных по 3-му процессу мютоэлистов было трое: Пенди, Мюра и Элигон.

Но и среди коллективистов не было полного согласия. «Каждый из нас,—говорил на суде Комбо,—имеет свое мнение о том или другом учении. Мы согласны лишь в принципах, провозглашенных Интернационалом».

Никакой общепризнанной социалистической программы не существовало, будущий член Коммуны, литератор Верморель, который особенно настаивал на необходимости для социалистов выработать особую программу «в противоположность программам прочих политических партий», преподносил своим читателям старо-прудонистские идеи «регулирования права собственности договорным началом», «взаимного страхования», «равноценности общественных функций»¹⁾, и т. п.

Орган Парижской Федерации «Марсельеза» стоял на точке зрения коммунизма. Варлен так определяет направление этого

¹⁾ Подъ равноценностью общественных функций прудонисты разумели одинаковую оплату труда всех категорий.

журнала: «Это направление есть то самое, которое утверждали почти единогласно делегаты Интернационала на Базельском конгрессе, т.е. коллективистический социализм или анти-авторитарный коммунизм».

Из этой цитаты видно, что Варлен и его товарищи по парижской организации тяготели к бакунизму. Теоретическое обоснование их позиций пытался дать Мильер, поместивший в «Марсельезе» ряд статей под общим названием «Социальный вопрос». Вся история, по мнению Мильера, является борьбой двух начал: индивидуализма и коммунизма. В современном обществе при отсутствии равенства свобода является «наибольшим бедствием для народа, торжеством индивидуализма, царством анархии». Истинный прогресс заключается в том, что во все области общественной жизни законодательство вносит начало коммунизма. В коммунистическом обществе будет господствовать «равенство обязанностей, которые пропорциональны способностям каждого», и «равенство прав, пропорциональных потребностям каждого». Цель социалистического движения — установление «господства пролетариата». Республика 1792 года носила, главным образом, разрушительный характер.

Теперь «недостаточно разрушить, надо еще построить вновь»; цель будущей революции — «уничтожение злоупотребления капиталом и передача его в распоряжение труда».

По сравнению со стройной системой научного социализма теоретические рассуждения Мильера представляются довольно туманными и беспомощными.

Не было и единства взглядов по вопросу о характере и роли социалистов в ближайшей революции, а потому имелись весьма существенные разногласия по тактическим вопросам. Мы видели, что одни, как Ришар и Бастелика, стояли на последовательной бакунистской точке зрения и не хотели ничего знать, кроме социалистической революции. Другие, как Варлен и Малон, полагали, что политическая революция должна расчистить дорогу социализму, и что участие социалистов в политической борьбе необходимо. Первые отрицали необходимость участия в республиканской агитации, парламентаризм, и настаивали на бойкоте выборов 69 г.; вторые пытались использовать избирательную кампанию, чтобы ускорить падение империи и в то же время освободить рабочих от политического влияния либералов.

Почти все французские интернационалисты сходились в признании неизбежности и близости революции, в которой Интернационал должен принять самое активное участие. «Империя существует только по имени», писал Варлен 8 марта (1870 г.). На публичном собрании 19 апреля Комбо говорил: «Интернационал подчинялся законам печальной необходимости: он молчал до того дня, когда мог сказать: мы не хотим империи... Необходимо заявить во всеуслышание, что мы хотим

социальной республики со всеми ее последствиями». Бастелика хотел, чтобы Парижская федерация стала «объединяющим революционным центром, фокусом социальной революции».

В то же время интернационалисты были против преждевременных и частичных выступлений. В воззвании, подписанном Варленом, Малонем и Комбо, читаем: «Реакционеры не должны заблуждаться: если бы дело шло лишь о том, чтобы подставить наши груди под пули, мы не поколебались бы ответить на их постоянную провокацию; но всего важнее—обеспечить успех революции, полные сознания наших сил, мы выжидаем. Чаша полна до краев: она скоро перельется, революция сама выберет свой час».

К сожалению, парижским социалистам не суждено было выбрать момент боя: революция пришла все-таки раньше, чем они этого ожидали.

Социалисты считали необходимым выработать на случай революции определенный практический план действий. По мнению Бастелика, нужно выработать «план революции». Но этого «плана» в социалистической литературе 69—70 г. г. мы так и не находили. Варлен сознавал, что «нетрудно будет разрушить все стеснительные учреждения», но «возведение нового здания будет гораздо труднее, так как рабочие не имеют еще общих взглядов на этот счет» (курсив мой. Н. Л.). Он лишь собирался «приступить к изучению средств организации труда на другой день после революции».

Лишь в статьях Мильера находим попытку представить себе конкретно ход грядущего переворота. «Революция по существу есть диктатура народа, диктатура масс и должна быть организована». В случае успешного восстания в Париже (как в феврале 1848 года) на площади перед Ратушей должно немедленно произойти народное собрание. Оно учредит диктатуру в Париже по секциям и с центральной комиссией в Ратуше, так как Париж в этом случае олицетворяет собою изъявление воли всей Франции. Эта диктатура продолжается до тех пор, пока таким же образом не возникнут другие коммуны, а затем французский народ устраивается, как ему угодно.

Но хозяйственная жизнь общества не должна замирать ни на минуту: если в этот период «народной диктатуры» предприниматели вздумают приостановить свои заведения, то последние экспроприруются, и организация работ передается занятым в них рабочим. Немедленно будут предприняты обширные общественные работы¹⁾.

Во всем построении Мильера чувствуется влияние прудонизма с его отвращением к государственной централизации. Под захватывающим властью народом Мильер разумел «актив-

¹⁾ Лавров „Парижская Коммуна 18 марта 1871 года“. Петроград, 1919 стр. 42—43.

ную воинствующую, революционную часть населения». Но в то время, как по бланкистской теории инициативное меньшинство преобразует всю Францию с помощью захваченной им центральной власти, Мильер допускает диктатуру Парижа лишь до тех пор, пока революция не распространится на провинцию. Будущая Франция рисовалась ему, как кажется, в виде свободной федерации автономных коммун. В этом пункте он предвосхищает программу деятелей революции 1871 года.

Выборы 69 года показали, что влияние парижской группы на массы было довольно слабым: оторвать рабочих от буржуазных республиканцев не удалось. Не следует, наконец, забывать, что весьма сильным конкурентом Интернационала являлись бланкисты. Последние пользовались известным авторитетом среди передовых рабочих, но исключительно заговорщичий характер бланкистского кружка и его полнейшая неспособность связать дело социальной революции с повседневной борьбой рабочего класса являлась весьма существенным препятствием для вовлечения в организацию сколько-нибудь широких масс, хотя в последние годы Империи легальные возможности уже имелись налицо и оставалось их лишь использовать.

Итак, в 1870 году, накануне франко-прусской войны и всего за несколько месяцев до революции 4 сентября, уничтожившей Империю, французские социалисты не имели ни единой сплоченной организации, ни общей программы, ни всеми признанной тактики на случай переворота.

Другими словами, во Франции не существовало тогда политической партии пролетариата.

Библиография.

La Grande Encyclopedie. Т. XIV, p. 72, 74. *Ibid.*, 327—330. Т. XVII (France). *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières. II. *Legoyt*. Du morcellement de la propriété en France. *Augé-Laribé*. L'évolution de la France agricole. *Вейль*. История социального движения во Франции (1852—1902). *Вейль*. История республиканской партии во Франции. *Лафарг*. Движение поземельной собственности во Франции («Устой», 1882 года, № 3—4, 6). *Инсаров*. Современная Франция. *Маркс*. 18 бромера Луи Бонапарта. *Декк*. Интернационал. *Стеклов*. Интернационал, ч. I—II. *Засулич*. Очерки истории Международного Общества Рабочих. (Сборник статей, I). *Тома*. История Второй Империи. *Лавров*. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. *Маркс*. Гражданская война во Франции. *Поль Луи*. Политические деятели и мыслители XIX в. *В. Бонч-Бруевич*. Жизнь и деятельность Бланки. *Горев*. Бланки. *Энгельс*. «Статьи 1871—1875 г.» (Программа коммунаров бланкистов).

ОТДЕЛ II.

Правительство национальной обороны.

Глава I.

**Франко-прусская война.—Революция 4 сентября 1870 г.—
Умеренные республиканцы у власти.—Осада Парижа.**

Мы уже видели, что к концу 60-х годов Франция потеряла свое преобладающее положение среди европейских держав; в то же время с каждым днем ухудшались ее отношения с восточным соседом—стоявшей во главе северо-германского союза Пруссией. Обе стороны хотели войны. Опиравшийся на немецкую буржуазию Бисмарк видел в удачной войне с Империей средство к окончательному объединению Германии и новому усилению Пруссии; последняя должна была по расчетам канцлера получить новое приращение своей территории в виде Эльзас-Лотарингии.

Заветной мечтой крупной французской буржуазии было, напротив, помешать этому объединению: ведь гегемония Франции в Европе была возможна только до тех пор, пока Германия и Италия оставались раздробленными на множество мелких государств.

А недавно понесенные дипломатические поражения от Пруссии показали, что только счастливая для Франции война могла вернуть ей эту гегемонию и открыть возможность наживы за счет Люксембурга или германских земель на левом берегу Рейна.

К тому же война сулила новые прибыльные поставки тем алчным спекулянтам, которые окружали императорский трон.

Войны с Пруссией хотел, наконец, и сам император, которому казалось, что только новые победы заставят смолкнуть разрастающийся хор оппозиции внутри страны и восстановят престиж Империи. «Война нам настоятельно необходима в интересах Франции и поддержания династии», писала официальная «Страна». «Мне нужна эта война; это—моя война», заявляла императрица Евгения.

Поводом к вооруженному столкновению, которого давно искали как Бисмарк, так и Наполеон, послужила кандидатура принца Леопольда Гогенцоллерна ¹⁾ на оказавшийся вакантным испанский престол. Французское правительство усмотрело в этой династической комбинации «нарушение настоящего равновесия в Европе», притом и прямому ущербу для Франции. Министр иностранных дел герцог де-Грамон произнес в Палате воинственную речь, в газетах появились шовинистические статьи, а парижская полиция организовала патриотические манифестации с участием подозрительных личностей, переряженных рабочими. «В Берлин! В Берлин! Нам нужен Рейн!» кричали манифестанты.

Сторонники Империи надеялись, что Пруссия скорее пойдет на войну, чем откажется от кандидатуры принца, и таким образом признает свое дипломатическое поражение. В июле Персигни ²⁾ телеграфировал императору: «Примите мои самые горячие поздравления. Вся Франция пойдет за вами. Энтузиазм всеобщий».

Однако, сверх ожидания, принц отказался от испанской короны. Но императорское правительство, которое хотело войны во что бы то ни стало, этим не удовлетворилось и потребовало от прусского короля гарантии, что и в будущем никто из Гогенцоллернов не будет претендовать на испанское наследство.

Вильгельм I, находившийся тогда в Эмсе, отказался исполнить это требование французской дипломатии и заявил французскому посланнику Бенедетти, что считает вопрос исчерпанным.

В этом смысле была составлена телеграмма, которая должна была появиться через агентство Вольфа во всех европейских газетах.

Но эта «эмсская депеша» попала предварительно в руки Бисмарка. Будучи уверен в превосходстве военной силы Пруссии, ободренный взрывом шовинистических чувств среди немецкой буржуазии, канцлер не менее Наполеона хотел немедленной войны, но он считал, что для Пруссии будет выгоднее, если инициатива разрыва будет исходить из Парижа. В этих целях Бисмарк переделал королевскую телеграмму, придав ей более резкий тон, и в таком виде пустил гулять по свету ³⁾.

Едва содержание телеграммы стало известно в Париже, императорское правительство объявило Пруссии войну и потребовало от Палаты утверждения военных кредитов (19 июля 1870 года).

¹⁾ Двоюродного брата прусского короля.

²⁾ При 2-й Империи Персигни был одно время министром внутренних дел и пользовался большим влиянием на Наполеона III.

³⁾ Подделка эмской депеши только впоследствии была раскрыта Вильгельмом Либкнехтом.

Опиравшаяся на мелкую буржуазию республиканская оппозиция издавна не одобряла воинственной и двуличной политики Наполеона, войну с Пруссией республиканцы считали гибельной для Франции авантюрой. Но раз отечество было объявлено в опасности, а военный министр заявил, что «все готово и архи-готово к войне, до последней пуговицы на мундирах», они сочли своим долгом отпустить необходимые средства тому самому правительству, которое, по их же мнению, вело страну к неминуемой катастрофе. Военные кредиты были вогитрованы 245 голосами против 10-ти¹⁾).

Были ли попытки помешать войне со стороны рабочих?

Еще Лозаннский (67 г.) международный конгресс Интернационала высказал принципиально-отрицательное отношение пролетариата к войне, «которая ложится, главным образом, на рабочий класс в том отношении, что она не только лишает его средств к существованию, но и заставляет его проливать рабочую кровь».

На Брюссельском конгрессе (68 г.) вопрос о войне был снова поставлен на обсуждение ввиду возможности вооруженного столкновения между Францией и Пруссией. Считая, что войны исчезнут окончательно лишь с уничтожением капиталистического общества, конгресс все же полагал, что путем «прекращения производства» производители и теперь уже могут «сделать невозможными затеи личных и деспотических правительств», а потому «рекомендовал трудящимся прекратить всякую работу в случае, если в их странах вспыхнет война». Энергично протестуя против возможной войны, конгресс выразил надежду, что рабочие всех стран «окажут поддержку этой войне народов против войны».

Но вот вооруженное столкновение стало неизбежным. За несколько дней до объявления войны члены Парижской Федерации опубликовали воззвание к немецким рабочим, где говорилось: «Немецкие братья, во имя мира не слушайте продажных или холопских голосов, пытающихся обмануть вас насчет истинного настроения Франции. Оставайтесь глухи к бессмысленным провокациям, ибо война между нами была бы братоубийственной войной... Наше столкновение повлечет за собою лишь усиление деспотизма по обе стороны Рейна...»

Воинственным возгласам тех, которые избавились от налога кровью, или которые находят в общественных бедствиях источник новых спекуляций, мы противопоставляем наши протесты, мы, которые хотим мира, труда и свободы...» Подобные же воззвания были выпущены французскими секциями и в других городах.

¹⁾ В числе голосовавших за кредиты был и Гамбетта. Представитель крайней левой—Рошфор сидел тогда в тюрьме.

Берлинская секция отвечала: «Одушевленные братскими чувствами, мы... заявляем, что в наших сердцах нет ни малейшей национальной вражды... Мы торжественно обещаем, что ни прохот барабанов, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не совратят с пути наших усилий, направленных к объединению пролетариев всех стран».

Социал-демократические депутаты северо-германского рейхстага Либкнехт и Бебель воздержались от голосования военных кредитов¹⁾, желая подчеркнуть свое отрицательное отношение к политике обоих правительств.

В первом манифесте, изданном Генеральным Советом по поводу франко-прусской войны, говорилось: «В то время, как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную войну, немецкие и французские рабочие обмениваются мирными и братскими посланиями. Один этот великий факт, не имеющий себе подобного в истории, позволяет нам надеяться на более светлое будущее».

Не зная тогда о подделке эмской депеши Бисмарком, Маркс считал, что для Германии война является оборонительной; но в том же манифесте, автором которого он был, Маркс писал: «Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы война потеряла свой оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны».

Но в 1871 г. Интернационал, объединявший лишь весьма тонкие слои передовых рабочих разных стран, был слишком слаб, чтобы *предотвратить* войну. Дальше декларативных заявлений и немногочисленных собраний протеста дело не пошло.

Война началась. В эпоху Второй Империи во Франции не было всеобщей воинской повинности: служил лишь тот, кто не мог откупиться, т. е. бедняки города и деревни. Армия больше, чем наполовину, состояла из заместителей. После австро-прусской войны было решено создать подвижную национальную гвардию²⁾ для охраны городов на случай войны; предполагалось, что в нее войдут зажиточные граждане, освобожденные от военной службы. Но эта гвардия осталась больше на бумаге.

В интендантстве царил анархия, и, когда началась война, оказалось, что, вопреки уверениям военного министра, ничего не было готово. Дело снабжения было организовано из рук вон плохо. У офицеров не было географических карт. Французская армия была вооружена ружьями новейшего образца

¹⁾ Лассальянцы и один из эйзенахцев голосовали за кредиты, считая, что победа Наполеона была бы поражением социализма во Франции и затормозила бы объединение Германии.

²⁾ Так называемые мобили.

(системы Шаспо), превосходившими по своим качествам немецкие ружья игольчатой системы; но французская пехота была выдрессирована больше для смотров и подавления народных движений, чем для сражения с неприятелем.

В довершение всего французской армией руководили бездарные, враждовавшие между собою генералы-карьеристы, к тому же весьма мало смыслившие в стратегии. Главное командование принял сам император.

С такими военными ресурсами Франции предстояло вести борьбу с германской армией, организованной на основе всеобщей воинской повинности, прекрасно подготовленной, имевшей во главе своего генерального штаба такого признанного стратега, как граф Мольтке, еще в 1869 г. разработавшего план войны. Поражение французов, в сущности, было предрешено, и только генералы и сановники Империи наивно полагали, что на прусскую армию «стоит только дунуть».

Благодаря отсутствию плана мобилизации и перевозки войск, французам не удалось во время подтянуть свои силы к восточной границе. Вместо того, чтобы переправиться через Рейн у Страсбурга и проникнуть через Баден вглубь южной Германии, французская армия, насчитывавшая всего 250 тыс. и разделенная на 7 корпусов, должна была отражать натиск противника, успевшего перейти Рейн, и сосредоточить на границе Эльзаса внушительную армию в 450 тыс. человек, в состав которой, кроме войск Северо-Германского союза, вошли армии некоторых южно-германских государств, решивших оказать Союзу вооруженную поддержку.

Первое же серьезное сражение—4 августа, при Вейсенбурге, было проиграно, благодаря нелепым распоряжениям генерала Дюкро, пославшего в бой одну французскую дивизию в 5.500 человек против 40 тысяч немцев.

Через два дня корпус Мак-Магона, к которому присоединились остатки разбитой дивизии, пытался остановить дальнейшее продвижение немцев, но был раздавлен численным превосходством противника и, потеряв около 14 тысяч человек, вынужден был очистить Эльзас. В тот же день другая французская армия, состоявшая под начальством генерала Фроссара, понесла поражение на р. Сааре, при Форбахе. Маршал Базен, стоявший со своим корпусом всего в 15 километрах от места сражения, не подал помощи Фроссару, не желая способствовать чужой победе. Но поражение французов при Форбахе заставило отступать и армию Базена.

Двумя ударами—на Рейне и на Сааре—немцы разобили разбитую армию Мак-Магона, которая стягивалась теперь к Шалону (на Марне), и корпус Базена, стоявшего теперь около Меца. Базен, получивший с 10 августа звание главнокомандующего, мог еще соединиться с Мак-Магоном, отступая через Верден на Шалон.

Отступление было начато; немцы пытались отрезать армии Базена путь на Верден. В ожесточенной битве при Вионвиле, происходившей 16 августа, французы потеряли 16 тыс. солдат и 879 офицеров, но удержали свои позиции.

Дорога на Верден оставалась свободной, но, к удивлению Мольтке, Базен не воспользовался выгодами своего положения и отдал приказ отступать не на Верден, а на Мец.

После новой кровопролитной битвы при Сен-Прива (18 августа), где 130 тыс. французов имели против себя 230 тыс. немцев, армия Базена была отброшена к стенам Меца.

Теперь, когда Базен был заперт в Меце, немцы могли двинуть главные силы на Париж. Но между ними и столицей стояла шалонская армия, образовавшаяся из остатков корпуса Мак-Магона и прибывших из Парижа подкреплений. После поражения Базена этой армии следовало отступить к хорошо укрепленному Парижу и держаться оборонительной тактики, пока не закончится формирование новых частей.

Но этот единственно разумный план не был приведен в исполнение, так как политические соображения взяли верх над стратегическими.

С получением известий о поражениях французских армий, патристические настроения быстро исчезли. Раздражение против правительства нарастало с каждым днем. Интернационалисты выжидали лишь удобного случая для низвержения империи. Был образован «Комитет Действия». Предполагалось начать с нападения на Бурбонский дворец. Но вследствие ареста Пенди, который должен был руководить движением, назначенное на 9 августа выступление пришлось отложить.

Зашевелились и бланкисты. Сам Бланки тайно прибыл в Париж для руководства восстанием, которое решено было начать 14 августа. Отряд вооруженных заговорщиков должен был захватить расположенную в рабочем квартале казарму Лавилет и вооружить отнятыми у солдат ружьями рабочих. Но бланкистов ждало горькое разочарование: массы остались пассивными, и небольшой отряд бланкистов должен был разойтись. Организаторы восстания (кроме Бланки) были арестованы и преданы военно-полевому суду, приговорившему шесть человек к смертной казни¹⁾. Вся печать не преминула заявить, что лавилетское дело принадлежит почину прусских агентов²⁾.

Наполеон боялся, что отступление на Париж неминуемо поведет к революции и гибели империи. Исходя из этих соображений, в главной квартире решили идти вперед на соединение с Базеном. Мак-Магон выступил, но скоро наткнулся на

¹⁾ Все они остались в живых, приговора не успели привести в исполнение, как империя пала.

²⁾ Гольфранк. «Заметки и воспоминания» («Дело» за 1881 г., № 2).

соединенные силы двух немецких армий; французы были отеснены к северу и сжаты в узком пространстве между правым берегом Мааса и бельгийской границей. В битве под Седаном 120-тысячная французская армия имела против себя 230 тыс. немцев. Французы потеряли около 40 тысяч, после чего 2 сентября вся остальная армия, в количестве 83 тысяч человек, с императором во главе, *капитулировала*.

Известие о седанской катастрофе революционизировало Париж 4-го сентября народные массы хлынули к Бурбонскому дворцу, проникли в заседание Палаты и заставили Гамбетту объявить о низложении Наполеона и его династии¹⁾. Никто из депутатов не осмелился выступить в защиту империи. В Ратуше была провозглашена республика. Образовалось временное правительство, в состав которого вошли парижские депутаты. Большинство членов этого «Правительства Национальной Обороны», как оно стало называться, принадлежало к «закрытой левой», т.е. к республиканцам типа Гамбетты.

Эти господа еще до войны старательно отмежевывались от «компрометирующего хвоста»²⁾, т.е. всех тех, кто хотел бороться с империей революционными средствами. Через три дня после «дела лавилетской казармы» Гамбетта еще раз отрекся от всякой солидарности с крайними левыми и требовал в Палате, чтобы суд над вожаками был произведен в ускоренном и упрощенном порядке, что вызвало недоумение даже главы последнего бонапартовского министерства — генерала Паликао, который позволил себе напомнить чересчур ретивому депутату левой, что правительству все-таки приходится соблюдать известные юридические формальности. Буржуазные республиканцы оказывали всяческую поддержку правительству, которое уже доживало свои последние дни. Лишь седанский разгром заставил гамбеттистов внести в Палату резолюцию об устранении династии Бонапартов, но им не пришлось и в голову апеллировать к массам, появление которых в зале заседаний положило конец напслесновскому режиму.

Гамбеттисты были яркими врагами социализма: новый министр иностранных дел Ж. Фавр еще в 1848 году рекомендовал дополнить закон о печати специальными статьями, запрещающими наладки на собственность, а министр народного просвещения Ж. Симон печатно утверждал, что «нищета всегда будет существовать».

В среде правительства имелись еще более умеренные элементы, идеал которых вообще не шел дальше либеральной им-

¹⁾ В тот же день республика была провозглашена в Лионе, Марсели и Тулузе.

²⁾ Выражение Гамбетты по адресу крайней левой.

перии. Виднейшим представителем этой группы («открытой левой») был Эрнест Пикар, получивший портфель министра финансов. Этот господин, даже и после Седана, не допускал и мысли, что Палата может поставить вопрос о низложении династии.

Правительство возглавлялось председателем совета министров в лице заведомого орлеаниста¹⁾ генерала Трошю, получившего военное министерство и в то же время сохранившего за собой должность военного губернатора Парижа. Вступая в правительство «Национальной Обороны», Трошю говорил, что «отправляется в Ратушу играть роль Ламартина»²⁾.

Возникновение правительства национальной обороны означало, что у власти стала республиканская партия, которая к моменту революции располагала вполне сложившимся организационным аппаратом, насчитывала в своих рядах видных деятелей оппозиции против империи, имела определенную программу и давно уже готовилась принять бразды правления.

Более радикальные партии оказались неподготовленными к революции. Узнав о провозглашении нового правительства, буржуазный демократ Делеклюз «с отчаянием» воскликнул: «Мы пропали!». Бланкистская организация была только что разгромлена после неудачной попытки 14 августа. Интернационал сильно пострадал в результате третьего процесса и войны. Последняя ослабила и экономические организации рабочего класса. В момент переворота политические руководители пролетариата сидели в тюрьмах, или находились в изгнании. Наконец, социалистам, как указывалось выше, не хватало не только крепкой организации, но и единой программы и тактики. В движении 4 сентября парижская федерация Интернационала не играла сколько-нибудь заметной роли. Нет ничего удивительного, что в день революции социалисты оказались бессильны повлиять на состав временного правительства.

Таким образом, революция 4 сентября не оправдала ожиданий бакунистов и бланкистов: буржуазия не исчезла вместе с империей; республика отнюдь не была «социальной», как мечтал о том Ришар незадолго до начала войны.

Но и те немногие политические завоевания, которые принесло 4 сентября, были непрочны. «Республика, — писал Маркс, — не низпровергла трона, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное приобретение, а как национальная мера обороны». Отметив далее, что после крушения монархии армия и полиция попали в руки заведомых орлеанистов, Маркс замечает: «Некоторые из первых шагов этого правительства довольно ясно показы-

¹⁾ Орлеанист — сторонник династии Орлеанского дома. Последним королем из этой династии был Луи-Филипп (1830—1848).

²⁾ В 1848 году Ламартин уговаривал рабочих отказаться от „крайних“ требований, в частности от замены трехцветного знамени красным.

вают, что оно унаследовало от Империи не только груды развалин, но и страх перед рабочим классом». И Маркс ставит вопрос: «Не является ли республика в глазах буржуа, которые охотно стали бы ее могильщиками, лишь переходной ступенью к орлеанистской реставрации?»¹⁾

Буржуазия согласилась на республику только потому, что империя была безнадежно скомпрометирована седанским разгромом, а навязать Франции одну из старых династий не представлялось пока возможным.

В качестве представителя крайних левых в правительство вошел лишь Рошфор, которого революция 4 сентября освободила из тюрьмы. Но он был включен в список только под давлением толпы, стоявшей перед окнами Городской Думы. Присутствие этого «заложника демократии» несколько не изменило умеренного характера временного правительства и в то же время поддерживало в массах выгодную для буржуазии иллюзию участия во власти. И прав был министр иностранных дел Жюль Фавр, когда сказал: «Лучше уж иметь его (Рошфора) с нами, чем против нас»²⁾.

Какую же позицию должен был занять французский рабочий класс в отношении мнимо-республиканского правительства национальной обороны, состоявшего из заведомых его классовых врагов?³⁾

Маркс считал, что после Седана и провозглашения республики не может быть и речи о том, что Пруссия ведет оборонительную войну⁴⁾. Учитывая слабость французских социалистов и опасаясь, как бы преждевременная попытка обросить правительство национальной обороны не облегчила Бисмарку окончательный разгром Франции, Маркс не рекомендовал парижским рабочим переходить в немедленную атаку против г.г. Трошю и Жюля Фавра.

«Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда, как неприятель почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния. Французские рабочие должны исполнить

1) Маркс. „Гражданская война во Франции“, стр. 26.

2) Рошфор вышел из правительства 30 октября.

3) В Правительство Национальной Обороны вошли все депутаты от Парижа, кроме Тьера; их было 16 человек. 9 из них стояли во главе различных министерств: Жюль Фюр—иностранных дел, Гамбетта—внутренних дел, Жюль Симон—народного просвещения, Эрн. Шикар—финансов, Дориан—общественных работ, Кремье—юстиции, адмирал Фурион—морского министерства, Маньян—земледелия и торговли, ген. Трошю—военного министерства. (Ивсаров—Современная Франция, стр. 176).

4) В начале войны Маркс, как известно, держался противоположного мнения. Это было верно в историческом смысле, поскольку победы Наполеона затормозили бы объединение Германии. Но с точки зрения дипломатической обе стороны провоцировали войну, и Бисмарк даже в большей степени, чем императорское правительство.

свой долг гражданам...»—писал Маркс, во втором обращении Международного Товарищества Рабочих¹⁾.

Что в начале сентября 1870 г. у французского пролетариата не было сил для нового восстания в целях низвержения буржуазной власти и одновременной борьбы с пруссаками—с этим нельзя не согласиться.

Но предостережение Маркса против *немедленной* новой революции вовсе не означало, что французский пролетариат должен вообще отказаться от всяких действий против временного правительства. Об этом свидетельствует переписка между Марксом и Энгельсом, которая велась в ближайшее после падения Империи дни.

Энгельс писал от 7/IX: «Сейчас (в Лондон) возвращается Дюпон²⁾... Его точка зрения на казус совершенно ясна и правильна: использование свободы, которая неизбежно будет предоставлена республикой для организации во Франции партии; *выступление (Action), если представится случай, в зависимости от степени успешности и организации, сохранение Интернационала во Франции до тех пор, пока не последует мира*».

Маркс отвечал (10-го): «Скажи Дюпону, что я присоединяюсь к его мнению³⁾. (Курсив везде мой. Н. Л.).

Следовательно, *при известных условиях* Маркс отнюдь не зарекался от борьбы с правительством национальной обороны. Ниже мы увидим, в каких восторженных выражениях приветствовал он революцию 18 марта, хотя и не скрывал от себя всей трудности положения, создавшегося для борцов за Коммуну.

Рекомендуя французским рабочим энергично защищать отечество, Маркс в то же время предостерегал их от увлечения шовинизмом, который мог пышно расцвести под впечатлением внешней опасности, угрожавшей молодой республике, и

¹⁾ Это обращение помечено 9-го сентября. За три дня перед тем (6-го) Маркс писал Энгельсу: „Я только что сед, чтобы тебе писать, как пришел Серайе и сообщил мне, что уже завтра он покидает Лондон, чтобы отправиться в Париж, но он едет туда только на несколько дней. Главная цель поездки—уладить там дела с Интернационалом (с Парижским Федеральным Советом). Это является тем более необходимым, что сегодня в Париж трогается вся „французская секция“, чтобы *натворить там глупостей именем Интернационала. Они хотят свергнуть временное правительство и организовать в Париже Коммуну*..... Сегодня я получил от Парижского Федерального Совета прокламацию к немецкому народу.... вместе с настоятельной просьбой к Генеральному Совету выпустить новый манифест, специально для немцев... Федеральному Совету я уже ответил сегодня же, проделав при этом неприятную работу, чтобы открыть им глаза на истинное положение вещей». Briefwechsel zwischen Fr. Engels und K. Marx. B. IV, S. 330.

²⁾ Дюпон был секретарем Генер. Совета Интернационала от Франции

³⁾ Ibid. S. 332, 335.

был бы использован временным правительством для отвлечения внимания рабочих масс от классовой борьбы.

«Они (пролетарии) не должны позволить себя увлечь национальными традициями 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальным преданием Первой Империи. Им нужно не повторять прошлое, а строить будущее».

Но, чтобы это строительство будущего могло быть успешным, пролетариат должен был стать организованной силой. «Пусть они (рабочие),—продолжает Маркс,—спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательно укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело освобождения пролетариата. От их силы и мудрости зависит судьба республики».

Использование буржуазных свобод для укрепления рабочих организаций становилось, конечно, основной задачей французских социалистов; но, если не считать этой важной директивы, обращение Генерального Совета говорит лишь о том, чего не должны делать французские рабочие, в то же время не указывая им никакой линии поведения в отношении буржуазного временного правительства.

Между тем, если социалисты не хотели оставаться в этот революционный момент простым придатком буржуазной демократии, они должны были выработать самостоятельную тактику в целях планомерного воздействия на новую власть в интересах углубления революции и защиты интересов рабочего класса. В этом смысле была сделана лишь единственная попытка.

4 сентября состоялось совместное заседание Парижской Федерации Интернационала и рабочих синдикальных камер. Собрание одобрило воззвание «к немецкому народу»¹⁾ и отправило в Ратушу делегацию, которая должна была предложить временному правительству поддержку рабочих, но поставить ему определенные условия, которые сводились к следующим семи пунктам: 1) организация немедленных выборов в Город-

¹⁾ В этом воззвании указывалось, что с низвержением Империи нет никаких оснований для продолжения братоубийственной войны. Немецкий народ должен отвести свои армии за Рейн, в противном случае—республиканская Франция готова вести войну до последнего человека. Обращаясь к германским социал-демократам, собрание высказывало уверенность, что, действуя рука об руку с французскими социалистами, они будут добиваться «искоренения национальной ненависти, всеобщего разоружения и экономической гармонии» (Mug. Pol., I, 6). Немецкие социал-демократы („эйзенахцы“) также выпустили воззвание, в котором говорилось о необходимости немедленно предложить Франции почетный мир и заявляя протест против предполагавшейся аннексии Эльзас-Лотарингии. За этот манифест комитет партии был арестован и заключен в крепость по распоряжению военных властей. Против него было возбуждено судебное преследование по обвинению в государственной измене.

ской Совет (Коммуну), который, помимо выполнения чисто административных обязанностей, должен преследовать и «социальные задачи»; 2) спешное формирование новых батальонов национальной гвардии и вооружение их; 3) упразднение полицейской префектуры и передача ее функций администрации парижских округов; 4) признание принципа выборности всех чиновников; 5) обеспечение свободы печати, права союзов и собраний; 6) отмены бюджета культов; 7) политическая амнистия.

Все эти требования имели известное значение в смысле расширения и закрепления революционных завоеваний, но ни одно из них не носило социалистического характера и не имело в виду особых интересов рабочего класса.

Делегация была принята Гамбеттой, который выразил принципиальное согласие лишь на амнистию и устранение всех стеснений для печати; все остальные пункты были признаны «важными вопросами, разрешить которые правительство не вправе»¹⁾. А между тем почти все пункты программы красовались в том наказе, который сам Гамбетта принял от парижской демократии на последних выборах.

Таким образом, правительство национальной обороны с первых же дней открыло свое настоящее лицо. «У делегатов,—говорит Лефрансе,—создалось убеждение, что, если не будут приняты соответствующие меры, из этой революции ничего не получится, как и из прежних».

Правительство ограничилось лишь роспуском Законодательного Корпуса и уничтожением Сената, оставив почти в полной неприкосновенности унаследованный от Империи строго централизованный военно-бюрократический аппарат. Точно издеваясь над требованием рабочей демократии, оно поспешило назначить парижского мэра²⁾, предоставив ему право заместить должности окружных мэров и их помощников. В результате вся городская администрация очутилась в руках заведомых врагов социализма.

Не сумев настоять на осуществлении своих пожеланий, рабочие пытаются создать особую организацию, которая была бы противовесом временному правительству и назначенным им городским властям. В первые же дни после революции во всех 20-ти округах были избраны районные наблюдательные комитеты, которые послали своих делегатов (по 4 от округа) в Центральный Комитет 20 округов, поместившийся на улице Ла-Кордери, вместе с Федеральным Советом Интернационала.

Этот Ц. К. в состав которого на-ряду с буржуазными демократами вошли многие видные социалисты³⁾, ставил своей

¹⁾ Lefrançais. Etude sur le mouvement communaliste, p. 63—65.

²⁾ Мэром был назначен Эгьен Араго.

³⁾ Жознар, Пен и, Вайян, Мильер, Лонга, Лефриси и др.

ближайшей задачей контроль над агентами власти и помощи правительству в вопросах, касающихся обороны Парижа, организации помощи семьям солдат и национальных гвардейцев. обеспечения столицы продовольствием и проч.

Была выработана целая программа, в которой, между прочим, требовалось произвести немедленный учет и реквизицию предметов питания и первой необходимости, имевшихся у оптовых и розничных торговцев Парижа, а затем распределять припасы между гражданами по карточкам, принимая во внимание количество членов семьи, имеющиеся у каждого запасы продовольствия и возможную продолжительность осады города. В то же время парижским округам вменялось в обязанность обеспечить каждому гражданину и его семье необходимое им помещение¹⁾.

Ни одно из пожеланий этой программы не было немедленно исполнено²⁾.

Тем не менее, под влиянием воинственного патриотизма, охватившего теперь не только мелко-буржуазные, но и рабочие массы, все революционные группы готовы были поддерживать правительство национальной обороны. А этот патриотизм, действительно, вскружил головы. Борьба с буржуазией была отложена до победы над пруссаками; со страниц даже самых крайних газет раздавались призывы к образованию единого республиканского фронта.

«Прежде всего—пруссаки»,—писал в своем «Пробуждении» якобинец Делеклюз. Выпуская первый номер своей газеты «Отечество в опасности», Бланки писал: «Перед лицом врага не должно быть ни партий, ни разногласий.. Правительство, вышедшее из великого движения 4-го сентября, представляет собою идею республики и национальной обороны. Этого достаточно. Всякая оппозиция.. должна онемелкнуть во имя общего блага. Сейчас имеется лишь один враг—пруссаки и его соучастник, сторонник низвергнутой династии, которая хотела бы водворить порядок в Париже с помощью прусских штыков. Нижеподписавшиеся готовы предложить временному правительству свою самую энергичную и самую полную поддержку, без всяких оговорок или условий»...

В конце декларации стояли подписи всех виднейших бланкистов³⁾.

В газете и в своем клубе Бланки изо дня в день призывал массы к самопожертвованию, будил в них патриотические

1) Lefrançais, op. c., p. 70—73. Во время осады население Парижа сильно увеличилось, благодаря скоплению в городе беженцев из окрестностей. Остро чувствовалась жилищная нужда.

2) Уже одно ее опубликование вызвало протесты буржуазной прессы, кричавшей о „прусской провокации“. Местами плакаты П. К. были сорваны.

3) Mur. Pol., I, 15.

порывы. Социальные вопросы в этот период его почти не интересовали¹⁾.

Те же настроения господствовали и среди членов Интернационала. Руководитель руанских секций Обри заявил, что сначала надо вооружаться против пруссаков, и только потом против буржуазии²⁾.

Даже бакунист Ришар писал в лионском «Прогрессе», что «эта великая война... нашла в его сердце патриотический отклик³⁾».

Секретарь-корреспондент Генерального Совета для Франции Эжен Дюпон так характеризует тогдашнее настроение французских интернационалистов: «После провозглашения республики в Париже,—писал он лионцу Шарве,—роль нашего Товарищества в текущих событиях... состоит в использовании всех свобод, всех событий в целях организации рабочего класса. Без прочной организации рабочие всегда будут... слепым орудием в руках буржуазии. К несчастью, многие наши друзья этого не поняли; они поддались увлечению патриотизмом и составили один хор с буржуа, повсюду вопившими: «забудем разногласия, принесем самые дорогие наши принципы в жертву на алтарь отечества и выгоним неприятеля». Низкий обман! Ибо буржуазии не приходилось и не приходится ничем жертвовать, а народ снова обманут, потому что лишен организации⁴⁾.

В другом письме (к Ришару, от 7/IX) тот же Дюпон горько жаловался, что «ничего не изменилось; что у власти очутились «Жюли Фавры и Гамбетты», и рекомендовал рабочим предоставить «этой буржуазной сволочи» заключать позорный мир с Пруссией, а пока что укреплять организацию и готовиться к дню «настоящей войны между пролетариатом и буржуазией⁵⁾». Но Дюпон оказался едва ли не в одиночестве.

Итак, и рабочие массы, и социалисты готовы были не только отдать себя в распоряжение временного правительства, но и разделить с ним всю ответственность за дальнейшее ведение войны— лишь при одном неременном условии: энергичной обороны страны.

По недавнему опыту мировой войны 1914—1918 гг. мы хорошо знаем, что значит для рабочего класса взять на себя ответственность за войну, пока у власти стоит буржуазия, и кто остается в выигрыше от «бургфридена».

1) Горев. Бланки, 69.

2) Вейль, 130.

3) Цитир. по Вейлю, стр. 130. Сам Бакунин не разделял, однако, этих патриотических увлечений.

4) Testu. L'International et le Jacobinisme au ban de l'Europe. p. XIII. Стеклов, Интернационал, I, 133.

5) Testu, p. XII.

Обычно буржуазия охотно предоставляет пролетариям право защищать буржуазное отечество и гибнуть на полях сражений; но пролетариат при этом растворяется в общенациональной армии, состоящей преимущественно из отсталых крестьянских элементов, дрессируемых затем в казарме реакционным офицерством.

Не то было после Седана, когда Франция очутилась почти без регулярной армии, если не считать запертого в Меце корпуса ген. Базена и корпуса Винья, стоявшего в Париже. Между тем 500 тысяч немецких солдат двинулись из-под Седана прямо к столице, которая с 18 сентября была уже обложена. Правда, вылетевший из Парижа на воздушном шаре Гамбетта энергично принялся за организацию новых армий в провинции; но было мало надежды, что плохо вооруженные и недостаточно обученные ополченцы, не имевшие к тому же надлежащего командного состава, сумеют отбросить пруссаков и выручить Париж. Во всяком случае, организация новых военных сил в провинции требовала известного времени, а пока что, совершенно неподготовленный к обороне Париж оставался отрезанным от остальной Франции.

Но в городе имелась еще национальная гвардия. При Империи она была чисто буржуазным ополчением: батальоны гвардейцев состояли лишь из зажиточных граждан, плативших поземельные или личные налоги с движимости, или выбиравшие патенты.

После первых больших неудач на фронте Законодательный Корпус вынужден был приступить к увеличению парижской национальной гвардии: 11 августа решено было, помимо существующих 60 батальонов, организовать еще 200 новых, в состав которых вошли беднейшие слои парижского населения, преимущественно пролетарии, жители тех кварталов, где, как, наприим., Бельвилье, раньше не было национальной гвардии. Старые батальоны состояли обычно из 1.200 человек, состав новых вскоре возрос до 2.000 чел. в каждом ¹⁾.

Война и осада повели к остановке множества предприятий, и служба в национальной гвардии являлась теперь для огромного большинства рабочих единственным источником существования, хотя те полтора франка (30 су) и 72 сантимта на жену, которые получал национальный гвардеец, конечно, не могли заменить рабочему его обычного заработка.

В общем национальная гвардия, в которую вскоре вошло почти все взрослое мужское население ²⁾, насчитывала в своих рядах до 300 тысяч человек. Но для того, чтобы она стала действительно внушительной, боеспособной силой, ее новые про-

¹⁾ Сарсэ. Осада Парижа, 70—71. (Изд. Уп. Библ.)

²⁾ 29/IX были мобилизованы все холостые и бездетные вдовцы в возрасте от 21 до 40 лет. 2/X мобилизация распространилась и на отцов семейств тех же возрастов. (М. Р. I, 138).

летарские батальоны следовало не только вооружить, но и спешно обучить военной технике.

Но «вооружить рабочих—значило вооружить революцию» (Маркс); это значило для буржуазии вооружить своего классового врага как раз в тот момент, когда в ее распоряжении почти не было регулярных войск. Это значило вести энергичную оборону Парижа, главным образом, с помощью рабочих батальонов и, в случае победы, быть обязанной ею пролетариату. Но где же гарантии, что, прогнав пруссаков от Парижа, пролетариат не повернет оружия против своих классовых врагов—капиталистов? «Победа Парижа над прусским завоевателем,—писал Маркс,—была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами». Вот почему с первых же дней осады вооруженные рабочие становятся для буржуазии опаснее всякого внешнего врага.

Этот же боязнь пролетариата объясняется двусмысленная политика правительства национальной обороны. Для поддержания своего престижа в рабочих и мелко-буржуазных слоях оно торжественно заявляет, что готово воскресить великие дни 1792 г.¹⁾ «Мы не уступим ни одной пяди нашей территории, ни одного камня наших крепостей», — говорил Жюль Фавр. Но тот же Ж. Фавр одновременно признавался в письме к Гамбетте, что временное правительство защищается не столько от прусских солдат, сколько от парижских рабочих.

«Ничто не заставит нас выронить оружия. Смелость, верие, патриотизм! Губернатор Парижа Трошю никогда не капитулирует!»—говорилось в одной прокламации всего за 10 дней до сдачи города. И тот же Трошю признается потом парижским мэрам, что еще 4 сентября он заявил своим коллегам по правительству, что «при настоящем положении дел попытка отстоять Париж от пруссаков—чистое безумие». Того же мнения держались и другие министры—Пикар и Кремье.

Заранее решив не сопротивляться, предпочитая сдать Париж на любых условиях и тем самым избавиться от необходимости держать под ружьем 200 батальонов парижских пролетариев, правительство тешило парижан сообщениями о мнимых победах и успешности организации обороны, и тут же делало попытки завести переговоры о мире с пруссаками. Уже 17 сентября произошло тайное совещание Жюля Фавра с Бисмарком в Ферьере²⁾.

При таком настроении Правительства Национальной Обороны всякий успех, поскольку он укреплял в рабочих и мелкой буржуазии надежду на возможность конечной победы и заты-

¹⁾ В 1792 г. Париж сыграл важную роль в организации военных сил страны против нашествия пруссаков.

²⁾ Этот шаг, кстати сказать был предпринят временным правительством без ведома Рошфора.

гивал войну, становился нежелателен. Как видим, крупный капитал и его прислужники, всегда претендующие на самый бескорыстный и возвышенный патриотизм, порой готовы занять даже пораженческую позицию, раз она соответствует в известный момент классовым интересам буржуазии.

Не желая победы, временное правительство лишь для вида вело оборону Парижа. Оно совершенно не использовало тех двух недель, которые имелись в его распоряжении от 4 сентября до начала осады. Окружавшие Париж возвышенности остались неукрепленными, и были заняты неприятелем, который громил потом с них Париж артиллерийским огнем. Между тем на земляные работы могла быть брошена значительная часть имевшейся в городе безработной массы. Не было использовано для нужд военного ведомства и множество механических заводов и мастерских, остановленных их владельцами за отсутствием сбыта.

Батальоны национальной гвардии состояли из весьма пестрых элементов. «В распоряжении правительства,—говорит Сарсэ,—был закон, дававший ему право призвать на действительную военную службу всех молодых людей (женатых или холостых) в возрасте от 25 до 35 лет. Оно могло взять из национальной гвардии более сильные элементы и из них создать ядро настоящей армии. Но оно ничего этого не делало...» В результате... «рядом с седовласым старцем — почти безбородый юноша, дальше — какой-нибудь толстяк с покачивающимися на коротеньких ножках брюхом... много очков, говорящих о значительной близорукости...»¹⁾.

Ничего не было сделано и для поднятия боеспособности национальной гвардии. Драгоценное время растрчивалось на усвоение всевозможных тонкостей военной выправки, но гвардейцев почти не обучали стрельбе. Для рабочих батальонов не хватало винтовок. С убийственной медленностью шло перевооружение национальной гвардии ружьями более совершенного образца (переделка fusils à percussion на fusil à tabatière); шашпо старались распределять в возможно меньшем количестве, хотя ружей этой лучшей системы имелось достаточно на военных складах. Те 400 орудий, которыми располагала национальная гвардия, были куплены на деньги, собранные по подписке среди населения.

Главкомандующим национальной гвардией сначала был назначен ген. Тамизье, потом — Клеман Тома. Вместе с военным губернатором Парижа — реакционером Трошю — и всем кадровым офицерством эти генералы считали национальных гвардейцев трусами, неспособными к сколько-нибудь серьезному сопротивлению пруссакам. В этом пренебрежительном отношении военных специалистов к каким-то «штатским, пер-

¹⁾ Ф. Сарсэ. Осада Парижа. Впечатления и воспоминания. Стр. 106—7.

одетым в военное платье», сказывалась вся ненависть бонапартистски настроенного офицерства к пролетарскому Парижу и боязнь возможного сближения между национальной гвардией и солдатами. К тому же генералы, как и правительство, хотели мира во что бы то ни стало и ссылками на плохое состояние национальной гвардии прикрывали свое поражение.

Кадровое офицерство усиленно раздувало враждебные отношения, существовавшие между парижскими пролетариями и солдатами. Первые требовали «борьбы до истощения» и рвались в бой; вторые—не желали воевать, мечтали о возвращении по домам и встречали национальную гвардию криками: «Да здравствует мир!».

Начальство благосклонно относится к этим демонстрациям, возбуждавшим негодование в населении по адресу «продажных свиней»¹⁾, и натравливает солдат на рабочих, которые требуют де войны без конца потому, что хотят, не работая, получать 30 су²⁾.

Отрезав Париж от всяких сношений с провинцией, пруссаки рассчитывали, что голод и другие лишения скоро заставят столицу капитулировать. Огромное значение получало поэтому рациональное использование имевшихся в городе запасов. Между тем продовольственная политика правительства отличалась той же преступной небрежностью; если не прямой изменой, как и его действия в области организации обороны, и совершенно игнорировала интересы беднейшего населения Парижа, в чем особенно ярко сказывалась буржуазная природа новой власти.

Вопреки резолюции, принятой Ц. К-том 20 округа, правительство не торопилось с реквизицией предметов первой необходимости и введением карточной системы. Лишь 29 сентября появилось распоряжение о реквизиции имеющихся в пределах города запасов зерна и муки. Такса на мясо была введена 14 сентября; с 7 октября его начали распределять через муниципальные лавки. Тогда же отдельными мэриями стала вводиться карточная система; но лишь в половине октября был установлен единый мясной паек для всего населения Парижа³⁾.

Отсутствие точного учета и правильного распределения наличных продовольственных запасов создавало благоприятные условия для всевозможной спекуляции. Состоятельные классы могли делать большие запасы всякого рода провизии. Напрасно в народных клубах требовали, чтобы все жизненные припасы были переданы в распоряжение городской администрации, чтобы были реквизированы овощи у крестьян, имею-

¹⁾ Так называли в пылу раздражения линейных солдат, среди которых было много заместителей.

²⁾ 30 су (около 60 к.)—жалованье национального гвардейца.

³⁾ Дети до 12 лет получали $\frac{1}{2}$ пайка (50 гр. мяса в день). *Миг Пол.*, I, p. 49, 117, 141, 145, 198.

щих огороды в окрестностях Парижа, чтобы молоко выдавалось только детям, а яйца, куры и т. п.—только больным и раненым, чтобы закрыли дорогие рестораны и т. п. Правительство оставалось глухо к голосам рабочих.

Под предлогом снабжения армии, груды консервов и всякого рода продуктов лежали на складах, откуда они снова появились на рынке, как только было заключено перемирие.

При экономном и правильном распределении запасов продовольствия могло хватить, по крайней мере, на 6 месяцев. Между тем пришлось сдать город через 132 дня после начала осады (17/IX—26/I 71 г.), так как к этому времени в Париже оставалось хлеба всего на неделю, считая по 300 грамм в сутки на человека (размер дневного хлебного пайка).

Продовольственный кризис дал себя знать уже в конце октября, когда ежедневный мясной паек пришлось сократить сначала с 100 до 60 гр., а потом до 50 грамм.¹⁾ Уже с октября говядина заменяется кониной; в декабре последняя становится основной пищей населения. В хлебе, которым питались осажденные, было всего 15% пшеничной муки, остальные 85% составляли всякого рода примеси.

Но далеко не все могли приобрести даже то, что выдавалось по карточкам: такса на хлеб и мясо была столь высока, что безработные рабочие, получавшие в качестве национальных гвардейцев от 1 фр. 50 сант. до 2 фр. 25 с. в день, часто продавали свои мясные пайки богатым людям, чтобы приобрести на вырученные деньги хоть немного угля и т. п.²⁾ Многие рабочие семьи вынуждены были перейти на кошачье, собачье, даже крысиное мясо.

В то время, как $\frac{9}{10}$ населения голодали, богатые буржуа не испытывали никаких лишений, обедая по ресторанам, где подавались самые изысканные кушанья. Впоследствии многие хвастались, что никогда не замечали, что обедают в осажденном городе с двумя миллионами жителей. В одной из газет с негодованием сообщалось, как 14 молодых людей из среды буржуазных журналистов и политиков регулярно кутили в ресторане некоего гр. Вребана, которому преподнесли после осады золотую медаль в виде благодарности за образцовое услаждение их желудков.

Так как парижане мужественно терпели голод и все бедствия осады и не хотели и слышать о капитуляции, временное правительство решило испробовать другую тактику: ряд поражений должен убедить демократический Париж в бесплезности дальнейшего сопротивления.

1) Ib. 246, 248, 251, 284.

2) Арх. Народ. история Пар. Коммуны, 26. (Изд. Петрогр. Совета).

Еще в начале ноября положение столицы далеко не было безнадежным. Прусская армия, осаждавшая Мец, еще не успела подойти к Парижу, где сил у пруссаков было недостаточно, а между тем в провинции Гамбеттой была организована крупная армия, которая надеялась выручить осажденных. В самом Париже имелось большое количество военных припасов. Парижский гарнизон, насчитывавший до 100 тысяч линейных войск, столько же мобилей и до 200 тыс. национальных гвардейцев, мог использовать свое численное превосходство над неприятелем и путем удачных вылазок прорвать блокаду. Но это не входило в планы генералов, которые берегли линейные войска на случай гражданской войны и мечтали о скорейшем мире. Сравнительно благоприятные условия не были использованы.

Правда, для успокоения парижан время от времени делались вылазки, но с таким расчетом, чтобы наверняка быть покоренными пруссаками. «Хотели,—как деликатно выражается реакционный историк Коммуны Максим-дю-Кан,—привить национальной гвардии мирные идеи, заставив ее пережить военные опасности». Военный губернатор Парижа Трошю откровенно заявил своим сотоварищам по правительству: «Если в большой битве, данной под Парижем, тысяч двадцать человек останутся на месте, Париж капитулирует...». Национальная гвардия только тогда согласится на мир, когда она «потеряет, по крайней мере, тысяч десять». А генерал Клеман Тома дичинно заметил, что для умиротворения национальных гвардейцев необходимо «маленькое кровопускание».

Такое «кровопускание» было сделано сначала при Бурже (30 октября). Национальная гвардия сделала удачную вылазку, заняла было отбитую у немцев деревню, но должна была ступить, так как подкрепления не были вовремя посланы. Во время второй безуспешной вылазки и сражения при Шампиньи на Марне (1—2 дек.) национальные гвардейцы потеряли до 8 тысяч человек.

Наконец, благодаря преступной небрежности, если не прямой измене начальников, была проиграна удачно начавшаяся для французов битва при Бюзенвале (19 янв. 1871 г.). Плохо обученные национальные гвардейцы сражались не хуже солдат профессионалов, что признал не только сам Трошю, но и немецкие офицеры, отнюдь не склонные преувеличивать значение национальной гвардии, как боевой силы. Во время этой операции парижане потеряли 4.062 человека убитыми, ранеными и пленными.

На этот раз поражение как бы уже заранее предполагалось. Накануне вылазки правительство обратилось к населению с зажигательной прокламацией, но в то же время выпустило специальное воззвание к солдатам, в котором говорилось: «Идите

храбро в бой, мы обещаем, что вам придется сражаться уже в последний раз».

Эти слова могли понять только в одном смысле: поражение неизбежно, но оно ускорит капитуляцию и заключение мира.

Глава II.

31 октября и 22 января. — Капитуляция. — Национальное Собрание.

Военная и продсвольственная политика правительства национальной обороны вскоре должна была открыть глаза тем плетатарским и мелко-буржуазным слоям, которые в порыве патриотизма обещали свою безусловную поддержку г. Трою и его товарищам по кабинету. «Всем внимательным наблюдателям,—говорит Лефрансе,—становилось ясно, что Францию ведут к гибели».

К тому же буржуазия великолепно использовала воинственный пыл рабочих и проявление ими миролюбие на внутреннем фронте. 18 сентября под давлением революционных организаций правительство назначило выборы в Парижский Городской Совет на 29 сентября, потом отложило их на неопределенное время под тем предлогом, что все силы должны быть сосредоточены на отражении врага, и место граждан на укреплениях, а не в избирательных участках. В то же время оно отказалось включить в свой состав Луи Блана и Бланки, на чем также настаивала парижская демократия.

Все это вызвало сильное недовольство, особенно резко проявившееся в многочисленных народных клубах, которыми покрылся Париж со времени революции 4 сентября ¹⁾. Вчерашних спасителей республики называют теперь не иначе, как правительство «народной измены». Ему ставят на вид отсутствие твердой продсвольственной политики, которая обеспечивала бы интересы городской бедноты; его обвиняют в пренебрежительном отношении к национальной гвардии, в непринятии самых элементарных мер к усилению обороны Парижа; уже возникают подозрения, что правительство втайне готовится сдать город.

Изменяется и тон революционной прессы. Бланки, сделавшийся батальонным командиром и страстно требовавший все-

¹⁾ Среди народных клубов особенно популярными были клуб Фавье в Бельвилле (во главе его стоял коммунист Гайяр), Белой Королевы на Монмартре, Революции, Марсельезы (в Вильете), Фоли-Вержер, Мщение (пассаж Женн) и др. См. Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris (1—2). (Есть русский перевод).

общего вооружения, писал 1 октября в своей газете: «Париж никогда не защищался, не защищается и не будет защищаться. В пруссаках видят средство борьбы против революционеров»... «С 4 сентября правительство своими политическими, административными и военными мерами только компрометировало дело обороны. Оно ведет нас к гибели, а кричат: «Поддержите его!» Оно увлекает нас в бездну, а кричат: «Следуйте за ним». Первым актом защиты должно быть отстранение тех, которые делают ее невозможной¹⁾. В народных клубах и общественных столовых все громче раздаются призывы к «сопротивлению до последней крайности». Но если правительство не может организовать защиту Парижа и спасти Францию и республику, то это сделает свободно избранное парижское городское самоуправление, которое заместит несобственную и изменческую власть. «Коммуна должна быть головой и иметь своей рукой правительство»,—говорили в народных клубах.

Лозунг Коммуны, выдвинутый еще в условиях, поставленных правительству рабочей делегацией 4 сентября, приобретает теперь все большую популярность²⁾. В массах оживают традиции Великой революции, которые, как мы знаем, держались в бланкистских кругах еще при Империи. Коммуну рисуют себе по образцу революционной Коммуны 1792 г., которая сделалась тогда центром национальной обороны и остановила наступление пруссаков.

Итак, первое время с именем Коммуны, главным образом, связывается представление о народном правительстве, которое наладит, наконец, дело обороны Парижа.

Но так как правительство отнюдь не собиралось слагать своих полномочий, в революционных кругах возникает мысль об его свержении. В Лионе местные бакунисты еще 28 сентября захватили Ратушу и организовали «Ц. Комитет спасения Франции», но скоро были разогнаны буржуазной национальной гвардией³⁾.

4 ноября движение возобновилось под лозунгом передачи власти революционной Коммуне, но было подавлено.

Неудача постигла интернационалистов и в Бресте, где 2 октября они пытались поднять вооруженное восстание. В Марсели, провозглашенная рабочими Коммуна продержалась всего несколько дней (с 31 октября по 4 ноября)⁴⁾.

В Париже первая анти-правительственная демонстрация произошла 8 октября, после того как правительство отказалось

¹⁾ Цитирую по книге Горева, стр. 70.

²⁾ Во Франции термин коммуна означает городскую или сельскую общину, как самоуправляющуюся единицу, а также самый орган муниципального управления, напр., городской совет, городская дума.

³⁾ В восстании участвовал сам Бакунин, прибывший в Лион 15 IX.

⁴⁾ Стеклов, Интернационал, I, 137.

исполнить свое обещание назначить выборы в Коммуну. 3—4 тысячи национальных гвардейцев вышли из Бельвилля со знаменами, на которых было написано: «Да здравствует Коммуна!».

Эта малочисленная демонстрация не привела ни к каким результатам. Она обнаружила всю неорганизованность и неподготовленность революционеров, но в то же время подчеркнула разрыв между правительством и крайними группами.

31 октября мы видим уже попытку свержения правительства и захвата власти. Толчком к движению послужили слухи о возможности заключения перемирия с пруссаками, на чем усиленно настаивал перед правительством вернувшийся из неудачного объезда европейских дворов и имевший в Версале свидание с Бисмарком Тьер, а также неудачная вылазка и поражение национальной гвардии при Бурже (30/X).

Но больше всего парижане были взволнованы и возмущены известием о сдаче Меца, скрывавшимся правительством несколько дней.

В Меце, как помнит читатель, находилась 120-тысячная армия ген. Базена, запертая там пруссаками после августовских поражений. Со времени падения Империи генерал Базен считал дальнейшее сопротивление бесполезным, но он надеялся, что в случае заключения мира именно мецкая армия будет сохранена пруссаками и явится той единственной силой, с помощью которой новое устойчивое правительство сможет раздавить революционных агитаторов, «успокоить» страну и обеспечить выполнение Францией мирных условий. Почетная капитуляция Меца выгодна немцам, так как только в таком случае они смогут пожать плоды своей победы.

Исходя из этих соображений, Базен начал без ведома парижского правительства переговоры с прусской главной квартирой, находившейся уже в Версале. 12/X он отправил следующую телеграмму. «Военный спор решен, и его величество король прусский не может придавать большого значения бесплодному торжеству, которого он добьется разрушением единственной силы, способной в настоящее время побороть анархию в нашей несчастной стране. *Она восстановила бы порядок и дала бы Пруссии гарантию залога, который та могла бы потребовать*».

Итак, возможность контр-революционного переворота изменил генерал хотел купить ценою заключения позорного мира с Бисмарком. Последний тянул переговоры, пока у французской армии не вышли все запасы продовольствия, после чего Базену ничего не оставалось, как капитулировать без всяких условий. Сдача крепости произошла 27 октября.

Париж узнал об этом 31-го. С утра толпы народа хлынули к Радуше. На знаменах были надписи: «Долой перемирие!» Членов правительства, пытавшихся успокоить демонстрантов,

встретили криками: «Долой Трошку!» «Да здравствует Коммуна!» «Война до последней крайности!».

Один из пролетарских батальонов национальной гвардии окружает Ратушу. Толпа оттесняет мобильную гвардию, выламывает двери и пробивается внутрь здания. Один из членов Ц. К. 20-ти округов провозглашает низложение временного правительства, очутившегося в плену у восставших. Тут же назначают комиссию для организации немедленных выборов в Коммуну.

Но победители, среди которых преобладали якобинцы ¹⁾ и бланкисты, не сумели в этот решительный момент придать движению организованный характер. Прежде всего, у них не было плана ближайших действий, не оказалось единства взглядов по вопросу об организации власти, достаточной решимости и дисциплины.

Одни полагали, что впредь до избрания Коммуны функции правительства перейдут к той комиссии, которую назначили для организации выборов. Другие предлагали передать власть Комитету Общественного Спасения. Последнее мнение, на котором особенно настаивал ворвавшийся со своими стрелками в Ратушу Флоранс, одержало верх; но не могли столкнуться насчет кандидатов в это новое революционное правительство. «Возгораются бесконечные дебаты, и воцаряется страшнейший беспорядок», — пишет Лиссагарэ. — «Каждый зал имел свое правительство и своих ораторов». «Вследствие отсутствия предварительного соглашения, — говорит Лефранс ²⁾ — по городу стало ходить несколько списков членов нового правительства, прочитанных в разных местах Ратуши, и это уже начало вносить смуту в умы».

Самый состав временной комиссии ³⁾ отразил на себе колебания тех, кого вынесла на своем гребне революционная волна: рядом с Бланки мы видим в нем имена якобинцев — Делеклюза и Ф. Пиа, ветеранов 48 года — Луи Блана и мелко-буржуазного демократа Ледрю-Роллена, В. Гюго и даже одного из членов старого правительства — Дориана.

Интересно отметить и другое обстоятельство: комиссия сразу же оказалась неработоспособной. Дориан отказался, Луи Блан, В. Гюго, Ледрю-Роллен и Пиа держались в стороне или совсем исчезли ⁴⁾, очевидно, не решаясь взять на себя ответственность.

Бланкисты обнаружили больше смелости, но выдвинутый ими Комитет Общественного Спасения не позаботился принять самых элементарных мер по охране революционного порядка и закреплению одержанной победы. Кучки реакционно настроен-

¹⁾ Партия буржуазных демократов.

²⁾ Lefrançais, op. cit., 96.

³⁾ У различных авторов списки ее членов не вполне совпадают.

⁴⁾ Лиссагарэ, 30. (Изд. „Молот“).

ных национальных гвардейцев свободно проникают в Ратушу и, пользуясь царящим там хаосом, беспрепятственно освобождают Трошию и Ферри и в то же время пытаются захватить Бланки.

Вместо того, чтобы немедленно мобилизовать батальон рабочих предместий, усилить караулы и т. п., сторонники Коммуны считают себя уже победителями и беспечно расходятся по домам. К вечеру в здании Думы «осталось едва около тысячи невооруженных людей, а вся военная сила состояла из... стрелков Флюранса¹⁾».

Между тем слухи о новой власти, утвердившейся в Ратуше, распространились по городу. Если утром «все парижское население от мала до велика, по словам Ж. Ферри, было настроено враждебно к старому правительству, то теперь положение изменилось». Огромное большинство средней и мелкой буржуазии, боявшейся революционеров больше, чем пруссаков, не могло примириться с правительством, опиравшимся на рабочие кварталы. «Многие из тех, кому Ледрю-Роллен и Виктор Гюго были еще по душе, не могли переварить Флюранса и Бланки²⁾».

Когда в здании Биржи, где происходило собрание офицеров национальной гвардии, было сообщено об образовании в Ратуше нового правительства, и названы имена Бланки, Мильера и др., среди присутствующих начинается переполох. Раздается возглас: «Не надо революционной Коммуны!». Офицеры отказываются созывать свои батальоны, чтобы воспрепятствовать освобождению членов временного правительства. Предложение оставить Трошию встречается громом аплодисментов³⁾.

Буржуазные батальоны национальной гвардии, ушедшие в течение дня по домам, собираются на Вандомскую площадь. «Сказавши национальным гвардейцам, что Ратушу осаждают Бланки и Флюранс,—говорил потом в своем показании один из парижских мэров (Эд. Адам),—мы смогли собрать 40 тысяч человек. Оба эти имени оказали, как всегда, свое действие⁴⁾».

В то время как Бланки подписывал декреты в почти опустевшей Ратуше, в залу заседаний врываются бретонские мобили Трошию, которые обезоруживают стрелков Флюранса и освобождают членов низвергнутого правительства. Ранним утром 1 ноября г. г. Трошию, Ферри и Ко также легко возвращаются к власти, как лишились ее накануне.

Итак, восстание потерпело неудачу. Но правительство не решается сразу же приступить к расправе. Разыгрывается ко-

1) Ib.

2) Ib.

3) Molinari. Les clubs rouges, p. 48—52.

4) Enq. Parl., II, 157.

25 фр., одна луковица—50 фр., сырые, плохо горевшие дрова—15 фр. сотня. Фунт кошачьего или собачьего мяса стоил 5 фр. Конина стала лишь доступна богатым людям.

Остро чувствовался недостаток топлива. Начались самовольные порубки деревьев на бульварах, по ночам происходили грабежи дровяных складов, на одной из окраин разломали на топливо заставу, в домах жгли двери.

Особенную нужду испытывали жители рабочих кварталов, как, напр., Бельвилля, в большинстве оставшихся без всякого заработка¹⁾.

От недостаточного питания и разных эпидемий несбычайно возросла смертность: в ноябре в городе умерло 8.238 человек, в декабре—уже 12.885, не считая, разумеется, убитых и умерших от ран. В последнюю неделю перед сдачей смертность достигла 4.465 человек, в то время, как обычная недельная смертность не превышала в Париже 750—900 чел.

Обнищавшее население перестало платить за квартиры. В конце декабря квартирный вопрос усиленно обсуждается в народных клубах. Раздавались предложения отменить квартирную плату на неопределенное время или внести только половину ее, с тем, чтобы остальную оплатило государство путем собой ссуды домовладельцам.

Против последнего предложения многие протестовали. «Разве мы можем согласиться на подобные условия»!—говорил один из ораторов в клубе улицы Арра.—«Домовладельцы бессовестным образом эксплуатировали нас в течение 20 лет, они были сообщниками Бонапарта, а нам еще предлагают остаться у них в долгу... Мы им ничего не должны, а если у них хватит наглости приставать к нам со счетами, то самое лучшее, что нам остается сделать, это—перевешать их!»²⁾.

Наконец, благодаря бомбардировке города, начавшейся с 26 декабря, целые кварталы оказались разрушенными, многие жители лишились крова.

Жесткий голод, холод, болезни, страх смерти—все должно было приблизить тот «психологический момент», которого ждали и Бисмарк и Трошю. Но большинство населения стойчески переносило все страдания и невзгоды; оно не хотело и слышать о капитуляции. Вместе с тем росло и недовольство правительством, в котором видели главного виновника затяжки осады.

В народных клубах все настойчивее требуют призывов обысков не только у торговцев, но и у частных лиц, скрывающих запасы продовольствия; реквизиции всех товаров, особенно масла и угля, и *бесплатного* распределения их среди «защитников стечества» и их семей, отправки на позиции попов:

¹⁾ Моллинар, о. с., 210, 215.

²⁾ Там же, 102, 108—110.

и семинаристов или лишения их продовольственного пайка и т. п.

Мысль о передаче дела управления и обороны города свободно избранной Коммуне приобретает все большую популярность среди населения. Городская беднота надеется, что новая власть не только сумеет организовать вылазку и прогнать пруссаков, но и заставит вынести на свет божий припасы, припрятанные спекулянтами, «разжиревшими буржуа» и монахами, введет равномерное распределение продуктов.

Вопроса о более глубоких социальных реформах с Коммуной пока, повидимому, не связывают; местами даже замечается определенно враждебное отношение к коммунистическим идеям. В заседании Клуба Революции в Элизе (16/ХII) дружные аплодисменты вызывают слова одного из ораторов, заявившего, что «коммунизм есть состояние противное природе; что неравенство условий, в которые поставлены люди, являются для каждого стимулом идти вперед, чтобы догнать более счастливого соседа, что полное уравнение остановило бы прогресс».

Но в речах некоторых ораторов уже мелькает любопытная мысль о неизбежности вооруженной борьбы революционного Парижа против реакционной провинции. «Коммуна.—говорят в том же Клубе Революции,—будет исключительно парижской. Но когда она спасет Париж, а с ним и Францию, тогда, конечно, Коммуна будет иметь право продиктовать свои условия департаментам. Если бы последние захотели, напр., навязать Парижу восстановление монархии, разве не имела бы права Коммуна отвергнуть это (конечно!) и, в случае надобности, *защитить силой парижскую республику от департаментской реакции?*».

Большой популярностью пользуется идея воскрешения революционных методов 1793 года. Слышатся также речи: «Коммуна возвратит нам 93 год, а 93 год возвратит нам победу». «Коммуна... сумеет задушить измену: к каждому генералу она приставит двух комиссаров, которые при первых же проявлениях слабости разможат ему голову револьвером». «Бельвилль освободит Европу; ему нужен только человек 93 года, такой человек—Бланки, неподкупный Бланки.. Мы слишком расслаблены; нам нужны люди 93 г., чтобы вдохнуть в нас мужество; нужны Мараты, Дантсны, Робеспьеры...».

В клубе Фавье в Бельвилле один из ораторов предлагает самим народным обществам «выбрать 80 чистых республиканцев, которые и образуют Коммуну и спасут республику, подобно тому, как спасли ее в 93 году (да, да!)».

Необходимо, однако, отметить, что среди публики, посещающей заседания народных клубов, еще немало людей, для которых идея Коммуны оставалась чем-то весьма неопределенным. На одном из собраний того же клуба Фавье какой-то оратор говорит, что он «готов держать пари, что $\frac{3}{4}$ слушате-

лей понимают, что такое Коммуна». Раздаются протесты, в зале стоит шум. «Полезно было бы разъяснить!»—кричит кто-то. Но и сам оратор дает довольно неопределенный ответ. «Коммуна—это право народа, это равномерное распределение пайков, это гололовное восстание и наказание изменников»¹⁾.

6 января Ц. К. 20-ти округов расклеил по всему городу красные плакаты, в которых говорилось: «Исполнило ли свой долг правительство, взявшееся за дело национальной обороны? Нет. Своею медлительностью, нерешительностью и неспособностью наши руководители привели нас на край пропасти. Они не сумели ни управлять, ни бороться. Народ мрет от холода, а в ближайшем будущем будет умирать и от голода. Бесплезные вылазки, кровопролитные сражения без всякого результата, вечные неудачи—правительство взялось за проведение своих мер—оно берет нас измором... Если у людей, заседающих в Отель-де-Вильль, есть хоть сколько-нибудь патриотизма, то их долг уйти и предоставить парижскому народу самому позаботиться о своем освобождении. Муниципальный Совет или Коммуна—все равно, как назвать его—единственное спасение народа, единственное прибежище его в смертельной опасности... Всеобщая реквизиция! Даровой паек!..

Политика, стратегия и администрация 4 сентября—это наследство Империи—осуждены. Прочь с дороги! Дайте место Парижу, дайте место Коммуне»²⁾.

То же требование с декабря выдвигалось изо дня в день в народных клубах, заседания которых открываются и закрываются при криках: «Да здравствует Коммуна!»

Никто не сомневается в пораженческих планах правительства национальной обороны. «Правительство,—говорит 2 дек. оратор в клубе Белой Королевы,—хочет капитулировать: в этом его прямой интерес, потому что оно скорее войдет в сделку с пруссаками, чем примирится с социализмом, этим прямым наследием революции».

Настроение масс поднимается. «Если блокада не будет снята через 8 дней, то надо будет двинуться толпой к Городской Ратуше»,—предлагают в клубе Фавье 19 декабря. 6 января это предложение снова слышится в клубе. «Надо перейти от слов к делу,—поворит один из ораторов. Но не следует быть легкомысленными, чтобы не получилось второго 31 октября. Один Бельвилль может быть раздавлен реакцией». Заседание закрывается при всеобщем возбуждении. Раздаются возгласы: «Пойдем завтра же с оружием!» «Если у нас не будет Коммуны через три дня, мы погибли, ибо припасов осталось всего на 18 дней, а на снабжение города продовольствием требуется 15

¹⁾ См. заседание Клуба Революции в Элизе (16/XII), Марсельезы (11/I), Фавье в Бельвилле (19/XII) и собрание бланкистов в Бельвилле (23/XI). Молинари, *op. cit.*, 156—7, 167, 248, 114, 167, 228.

²⁾ Claretie. Histoire de la révolution de 1870—71, p. 470—1.

дней» (после снятия осады, разумеется),—говорят 11 января в клубе «Марсельеза»¹⁾.

Правительство чувствует всю шаткость своего положения. На совещании кабинета 10 января Трошо определенно указывал на опасность нового восстания в том случае, если правительство капитулирует теперь же, когда большинство населения еще считает возможным сопротивляться. Особенно, по его мнению, внушает опасение настроение национальной гвардии; даже умеренные батальоны могут пойти за «красными горлапами».

Действительно, лозунг Коммуны готова поддержать теперь даже буржуазная демократия. Одна из крупнейших ее организаций—Республиканский Союз—выпускает 21 января манифест, полный веры в возможность сопротивления и призывавший парижское население немедленно избрать «суверенное собрание из 200 представителей, которое взяло бы в свои руки оборону и управление городом». В осуществлении этого проекта авторы возмущения видят единственное средство избежать гражданской войны²⁾.

Ближайшим поводом к восстанию явилось поражение национальной гвардии под Бюзенвалем, слухи о перемирии, которое собирается заключить правительство, и назначение ген. Винуа военным губернатором города вместо ушедшего в отставку Трошо. В прокламации к армии новый губернатор выражал надежду, что «благонамеренные граждане, солдаты и национальные гвардейцы окажут ему всяческое содействие в поддержании порядка и общественного спокойствия, которым грозит опасность со стороны «анархической партии»³⁾. Смысл прокламации не оставлял никаких сомнений в том, что энергия нового военного губернатора будет направлена прежде всего на борьбу с «внутренним» врагом, а не с пруссаками, о которых не говорилось ни слова.

В руководящих революционных кругах считали, что создавшаяся обстановка чрезвычайно благоприятна для нового выступления. Особенно усиленную деятельность проявляли бланкисты. Сам Бланки, вышедший из подполья, где он скрывался после неудачного восстания 31 октября, спешил теперь возобновить связи с членами Республиканского Союза и Интернационала, клубными ораторами и отдельными командирами национальной гвардии, обещавшими поддержку своих батальонов.

Вечером, 21 января, в клубе Белой Королевы состоялось совещание с участием членов районных наблюдательных комитетов, делегатов от различных клубов и других организа-

¹⁾ Молинари, 198, 168, 228, 247.

²⁾ Lepellétier. Histoire de la Commune de 1871, I, p. 102.

³⁾ *Ib.*, 106.

ций. Было решено собраться на следующий день в одной из мэрий, чтобы оттуда двинуться к Ратуше. В демонстрации должны были принять участие вооруженные национальные гвардейцы, а также женщины, которые, как предполагалось, выступят с протестом против системы распределения хлеба и других правительственных мероприятий в области продовольственной политики. Предполагалось, что демонстрация должна перейти в восстание. В тот же день вечером толпа национальных гвардейцев освободила из Мазаса¹⁾ Флюранса и других участников движения 31 октября²⁾.

Правительство не могло не знать о результатах совещания революционеров, как и об освобождении политических; и оно приняло надлежащие меры.

Утром, 22-го, появилась прокламация Клемана Тома, призывавшая граждан помочь правительству покончить с «этим преступным предприятием», которое грозит парализовать защиту перед лицом врага.

Здание Ратуши было предусмотрительно занято солдатами 109 и 100-го линейных полков, спешно снятых с фортов, и бретонскими мобилиями. Последние, не понимая языка парижан, совершенно не входили в соприкосновение с населением, оставались чужды его республиканским идеалам и воинственному патриотизму. Эти темные провинциалы, мечтавшие только о скорейшем возвращении домой и видевшие в парижанах лишь мошенников, грабителей и туземцев, получающих неизвестно за что свои 30 су, считались надежнейшей опорой правительства. Войска были снабжены митральезами³⁾.

В условленный час на площади перед Ратушей собралась толпа женщин, среди которых было несколько безоружных национальных гвардейцев. Члены Республиканского Союза — Делеклюз, Арт, Арну, Курне находились в одной из квартир по соседству с зданием Думы. Все ждали распоряжений от Бланки, заседавшего со своим штабом в одном из ближайших кафе.

Между тем обещанные Республиканским Союзом батальоны не приходили. Буржуазная демократия еще раз продемонстрировала полнейшую неспособность к решительным действиям и революционной тактике. Вместо того, чтобы стянуть к Ратуше национальных гвардейцев и быть готовым к ее штурму, Союз надеялся на мирное соглашение с правительством; недаром его манифест не содержал в себе ни малейшего призыва к испровержению старой власти!

В Ратушу была послана безоружная делегация, которая потребовала отказа от капитуляции, подчинения военных властей гражданским и немедленных выборов Коммуны.

1) Одна из парижских тюрем.

2) Lepelletier, I, 109. Molinari, op. c. 262—265.

3) Скорострельное орудие.

Делегация была принята от имени правительства помощником мэра Шодеем. Чувствуя, что за демонстрантами не стоит никакой реальной силы, последний категорически отклонил требование выборов в Коммуну и заявил, что при всякой попытке со стороны манифестантов проникнуть в Ратушу будет пущена в ход военная сила. «Если дело доходит до применения оружия, те, кто сильнее, перестреляют других», прибавил Шодей, по словам Луизы Мишель¹⁾.

Что касается рабочей демократии, то, благодаря своей неорганизованности, она не сумела мобилизовать в этот день достаточных сил. Некому Рауа, одному из батальонных командиров, разжалованному за участие в восстании 31 октября, удалось собрать отряд из гвардейцев Монмартра, но этого было слишком мало, чтобы начать наступление на Ратушу.

Узнав о неудаче, постигшей делегацию, собравшаяся на площади толпа волновалась; раздавались возгласы: «Долсей! В Ратушу! Да здравствует Коммуна!» К демонстрантам присоединилось несколько группок национальных гвардейцев. В общем манифестация носила довольно невинный характер и готова была закончиться, как вдруг появились отряды гвардейцев XIV и IV округов. Все напряженно ждут приказаний от Бланки. В это время неизвестно откуда раздается случайный или провокаторский выстрел, в ответ на который из Ратуши дают залп по толпе. Национальные гвардейцы стреляют по окнам. Толпа разбегается. Часть манифестантов шляется строить баррикаду, но их разгоняет подоспевший со своими жандармами префект полиции. На площадь подвозят артиллерию. После 15-минутной перестрелки все было кончено. Демонстранты потеряли 30 человек убитыми и ранеными, правительственные войска—троих.

Начались обыски в прилегающих домах; до 80 человек, в том числе старик Делеклюз, было арестовано. Правительство закрыло несколько левых газет и выпустило гнусную прокламацию по поводу событий 22 января, изображая в ней манифестантов продажными немецкими агентами, которые не задумались пролить кровь солдат и национальных гвардейцев в то время, как враг бомбардировал Париж.

23 января все клубы были закрыты следующим декретом: «Правительство национальной обороны, принимая во внимание, что вследствие преступной агитации, очагом которой сделались некоторые клубы, некоторыми подстрекателями была задумана гражданская война, которую все население отвергает; что необходимо положить конец этим гнусным проишкам, которые при настоящих обстоятельствах представляют опасность для отечества и которые, в случае их возобновления, за-

¹⁾ L. Michel. La Commune, 101.

пятнают безупречную до сих пор честь Парижа, постановляет: 1) все клубы закрываются до конца осады...»¹⁾.

22 января отдельные группы революционеров выступили вместе с буржуазной демократией, но дело Коммуны несколько не выиграло от этого блока. Республиканский Союз и подобные ему организации отнюдь не были расположены к серьезной борьбе с правительством. В то же время революционными силам не хватало сплоченности и такой авторитетной организации, за которой пошел бы парижский пролетариат²⁾.

Бланкисты пользовались большим влиянием в передовых рабочих кругах, но не сумели организационно связаться с массами. Отсутствие единого организационного центра с самого начала сузило размах движения. Еще накануне выступления в настроении рабочих масс чувствовались колебания. 16 января на заседании бельвилльского клуба Фавье Брион, один из виднейших клубных ораторов, высказывается в том смысле, что провозглашать Коммуну уже поздно. Уныние, отсутствие веры в революционные силы заметно и в Клубе Революции (в Элизе-Монмартре. Засед. 18/1).

В самый день выступления даже пролетарские элементы Бельвилля слабо отозвались на призыв революционеров. Вот что говорил, напр., один из ораторов в клубе Фавье в вечернем заседании 22 января: «Целых два дня мы призывали вас к оружию для ниспровержения бесчестного правительства Ратуши. Каждый раз вы кричали: мы явимся все, все! Вас было 10—12 сотен. Сколько же явилось к Ратуше сегодня утром?.. Нас было менее 40 человек. (Возгласы: позор!). И этих-то людей дал не Бельвилль, а XIII округ. Бельвилль, хвастливо называющий себя революционным кратером, опозорился. (Да, да, правда; мы подлецы!)». Другой оратор рассчитывал, что Бельвилль будет покрыт багрякалами, а увидел мирно прогуливавшихся граждан и пражданок³⁾.

Что касается парижских секций Интернационала, то за все время осады с их стороны не замечалось даже попыток принять участие в политической борьбе.

После революции 4 сентября вопрос стоял так: должны ли социалисты иметь свою особую, отличную от всех других партий, программу и тактику, рассчитанную на период подготовки к социальной революции. Французские интернационалисты, среди которых преобладали лево-прудонистские или бакунистские настроения, признавали политическую борьбу лишь постольку, поскольку низвержение Империи представлялось им неизбежной предпосылкой социалистической революции,

¹⁾ Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris. p. 271.

²⁾ Попытки создать федерацию революционных клубов все же были, они исходили от Клуба Революции в Элизе-Монмартре. Молинали, 155.

³⁾ Molinari, p. 246—262, 265—266.

которая должна была наступить тотчас же после падения наполеоновского правительства. С установлением буржуазной республики они снова готовы были отказаться от всякой самостоятельной политики, от всякого планомерного воздействия на буржуазное государство и ограничиться ролью критиков правительства, считая, что дело Интернационала лишь организовывать рабочий класс и разрабатывать план экономических мероприятий на случай социальной революции.

Отдельные члены организации усердно работали в наблюдательных комитетах, в Ц. К. 20-ти округов, но Федеральный Совет, как и рабочие синдикальные камеры, никогда не пытались направлять работу этих важных организаций, или использовать их для воздействия на правительство. В этом отношении нас не должен вводить в заблуждение тот факт, что Ц. К. 20-ти округов обосновался в помещении Интернационала; к сожалению, это сожительство осталось чисто внешним и не привело к установлению идейной или организационной связи.

Вскоре после первого неудачного выступления в пользу передачи власти Коммуне (8 октября), Лефрансе внес предложение, чтобы объединенная комиссия Интернационала и федерации рабочих камер «взяла на себя руководство политическим движением, близкий исход которого можно было уже предвидеть. «Мы горячо настаивали,—рассказывает Лефрансе,—чтобы общество, программа которого была известна, а его республиканские принципы не подлежали никакому сомнению, вплотную взялось за дело; тогда мы имели бы инициативу коллектива и идейное руководство вместо инициативы отдельных лиц, стремящихся к власти, но вообще лишенных всякого понимания политической и экономической действительности». — «Пора положить конец болезненным проявлениям личного честолюбия; настало время, когда революция должна носить анонимный характер и совершаться самим народом». — «Только Интернационал и Рабочая Федерация способны осуществить социальную революцию, сигналом к которой послужит провозглашение Коммуны, становящееся со дня на день все более вероятным».

Но предложение Лефрансе, которое, казалось бы, следовало лишь приветствовать, не встретило сочувствия собрания. Комиссия «почти единогласно заявила, что Интернационалу и рабочим синдикальным камерам не следует непосредственно вмешиваться в события, смысл которых еще слишком неясен; участвуя в них, организации рискуют скомпрометировать свою репутацию; что Общество имеет в виду заниматься исключительно социально-экономическими реформами; как организации, Интернационал и Федерация должны тщательно воздерживаться от чисто политической деятельности. Но отдельные члены сохраняют за собою право участвовать, в качестве част-

ных лиц, в этой деятельности в той мере, в какой найдут нужным».

Напрасно сторонними предложения Лэфрансе возражали, что принять подобное решение, «это значит вернуться к заблуждениям старых социалистических школ, будто можно как-то разрезать общественную жизнь и добиться освобождения рабочих даже при монархии»; что «под утробой небытия социализм должен быть политикой, отщипываясь от отрицания монархии, как от основного положения. Наиболее влиятельные члены Интернационала упорно стояли на противоположной точке зрения; решение осталось в силе ¹⁾».

В движении 31 октября мы не видим никаких следов участия в нем Интернационала. То же можно сказать и относительно 22 января. В продолжение всей осады он живет какой-то изолированной жизнью. Незаметно, чтобы парижская группа, как целое, интересовалась такими вопросами, как поражение национальной гвардии, вероятность близкой капитуляции Парижа или неизбежность замены временного правительства Коммуной.

Одно из заседаний Федерального Совета происходило как раз 22 января. И что же? Интернационал не только не принимает ни малейшего участия в движении, но даже не желает обсуждать этой якобы не заслуживающей никакого внимания авантюры. По поводу намека Гулле, что среди населения замечается брожение, Франкель замечает: «Давайте поменьше заниматься 22 января и побольше будущим». Собрание всецело погружается в обсуждение вопроса о газете, а Варлен говорит: «Рабочая Республика и борьба до последней крайности, вероятно, не всплывут больше на свет божий. Давайте же изыскивать средства для выпуска новой газеты» ²⁾.

Буржуазные историки, приписывающие Интернационалу главную роль во всем движении, которое привело к Коммуне, готовы объяснять все революционные выступления закулисными махинациями Международного Общества Рабочих. Федеральный Совет якобы умышленно держался в стороне от событий, предпочитая проводить свои решения через немногих членов, которых он посылал в разного рода комитеты под видом беспартийных ³⁾.

Приведенных выше выдержек, думается, достаточно, чтобы показать всю неосновательность подобного мнения. Ни о какой руководящей роли Интернационала в событиях 31 октября, 22 января, и, как увидим ниже, в самой революции 18 марта—не может быть и речи.

¹⁾ Lefrançais, p. 90—91.

²⁾ Lepelletier, p. 378.

³⁾ См., напр. Testu. International et le jacobinism. II, 171—2.

После ликвидации неудачной попытки январского восстания было созвано совещание парижских мэров, на котором министр торговли заявил, что хлеба хватит лишь до 4 февраля. Капитуляция стала неизбежной. Ведение переговоров о перемирии пришлось взять на себя временному правительству, тщетно пытавшемуся возложить эту неприятную обязанность на мэров: приходилось заключать мир от имени всей Франции, находясь в сущности в положении пленников Бисмарка.

28 января в «Официальном Журнале» появились условия капитуляции: разоружение регулярных войск, за исключением одной дивизии; сдача части парижских фортов; уплата 200 милл. франков в двухнедельный срок и немедленный созыв Национального Собрания для обсуждения мирных условий. Прекращение военных действий распространялось, однако, не на все фронты: оно не коснулось восточной армии, которая, будучи предоставлена самой себе, вынуждена была после ожесточенных боев перейти швейцарскую границу, где и была интернирована.

Предстояли выборы в Национальное Собрание, назначенные на 8 февраля. Делегация временного правительства, находившаяся во главе с Гамбеттой в Бордо, издала декрет, в силу которого лишались права быть избранными все старые министры Наполеона III, бывшие члены Государственного Совета, а также все, кто при Империи принимал официальные кандидатуры. Этот декрет, стремившийся исключить по возможности из будущего Собрания сторонников Империи, вызвал протест со стороны парижского правительства, которое и отменило это ограничение пассивного избирательного права. Сторону Ж. Фавра и его коллег принял и Бисмарк; этот настоящий хозяин побежденной Франции заявил себя ярким сторонником свободы выборов и отказался признать законность Собрания, если декрет Гамбетты останется в силе.

Вся обстановка выборов была крайне неблагоприятна для республиканцев и социалистов. При расстроенных почтовых и железнодорожных сообщениях нечего было и думать развезти в двухнедельный срок сколько-нибудь значительную агитацию и просветить неорганизованную и невежественную деревню, выяснить ей смысл происходящих событий.

К тому же политический центр агитации—Париж—в течение 4-х месяцев был отрезан от всей остальной Франции; даже после снятия осады парижские газеты и журналы не допускались в провинцию германским командованием. В 43-х департаментах, оккупированных неприятелем, ни о какой свободе предвыборной агитации не могло быть и речи.

В стране с преобладанием деревенского населения результаты всеобщего голосования зависели от настроения крестьянства, как основной массы избирателей. Это крестьянство не хотело продолжения войны, отрывавшей от мелкого хозяйства его

рабочие руки и прозившей сельскому населению всеми бедствиями неприятельского вторжения. «Мир во что бы то ни стало!»—таков был самый популярный в деревне лозунг, особенно в департаментах, лежавших вдали от театра военных действий.

Настроение крестьянства было превосходно учтено и использовано всеми контр-революционными силами, поставившими своей задачей вооружить деревню против республики и революционного Парижа. Попадавшие в провинцию реакционные газеты изображали столичных пролетариев сторонниками всеобщей дележки, ворами и поджигателями, мятежными солдатами, никогда не желавшими сражаться, поднимавшими восстания в виду неприятеля и парализовавшими своими выступлениями энергию таких доблестных генералов, как Трошю, и таких мудрых государственных людей, как Жюль Фавр. Бонапартистские и тьеровские агенты говорили крестьянам, что пруссаки уйдут из Франции только в том случае, если парижане перестанут противиться заключению мира. И деревенский избиратель давал своим кандидатам вполне определенный мандат: «избавьте нас от пруссаков, а если вам мешают парижане, избавьтесь и от них».

Усиленную деятельность проявляло и католическое духовенство, подсовывая крестьянам под видом сторонников мира списки заведомых орлеанистов и легитимистов ¹⁾.

Среди городского пролетариата преобладали патриотические настроения: считалось, что и после капитуляции Парижа еще не все потеряно, что войну надо вести до последней крайности. Своим всишственным настроением рабочему классу удалось заразить значительную часть средней и мелкой буржуазии. Муниципальный Совет Лиона заявил, что скорее готов продолжать войну, чем согласиться на предполагаемое расчленение Франции. В Тулузе на одном из собраний объявили парижское правительство низложенным и потребовали образования Комитета Общественного Спасения с Гамбеттой во главе, отвержения перемирия и продолжения войны во имя упрочения республики.

В Париже боролись три течения: скрытые монархисты, выступавшие под видом сторонников мира во что бы то ни стало; буржуазные республиканцы, притнимавшие мир лишь при условии неприкосновенности французской территории; наконец,—блок революционных организаций, объединивший П. К. 20-ти округов, ладжизскую Федерацию Интернационала и Федерацию рабочих синдикатов.

Ни одно из революционно-социалистических течений не предлагало бойкотировать выборы, чего можно было бы ожи-

¹⁾ Легитимисты—сторонники династии Бурбонов, низвергнутой июльской революцией 1830 года.

дать, по крайней мере, от бланкистов. После неудачного выступления 31 октября Бланки не верил уже больше в патриотизм крестьянства, «готового, по его мнению, продать Францию за свой огород», и громко обвинял в измене буржуазию, которая реализовала на поражениях французов повышением биржевого курса. Бланки считал, что при таких условиях право решать судьбы страны имеют лишь те, кто сопротивляется, т.е. пролетарии. «В Париже,—писал он,—есть 500 тыс. воинов с бронзовыми устами и свинцовыми словами (т.е. винтовками). Пусть провинция соберет столько же. Гражданское состояние Франции возможно теперь только на поле битвы. Никто в другом месте не имеет права решающего голоса». — «Единственным способом голосования в наших руках должны быть пули. Если Париж защищается, а провинция сдается, он является олицетворением всей Франции. Там, где сражаются за свою независимость, там—республика и власть и в силу права и в силу факта».

Таким образом, Бланки снова возвращается здесь к идее революционной диктатуры Парижа. «Старик» не хотел и слышать о созыве Национального Собрания, опасаясь, что оно навяжет волю усталой эгоистической и полумонархической Франции революционной столице. Более того: Бланки принципиально против Национального Собрания, хотя бы и избранного всеобщим голосованием. Всеобщее избирательное право «это—идея прекрасная в будущем, но могущая оказаться гибельной в настоящем»: без предварительного воспитания народу нельзя давать в руки «это опасное оружие», а то он может вернуть то, что ему внушали прежние режимы эксплуатации и темноты ¹⁾.

Но кроме самого Бланки эти идеи разделяли, повидимому, лишь весьма немногие из его последователей. Во всяком случае, в период избирательной кампании никто не высказывался против самого созыва Национального Собрания.

Наиболее существенными пунктами избирательной платформы, выдвигавшейся на яacobинско-бланкистских предвыборных собраниях, были: война до последней крайности, провозглашение «демократической и социальной республики», привлечение к суду членов временного правительства за сдачу Парижа пруссакам «с ведома буржуазии», которая добивалась капитуляции, так как предпочитает пруссаков «красным». На одном из таких собраний, между прочим, говорилось: «пусть депутаты не боятся остановиться перед междусобной войной и употреблением революционных средств для спасения республики. Поддержим ее во что бы то ни стало!»

На избирательных собраниях, созывавшихся членами Интернационала, преобладали несколько иные, менее воинствен-

¹⁾ Горев. Ог. Бланки, стр. 73, 97.

ные настроения. «Социалисты, — говорил в Зале Чудес Серайе, — не могут решать вопроса о продолжении или окончании войны; если провинциальные армии не в состоянии продолжать войну, ясно, что придется заключить мир».

Затем оратор высказал любопытный взгляд на происхождение войны, которая, по его мнению, «затеяна Бисмарком, чтобы помешать дальнейшим успехам Интернационала; война была средством отвлечения от социализма, но социализм сильнее всяких Бисмарков, и, если кандидаты Интернационала пройдут в Собрание, они ускорят торжество социальной республики».

Собрания с преобладанием радикальных элементов единодушно исключают из списка своих кандидатов буржуазных радикалов, вроде Рюшфора или В. Гюго, как «человека прошлого», «принадлежащего к буржуазной касте». На собрании в зале Редут протестуют даже против «привидений 48 года, которые ничему не научились и ничего не позабыли»; под таковыми разумеют в первую голову Луи-Блана и Ледрю Роллена¹⁾.

В общем избирательная кампания показала, что передовые рабочие охотнее освободились от политической опеки республиканцев-радикалов.

В списке революционно-социалистического блока фигурировали имена всех наиболее видных членов Интернационала, а также бланкистов и революционеров-демократов, известных широким массам по выступлениям 31 октября и 22 января. Из 40 кандидатов, выставленных этой группой, 25 были избраны впоследствии членами Коммуны. «Кроме некоторых известных широкой публике имен, — говорит Лиссагаре, — как имена Бланки, Гамбона, Феликса Пиа, Ранвье, Тридона, Лонге, Лефрансе, Валлеса, — социалистические кандидаты были знакомы только народным массам: это были механики, сапожники, литейщики, портные, столяры, повара, резчики».

Фигурировали и другие радикальные списки, в один из которых было включено имя Вильгельма Либкнехта²⁾.

Революционно-социалистический блок, возглавляемый Ц. К. 20-ти округов, выпустил избирательную платформу, в которой, между прочим, говорилось: «...Это — список кандидатов, составленный во имя нового мира партией обездоленных... Все во Франции должно быть переделано заново. Рабочие имеют все права занять свое место в грядущем строе. Революционно-социалистические кандидатуры означают: отрицание чьего бы то ни было права подвергать пересмотру вопрос о республике, признание необходимости участия рабочих в правительстве».

¹⁾ Молиари, 229—300, 306, 313, 329. Под видом избирательных собраний фактически воскресли только что закрытые правительством „красные“ клубы.

²⁾ Отец Карла Либкнехта.

«извержение правительственной олигархии и промышленного феодализма»¹⁾.

Эта платформа, еще столь неопределенная в области социальных требований и не лишенная примеси старо-грудонильских идей, все же свидетельствует о том, что уже в начале февраля в рабочих кругах стало шагреть то движение, которое отлилось потом в революцию 18 марта; а пункт о республике говорит за то, что парижские пролетарии не чувствовали никакого почтения перед Национальным Собранием, хотя бы и избранным всеобщим голосованием, и отрицали за будущими народными представителями право решать вопрос о форме правления, после того, как революция 4 сентября опрокинула монархию.

Но большинство парижских рабочих еще плохо понимало свои классовые интересы и по старой памяти голосовало за разных знаменитостей из буржуазного лагеря. Еще больший разброд замечался в рядах мелкой буржуазии. В результате — из списка Ц. К. 20-ти округов прошли только те кандидаты, которые имелись для пуганки избирателей в списках республиканской партии и одобрялись буржуазными газетами. Характерно, что Луи Блан, который к 71 г. превратился в совсем ручного социалиста, прошел на первом месте, получив 216.530 голосов из 328.970 проголосовавших; между тем как Бланши собрал всего 50 тыс. голосов²⁾.

Избранными оказались Гарibaldi, якобинец Ф. Пиа, бланкист Гамбон и два члена Интернационала — рабочие Малон и Толэн. Бланки не был избран. Монархисты и умеренные республиканцы тьеровского типа получили 7 мест, остальные 30 мандатов достались гамбеттистам. Парижские выборы прошли под знаком защиты республики и неприкосновенности французской территории; в то же время они были вотумом полного недоверия правительству национальной обороны, члены которого получили ничтожное число голосов, за исключением Ж. Фавра, который оказался избранным.

Республиканцев дали и другие крупные центры. Иные результаты получились в сельских округах, к тому же зачастую подавлявших городские, благодаря искусной «избирательной арифметике», изобретенной еще во времена Империи. Деревня послала в Собрание заведомых монархистов, прикрывавших свои реакционные вожеления столь приятным крестьянскому сердцу лозунгом «мира во что бы то ни стало». В своем большинстве это были люди без всякого политического прошлого; ополченские офицеры, «дворянчики», церковные старосты, ка-

¹⁾ Liss, S. 40.

²⁾ Характерно, что даже такая организация, как Комитет Революционных Клубов, несмотря на энергичные доводы Вайяна, отказался внести имя Блана в свой список.

батчики, духовные лица. Та самая «деревенщина», которая в июне 48 г. сбежала в Париж для подавления пролетарского восстания, а в декабре 51 г. аплодировала государственному перевороту Луи Бонапарта.—затемпила теперь Национальное Собрание: на 750 депутатов оказалось 450 монархистов, из них два принца орлеанского дома.

Глава мирной партии Тьер—кровожадный палач, бывший министр короля Луи-Филиппа, ярый враг социалистов, был избран в 21 департаменте.

Собрание открылось 13 февраля в Бордо. Оно назначило Тьера «главой исполнительной власти», наделив его чрезвычайно широкими полномочиями, правда, временного характера. Получив право назначать министров, Тьер составил первый кабинет, куда вошло четверо бывших членов временного правительства, принадлежавших к правой, враждебной Гамбетте, его части; остальные места достались орлеанистам, легитимистам и бонапартистам. Уже одно правительство Тьера было наглым вызовом республике.

Собрание не скрывало своих монархических симпатий: оно не пожелало выслушать Гарibaldi, пытавшегося выступить с объяснениями по поводу своей отставки.

Докладчик по вопросу об организации исполнительной власти авторитетно заявил, что республика была принята лишь временно. Избранное со специальной целью—обсудить мирные условия, Собрание не прочь было присвоить себе функции Учредительного и, если бы среди его монархического большинства не было раскола по вопросу о кандидате на престол, оно не замедлило бы навязать стране поволо монарха. Этому нисколько не противоречит тот факт, что «деревенщина» официально объявила низложенной династию Наполеона, слишком сомпрометированную военным разгромом.

Оправдались самые худшие ожидания парижан: буржуазно-помещичья палата поспешила купить мир у Висмарка ценою потери Эльзас-Лотарингии и обязательством уплатить 5 миллиардов, лишь бы развязать себе руки для расправы с революционным Парижем в целях монархической реставрации. 27 февраля позорные мирные условия были приняты большинством 546 против 107¹⁾, несмотря на протесты республиканцев и депутатов от подлежащих аннексии департаментов. 3 марта парижские депутаты Рошфор, Малон, Тридон и Ранк заявили о сложении своих депутатских полномочий. Выразив настроение революционного Парижа, до агустовы души ненавидящего теперь бордосских «героев капитуляции», депутаты так мотивировали свою отставку: «Наши избиратели,—писали они,— послали нас в качестве представителей республиканской, единой,

¹⁾ Почти половина из этих 107 голосов принадлежала депутатам от севенского департамента.

неделимой Франции. Свсним вотумом 1 марта Собрание предало две провинции, расчленило Францию, газрушило отечество. Поэтому оно уже не отражает воли всей страны, и его решения отныне не имеют никакой силы».

Глава III.

Центральный Комитет Национальной гвардии. — Накануне новой революции.

Заключение перемирия, а затем мира почти не изменило общих экономических условий, революционизированных пролетарское и мелко-буржуазное население Парижа. Снабжение города продовольствием, происходившее теперь с согласия прусского командования, налаживалось плохо: цены на продукты держались чудовищные. В ожидании прибытия поездов с припасами, толпы бедняков устремлялись к немецким аванпостам, чтобы купить у солдат кусок хлеба или сосисек, или просто нищенствовали. Не было никаких надежд на возобновление работ в ближайшем будущем. Всякая торговля, за исключением торговли съестными припасами, замерла за отсутствием буржуазных покупателей и заказчиков.

С одной стороны, средний класс ничего не приобретал, кроме предметов продовольствия, с другой — до 80 тыс. человек поспешило покинуть Париж, как только открылись городские ворота. Тут были и провинциалы, случайно задержанные в столице осадой, и богатые люди, стремившиеся выехать из неспокойного города в предчувствии новых революционных бурь. Все это волновало изголодавшиеся и измученные осадой демократические слои Парижа, который по-прежнему имел вид военного лагеря: на площадях продолжались военные упражнения, пролетарии инстинктивно не хотели выпускать винтовок из рук.

Национальное Собрание, в котором окопалась контр-революционная «деревенщина», являлось несомненной угрозой существованию республики. Чтобы предотвратить надвигающуюся реакцию, парижский пролетариат и революционно настроенная мелкая буржуазия должны были мобилизовать теперь все свои силы. Но этим классам не хватало, прежде всего, организации.

За время осады секции Интернационала распались. Вот как рисует положение дел доклад, прочитанный на заседании Федерального Совета 15 февраля (71 г.). «Начиная с 4-го сентября, в силу сложившихся обстоятельств Интернационал рассыпался. Настоятельно необходимо восстановить секции... Мы располагаем *моральной* силой, если не во Франции, то, по крайней мере,

в Париже; по силы *материальной* у нас нет, за отсутствием организации.

...Нам нужна стойкая организация с дисциплинированными, действующими согласно уставу, жизнеспособными секциями, которые участвовали бы через своих делегатов в наших работах,—секции, которые были стойки и преданы идее Интернационала... При таких условиях мы будем представлять могущественную организацию и окажемся во всеоружии в тот день, когда придется действовать, как бы неожиданно ни было его наступление».

«Секции разрушены, их члены разбрелась»,—говорил еще 19 января Рувейроль (Rouveyrol).

Из слов одного из присутствовавших на заседании (Серайе) видно, что организационный разброд зашел еще дальше: некоторые секции выбрали новый Федеральный Совет. У Интернационала не было собственного печатного органа; касса организации была пуста, имелись лишь долги, унаследованные от времени Империи. Членские взносы почти не поступали; и в то время как бульварные газеты распространяли всякого рода неблуды, будто организация назначала Малону и Толэну ежегодное содержание в 20 тысяч франков, пока они состоят депутатами,—Федеральный Совет не имел средств, чтобы издавать газету, пропагандистскую литературу и посылать своих уполномоченных для восстановления связей даже с крупными провинциальными центрами.

Сношения между парижской группой и Генеральным Советом Интернационала оборвались еще с сентября.

Одной из причин упадка организации был вызванный осадкой кризис промышленности, сопровождавшийся безработицей и сокращением заработной платы, а также понижением интереса к политике среди рабочих масс, всецело поглощенных экономической борьбой.

«Трудно будет восстановить Интернационал,—говорил Авриаль;—отсутствие работы создало нищету, нам же необходимо, чтобы членские взносы поступали исправно»...

«Теперь трудно составлять рабочие общества,—говорил Малон;—рабочие секции фатально обречены на ежедневную борьбу за заработную плату; мы знаем, насколько тяжела эта борьба, осложненная тысячами деталей, засасывающих ее участников».

В сущности огромное большинство парижских рабочих превратилось, вследствие закрытия фабрик и мастерских, в национальных гвардейцев, вынужденных довольствоваться своим скудным жалованьем (30 су), а потому не имевших возможности поддерживать свои организации материально. В Париже почти не осталось зачатых в производстве и организованных в профессиональные союзы пролетариев, т. е., как раз той базы, на которой строились организации Интернационала.

Отвечая на предложение делегатов обязать секции ежемесячно вносить в центральную кассу по 10 сантимов с каждого члена, Варлен заявил: «Рабочие-бронзовщики сейчас расплывены по ротам; они не могут делать взносов, и с них нельзя требовать: здесь *force-majeure*¹⁾ (засед. 12/1).

Тот же Варлен говорил 26 января: «Нам, действительно, не хватает существенного элемента, а именно *рабочих*, вынужденных сейчас довольствоваться вознаграждением в 1 фр. 50 сант. и 75 сантимов на жену²⁾). Серияе также признает всю трудность восстановить организацию, пока свирепствует безработица.

Интернационалом не велось систематической пропаганды своих идей среди пролетариата, что сказывалось на уровне политического развития его членов. «Многие— читаем в цитированном выше докладе,—не понимают цели Ассоциации. Вот у нас имеется список социалистических кандидатов, но многие из членов организации не отдают себе отчета в том, какие основания побудили нас выставить неизвестные имена вместо разных Луи-Бланов, В. Гюго и т. п. А между тем мы хотели провести несколько рабочих интернационалистов».

Не подвинулась ни на шаг со времени революции 4 сентября и выработка собственной программы и тактики. «Нам нужен орган,—признается Франкель на заседании 12 января,—который ясно излагал бы наши идеи. Как вы хотите, чтобы рабочий, который ничего не знает, вас понимал? Ему говорят теперь о Коммуне; это слово путает его, он не знает, что это такое. Со времени провозглашения республики мы ничего не сделали».

Руководители Интернационала чувствовали, что должен быть найден какой-то выход из того кризиса, который переживала организация. Но и тут не было единства взглядов. Все соглашались на том, что необходимо восстановить организацию; но в то время как одни, исходя из опыта последних лет, предлагали строить ее на территориальном принципе, приурочивая секции к парижским округам или отдельным кварталам, другие рекомендовали превратить Интернационал в федерацию рабочих синдикатов, т. е. сделать шаг назад, вернувшись к той распыленности, которой отличались французские организации ко времени международного конгресса в Брюсселе (68 г.).

Наряду с расхождениями по организационному вопросу существовали и другие. На заседании 19 января Шален требовал, чтобы Интернационал определенно заявил буржуазии, что он стремится к «социальной ликвидации», сделавшейся неизбежной, после того, как война и расточительность правительства удвоили тот колоссальный долг в 16 миллиардов, ко-

¹⁾ Непреодолимое препятствие.

²⁾ Жалованье и пособие, получаемое национальными гвардейцами.

торий оставила после себя Империя. Баллере находил, что Интернационал должен идти вперед путем участия в политической борьбе.

Лякор признавал ошибочной всю тактическую линию, которой держался Интернационал со времени падения Империи. «Интернационал плохо понял свою роль; рабочие должны были захватить власть еще 4 сентября; надо сделать это хоть теперь. Если бы с первого же дня он шел прямо к цели, все могло бы выйти иначе, особенно 31 октября. Теперь все дезорганизовано, а между тем Интернационал должен бы понять, что сейчас на карту поставлено самое его существование. Он убил бы правительство, сли бы его орган регулярно вскрывал перед населением ошибки властей, тогда журнал организации был бы целиком в руках нашего класса».

Другие, напротив, находили, что Интернационал всегда занимался политикой и выступал в роли критика правительства, но что вся беда в организационной разрухе.

Все как будто сходились на том, что Интернационал должен вести агитацию путем периодически выходящего журнала или газеты. Но далеко не все понимали, что Федеральный Совет должен иметь вполне *свой* журнал, который принадлежал бы исключительно ему, пропагандировал бы идеи Ассоциации, и редакция которого была бы целиком в руках Федерального Совета» (Варлен).

Другие готовы были удовольствоваться тем, что одна из буржуазно-демократических газет отведет особый отдел, редактирование которого будет в руках Федерального Совета.

Расходились и в желательном типе журнала: одни хотели видеть его чисто «рабочим», т. е. обсуждающим лишь экономические нужды пролетариата; другие опасались, что без политического отдела журнал будет мало интересен. Как будто и то и другое не могло найти места и последовательно социалистического освещения на страницах одного и того же органа!

Правда, с заключением перемирия в Интернационале снова чувствуется больше жизни. Федеральный Совет начинает чаще собираться; на его заседаниях оживленно обсуждаются вопросы о восстановлении организации, выработке нового устава и окончательной программы; назначается комиссия для обследования состояния организации и укрепления связи Федерального Совета с секциями; ставятся вопросы об обязательном вхождении членов Интернационала в рабочие синдикаты, об издании нового журнала, выпуске манифеста к рабочим всех стран. Но большинство социалистов вовсе не ставило восстание и захват власти в порядок дня, хотя и верило в близость социальной революции. Планомерная пропаганда и агитация, укрепление социалистического влияния в массах, воссоздание организации— вот что представлялось им в качестве ближайших задач Интернационала.

Между тем события быстро назревали и властно требовали от организации активного вмешательства в политическую борьбу.

Когда на заседании 22 февраля Федеральному Совету было предложено принять участие в республиканской демонстрации, устраиваемой в годовщину февральской революции, раздались протесты. «Хотя я лично очень сочувствую демонстрации,— говорил Франкель,— тем не менее, я не считаю ее необходимой при настоящих обстоятельствах. Необходимо безотлагательно заняться научными и организационными вопросами... Мы должны углубиться также в специальные вопросы—квартирной и о борьбе с всеобщей безработицей... Необходимо согласовать все наши предположения и выводы и кратко изложить их в накладе, который мы дадим заседающим в Собрании Толану и Малону, с тем, чтобы они заставили выслушать волю рабочих. Я предлагаю прекратить всякое обсуждение вопроса о демонстрации и перейти к порядку дня».

Изучение социального вопроса,— правда, несколько запоздавшее,— и выработка наказа рабочим депутатам, конечно, не могли заменить участия в активной политической борьбе. Вместо того, чтобы выработать, исходя из общих принципов социализма, самостоятельную тактику, противопоставить ее всем буржуазным партиям и увлечь за собою рабочие массы,— Интернационал, как целое, хотел оставаться в стороне от событий, которые развертывались помимо его воли. Но каждый из его членов, разумеется, принимал в них участие на свой страх и риск, не получая никаких директив от своей организации.

Ясно, что при том организационном и идейном разброде, которые переживали парижские секции Интернационала в конце февраля и начале марта,— Федеральный Совет не мог «делиться могущественной и самостоятельно выступающей политической организацией», как мечтал об этом Варлен, а потому не мог взять в свои руки движения, снова нараставшего в пролетарских кварталах Парижа. Это сознавали, к сожалению, и сами социалисты. «В Лондоне,— говорил Серайе,— Интернационал является первостепенной политической силой; пусть вспыхнет социалистическое движение— в Англии Интернационал к нему готов¹⁾. Но так ли обстоит дело во Франции?»²⁾.

Что касается Ц. К. 20-ти «кругов», то он никогда не был сколько-нибудь заметной политической силой, «оставаясь лишь центром обмена впечатлениями, а не руководящим центром».

В половине февраля возникает широкая беспартийная организация, которая должна была объединить пролетарские и мелкобуржуазные массы, поставленные под ружье, на почве их

¹⁾ Относительно положения дел в Англии Серайе, конечно, глубоко заблуждался.

²⁾ Отчеты о заседаниях Федерального Совета Интернационала см. Eng. Parl., III, 211—219.

профессиональных и политических интересов. Согласно условиям перемирия, парижская национальная гвардия сохраняла (в противоположность регулярной армии) свое оружие. Бисмарк пошел в этом вопросе навстречу ходатайству Жюль Фавра, так как прекрасно понимал, что правительство национальной обороны пока еще бессильно разоружить рабочих, а осуществление этой операции с помощью прусской армии повело бы к кровопролитным боям на улицах Парижа, что вовсе не входило в план канцлера¹⁾.

Вооруженный пролетариат представлял внушительную силу, но отдельные батальоны не были связаны между собой, что и вызвало к жизни новую организацию. Под председательством мелкого торговца Курти в III округе состоялось совещание, на котором решено было созвать общее собрание из делегатов от всех рот. Предполагалось, что такое собрание особенно необходимо для сплочения национальных гвардейцев в виду предстоявшей избирательной кампании.

Но оно состоялось только 16 февраля, уже после выборов²⁾. Явились делегаты, представлявшие 18 округов. Собрание носило политический характер. Было решено требовать немедленного назначения дополнительных выборов, если бы парижские депутаты прошли от других департаментов. Затем был принят наказ парижским депутатам, которым вменялось в обязанность: 1) настаивать на ведении войны до последней крайности, если бы Бисмарк потребовал уступки какой-либо части французской территории или вообще предложил позорные мирные условия; 2) всеми силами поддерживать республику; 3) добиваться предания суду членов временного правительства; 4) протестовать против предполагаемого вступления пруссаков в Париж, не останавливаясь перед призывом вооруженному сопротивлению; 5) наконец, протестовать против возможных попыток разоружения национальной гвардии, которая должна быть единственной вооруженной силой для поддержания внутреннего порядка и защиты страны от внешнего врага.

По организационному вопросу было постановлено создать Федерацию батальонов национальной гвардии с Центральным Комитетом во главе. Выработка устава новой организации возлагается на временную исполнительную комиссию из 20 человек, по одному от каждого из парижских округов. Комиссии поручается представить соответствующий проект на утверждение ближайшего делегатского собрания.

1) «Одной из важных причин восстания 18 марта,—читаем в докладе Дельпи, представленном от имени следственной комиссии,—был факт неразоружения национальной гвардии, но, как показали свидетельства компетентных лиц, оно было невозможно без отчаянного, по крайней мере, трехдневного сражения в стенах Парижа (Enq. parl., I, 13)».

2) Выборы в Национальное Собрание были назначены на 8 февраля.

Но уже на самом собрании была принята декларация или «введение к уставу», которое интересно, как показатель настроений, господствовавших тогда среди рабочих и мелкой буржуазии.

Республика провозглашалась здесь «единственной, основанной на праве и справедливости формой правления», притом не нуждающейся ни в каком новом утверждении, хотя бы и путем всенародного голосования. Каждый гражданин имеет не только право голоса, но и право носить оружие. «Национальная гвардия должна заменить постоянные армии, которые являлись доселе лишь орудием деспотизма и неизбежно приводили страну к катастрофе»...—«Национальная гвардия имеет неотъемлемое право назначать своих командиров и отзывать их, коль скоро они утратят доверие своих избирателей», но не иначе, как после «предварительного беспристрастного расследования».

В этой политической платформе еще незаметно каких-либо социалистических требований; повторяются обычные пункты буржуазно-республиканской программы. Но все-же характерно, что парижские пролетарии, ремесленники и мелкие торговцы считали республику одним из неотъемлемых завоеваний революции 4 сентября, не подлежащим никаким пересмотрам и не нуждающимся в утверждении всенародного голосования.

Этот пункт был уже вызовом по адресу монархически настроенного Национального Собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права и претендовавшего на роль учредительной власти, и в то же время первым покушением революционного Парижа на священный принцип демократии.

Что касается замены постоянной армии *всенародным* вооружением, то это требование, вошедшее впоследствии в программы социалистических партий 2-го Интернационала, выдвигалось еще в эпоху Империи, притом не только социалистами, но и буржуазными радикалами. Оно фигурирует, например, в так называемой Бельвилльской программе¹⁾, принятой Гамбеттой в виде наказа от избирателей на выборах 1869 года.

Требование всенародной милиции является естественной принадлежностью всякой программы, стоящей на точке зрения последовательной демократии, хотя милиционная система, сама по себе, возможна при самом различном политическом устройстве. Идея всеобщего вооружения встречается потом в целом ряде воззваний, исходивших от Центрального Комитета Национальной гвардии. «Постоянная армия,—говорится в одном из них,—несовместима с республиканскими учреждениями: она неизбежно приводит страну либо к страшному разгрому, либо к торжеству милитаризма, который всегда вырастает на разва-

¹⁾ Бельвилль—один из кварталов Парижа, населенный преимущественно рабочими.

динах политической свободы и зиждется на угнетении других народов». — «Существование постоянной армии благоприятствует преступным авантюрам всякого рода честолюбцев и претендентов на корону; оно неизбежно связано с отягощением страны налогами, с сокращением производства и с непопроизводительным потреблением. После службы в постоянной армии свободные люди превращаются в рабов. Постоянная армия развращает граждан... воспитывает в них отвращение к труду»...

Таким образом, в прокламациях Ц. Комитета уже имеются почти все доводы против системы постоянных армий, проводившиеся потом, в эпоху 2-го Интернационала, социал-демократами.

Пролетарский по преимуществу характер новых батальонов национальной гвардии сказался и в другом месте «введения к уставу», где говорилось, что в случае новых выборов в Национальное Собрание ближайшей задачей Ц. К-та должна быть поддержка чисто рабочих кандидатур. «Необходимо также, — читаем в проекте, — чтобы человек труда, производитель... был призван представлять нацию».

После 16 февраля обще-делегатские собрания созывались еще несколько раз в помещении Вогалля (Vauxhall). На третьем (3/III) был утвержден представленный комиссией устав Федерации. В общем организация представлялась в следующем виде. Обще-делегатское собрание, созываемое не реже раза в месяц, избирает Большой Совет¹⁾, как постоянный руководящий орган. Кроме того, создаются ротные, батальонные и легионные советы, или «круги» («cercle»).

Командному составу давалось особое представительство.

Так, например, при выборах на обще-делегатское собрание офицерство участвовало в выборах от рот и в то же время посылало делегата от офицерской курии. Соображения, которыми руководилась при этом комиссия, были изложены ее докладчиком Ариольдом. «Абсолютное устранение (из организации) батальонных командиров и других штаб-офицеров казалось нам неприемлемым с точки зрения самой элементарной справедливости, тем более, что оно коснулось бы вполне достойных граждан, по своим убеждениям республиканцев, согражданство которых могло бы быть весьма полезным национальной гвардии». — «Комиссия убеждена, что штаб-офицерский элемент только выиграет от того, что испытает на себе наше влияние, приняв участие в наших собраниях».

Если комиссия не хотела исключить штаб-офицеров из организации совсем, она могла бы допустить их к участию в выборах на общих основаниях, растворив их в массе национальных гвардейцев. Пойти так далеко не решились.

¹⁾ Впоследствии он стал называться Ц. К-том.

И все же вышнее офицерство осталось недовольно тем представительством, какое давалось ему по проекту устава.

Оно попыталось создать параллельную организацию в виде «Федерального Республиканского Комитета». Эта новая организация строилась с таким расчетом, чтобы офицерство заняло в ней преобладающее положение. Батальонное собрание, например, составлялось путем посылки одного делегата от каждой категории военнослужащих; иначе говоря, национальные гвардейцы целого батальона получали одинаковое представительство с кучкой офицеров. Создалось что-то вроде совета *офицерских* депутатов с весьма слабым представительством от рядовых гвардейцев.

Не желая параллельного существования двух военных организаций, инициаторы первой федерации решили пойти на компромисс. Они предложили слияние обеих организаций, обещав, в свою очередь, усилить представительство командного состава. Соглашение было достигнуто, и Федерация Национальной гвардии получила свою окончательную форму.

Теперь «Федерация» состояла из следующих органов: 1) Общего Собрания; 2) Батальонных Советов; 3) Советов Легионов; 4) Центрального Комитета.

В состав *Общего Собрания* входили: 1) по одному делегату от каждой роты, избранному без различия чинов; делегаты от офицерского корпуса—по расчету один офицер от каждого батальона; 3) все батальонные командиры.

Батальонный Совет составлялся: 1) из 3-х представителей на роту (в том числе ротного представителя в Общем Собрании), избранных без различия чина; 2) из офицера, делегированного в Общее Собрание офицерским корпусом.

В *Совет Легиона* входили: 1) по 2 делегата от каждого Батальонного Совета данного округа¹⁾, избираемых независимо от чина; 2) все батальонные командиры данного округа.

Наконец вся организация возглавлялась *Центральным Комитетом*, который составлялся следующим образом. Во-первых, каждый Совет Легиона посылал туда по 2 делегата, избранных без различия чинов, во-вторых, собрание всех батальонных командиров посылало делегатов по расчету один от каждого легиона²⁾.

Таким образом, основной избирательной ячейкой было ротное собрание, которое не имело, однако, своего исполнительного органа—ротного комитета. Выборы в *Общее Собрание*, как и в советы батальонов, были прямыми, выборы в Советы Легионов—двухстепенные,—выборы в Ц. К.—трехстепенные.

¹⁾ Каждый легион приурочивался к одному из 22 парижских округов.

²⁾ По первоначальному проекту Ц. К. (Большой Совет) должен был избираться общелегальским собранием по 3 человека от каждого округа

Ц. К-т должен был состоять из 66-ти¹⁾ человек, при чем на целую треть—из представителей высшего командного состава (штаб офицеров): (22 чел.). До производства правильных выборов в Ц. К-т на делегатском собрании 3-го марта была выделена временная исполнительная комиссия. Все делегаты в любой момент могли быть отозваны избирателями. Денежные средства Ц. К. составлялись путем ежемесячного отчисления каждой ротой не менее 5 фр.

В задачу всех органов Федерации входила не только защита политических и профессиональных интересов национальных гвардейцев, но и забота о боевой готовности соответствующих частей. Согласно уставу все делегаты состояли под непосредственной охраной всей национальной гвардии.

В округах закипела организационная работа. В выборах, которые происходили совершенно открыто, принимали участие 215 батальонов из общего числа 270; значит, к Федерации присоединилось $\frac{4}{5}$ национальной гвардии; 55 батальонов остались вне федерации. К 15 марта Ц. К. сконструировался: было избрано 34 члена; в числе них 4 начальника легиона. Затем Ц. К-т продолжал пополняться: 18-го марта число членов достигло уже 42-х²⁾.

В число этих 215 батальонов, несомненно, входили те 200, которые были сформированы исключительно из беднейших слоев парижского населения, тогда как 55 батальонов, не принимавших участия в организации Федерации, принадлежали к старой, буржуазной национальной гвардии. Характерно, что в Ц. К. оставались непредставленными, главным образом, центральные округа с их буржуазными кварталами³⁾.

Таким образом, Федерация стала организацией вооруженного пролетариата по преимуществу, хотя в ней имелось, конечно, немало и мелко-буржуазных элементов. По своему составу ее органы были чем-то вроде советов солдатских и офицерских депутатов. отождествлять легионные и батальонные советы или Общее Собрание с советами рабочих депутатов нельзя: избирательные округа приурочивались не к промышленным предприятиям, а к отдельным кварталам, при чем вместе с рабочим голосовал мелкий торговец, ремесленник, служащий, мелкий чиновник и т. п.

В создании этой новой массовой организации наряду с кланкистами с самого начала приняли участие и отдельные члены Интернационала, которые пользовались значительным

¹⁾ Всех округов насчитывалось 22.

²⁾ *Enq. parl.*, III, p.p. 2—40. Lanjalley et Corriez, *Hist. de la révol. du 18 mars*, p. 17.

³⁾ Таких округов оказалось 9: I, II, VII, VIII, IX, XIII, XVI, XVII и XXII. Из них I, II, IX и XVI дали впоследствии, при выборах в Коммуну, сторонников Тьера и гамбеттистов, сложивших свои полномочия (см. гл. Состав Коммуны).

влиянием. Уже в составе временной исполнительной комиссии, фактически отправившей до 15 марта роль Ц. К., находим несколько видных социалистов—Варлена, Пенди, Дюрана и др. В виду этого парижская организация Интернационала должна была определить свое отношение к Федерации.

В заседании Федерального Совета парижских секций Варлен говорил: «Настоятельно необходимо, чтобы члены Интернационала употребили все усилия и прошли в качестве делегатов от рот, в которых они состоят; социалисты должны заседать и в Центральном Комитете». Необходимо установление и организационной связи между Интернационалом и Ц. К.: Варлен видит в этом «первый крупный шаг на пути к социальному будущему».

Но последовали и возражения. Некоторые члены Совета говорили, что вхождение социалистов в Ц. К. национальной гвардии было бы равносильно сделке с буржуазией; что, посылая своих уполномоченных в эту организацию, интернационалисты рискуют скомпрометировать Международное Товарищество Рабочих».

Другие, напротив, находили, что Интернационал не может отказаться от влияния на эту мощную организацию, охватывающую все вооруженные силы Парижа, и если социалисты не возьмут в свои руки Ц. К., то это сделают другие организации, которые не преминут придать его деятельности нежелательное направление. Кляму высказался за предложение Варлена из того соображения, что фактически эта молодая организация и сейчас уже находится, если не всецело, то в значительной степени в руках социалистов. Последние фактически являются заправками временного Ц. К-та. Посылка туда специальной делегации только усилит позицию Интернационала в Федерации.

В конце концов Федеральный Совет решил делегировать в Ц. К. четырех своих членов, но принятая по этому предложению резолюция оговаривала, что делегаты должны выступать в Ц. К. не как представители определенной организации, а как частные лица, и быть особенно осторожными во всем, что касается Международного Товарищества Рабочих¹⁾.

Вместо того, чтобы принять организованное и самое энергичное участие в выборах во все органы Федерации и проводить в них социалистов; образовать сплоченную группу в Ц. К-т и воздействовать затем через эту группу на новую революционную организацию, теснее связаться через нее с пролетарскими массами, вместо всего этого Федеральный Совет ограничился посылкой в Ц. К. каких-то полуофициальных представителей, не получивших даже права выступать в нем от имени Интернационала.

¹⁾ Enq. parl., III, p. 225—227.

Тем не менее, влияние социалистов на передовые элементы национальной гвардии все возрастало. Члены Интернационала избираются в президиум общих собраний. На одном из них — 3 марта — прошло важное предложение Варлена о немедленных перевыборах всего командного состава. На этих перевыборах социалисты имели, повидимому, заметный успех. В числе батальонных командиров мы видим пруденциста Лонге, бланкистов Жакляра, Эда, Флюранса и др.

11 марта тот же Варлен говорил одному из своих друзей, что, благодаря новой системе выборов офицеров, довольно значительная часть Парижа по обоим берегам Сены уже теперь находится в руках социалистов, а через две недели весь Париж будет в руках начальников батальонов из числа членов Интернационала.

Когда Центральный Комитет сконструировался окончательно, в нем оказались такие видные члены парижской группы, как Варлен, Журд, Асси, Аляван, Бабиш, избранные от Советов Легионов; из 4-х начальников легионов двое были бланкисты (Эд и Дюваль).

С 6 марта Ц. К. перешел в помещение на улице La Corderie (Кордери), где помещался Федеральный Совет Интернационала и Федерация Рабочих Камер.

Ни Ц. К., ни Федеральный Совет парижских секций Интернационала еще не сознавали неизбежности ожесточенной социальной борьбы. В заявлениях, исходивших от Ц. К., намеренно подчеркивалось, что он далек от всякой мысли вызвать гражданскую войну. «Нам менее всего желательны, — говорил докладчик Арнольд на делегатском собрании 10 марта. — кровавые столкновения граждан между собою».

Но логика классовой борьбы, неумолимый ход событий толкали Ц. К. на революционный путь. Еще на обще-делегатском собрании 3 марта единогласно была принята резолюция, в которой говорилось: «В том случае, если Национальное Собрание лишит Париж достоинства главного города страны, сийский департамент должен образовать из себя независимую республику»¹⁾.

Допуская возможность неподчинения Парижа решению общенациональной власти Собрания, Ц. К. бессознательно шел навстречу той самой гражданской войне, которой так боялся.

С другой стороны, вся проделанная Федерацией организационная работа вела объективно к переходу распоряжений национальной гвардии от высшего командного состава, назначенного правительством, к Ц. К. Еще на делегатском собрании 24 февраля было принято решение, что национальная гвардия не признает никаких других начальников, кроме выдвиг-

¹⁾ Париж и его окрестности входят в состав Сенского департамента.

путях ею самой. 3 марта было постановлено приступить к переизбранию *всех офицеров*, а пока что немедленно смешать тех представителей командного состава, которые откажутся повиноваться распоряжениям Ц. К. На том же собрании было внесено еще более радикальное предложение: «Необходимо, — говорил один из делегатов, — чтобы вся национальная гвардия подчинялась приказам Ц. К. Если военное начальство отдаст распоряжение противоположного характера, надо арестовать главный штаб».

Ц. К. не думал ограничиться одним Парижем: вновь создаваемая организация, в конечном счете, должна была развернуться в общенациональном масштабе, охватив национальную гвардию всей страны. Если бы действительно удалось создать республиканскую федерацию национальной гвардии, о которой мечтали некоторые социалисты из Ц. К., это означало бы установление организационной связи между революционными элементами столицы и провинции, и все «коммуналистическое» движение, которое началось вслед за революцией в Париже, получило бы более планомерный и организованный характер. Но события не ждали: прежде чем удалось приступить к осуществлению этого плана, произошла революция 18 марта.

Между тем правительство Тьера намеренно провоцировало конфликт. Вместо подавшего в отставку Клемана Тома оно назначило главнокомандующим национальной гвардией известного бонапартиста Ореля-де-Палладина.

В прокламации, выпущенной новым главнокомандующим, говорилось, что генерал будет поддерживать порядок, законность и уважение к собственности, что всякое покушение на спокойствие населения будет беспощадно подавлено. Этот человек введет в национальную гвардию «железную дисциплину», говорил о нем министр внутренних дел Пикар.

Назначение Ореля было истолковано революционным Парижем, как первый шаг к подготовке государственного переворота и восстановлению монархии. Общеделегатское собрание 3 марта демонстративно избрало шефом национальной гвардии Гарибальди, а временный Ц. К. публично заявил о своем существовании. В разговоре с парижскими мэрами Пикар замечает, что члены Ц. К. «рискуют своими головами». Но эти угрозы уже не производят впечатления: «они смешны, они не могут остановить великого дела», говорит в своем докладе на собрании 10 марта Арнольд.

Срок заключенного с пруссаками перемирия истекал 26 февраля. Были все основания предполагать, что 27-го они оккупируют часть парижских кварталов. Учитывая эту возможность, общеделегатское собрание, заседавшее 24 февраля, решило

поднять на ноги всю национальную гвардию и дать вооруженный отпор. Если командный состав откажется повиноваться приказу о выступлении, делегаты должны провести по ротам и батальонам немедленные выборы новых начальников.

С самого начала своего существования новая военная организация принимает постановления по важнейшим вопросам военно-политического характера, совершенно не считаясь с тем, что думает на этот счет правительство и высшее командование.

24-го февраля, в годовщину февральской революции 1848 г. временный Ц. К. устраивает грандиознейшую республиканскую демонстрацию, в которой принимает участие не только национальная гвардия, но и некоторые из стоявших в Париже регулярных частей. Демонстрация повторяется и в следующие два дня. На площади Бастилии батальоны проходят с музыкой и знаменами перед июльской колонной. Эта демонстрация была внушительным предостережением как заседавшим в Собрании монархистам, так и стоявшим под городом прусским войскам.

В ночь на 27 февраля, когда ожидалось вступление пруссаков в Париж, по национальной гвардии дана была тревога.

Собралось 40.000 человек, которые в полной боевой готовности двинулись навстречу неприятелю. Тревога оказалась ложной. Но в то время, как часть батальонов маршировала навстречу пруссакам, другая часть национальной гвардии бросилась спасать свои пушки, оставленные по преступной небрежности властей, как раз в той части города, которая подлежала прусской оккупации.

Национальные гвардейцы и безоружные граждане спешно вывозят эту артиллерию и расставляют ее в безопасных и в то же время важных в стратегическом отношении пунктах: «на Монмартре, в Бельвилле, на Вогезской площади образовались парки, охраняемые национальной гвардией»¹⁾.

На следующее утро появляется прокламация военного губернатора Парижа Винца с угрозами разыскать и обезвредить виновников ночной тревоги. Но никто не обращает внимания на прокламацию: чувствуется, что национальной гвардией распоряжается уже не правительство, а Центральный Комитет.

Одновременно объявляется правительственное сообщение, извещающее население, что 1 марта прусские войска временно оккупируют Елисейские Поля²⁾. В городе царит необычайное возбуждение; все ждет указаний со стороны Ц. К.

Ц. К. намеревался, как мы видели, оказать оккупационным отрядам вооруженное сопротивление. Некоторые командиры и теперь стояли за необходимость дать пруссакам сражение на улицах Парижа; их энергично поддерживали делегаты мон-

¹⁾ Арну, стр. 55.

²⁾ Один из кварталов VIII округа.

мартрских батальонов. Но большинство Ц. К. признало безнадежность подобной попытки, которая могла привести лишь к разгрому революционной армии и торжеству реакции.

Рискуя навлечь на себя обвинение в пораженчестве, представители Ц. К. мужественно доказывали гибельность сопротивления на совместном заседании с членами Интернационала, Комитета 20-ти округов и Федерации рабочих синдикальных палат, а затем на общеделегатском собрании в Вогалле, где их позиция одержала верх.

В прокламации, подписанной 29 членами временного Ц. К., говорилось: «Всякое враждебное действие означало бы моментальное падение республики... Нападение привело бы только к тому, что на народ обрушились бы удары врагов, которые потопили бы социальные требования в потоках крови». Ц. К. сообщал, далее, населению о своем решении немедленно эвакуировать подлежащие оккупации кварталы, соорудить вокруг них баррикады и поставить охрану на демаркационной линии. Национальной гвардии предписывалось избегать каких бы то ни было вызывающих действий.

Этот призыв к спокойствию раздался в тот момент, когда под впечатлением республиканских демонстраций и ложной тревоги, имевшей место в ночь на 27 февраля, население Парижа было охвачено революционно-патриотической порячкой. И, тем не менее, приказ 29 «незнакомцев» из Ц. К., впервые заявившего о своем существовании, был исполнен в точности. Катастрофа была предотвращена¹⁾.

Этот день воочию показал, что, помимо представителей законного правительства, в Париже фактически уже существовала новая власть, которой беспрекословно повиновались как национальная гвардия, так и все население столицы, начинавшее смотреть на Ц. К., как на признанного выразителя своих интересов. Даже правительство вынуждено было считаться с этой самочинной организацией. Правда, официально оно отзывалось о Ц. К., как об «анонимном комитете», но представители власти входили с ним в деловые сношения.

Это параллельное существование двух властей, разумеется, не могло быть длительным: новая революция уже носилась в воздухе!

Ц. К. стремился распространить свое влияние и на регулярные войска. В Париже оставалось всего одна неразоруженная дивизия в количестве 10.000 человек; кроме того, значительная часть солдат была зачислена в национальную гвардию, что дало возможность сохранить за ними оружие. Растворившись среди национальных гвардейцев, эти солдаты не мог-

¹⁾ Пруссаки вошли в Париж, но эта частичная оккупация длилась всего 62 часа, после чего неприятель отошел на линию фортов. Lepelletier, I, p. 246—250, passim.

ли не испытать влияния революционной пропаганды. 18 марта они будут действовать на стороне народа.

10 марта делегаты национальной гвардии выпустили прокламацию ко всей армии. «Солдаты, сыны народа!—говорилось в ней.—В провинции распускаются злостные слухи. Люди, которые организовали поражение, расчленили Францию, отдали все наше достояние,—хотят теперь избавиться от лежащей на них ответственности, провоцируя гражданскую войну. Они считают, что вы являетесь послушным орудием замышляемого ими преступления. Граждане-солдаты! Неужели вы будете повиноваться незаконному приказу и проливать ту же кровь, которая течет в ваших жилах? Нет, вы не согласитесь стать отцеубийцами и братоубийцами!»

Указав затем на справедливые требования Парижа, прокламация заканчивается следующими словами: «Солдаты-сыны народа, объединимся, чтобы спасти Республику. Довольно несчастий причиняли нам короли и императоры. Не запятнайте позором своей жизни. Объединимся против тех, кто ради чинов и местечек, ради того, чтобы навязать нам снова короля, хотят нас заставить избивать друг друга»¹⁾.

Эта прокламация звучит как призыв к неисполнению приказов «законных властей». Правительство Тьера имело все основания опасаться, что Ц. К. не шутя примется за «разложение» армии.

Таким образом, уже к началу марта хозяином вооруженных сил Парижа был Ц. К. В его руках была артиллерия, он захватывал оружейные и пороховые склады, он назначал и смещал командный состав, ему повиновались, как власти, тогда как авторитет «законного» правительства надал. В конце февраля было несколько случаев освобождения из тюрем политических заключенных национальными гвардейцами. В городе уже чувствовалось, что дни старой власти сочтены. «Париж,—говорит будущий член Коммуны Арт. Арну,—не имел более правительства. Господа из Ратуши²⁾ уехали в Бордо; войско внушало мало уважения и было обезоружено (согласно условиям капитуляции); генералы впускали к себе только презренье. На улицах не было полиции... В это время... Коммуна фактически уже существовала в том смысле, что Париж, предоставленный самому себе... жил своей собственной жизнью... Оставался, правда, где-то генерал-декабрист³⁾, которого звали Виуа, но за ним не было уже ни моральной, ни материальной силы: с ним никто уж более не считался.

¹⁾ Enq. Parl., III, 134—135.

²⁾ Члены правительства национальной обороны.

³⁾ Участник декабрьского государственного переворота Луи Бонапарте-ген. Виуа был военным губернатором в Париже.

Библиография.

Les murailles politiques françaises depuis le 4 sept. 70. *Clarctié*. Histoire de la révolution 1870—71. *Lefrançais*. Etude sur le mouvement communaliste. *К. Маркс*. Письма к Кугельману. Der Briefwechsel zwischen Fr. Engels und K. Marx, V. IV. *Gast Da Costa*. La commune véécue. T. III. Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars. T. III. *Дисарос*. Современная Франция. *Лавров*. Парижская Коммуна 71 г. *Дюбрейль*. Коммуна 1871 г. *Маркс*. Гражданская война во Франции. *Лиссагарэ*. История Парижской Коммуны. *Арму*. Народная история Парижской Коммуны. *Мендельсон*. Парижская Коммуна 18 марта 71 г. *Сарсэ*. Осада Парижа. *Laurès*. Histoire socialiste. T. XI. *Hanotaux*. Histoire de la France contemporaine. *Molinari*. Les clubs rouges pendant le siège de Paris (есть русский перевод). *Lepelletier*. La révolution du 18 mars, I. *L. Fiaux*. Histoire de la guerre civile de 1871. *Maxime du Camps*. Les convulsions de Paris, I. *Testu*. L'International et le Jacobinism, 1—11 Горец. О. Бланки.

1881
Розовые 18 марта

В начале 1881 года в Париже состоялось собрание, на котором было принято решение о создании нового органа, который должен был бы представлять интересы рабочих и бедных слоев населения. Это решение было принято в духе демократии и свободы слова, что было характерно для того времени. Собрание было открытым, и каждый желающий мог высказать свое мнение. Это свидетельствовало о том, что общество стало более сознательным и активным в своих действиях. В дальнейшем это привело к созданию различных организаций и движений, направленных на улучшение условий жизни и защиту прав трудящихся. Это было важным шагом на пути к социальным преобразованиям, которые стали возможны благодаря активному участию народа.

ОТДЕЛ III.

Коммуна.

Глава I.

Революция 18 марта.

Как мы уже видели, попытки восстаний 31 октября и 22 января произошли без всякого участия со стороны Интернационала. В феврале—марте парижская группа не приложила никаких усилий, чтобы подчинить своему влиянию чрезвычайно важную массовую организацию национальной гвардии. Вновь поднимавшаяся революционная волна снова шла мимо социалистических организаций. В протоколах Федерального Совета нет ни малейших указаний на подготовку нового выступления. За последние дни перед 18 марта революционно-демократические круги Парижа были взволнованы требованием правительства о передаче ему артиллерии, принадлежавшей национальной гвардии. Но этот боевой вопрос, по видимому, совершенно не интересовал социалистов. (

В заседании Федерального Совета 15 марта, т.-е. всего за три дня до новой революции, читается письмо Гамбона, который спрашивает мнение Совета насчет позиции, которую следует занять парижским депутатам относительно Версальского Собрания. Было решено посвятить этому вопросу специальное заседание 22 марта, пригласив на него Ф. Пиа, Гамбона, Малона, Толэна, Милльбера, Рошфора, Ланглуа и даже радикала Ранка. Остальная часть заседания 15 марта проходит в обсуждении разного рода организационных вопросов¹⁾).

17 марта, т.-е. накануне восстания, один из членов парижской группы отвечает Гамбону: «Федеральный Совет Международной Ассоциации Рабочих, как и вы, находится в большом затруднении благодаря неясности политического

¹⁾ Enq. Parl. III, 229.

положения: что делать? Что думает народ в глубине своего сознания?»

При таком настроении в руководящих кругах Интернационала, инициатива нового выступления не могла исходить от Федерации. Это подтверждается и позднейшим показанием Ж. Фавра перед следственной комиссией (по делу о восстании 18 марта). Даже по мнению Фавра во время и после осады Интернационал подготовлял восстание, но не организовал его, подстрекателями к мятежу были не члены Интернационала, не пользовавшиеся большим влиянием на население, а якобинцы. Интернационал появился на сцене позже, «когда нужно было организовать уже не выступление, а победу». — «Социалистические идеи и влияние Интернационала в движении 18 марта имели значение маленького свертка с порохом, брошенного в пожарище; пожар уже начался, маленький сверток пороха изменил только его физиономию, сам же по себе он ничего не произвел бы»¹⁾.

Аналогичное показание дал и парижский мэр Ж. Ферри.

Итак, революция 18 марта не была делом рук ни Ц. К-та национальной гвардии, ни Интернационала, ни бланкистских кружков, сильно пострадавших после неудачного восстания 22 января: движение было чисто стихийным.

Мы уже видели, как назревал конфликт между правительством и новой, уже зарождавшейся властью — Ц. К-том. Вся политика Национального Собрания, с самого начала ставшего на путь борьбы с республикой и революционным Парижем, толкала измученные безработицей и голодом массы на новое выступление.

11 марта Собрание решило перенести свои заседания из Бордо в Версаль, старую резиденцию французских королей: «деревенщина» не желала иметь ничего общего с мятежным городом и как бы лишала его права считаться столицей Франции. Собрание отказалось утвердить отсрочку квартирной платы, не вносившейся парижанами со времени осады, и тем отдало квартирантов на произвол домовладельцев. Десятки тысяч рабочих и городской бедноты вообще выбрасывались на улицу вместе со своим жалким скрабом. Еще 15-го февраля прошел декрет, лишивший жалованья тех национальных гвардейцев, которые не представят удостоверения, что они не в состоянии найти себе работу. У безработного пролетария отнимали последнее жалкое пособие, которое он получал в качестве национального гвардейца, его обрекали на голодную смерть. Распоряжением генерала Винуа были распущены 21 тысяча мобилей сенского департамента, которым бросили лишь нищенскую подачку в виде 10 франков на человека.

¹⁾ Enq. Parl. II, p. 41.

Отмахнувшись от квартирного вопроса, версальские монархисты больно ударили не только по рабочим, но и по массе мелких лавочников и фабрикантов, разоренных затяжным кризисом и оказавшихся не в состоянии внести плату за торговые помещения.

Не довольствуясь этим, Собрание приподнесло мелкой и средней буржуазии новый сюрприз. 11 марта оно издает декрет об уплате в двухдневный срок по всем векселям, просроченным с 13 августа 1870 г. по случаю войны. Фактически это означало массовое банкротство и новое закрытие предприятий. В одном из многочисленных протестов, исходивших из торгово-промышленных кругов, говорилось: «если этот закон войдет в силу, свыше 100.000 фабрикантов, коммерсантов и негодяев будут разорены и обесчещены, что приведет ко всеобщей катастрофе».

Действительно, с 13 по 17-е марта в Париже было опротестовано 150 тыс. векселей.

Своими провокационными декретами Национальное Собрание восстановило против себя $\frac{3}{4}$ парижского населения, революционизировало самых мирных и законопослушных мелких и средних буржуа. «Можно сказать, — пишет Арну, — что в марте в Париже если не все были за Коммуну, то, по крайней мере, никто не был за Бордосское правительство». Только резко-оппозиционным настроением среднего класса можно объяснить тот факт, что через несколько дней подавляющее большинство столичного населения признало новую революцию, совершенную пролетариатом.

Ряд других правительственных мероприятий, подготовивших разгром революционного Парижа, только подогрел и без того раскаленную атмосферу. Уже упоминалось о назначении бонапартиста Ореля-де-Паладина шефом национальной гвардии. 9 марта Бланки и Флюранс были приговорены военным судом к смертной казни за участие в восстании 31 октября. 10-го военный губернатор Парижа Винуа закрыл на основании осадного положения пять наиболее левых республиканских газет.

Контр-революция требовала от своего приказчика — Тьера решительных мер. В Национальном Собрании раздавались голоса за немедленный арест Ц. К-та. Банкиры, в свою очередь, заявили, что не дадут ни франка для уплаты контрибуции, если правительство не поторопится с немедленным разоружением парижских рабочих. «Вам никогда не удастся осуществить финансовых операций, если вы не покончите с этой преступной шайкой», говорили биржевые дельцы Тьеру. — «Надо действовать!» — советует министр внутренних дел Пикар. — «Необходимо покончить с этими извергами-парижанами!», вопят черносотенные газеты.

И правительство поспешило «покончить». Разоружение Парижа должно было начаться с отобрания у национальной гвардии ее артиллерии.

Эта операция требовала значительных военных сил.

Трудно было предположить, что пролетарские батальоны национальной гвардии, объединенные в своей Федерации, вооруженные отчасти ружьями шашпо, обильно снабженные боевыми припасами, отдадут без боя орудия, которые национальная гвардия считала своей собственностью и еще недавно вывезла из кварталов, предназначенных к неприятельской оккупации.

Между тем военные власти имели в своем распоряжении лишь одну сохранившую свое оружие после перемирия дивизию в 10 тысяч человек, да около 3.000 городских сержантов, или жандармов. В общем, в распоряжении генерала Винуа имелось приблизительно всего 12 тысяч солдат, отчасти расквартированных среди жителей и давно уже находившихся в общении с национальными гвардейцами. Можно было ожидать, что при решительном столкновении даже эти отборные полки, за исключением разве жандармов и республиканских гвардейцев, окажутся весьма ненадежной опорой правительства. Остальные регулярные войска представляли собою уже разложившуюся—неорганизованную и недисциплинированную—массу.

Рассчитывали еще на буржуазную национальную гвардию, которая могла выставить от 20 до 43 батальонов.

Но и на них нельзя было положиться. «Что касается национальной гвардии,—читаем в докладе следственной комиссии,—то лучшая ее часть осталась без офицеров или расползлась из Парижа, как только открылась возможность выезда. Бунтовщически же настроенные батальоны, сформированные в целях мятежа, напротив, сохранились в полном составе, старались подобрать подходящий им командный состав и захватить созданную во время осады артиллерию¹⁾».

Под «лучшей» частью национальной гвардии докладчик разумел буржуазные элементы, поспешившие выехать из города сейчас же по заключении перемирия. Оставшиеся в своем большинстве отнюдь не были расположены защищать правительство Тьера. Когда 17 вечером Орель созвал у себя наиболее надежных батальонных командиров и спросил их о настроении гвардейцев, офицеры заявили, что на их батальоны рассчитывать нельзя.

Между тем Тьер уже заранее торжествовал победу. В ночь на 18 марта по улицам было расклеено воззвание, в котором говорилось: «Правительство решило действовать. Преступ-

¹⁾ Enq. Parl. I, 14.

ники, вознамерившиеся учредить свое правительство, будут преданы в руки правосудия. Украденные у государства пушки будут снова поставлены в арсеналы... Благонамеренные граждане приглашаются отмежеваться от преступных элементов и оказать всемерное содействие властям... Порядок должен быть восстановлен во всей его целостности и неприкосновенности во что бы то ни стало».

Чтобы вернее воздействовать на буржуазию, в прокламации подчеркивалось, что, пока орудия в руках «анонимного» комитета, обыватель «не может быть спокоен за свой дом, семью, за себя самого, кредит не восстановится, торговля не наладится».

В другом воззвании Орель-де-Паладин, как увидим, несколько преждевременно, извещал население, что возвышенности Монмартра, Шомона и Бельвилля уже заняты правительственными войсками, захватившими находившиеся там орудия.

План атаки был разработан высшим военным командованием при участии самого Тьера.

18-го солдат подняли в 3 часа утра. Одни воинские части были двинуты в места расположения артиллерийских парков—на Монмартр, в Шомон, Бельвилль; другие заняли важнейшие стратегические пункты и правительственные учреждения—Ратушу, Тюильери, полицейскую префектуру, казармы принца Евгения, Лувр, где помещался главный штаб и т. д.

В предраассветном полумраке целая половина города, расположенная на правом берегу Сены, была занята войсками. Лево-бережные округа, где влияние Ц. К. было особенно сильно, и потому можно было ожидать более энергичного сопротивления, оставались свободными.

Первая стадия операции была выполнена вполне удачно. Никто не ожидал нападения, улицы были пусты ввиду раннего часа, орудия почти не охранялись. На Монмартре войска, действовавшие под командой генерала Леконта, ранили часового и взяли в плен немногочисленный караул. Орудия захватываются без всякого сопротивления, но их не на чем было увезти: с присылкой артиллеристов и лошадей запоздали. Спускать же пушки на руках с высот Монмартра было трудно, на это требовалось не мало времени.

Между тем город просыпался. Хозяйки, спешившие в лавки за провизией, первые обнаружили захват орудий и подняли тревогу. Улицы наполнились возбужденной толпой. Появляются первые отряды национальной гвардии. Женщины бросаются между ними и войсками Леконта, окружают солдат, горячо убеждают их не стрелять в своих отцов и братьев, хвалятся за ружья. Толпы предлагают разой-

тись, но она не трогается; офицеры уже подвергаются оскорблениям.

Генерал Леконт дважды приказывает батальону 88 полка открыть огонь, но сближение с народом сделало свое дело: солдаты не стреляют. Приближение нового отряда национальных гвардейцев, среди которых шли солдаты того же 88 полка, решает дело. Увидев своих товарищей, идущих попеременно с национальными гвардейцами, часть линейцев бросает свои ружья. При всеобщем ликовании начинается братание солдат, национальных гвардейцев и народа. Офицеры и жандармы обезоружены и арестованы. У подножия холма на улице Лерис, где прибывшие наконец артиллеристы собирались увозить спущенные вниз орудия, толпа перерезала построения и выпрягла лошадей, после чего войска удалились. Пушки снова в руках национальной гвардии.

На верхнем плато Монмартра теснимые толпой солдаты уже берут ружья на изготовку, толпа отступает, но, получив подкрепление, национальные гвардейцы решительно идут в штыки, дело, однако, не доходит до кровопролития: солдаты сдаются и смешиваются с национальными гвардейцами.

В этот критический момент начальники отрядов, занимавших соседние кварталы, не оказали генералу Леконту никакой помощи. Не надеясь на солдат, генералы не предприняли ни малейшей попытки поправить дело и снова завладеть орудиями: командный состав был деморализован не меньше, чем его подчиненные.

Между тем неудачная атака на Монмартре превратилась в поражение по всей линии. Переход войск на сторону народа принял стихийный характер. Всюду, где толпе удавалось окружить солдат, поставив их в невозможность действовать, последние поднимают ружья прикладами вверх и братаются с гражданами.

Получив сведения о ходе дел на Монмартре, генерал Фарон, который успел занять всю восточную часть Парижа с артиллерийскими парками в Бельвилле и на возвышенностях Шсмона, спешит вывести свои полки из Бельвилля, чтобы не допустить соприкосновения их с толпой. Солдаты, находившиеся в казарме принца Евгения и Наполеоновской, сдались национальным гвардейцам, получившим в виде трофеев несколько тысяч паспо.

Единственным пунктом, где дело дошло до серьезного столкновения, была площадь Пигалль; здесь завязалась перестрелка между национальными гвардейцами и солдатами 88 полка, с одной стороны, и жандармами — с другой, причем стоявшие тут же конные стрелки бездействовали, несмотря на то, что их капитан был убит повстанцами. В конце концов жандармам пришлось спасаться бегством.

Обескураженный этой неудачей, генерал Винуа спешит отвести свои войска в центральную часть города ¹⁾).

В кварталах, где ожидали нового наступления правительственных войск или буржуазных национальных гвардейцев, пачали сосружать баррикады. Но в общем народ не спешил нанести решительный удар противнику: разоружить войска, захватить правительственные здания, арестовать само правительство. Три батальона национальных гвардейцев спокойно прошли мимо почти неохранявшегося здания министерства иностранных дел, куда укрылись министры во главе с Тьером. «Стоило только батальонам ворваться во дворец, — читаем в показании военного министра Ле-Фло, — и мы все до одного попали бы к ним в руки».

Пролетарии еще сами не были уверены в своей победе. Около площади Пигаль был узнан и арестован бывший главнокомандующий национальной гвардии и один из июньских усмирителей 48 г. ген. Клеман Тома ²⁾, вздумавший прогуляться в штатском платье по восстановшим кварталам. Он был отведен в помещение комитета улицы Роз, где уже находился генерал Леконт и другие пленные офицеры. Несмотря на все усилия командиров национальной гвардии, Леконта и Клемана не удалось спасти от самосуда возбужденной толпы: они были вырваны у караула и расстреляны своими же солдатами 88 полка.

Между тем как линейные солдаты переходили на сторону народа, буржуазные батальоны национальной гвардии, которые выручили правительство 31 октября, и на которые оно рассчитывало 18 марта, приняли весьма слабое участие в событиях этого дня.

Согласно позднейшим показаниям Тьера перед следственной комиссией, из этих батальонов явилось всего 500—600 чел.

В полдень, обеспокоенный отсутствием «сторонников порядка», Орель-де-Паладин обратился к ним с воззванием, где, между прочим, говорилось: «Правительство призывает вас защищать ваш город, ваши очаги, ваши семьи, вашу собственность». В другой прокламации, подписанной всеми членами правительства, говорилось: «Правительство хотело и хочет покончить с повстанческим Комитетом, члены которого, почти никому неизвестные, сплошь заражены коммунистическими идеями. Эти люди предадут Париж разграблению и погубят Францию, если армия и национальная гвардия не воспрянут в общем порыве для защиты родины и республики».

Но эти красноречивые призывы не произвели на этот раз никакого действия. Рантье, коммерсанты, спекулянты

¹⁾ Lepelletier, I, p. 390—434 (passim).

²⁾ Клеман Тома вышел в отставку в январе 71 г.

и финансисты, чувствовавшие инстинктивный страх перед всякой революцией, боявшиеся пролетариев и презиравшие их, предпочли остаться по домам, тем более, что сбор били в разных частях города, и выйти на улицу значило рисковать попасть в ряды повстанцев.

Сказалось и действие недавних декретов Национального Собрания, которые довели до банкротства множество мелких и средних буржуа.

В данный момент лавочка чувствовала опасность не со стороны пролетариата, а со стороны «деревенщины», заседавшей в Версале, и лавочка не шевельнула и пальцем, чтобы спасти положение.

Убедившись, что захват орудий не удался, Тьер решил, вопреки советам своих министров, эвакуироваться из Парижа. Его план заключался в том, чтобы вывести остатки регулярных войск из столицы и организовать в Версале новую армию, с которой и дать революционерам решительный бой. В полдень был отдан приказ стягивать войска на левый берег Сены. А в 4 часу дня по дороге в Версаль во всю прыть мчалась под сильным эскортом карета, увозившая из Парижа главу исполнительной власти.

К вечеру город оказался без правительства; немедленно должен был встать вопрос, кто займет его место. На эту роль претендовали, прежде всего, буржуазные республиканцы — либералы и радикалы всех оттенков, в руках которых находилось управление парижскими округами. Опасаясь, что в случае полной победы революции власть перейдет к какой-либо из революционных организаций, парижские мэры решили выступить в качестве посредников между победившим народом и разбитым правительством. Собравшись в мэрии I-го округа, они отправили в правительство делегацию, поручив ей требовать немедленного принятия следующих мер, как единственно могущих остановить успехи восстания и успокоить большинство населения: «назначения парижского депутата Ланглуа главнокомандующим национальной гвардией, 2) назначения Дориана мэром Парижа, 3) спешного проведения муниципальных выборов и 4) предоставления гарантий, что национальная гвардия не будет разоружена».

Соглашатели потерпели полнейшую неудачу: «С убийцами не ведут переговоров,—заявил делегации министр внутренних дел Жюль Фавр, уже осведомленный о расстреле генералов Тома и Леконта.—Будем действовать силой!»

Тем не менее новое собрание мэров, перенесших теперь свою штаб-квартиру в здание мэрии II-го округа, приняло резолюцию, в которой говорилось, что они остаются на своем посту, ожидая дальнейших указаний от правительства, и готовы принять все зависящие от них меры для своевремен-

ной выплаты жалованья тем национальным гвардейцам, которые отдадут себя в их распоряжение. Как видим, соглашатели еще не теряли надежды выступить в качестве «третьей силы», но для этого нужно было попытаться привлечь на свою сторону хотя бы часть национальной гвардии.

По мере того, как уходившие войска очищали правительственные здания, их занимали пролетарские батальоны национальной гвардии. Полицейская префектура, Ратуша, которую усердно укреплял перед тем парижский мэр — Ж. Ферри¹⁾, министерство иностранных дел, Вандомская площадь и помещение главного штаба национальной гвардии перешли в руки повстанцев.

Все это делалось по инициативе отдельных лиц, без всякого плана или приказа какого-либо руководящего центра; Ц. Комитет, как целое, ни в какой степени не был организующей и направляющей силой. Его члены — как Бержере, Ж. Арнольд, Варлен, Дюваль и др., рассеянные по своим кварталам, принимали энергичное участие в восстании, но не шли во главе его.

Лишь в 11 часов вечера, когда большая часть тьеровских войск уже тянулась по дороге в Версаль, некоторые члены Ц. К. решили сойтись в Ратуше, которая оказалась пустой. Собралось около 20 человек. По предложению Моро решили, наконец, сохранить Ратушу за собой, впредь до избрания Коммуны. Родилась новая власть. Начальником национальной гвардии был тут же назначен бывший морской лейтенант Люлье. Явившийся было в качестве претендента на этот пост Ланглуа должен был ретироваться. Утром 19-го на Ратуше уже развивалось красное знамя²⁾.

Глава II.

Таинственные незнакомцы.— Борьба за выборы в Коммуну.

Париж получил новое временное правительство, которое окрестили на первых порах «правительством неизвестных». «Первый город в мире, — писал потом член Коммуны Лефрансе, — не только переживал неизвестность, но и принадлежал неизвестным людям. В Ратуше заседало безыменное правительство, состоявшее почти исключительно из простых рабочих или мелких чиновников, три четверти которых не были известны дальше их улицы или мастерской. С какой

¹⁾ Жюль Ферри был назначен мэром Парижа после выхода в отставку Э. Араго. (15/XI).

²⁾ Lepelletier, I, p. 434—533 (passim).

угодно точки зрения — в этом было нечто неслыханное и страшное... Традиция была нарушена. Произошло нечто неожиданное... В правительстве не было ни одного представителя господствующих классов. Вспыхнула революция, которая не была представлена ни одним адвокатом, ни одним депутатом, ни одним журналистом, ни одним генералом. Их места занимали: чернорабочий из Крезе, переплетчик, повар и т. п.».

Лефрансе дал правильную характеристику социального состава Ц. К. Рабочие, служащие, мелкие чиновники и представители мелкой буржуазии — вот кто правил теперь Парижем.

Для Ц. К-та, отнюдь не подготовлявшего восстания и не руководившего им, революция 18 марта была полной неожиданностью: никто не предполагал, что рабочие проявят такую энергию. Даже после того, как войска Тьера были разбиты во всех пунктах, а большинство правительственных зданий было занято национальной гвардией, Ц. К. в течение нескольких часов не решался взять власть в свои руки, и перешел в Городскую Думу только тогда, когда убедился, что других претендентов на роль временного правительства нет.

Центральный Комитет смотрел на себя исключительно как на временную власть и считал своей главной задачей скорейшую организацию выборов в Коммуну, которой и хотел передать бразды правления. В первой же прокламации — «К народу» — говорилось: «Граждане. Парижский народ сбросил ярмо, которое пытались на него надеть... Париж и Франция должны совместно заложить здание республики... как единственной формы правления, которая навсегда положит конец эре завоеваний и гражданских войн... Парижский народ приглашается в свои секции¹⁾ для производства коммунальных выборов»...

В тот же день было выпущено воззвание к национальным гвардейцам Парижа. «Граждане, — читаем там, — вы возложили на нас обязанность защищать Париж и отстаивать ваши права. Мы уверены, что выполним эту задачу: благодаря вашей героической храбрости и удивительной выдержке, мы прогнали правительство, которое нам изменяло. С этого момента наш мандат истекает, и мы возвращаем его вам, так как отнюдь не претендуем занять место тех, кого опрокинула народная стихия.

Готовьтесь же немедленно произвести коммунальные выборы, и пусть единственной надеждой нам будет то, на что мы так надеялись — дожить до установления истинной рес-

¹⁾ Термин заимствован из эпохи Великой революции, когда Париж разделялся в административном отношении на 40 секций, или участков.

публики. В ожидании этого мы именем народа сохраняем за собой Ратушу».

К этим скромным, чуждым всякой фразистости прокламациям, авторами которых были член Ц. К. торговый комиссионер Моро и литератор-социалист Лонге, прислушивался, однако, весь Париж. Центральный Комитет был единственной сильной организацией, опиравшейся притом на массы вооруженных пролетариев.

Тем не менее положение его было необычайно трудным. Молодой, еще неокрепший, с людьми без громких политических имен во главе, — он встретил враждебный и недоверчивый прием со стороны ранее возникших организаций, многие из которых — основательно или неосновательно — также претендовали на власть. Важнейшими из них были Ц. К. 20-ти округов и Центральный Артиллерийский Комитет.

Что касается парижской Федерации Интернационала, которая должна была занять дружественную позицию по отношению к правительству, вынесенному на гребне рабочей революции, то она не оказала ему никакой поддержки. 22 мая на заседании Федерального Совета Малон сомневается, чтобы соглашение между мэрами и Ц. К-том состоялось, и выборы в Коммуну удались. Варлен напоминает, что Федеральный Совет сложил с себя всякую ответственность за действия Ц. К., Жакмен опасается, «как бы Ц. К. не скомпрометировал Республику».

Один из участников собрания вносит даже предложение, чтобы Интернационал и другие рабочие организации требовали от Ц. К-та сложения полномочий и передачи власти в руки парижских мэров и депутатов, которые после бегства Тьера считали себя единственными законными представителями Парижа и теперь претендовали на роль правительства. Это предложение, правда, не прошло, но очень характерно: оно показывает, что недоверие к «правительству неизвестных» существовало даже в рядах социалистов.

Через день будущий член Коммуны и один из виднейших членов Федерации рабочих Тейс говорит, что он считает, что Интернационал не может отвечать за поведение своих четырех делегатов, в свое время направленных в Ц. К. 1).

Выступая с подобными заявлениями, дискредитировавшими Ц. К. в глазах широких масс, члены Интернационала в сущности действовали на руку версальцам и тем либералам и буржуазным демократам, которые оспаривали у Ц. К-та власть.

Еще любопытнее поведение социалистов на заседании, устроенном Ц. К-том с участием мэров, их помощников и

1) Enq. Parl., III, 235—36; 237.

парижских депутатов. Вслед за радикалом Клемансо ¹⁾, говорившим о «незаконности» (!) восстания и требовавшего передачи власти мэрам и депутатам, которые-де выхлопочут у Национального Собрания назначение выборов в Коммунду, — выступил один из бывших редакторов «Марсельезы», социалист Милльер, писавший накануне франко-прусской войны статьи о сущности и задачах социальной революции.

Что же говорит этот социалист *теперь*, когда пролетариат действительно подходил к власти. «Час социальной революции еще не пробил. Прогресс достигается более медленным путем... Я умоляю вас уступить место собранию мэров и депутатов; ваше доверие будет оправдано».

Ему вторит интернационалист Малон: «Положение опасно... Ясно, что Собрание ничего не захочет слушать, пока Комитет будет занимать Ратушу. Если же, напротив, Париж передает себя этим законным представителям, я полагаю, что им удастся сделать больше, чем вам».

Таким образом, даже социалисты поддерживали весьма вредные иллюзии на счет возможности соглашения между Парижем и правительством Тьера. Они цеплялись за легальность в тот момент, когда гражданская война стояла уже у порога. Если бы Ц. К. внял паническим доводам Малона и Милльера и выпустил власть из своих рук, уступив место соглашателям из либералов, он совершил бы настоящее предательство всего дела революции 18 марта.

Но соглашательские тенденции были сильны и в самом Ц. К-те, старавшемся сохранить по возможности единый революционный фронт, хотя некоторые из его членов уже тогда выражали сомнение насчет прочности союза пролетариата с радикальной буржуазией. Когда на первом же заседании нового правительства один из членов Ц. К. потребовал немедленного выпуска прокламации с протестом против расстрела генералов Леконта и Клемана Тома, послышалось возражение: «Остерегайтесь выражать порицание народу, иначе вам грозит получить от него порицание». — Но должен же Ц. К. опровергнуть распространяемые по городу слухи, будто расстрел произошел с ведома и по распоряжению Ц. К-та? «Народ и буржуазия подали друг другу руки. Этот союз должен остаться нерушимым».

— «Прекрасно, — возражали непримиримые, — откажитесь же от народа, чтобы сохранить симпатии буржуазии. Народ отвернется от вас и вы увидите, можно ли делать революцию с буржуазией!»

Как бы то ни было, классовый инстинкт представителей пролетариата, заседавших теперь в Городекой Думе, под-

¹⁾ Будущий министр-президент, один из вдохновителей французской реакции во время и после мировой войны.

сказал им иную тактику, чем та, которую рекомендовали некоторые социалисты, совершенно растерявшиеся перед неожиданными результатами революции 18 марта. Невзирая на все трудности, Ц. К. решил удержать за собою власть до избрания Коммуны.

Но, отвергая притязания г.г. Клемансо на роль временного правительства, Ц. К-т не хотел *полного разрыва* с либеральными и радикальными кругами, надеясь втянуть их в борьбу с Тьером. Большинство членов Ц. К-та полагало, что Коммуна будет тем авторитетнее, чем больший процент парижан примет участие в выборах. Надо, чтобы к урнам шли не только рабочие, но и средняя и мелкая буржуазия. Рассчитывать же на это можно лишь в том случае, если выборы будут организованы не только Ц. К-том, но и парижскими мэрами и депутатами. Кроме того, в глазах Ц. К-та официальное участие мэров в выборах должно было подвести легальное основание под все движение 18 марта. И в этом еще раз сказывалась иллюзия возможности соглашения с версальским правительством.

Когда на первом же заседании нового правительства было сообщено, что в здании мэрии III округа собрались мэры и депутаты Сенского департамента вместе с некоторыми батальонными командирами, из среды присутствовавших раздались единичные голоса, предлагавшие послать немедленно батальон национальных гвардейцев и арестовать это почтенное собрание. Но сейчас же послышались энергичные протесты. «Если мы хотим увлечь за собою Францию, мы не должны ее пугать. Подумайте сами, какое впечатление произвел бы арест депутатов и мэров, и какое впечатление произвело бы их присоединение». — «Оттого, соберем ли мы значительное количество голосов, зависит многое. Если к нам присоединятся депутаты и мэры, то весь Париж пойдет к урнам». Победило течение, которое считало, что «необходимо столковаться с ними».

Если Ц. К-т желал соглашения, то либеральная и радикальная буржуазия заняла непримиримую позицию. Парижские депутаты и мэры, большинство которых принадлежало либо к левым республиканцам-радикалам, типа Гамбетты и Клемансо, либо к тайным и явным сторонникам Тьера, боялись вооруженного пролетариата больше, чем версальских монархистов, а потому поставили своей задачей свести на нет результаты революции 18 марта и прежде всего устранить ненавистный Ц. К-т, взяв управление Парижем в свои руки.

19 марта мэры и депутаты отправили в Ратушу делегацию, которая должна была заявить Ц. К-ту об их притязаниях. От имени делегации выступил Клемансо.

«Каковы бы ни были наши требования,—сказал он,—мы не можем поднимать восстание против всей Франции... Париж должен признать Национальное Собрание. Ц. К-ту остается лишь один выход: уйти, и передать Ратушу вместе с своими полномочиями мэрам и депутатам, которые одни только в праве требовать и добиться от Собрания признания прав Парижа».

Клемансо был прерван шумными протестами: «Но ведь нападающей стороной было правительство! Национальной гвардии ничего не оставалось, как дать отпор! Ц. К. вовсе не захватывал власти: вместо нее было пустое место, а в Ратушу его впихнул (*a poussé*) сам народ!» Варлен резко перебил Клемансо: «Вы говорите, что заставите Собрание признать права Парижа? вы в этом уверены?»—«Что же требуется от Собрания?»—спросил тот в свою очередь.—«Чтобы оно убралось!» — грубо ответил Эд. — «Депутаты и мэры, — сказал Бурсье, — непопулярны в Париже, не пользуются они никаким влиянием и в Версале. Если они хотят идти вместе с нами, мы будем им рады; если они отказывают нам в своем содействии, мы обойдемся без них. Выборы должны произойти, все равно—при их участии или без такового».

Видя, что Ц. К-т отнюдь не склонен уступить место собранию мэров и депутатов, делегация удалилась ¹⁾.

Однако Ц. К. не отказался от мысли достигнуть соглашения и делегировал четырех своих уполномоченных на собрание мэров и депутатов. Последние сначала отказались от всяких официальных переговоров с Ц. К., как с «незаконным правительством». Делегаты отвечали, что фактически власть в Париже принадлежит Комитету, и поставили вопрос ребром: хотят ли мэры приступить к организации выборов в Коммуну? Тогда последние заявили, что выборы может назначить только Национальное Собрание, от которого они брались получить соответствующее согласие, но под одним непременным условием—если Ц. К. немедленно очистит Городскую Думу, оставив за собою лишь руководство национальной гвардией. Представители Ц. К. отвечали, что для того, чтобы иметь гарантии, они считают необходимым сохранить все свои позиции.

После долгих и ожесточенных прений трое из делегатов Ц. К-та ушли. Оставшийся Варлен, измученный шестичасовой безрезультатной борьбой, сдался, но потом, вернувшись в Ратушу, сам заявил, что считает свой шаг ошибочным и высказался за отклонение выставленных мэрами условий. И когда на другой день представители противоположной стороны яви-

¹⁾ Lepelletier, II, 80—82.

лись в Ц. К-т, чтобы подписать якобы состоявшееся соглашение, Ц. К. заявил, что не заключал никаких условий¹⁾.

Ц. К-т проявил здесь твердость в значительной степени под давлением собрания представителей наблюдательных комитетов 20-ти округов, в котором приняли энергичное участие видные бланкисты (Эд, Ферре, Да-Коста, Тридон и др.). В этом собрании податливая тактика Ц. К. и его недостаточная активность подверглись ожесточенным нападкам. Эд и Ферре указывали, что мэры делают лишь вид, что склонны к соглашению; если они требуют от сторонников Ц. К. очищения Ратуши, захваченных мэрий, казарм и т. п., то лишь для того, чтобы организовать там сопротивление. Они уже укрепляются в мэрии II округа и организуют вокруг себя свою собственную армию. Собрание приняло резолюцию, обязывающую Ц. К-т сохранить власть до производства выборов в Коммуну²⁾.

Комитет как будто понял, что «эти господа хотели его предать». Ц. К-т остается при своем прежнем решении произвести выборы в Коммуну 22 марта, но он не отказывается от дальнейших переговоров: повидимому, его все же смущала его собственная «нелегальность», которую хотели прикрыть авторитетом установленных властей.

Эта оппортунистическая тактика была, конечно, ошибочной: заставить буржуазию во что бы то ни стало приложить свою руку к делу пролетарской революции было совершенно бесполезной затеей, что и подтвердилось впоследствии, когда, попавши в Коммуну, гамбеттисты и тьеристы сложили свои полномочия в первые же дни ее существования.

С другой стороны, переговоры с мэрами только связывали руки Ц. К., который и без того уклонялся от решительных действий против Версаля.

Не добившись немедленного самоустранения Ц. К-та, мэры пускают в ход все средства, чтобы сорвать выборы в Коммуну. Выпускается обращение к парижанам, в котором они обещают добиваться от Собрания признания за национальной гвардией права выбирать всех начальников, а за всем населением — произвести выборы в Городской Совет (Коммуну).

Другая прокламация (от 22/III), обращенная к национальной гвардии, начиналась с лицемерных призывов к единству и предостережений против гражданской войны, когда «окровавленное и изувеченное отечество» находится на «краю гибели, а пруссаки стоят у ворот Парижа», будто бы выжидая лишь удобного случая, чтобы оккупировать столицу. Г.г. соглашатели заведомо обманывали парижан, уве-

¹⁾ Лиссагарэ, стр. 103—106. (Изд. „Молот“).

²⁾ Lepelletier, II, 99—101.

ряя, будто Национальное Собрание единогласно постановило произвести муниципальные выборы в Париже в кратчайший срок¹⁾; граждане приглашались мирно ждать этих «законных и правильных выборов и игнорировать призывы безыменного и самочинного правительства»²⁾.

Выступая в Национальном Собрании, один из соглашателей—мэр Тирар—заявил под гром аплодисментов, что муниципальная администрация воспрепятствует производству выборов, назначенных Ц. К-том, что мэры откажут в выдаче избирательных списков, урн, не дадут помещений и т. д.

В то же время 35 либеральных и радикальных газет выпустили специальное воззвание, приглашавшее граждан бойкотировать выборы в Коммуну и отнестись к «противозаконному созыву Генерального Совета, как к несуществующему».

Ввиду явного саботажа со стороны мэров, Ц. К. вынужден был перенести выборы на 26-е.

Между тем в Париже контр-революционеры всех оттенков поднимали головы, пытаясь взять реванш за 18 марта и вырвать у пролетариата плоды его победы.

В буржуазных газетах поднимается бешеная травля Ц. К. и парижских рабочих. Членов нового правительства называют «коммунистами», «сторонниками всеобщей дележки», «кровопийцами» и «грабителями». Измышляются невозможные небылицы о расхищении Ц. К-том собственности, о прусском золоте, которое якобы обильно притекает в рабочие кварталы. Буржуазные писаки то запугивают население возможностью бомбардировки города пруссаками и ужасами оккупации, то уверяют своих читателей, будто Ц. К-т постановил уничтожить все судебные и иные акты, хранящиеся в различных учреждениях. Республиканская печать кричит даже о бонапартистских деньгах, которыми якобы субсидируется пролетарское движение.

От черносотенной агитации в прессе контр-революционеры переходят к демонстрациям. 21 марта толпа биржевиков, спекулянтов и всякого рода прожигателей жизни собирается на площади Биржи, откуда направляется на Вандомскую с криками: «Да здравствует Собрание! Долой Коммуну!»

На другой день группа вооруженных черносотенцев устраивает демонстрацию перед зданием Оперы. Демонстранты рассчитывали вытеснить национальных гвардейцев с Вандомской площади и захватить здания мэрии I и II окру-

¹⁾ В действительности Собрание бурно аплодировало Пикару, который, признавая необходимость назначения муниципальных выборов по всей Франции, считал их несвоевременными для Парижа.

²⁾ Maillard. Elections des 26 mars et 16 avril, p. 63—64 (№ 11).

гов. Произошло столкновение, при чем нападающей стороной были демонстранты. После того как несколько национальных гвардейцев было убито и ранено, отдан был приказ дать залп по толпе. «Сторонники порядка» быстро очистили площадь, оставив несколько убитых и раненых.

Более серьезную поддержку оказали мэрам национальные гвардейцы из центральных буржуазных кварталов. Домовладельцы и лавочники, не вступившие в Федерацию и упорно сидевшие по домам в день революции, облеклись теперь в мундиры и выползли из своих нор. Многие гвардейцы соблазнились обещаниям регулярной выплаты жалованья, обещанного мэрами.

Многие вернувшиеся из германского плена офицеры предложили свои услуги. На сторону мэров стали также студенты Политехнической Школы и других высших учебных заведений.

Буржуазные отряды заняли мэрии IX и VI округов, а также вокзал св. Лазаря, вытеснив оттуда сторонников Ц. К-та.

Занятые кварталы охранялись патрулями. Центром сопротивления стала мэрия II округа, где мэры и их помощники объявили свои заседания непрерывными. Внутри красного Парижа образовалось контр-революционное гнездо, опиравшееся теперь на вооруженную силу, численность которой доходила до 25 тысяч.

Ободренное своими успехами, собрание мэров назначило главнымкомандующим национальной гвардией адмирала Сессе, начальником его штаба — Ланглуа и начальником артиллерии — Шельхера. Новый шеф был уже известен парижанам по своему выступлению в Национальном Собрании, где он заявил: «Да, будем апеллировать к провинции и, если потребуется, пойдем на Париж. Пора с этим покончить!»

Центральный Комитет отдает приказ о сооружении баррикад на Вандомской площади¹⁾ и выпускает прокламацию к гражданам, в которой говорится: «Поощряемая вашими мэрами и депутатами, реакция объявляет нам войну. Мы должны принять вызов и сломить сопротивление».

Одному из батальонов поручается вновь занять мэрию VI округа. В пяти округах ненадежные мэры и их помощники устраняются по распоряжению Ц. К., их место занимают его комиссары. В то же время революционным батальонам удается занять железнодорожную линию у Батиньоля и перерезать сообщение с вокзалом св. Лазаря.

Французский Банк, в первый день выдавший новому правительству 1 миллион франков, теперь отказывает в даль-

¹⁾ Здесь помещался главный штаб национальной гвардии.

нейшем кредите; только появление двух батальонов национальных гвардейцев заставило банк смириться.

Положение Ц. К. было не из легких: предстояло сломить сопротивление реакционеров вооруженной силой. Но ему помогла неуступчивость Национального Собрания. 23 марта, когда в Париже узнали, что новая попытка соглашателей добиться назначения муниципальных выборов потерпела в Версале полную неудачу, настроение буржуазных кругов изменилось: поведение Собрания вызвало всеобщее негодование. Республиканские газеты почти прекращают свои выпады против Ц. К.

В то же время все революционные организации спешили теперь оказать Ц. К. свою поддержку.

Ц. К. 20-ти округов выпустил воззвание, в котором возлагает всю ответственность за нарушение порядка на мэров и депутатов и приглашает граждан принять дружное участие в предстоящих выборах в Коммуну. Его примеру последовал Федеральный Совет Интернационала. На безоглаательном производстве выборов настаивал и клуб Медицинской Школы вместе с «Республиканской Ассоциацией» и «Республиканским Комитетом 6 округа».

Появился ряд заявлений, сочувственных Ц. К-ту и требующих немедленных выборов и от отдельных мэров и их помощников, поспешивших отмежеваться от г.г. Тьеров и Клемансо ¹⁾.

Учитывая этот поворот в общественном мнении, Ц. К-т решил, наконец, ликвидировать контр-революционную авантюру. 24-го он выпустил прокламацию, в которой говорилось: «Некоторые батальоны, сбитые с толку реакционными начальниками, решили оказать противодействие нашему движению. Мэры и депутаты, забыв о своих обязанностях, поддержали его. Чтобы добиться нашей цели, мы рассчитываем на ваше мужество».

Во главе национальной гвардии Центральный Комитет ставит теперь трех импровизированных генералов—бывшего офицера Брюнеля, литейщика Дюваля и аптекаря Эда.

Брюнелю было поручено разогнать тех национальных гвардейцев, которые еще занимали здания мэрий I и II округов. Едва сторонники Ц. К-та подвезли артиллерию, как защитники мэрии быстро ретировались. VI и IX округа все еще были в руках соглашателей. Чувствуя, что игра проиграна, мэры изъявляют теперь желание назначить выборы, но хотят оттянуть их до 30-го. Мнимая уступка вызывает

¹⁾ Малон, Meillet, Дерер и Милльер протестовали против постановки их имен на афишах, выпущенных от имени мэров депутатов. Aff. p. 75—80.

всеобщее ликование: сторонники Ц. К-та братаются с буржуазными батальонами. Но теперь Ц. К-т решил проявить твердость и настоять на выборах 26-го.

Мэры решаются оказать последнее сопротивление. Они энергично укрепляются в своей основной базе—здании мэрии II округа, куда съезятся митральезы, идут спешные приготовления к защите.

Но все симпатии не только пролетарских, но и мелкобуржуазных масс были теперь на стороне Ц. К., и политика мэров встретила решительное осуждение со стороны парижского населения.

Поворот в настроении лавочников, мелких фабрикантов и их служащих объяснялся тем, что в заседании 24 марта Национальное Собрание отклонило предложение парижского депутата Милльера об отсрочке¹⁾ платежей по векселям на три месяца: мораториум был продлен лишь на один месяц. На другой день по городу была расклеена афиша, в которой говорилось: «Коммерсанты! Вам необходима отсрочка платежей, по крайней мере, на 1—2 года; Версальское Собрание отказало вам и в 3 месяцах. Во вчерашнем заседании оно назначило через месяц всеобщее банкротство». Ударив г.г. коммерсантов по карману, версальская «деревенщина» сама толкнула их на присоединение к Центральному Комитету, который, как увидим ниже, напротив, проявил бережное отношение к их материальным интересам²⁾.

Национальная гвардия центральных кварталов снова перешла в пассивное состояние. Ряды защитников мэрии II округа редели с каждым часом. В конце концов мэры сочли дальнейшее сопротивление беспечным, тем более, что это же рекомендовалось Тьером, обещавшим с помощью регулярной армии через две-три недели «освободить Париж».

Вскоре на стенах Парижа красовалось воззвание, выпущенное совместно Ц. К-том, мэрами и их заместителями. «Ц. К. Национальной Гвардии, к которому присоединились парижские депутаты, мэры, их заместители, будучи убеждены, что единственное средство избежать гражданской войны и кровопролития в Париже и в то же время укрепить республику—это произвести немедленные выборы,—созывает граждан в их избирательные коллегии на ближайшее воскресенье».

¹⁾ Во изменение закона 10 марта

²⁾ Lepelletier, II, 188—189.

справедливого закона о сроках платежей по векселям и вывода армии из пределов парижской округи).

Если не считать последних трех пунктов, то перед нами та же программа, которая выставлялась революционными и рабочими организациями еще с сентября 70 г., а затем была формулирована в феврале на первом же обще-делегатском собрании национальных гвардейцев.

Руководители Ц. К. полагали, что последовательное проведение коммунальных свобод не только устранил всякие трения между центральной и местными властями, но и обеспечит мирное разрешение социального вопроса. «Община,—читаем в прокламации Ц. К. от 22 марта,—как и нация, обладает неотъемлемым правом иметь свое собрание—Коммуну. Если прежде Коммуна была необходима для обеспечения национальной обороны, то теперь она может укрепить силу и обеспечить процветание Республики. Опираясь на часто возобновляемое согласие *большинства*, Коммуна устраняет всякие поводы к конфликтам, гражданской войне и революции; тем самым исключается «всякий антагонизм между общественным мнением Парижа и центральной исполнительной властью».

Еще определеннее та же мысль подчеркивается в обращении к гражданам делегатов Ц. К. по внутренним делам. «Республика,—говорится здесь,—должна установить *гармонию интересов, а не жертвовать одними из них ради других*»¹⁾.

Ту же позицию разделяла, как увидим ниже, и Коммуна. И Ц. К.-т, и Коммуна наивно верили, что с превращением Франции в свободную федерацию коммун, избранным путем всеобщего голосования, а также при последовательном осуществлении коммунальных свобод,—антагонизм между пролетариатом и буржуазией исчезнет, классовая борьба станет излишней, и таким образом путь к мирному переходу от капитализма к социализму будет расчищен.

Все это построение, в котором весьма сильно чувствуется еще старый прудонизм с его идеей мирного вращивания в капиталистическое общество,—было, конечно, величайшим заблуждением. Переход от капитализма к социализму решается не всеобщим голосованием, а тяжелой кровавой борьбой пролетариата за власть, которая дает ему в руки оружие для «экспроприации экспроприаторов». Пока же средства производства остаются в руках буржуазии, последняя может превосходно эксплуатировать рабочих и в рамках абсолютно «автономной» Коммуны; а если остается противоположность интересов труда и капитала,—не устраняется и классовая борьба.

¹⁾ Mur. Pol., II, 94—95.

Революция 18 марта была революцией пролетариата по преимуществу, хотя в ней в той или иной степени участвовали и не пролетарские элементы. «Это была, — говорит Маркс, — первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признал парижский средний класс — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, — все, за исключением богатых капиталистов»¹⁾.

Любопытное признание гегемонии пролетариата в революции в 1871 г., подтверждающее мысль Маркса, находим в избирательном воззвании мэра V округа. «Другие классы, — говорится там, — доведя страну до крайних пределов бедствий, отныне доказали степень своей старческой дряблости и полного бессилия; они потеряли право считать одних себя способными к управлению».

«Дайте же место (*laisser arriver*) честности, труду, справедливости, — дайте дорогу сознательному пролетариату (*au prolétariat instruit*), этому истинному народу, единственному классу, свободному от наших ошибок и падений; только он может спасти страну»²⁾.

Посмотрим теперь, в какой степени пролетарский характер революции 18 марта сказался в декларативных заявлениях, исходивших от нового временного правительства.

На первых порах Ц. К. лишь весьма смутно сознавал истинный характер революции 18 марта, ее пролетарскую сущность: в его глазах революция была, прежде всего, переворотом, произведенным в защиту республики.

Когда на собрании с мэром Милльер усмотрел в идее федерации автономных коммун наметок на социальную революцию и заявил о преждевременности таковой, среди членов Ц. К. не оказалось единодушия в этом вопросе. «Так как здесь говорилось о социальной революции, — сказал один из делегатов, — то я заявляю, что наш мандат не так широк». Но его прерывают, раздаются возгласы: «Неверно, неверно!» — «Нет, правильно, правильно!» Позже, в прокламации Ц. К. от 15 апреля, которая является как бы его официальной платформой, звучат уже иные ноты. «Не заблуждайтесь, работники; это — великая борьба, борются между собою паразитизм и труд, эксплуатация и производство благ. Если вам надоело коснеть в невежестве и гнить в нищете, если вы хотите, чтобы ваши дети были людьми, пользующимися плодами своего труда, а не какими-то животными, выдрессированными для мастерской или для бойни, создающими своим потом состояние эксплуататора или проливающими свою кровь в интересах какого-нибудь деспота; если вы не

¹⁾ Гражданская война во Франции, 54.

²⁾ *Mun. Pol.*, II, 128.

Глава III.

Программа Центрального Комитета. — Итоги его деятельности.

В Ц. К-те преобладало влияние бланкистов. Но его общая линия значительно уклонялась от последовательного бланкизма: «по иронии истории, — говорит Энгельс, — они делали как раз противоположное тому, что им предписывала их школьная доктрина»¹⁾.

Непоследовательность Ц. К. объясняется, прежде всего, тем своеобразным положением, в каком находился Париж после революции 18 марта. Париж отстаивал республику от покушения на нее со стороны Национального Собрания, избранного всей страной; пролетарии столицы прогнали правительство, которое являлось общенациональной властью.

К тому же после 18 марта Ц. К-т находился в весьма неблагоприятных условиях. Не имелось не только организационных связей с крупными провинциальными центрами, но даже сведений об их настроении. Приходилось, наконец, учитывать действие той клеветнической кампании, которую вели версальское правительство и буржуазная пресса против Парижа в провинции. Естественно, что Париж не решился диктовать свою волю всей Франции; иначе, вступая в борьбу с Версальским Собранием, он рисковал остаться без союзников.

Кроме того, на деятельности Ц. К-та не могло не сказаться присутствие в нем членов Интернационала, частью правых мюлюлистов, частью примыкавших к левому прудонизму.

Вместо того, чтобы согласно бланкистской программе выдвигать принцип революционной диктатуры Парижа над Францией, Ц. К-т писал в прокламации от 20 марта: «Париж не имеет ни малейшего намерения отделиться от Франции: он далек от этого. Ради Франции он терпит Империю и Правительство Национальной Обороны со всеми его изменами и трусостью. Париж не помышляет отвернуться от нее и ныне, а хочет, как старший брат, только сказать ей: «стань на собственные ноги, как это сделал я, сопротивляйся угнетению по моему примеру»²⁾!

В другой прокламации (от 22/III) читаем: «Париж не хочет властвовать, но он хочет быть свободным. Он не добивается никакой диктатуры, кроме диктатуры, проявляющейся в примере; он не претендует на то, чтобы навязывать

¹⁾ Маркс. Гражданская война. Предисловие Энгельса, стр. 12.

²⁾ Journal Officiel de la Rép. Fr., 20/III (p. 15).

свою волю, но не будет от нее и отрекаться... он является истолкователем движения, поскольку участвует в нем сам: закрепляя свою свободу, он подготавливает почву для освобождения других. Он никого не толкает насильно в царство республики, довольствуясь тем, что входит туда первым¹⁾.

Но, как бы ни открепивался Ц. К-т от всякой мысли навязать провинции волю Парижа, объективно, помимо сознания участников борьбы, новая власть, конечно, не была лишь коммунальной администрацией. Самая революция 18 марта была восстанием против правительства, опиравшегося на Национальное Собрание, которое, в свою очередь, было избрано всеобщим голосованием. Поднимая знамя борьбы с реакционной «деревенщиной», пролетарский Париж уже оспаривал у сельской Франции право решать судьбы страны.

Да и сам Ц. К-т не всегда довольствовался скромной ролью хранителя коммунальных вольностей Парижа. Прокламация 19 марта начиналась словами: «*новое правительство Республики берет в свои руки управление всеми министерствами (со всей администрацией)*»²⁾.

Из приведенных документов видно, что новое правительство отказывалось от вмешательства в дела других коммун. Новая Франция рисовалась Ц. К-ту в виде федерации свободных городов, а не в виде «единой и нераздельной Республики» якобинского типа, управляемой с помощью централизованного аппарата.

Революция 18 марта прошла под лозунгами защиты республики и коммунальных вольностей Парижа. В чем же заключалась по мнению Ц. К-та эта коммунальная свобода?

«Коммуна,—говорилось в уже приведенной прокламации от 22 марта,—дает общине национальную милицию, которая защищает граждан от правительства, вместо постоянной армии, защищающей правительство от граждан; и муниципальную полицию, которая преследует преступников, вместо политической полиции, преследующей честных граждан. Члены Коммуны находятся под постоянным надзором и контролем общественного мнения; они отзываемы, подотчетны, ответственны...»

«Мы хотим,—говорил Варлен на совместном заседании Ц. К. с делегатами от мэров,—мы хотим не только избрания муниципального совета, но и фактических муниципальных свобод: уничтожения полицейской префектуры; для национальной гвардии—права выбирать своих начальников и заново организоваться, провозглашения республики законной формой правления; простой отсрочки квартирной платы,

¹⁾ М. Р. II, 36—37.

²⁾ Ж. Огг. 20 III.

хотите более, чтобы ваши дочери, которых не можете воспитать под своим присмотром так, как вам бы того хотелось, были орудием наслаждения в руках аристократии капитала; если вы не хотите, чтобы разврат и нищета толкали людей в лапы полиции, а женщин—в ряды проституции; если вы желаете, наконец, царства справедливости,—работники! Будьте сознательны, будьте наготове: своими могучими руками вы должны раздавить гнусную реакцию».

Но эту превосходную прокламацию портит ее конец: «Граждане Парижа! Коммерсанты, промышленники (industriels), лавочники, мыслители (penseurs), наконец—все, кто трудится и искренно стремится к разрешению социальных проблем,—Ц. К. заклинает вас идти *вместе* по пути прогресса... Ц. К. уверен, что героическое население Парижа обесмертит себя и возродит мир. Да здравствует Республика, да здравствует Коммуна!»¹⁾

Значит, социальная революция представлялась Ц. К-ту делом не только пролетариата, но и всех «трудящихся и эксплуатируемых»; не диктатура пролетариата, производящего социальный переворот при поддержке городской и деревенской бедноты, а блок рабочих, мелкой и средней буржуазии и интеллигенции в целях осуществления нового общественного строя на почве *демократии*—такова перспектива, которая рисовалась авторам прокламации.

Не случайным является и противопоставление мелкой буржуазии и крупного капитала, который эксплуатирует не только рабочего, но и мелкого хозяйчика, среднего буржуа, интеллигента. В нем сказалась полупролетарская, полумещанская психология членов Ц. К.

Оно имеется и в мотивировочной части декрета об отсрочке взносов квартирной платы и платежей по разного рода обязательствам. «Состояние осады, говорится там, остановило промышленную и торговую жизнь, довело человека свободной профессии (l'artiste), коммерсанта и рабочего до полного истощения их ресурсов, тогда как *достаточно крупный капитал* испытал лишь остановку в получении прибыли...»²⁾

Пролетарский характер новой революции определенно подчеркивается лишь в *одной* из статей Официального Журнала, вышедшего после 18 марта под редакцией члена Ц. К. Моро, работавшего в сотрудничестве с интернационалистом Лонге. «Пролетарии столицы поняли, — читаем там, — что в виду банкротства и измены правящих классов настал момент, когда рабочие обязаны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что

1) Mur. Pol., II, 180—181.

2) Enq. Parl., III, p. 44.

на них возложен этот долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть... Неужели рабочие, которые все производят и ничем не пользуются, должны служить мишенью для вечных издевательств? Разве буржуазия, их старшая сестра, которая сама освободилась, не видит, что теперь очередь за пролетариатом?»¹⁾

Как бы то ни было, искать в официальных заявлениях и прокламациях Ц. К. определенной социалистической программы бесполезно: ее не имели ни бланкисты, ни парижская Федерация Интернационала, которая могла поделиться с Ц. К.-ом лишь своей теоретической беспомощностью.

Мы видели, что с самого своего возникновения Ц. К. вполне разделял общее воинственно-патриотическое настроение парижского пролетариата и мелкой буржуазии. После революции 18 марта можно было ожидать, что, исходя из принципа коммунальной автономии, новое временное правительство объявит недействительным для Парижа тяжелые условия мира, заключенного Национальным Собранием, и снова выдвинет лозунг — «война до последней крайности».

Но Ц. К.-т не стал на этот путь, который был бы гибельным для пролетарской революции: став у власти, он заявил, что считает войну законченной, что речь может идти лишь о борьбе с версальцами. Ц. К. решил добросовестно соблюдать мирные условия, но он считал справедливым, чтобы господствующие классы — «виновники этой проклятой войны», из-за которых приходится страдать рабочим, «уплатили наибольшую долю наложенной победителем контрибуции»²⁾.

Ц. К.-т смотрел на себя как на власть чисто временную: он хотел быть лишь «часовым революции», «наблюдательным и организационным комитетом, задача которого заключается в том, чтобы у народа не вырвали плодов его победы» до избрания «правильного народного представительства — Парижской Коммуны».

Стоя на этой точке зрения, Ц. К. сознательно уклонялся от решения многих важных вопросов, не желая вторгаться в компетенцию будущей Коммуны. Но, как бы кратко ни было его пребывание у власти (всего 10 дней — с 18 по 27 марта), события не ждали, и именно в интересах охраны и упрочения завоеваний пролетарской революции Ц. К. должен был издать ряд декретов политического и социально-экономического характера:

18 марта победа далась сравнительно легко потому, что пролетариату удалось увлечь за собою мелкую буржуазию. Если Ц. К.-т дорожил этим союзником, нужно было — заста-

1) J. Off. 21/III.

2) J. Off. 20, 23/III.

вить его ощутить реально преимущества новой власти. Национальное Собрание довело мелкую и среднюю буржуазию до банкротства. Ц. К-т, напротив, спас ее от разорения: он приостановил до 1 октября платежи по векселям и всяким другим обязательствам, срок которым наступил с начала осады Парижа до 1 апреля, при чем % должны были начисляться лишь за 6 месяцев.

Нельзя было откладывать до избрания Коммуны решения и другого наболевшего у парижан вопроса—об уплате квартирных денег—вопроса, затрогивавшего, главным образом, интересы городской бедноты, которая вынесла на своих плечах революцию 18 марта, и в праве была требовать от рабочей власти срочных мер к облегчению своего тяжелого экономического положения. И Ц. К-т поспешил издать декрет, запрещающий домовладельцам выселять жильцов за невзнос квартирной платы впредь до нового распоряжения. Но владельцы буржуазных квартир, ходивших по 800—1500 фр. в год, получали отсрочку в уплате лишь на одну треть.

В интересах рабочих и городской бедноты вообще Ц. К. собирався приостановить продажу заложенных в ломбарде вещей и постановил возвратить собственникам предметы, ценность которых не превышала 15 фр. Проект декрета предусматривал выплату ломбарду соответствующего вознаграждения из специальных средств, которые будут получены в виде пропорционального налога на всех тех, кто бежал из Парижа после снятия осады, т.-е., главным образом, на крупную буржуазию, финансистов и т. д.

Все три декрета предвосхищали соответствующие мероприятия Коммуны.

Наконец Ц. К-т ассигновал в распоряжение парижских округов (районных дум) 1 миллион фр. для распределения среди наиболее нуждающегося населения¹⁾.

Словом, в области социально-экономической политика Ц. К-та сводилась к тому, чтобы заставить богатую буржуазию почувствовать тяжелые последствия войны, которые до сих пор несли на своих плечах только низшие и средние классы.

К политическим мероприятиям Ц. К-т относился снятие осадного положения, отмена военных судов, объявление полной амнистии по политическим делам, объявление свободы печати и включение в национальную гвардию оставшихся в Париже линейных солдат²⁾.

Ц. К-т не останавливался перед принятием самых решительных мер против нарушителей революционного порядка. С момента снятия осады в Париже скопилось немало людей

¹⁾ Enq. Parl., III, 44.

²⁾ J. Off. 20, 21, 22, 23 mars

с уголовным прошлым, которые рассчитывали поживиться на счет чужой собственности. Ц. К-т издал приказ по национальной гвардии, в котором говорилось: «Смерть вора». Всякий, уличенный в воровстве и захваченный на месте преступления, будет немедленно расстрелян ¹⁾.

Десять дней, в течение которых Ц. К-т играл роль временного революционного правительства, были решающими для судьбы всего движения. Оказался ли он на высоте задачи?

18 марта правительственные войска потерпели поражение, Париж очутился во власти восставшего пролетариата. Но старое правительство с его военно-полицейским и бюрократическим аппаратом было лишь дезорганизовано, но не уничтожено. Вынужденное эвакуировать Париж, оно сделало своей новой базой Версаль, куда могли стягиваться подкрепления со всей Франции.

Став у власти, Ц. К-т должен был, прежде всего, употребить все усилия, чтобы добить врага: нужно было арестовать правительство, разоружить полицию, жандармерию и линейные войска. Если бы правительственной армии удалось все же отступить из Парижа, необходимо было мобилизовать все силы национальной гвардии, идти на Версаль, разогнать реакционное Национальное Собрание, установить связи с пролетарскими центрами провинции, распространить пламя революционного пожара на всю страну.

«Восстание—искусство,—писал Энгельс ²⁾ в одной из своих статей, помещенных в нью-йоркской «Трибуне» (18/IX 52 г.), и подобно всякому военному и другим искусствам, подчинено определенным правилам, пренебрежение которыми ведет к гибели той партии, которая оказывается в нем виновной... В случае, если восстание однажды начато, необходимо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборонительная тактика—это гибель любого вооруженного восстания; оно потеряно еще до схватки с врагом. Нападай на врага врасплох, пока его войска не собраны, добивайся ежедневно новых, хотя бы и незначительных успехов...

Одним словом, согласно правилу величайшего из известных до сих пор знатоков революционной тактики, Дантона: «de l'audace, de l'audace, encore de l'audace» ³⁾.

¹⁾ Ib. 24/III.

²⁾ Статьи, напечатанные в „Трибуне“ и относящиеся к германской революции 48 г.; прежде они приписывались Марксу.

³⁾ „Смелость, смелость и еще раз смелость“.

Между тем Ц. К-т держался тактики пассивной, оборонительной, хотя и был победителем. Ничего не было сделано, чтобы помешать бегству правительства в Версаль и выводу его вооруженных сил из Парижа. Еще 19-го из Парижа в Версаль тянулись нестройные колонны тьеровских войск, оцепленных отрядами жандармов; уезжали чиновники, генералы и офицеры.

Новый начальник национальной гвардии — Люллье, по его собственному признанию, сам распорядился открыть все городские ворота. Маленькая подробность, хорошо иллюстрирующая всю беззаботность победителей. Здание министерства внутренних дел было занято повстанцами, так «основательно», что еще в течение 15-ти дней Пикар получал всю провинциальную корреспонденцию: оказалось, что дом имел второй выход, о существовании которого новая власть не знала в течение двух недель!

Под влиянием паники Тьер приказал войскам очистить не только город, но и южные укрепления, среди которых особенно важное значение имел форт Мон-Валерсен. Всего два десятка солдат защищали этот ключ к столице, и его легко можно было захватить, но Ц. К-т упустил момент и послал туда отряд национальных гвардейцев лишь 20-го вечером, когда Тьер успел занять этот важнейший в стратегическом отношении пункт свежими войсками.

Но этого мало. За все время, пока Ц. К-т оставался у власти, не было предпринято никаких военных действий против Версаля; а между тем в эти первые после революции дни армия Коммуны имела огромный численный и моральный перевес над силами противника. После бегства из Парижа Тьер располагал, согласно его позднейшим показаниям, всего 22.690 чел.; против этих двух десятков тысяч разбитых, деморализованных солдат Ц. К. располагал 200 тыс. революционеров, воодушевленных только что одержанной победой. При таком соотношении сил (10 : 1!) решительное наступление национальной гвардии имело все шансы на успех. «Если бы мы были атакованы в это время,—говорит тот же Тьер,—я не поручился бы за устойчивость армии, поколебленной уже одним сознанием слишком большой своей численной слабости»¹⁾.

Итак, в области военно-стратегической отсутствовали самые элементарные мероприятия, которые повелительно диктовались обстоятельствами момента. И нельзя сделать ответственным за все эти упущения полупомешанного Люллье: общие директивы давал Ц. К-т.

В результате Тьер получил передышку, которую он использовал для реорганизации своих военных сил и поднятия

¹⁾ Enq. Parl., II, 14.

их боеспособности, чтобы потом самому перейти в наступление против Парижа.

Враги пролетарской революции гнездились и в самом Париже; сторонники Национального Собрания имелись среди оставшейся реакционной буржуазии, администрации и среди национальной гвардии; они свободно выпускали свои черносотенные газеты, устраивали собрания, пробовали организовать вооруженную демонстрацию против Ц. К-та. Эти элементы, несомненно, сносились с Версалем и готовили Коммуне удар с тылу.

Враждебную позицию по отношению к новой власти заняли и радикальные круги парижской буржуазии, руководимые мэрами и депутатами. Эти господа, как мы видели, пытались не более не менее как свергнуть Ц. К-т путем нового контр-революционного восстания.

Если Ц. К-т хотел решительной победы и упрочения пролетарской революции, он должен был железной рукой подавить всякое сопротивление своей власти. Необходимо было принять репрессивные меры против черносотенных собраний, закрыть все газеты, в которых велась травля Ц. К-та, беспощадно расстреливать шпионов Тьера, арестовать мэров и депутатов и т. д.

Вместо этого Ц. К-т декретировал свободу печати, в течение нескольких дней вел переговоры с мэрами и лишь 24-го принял решительные меры к ликвидации затеянного ими контр-революционного мятежа.

Переговоры с мэрами, которые выступили в роли посредников между Ц. К. и версальским правительством, только отвлекли внимание революционной власти от борьбы с главным врагом и повели к отсрочке выборов в Коммуну; в конечном счете все это было только на руку Тьеру ¹⁾.

Ц. К-т считал главной своей задачей организацию выборов в Коммуну и сосредоточил на их подготовке все свои усилия. Но раз в порядок дня ставились выборы, то тем самым исключалась возможность немедленных военных действий против Тьера: всякие сколько-нибудь серьезные операции потребовали бы отправки из города лучших батальонов национальной гвардии, что означало бы ослабление революционных, пролетарских элементов в самом Париже и неизбежно отразилось бы на результатах выборов ²⁾.

¹⁾ Если не все, то часть „соглашателей“ вела переговоры с Ц. К-том для того, чтобы выиграть время и дать правительству Тьера возможность собраться с силами. Вот что говорил потом мэр Тирар перед следственной комиссией: „Главная цель, которую мы все преследовали этим упорством, заключалась в том, чтобы помешать федератам (т. е. национальным гвардейцам) идти на Версаль... Наше сопротивление, продолжавшееся несколько дней, позволило правительству организовать защиту“.

²⁾ Троцкий. „Терроризм и Коммунизм“, стр. 74.

Но было ли так уж необходимо торопиться с выборами в Коммуну? В этом позволительно усомниться. Скорее, прав был Маркс, когда он писал Кугельману (12 апреля), что, благодаря своей «честности, доведенной до мнительности», «Ц. К-т слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне»¹⁾. Действительно, если бы Ц. К-т поставил себе целью разгромить до конца тьеровскую армию, ему пришлось бы подчинить все остальное этой основной задаче. К сожалению, новое правительство и не думало об этом.

Все эти тактические ошибки Ц. К-та вытекают из его общей соглашательской позиции, основанной на непонимании той истины, что *социалистическую* революцию пролетариат может осуществить лишь вопреки всем группам буржуазии и в процессе жестокой борьбы с ними. «Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж». — «Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их великодушные», — говорит Маркс в том же письме к Кугельману²⁾.

Маркс превосходно учитывал всю трудность положения нового революционного правительства, вынужденного вести борьбу с Версалем, когда пруссаки еще стояли под стенами Парижа. В этом обстоятельстве Маркс видел «решающий неблагоприятный «случай». Но он не делал отсюда вывода, что парижским рабочим не следовало браться за оружие. Совсем напротив. «Буржуазные и версальские каналы, — писал он Кугельману (17/IV), — знали это и потому-то и поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков» («Письма к Кугельману», 89—90)».

Отмечая ошибки Ц. К-та, мы не должны, однако, упускать из вида исторической перспективы, всей совокупности усло-

¹⁾ Письма к Кугельману, стр. 88.

²⁾ Маркс, который в сентябре 70 г. не советовал парижским пролетариям свергать немедленно временное правительство, а употребить все усилия для создания прочных организаций, теперь с восторгом приветствует революцию 18 марта. „Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!“, читаем в том же письме. — „После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они вос тают под прусскими штыками, как будто бы войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа. История не знает еще примера подобного героизма... Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, — если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания“. („Письмо к Кугельману“, 88—89).

вий тогдашнего момента. Дело было, конечно, не в промахах отдельных лиц, входивших в состав революционного правительства. «Ц. К-т,—говорит Лавров в своей превосходной работе по истории Коммуны,—сделал все, что было для него возможно при данных обстоятельствах. Он не был виноват в том, что передовые партии не позаботились, или не могли *заранее* сорганизоваться, спеться, стать влиятельной силой в Париже и во Франции и, при первом образовании Комитета, наполнить его своими представителями. Тогда... он состоял бы из сознательных и энергичных представителей передовой партии..., уверенных в себе и в своей программе... Подобный Комитет мог бы действовать иначе. Для него было бы непростительно *дать врагам 10 дней для того*, чтобы оправиться, в то время как руководители пролетариата отказывались от обязанности и не признавали за собой права немедленно *руководить* пролетариатом. Теперь фатальная неподготовленность народной партии создала Комитет, который считал для себя обязательным эти 10 дней бездействия» ¹⁾.

Глава IV.

Выборы в Коммуну, ее состав и программа.

Пролетариат был главной движущей силой революции 18 марта, но ему удалось на этот раз увлечь за собою не только городскую бедноту, но и значительные слои мелкой буржуазии, отказавшейся в день восстания защищать правительство Тьера. Движение шло под общим лозунгом передачи власти в городе Коммуне, но разные общественные классы вкладывали в этот лозунг различное содержание. И пролетариат, и мелкая буржуазия видели в Коммуне противовес монархически настроенному Национальному Собранию; требуя самоуправления для Парижа, надеялись, что в союзе с другими городами удастся отстоять республику.

Мелкие лавочники и ремесленники ожидали, что, в противоположность Собранию, Коммуна разрешит в их интересах квартирный вопрос и отсрочку платежей по векселям. Обнищавшие и изголодавшиеся за время осады рабочие, в головах которых уже бродило смутное стремление к социальному освобождению, видели в Коммуне такое правительство, которое не только спасет квартирантов от алчности домовладельцев, или сумеет обеспечить существование безработной массы, но и поможет пролетариату освободиться от гнета капиталистической эксплуатации.

¹⁾ Лавров, Пар. Коммуна 71 г., стр. 78, (изд. „Колос“).

Кроме того, давало себя знать и чувство патриотического негодования, охватившее самые широкие слои измученного всеми бедствиями осады парижского населения. Вся ненависть, накопившаяся против правительства национальной обороны, обратилась теперь на Национальное Собрание, прикрывшее своим авторитетом виновников военного разгрома и санкционировавшее позорные условия мира.

Во время диктатуры Ц. К-та союз пролетариата с мелкой буржуазией уже дал трещину, что выразилось в оппозиции мэров и депутатов, но непримиримая политика Национального Собрания снова скрепила этот союз и притянула мелкую буржуазию к участию в выборах в Коммуну.

На выборах боролись два течения: противники и сторонники революции 18 марта. К первым приходится отнести не только реакционеров-тьеристов, но и буржуазных радикалов-гамбетистов. И те и другие употребляли, как мы видели, все усилия, чтобы сорвать выборы в Коммуну, и решились принять в них участие только после того, как поднятое мэрами вооруженное сопротивление новому правительству потерпело неудачу. Ц. К-т предоставил разбитым соглашателям полную свободу предвыборной агитации, что, конечно, не помешало им саботировать выборы там, где буржуазные кандидаты не имели шансов пройти.

К революционному лагерю принадлежали оба социалистических течения и мелко-буржуазные демократы—якобинцы.

Последние не выступали на выборах, как партия, не выдвинули никакой общей платформы. Для характеристики их настроений приходится, поэтому, довольствоваться избирательными манифестами, выпущенными наиболее видными политическими деятелями, примыкавшими к этой группе.

В этом отношении интересно воззвание «к избирателям» Феликса Пиа. Оно подчеркивает необычный характер революции 18 марта, создавшей чисто народное правительство, такое же безвестное, как и сами (выдвинувшие его) массы. Ф. Пиа интересуется исключительно вопросом политический: необходимо спасать Париж и республику, существованию которых угрожают монархисты. Сейчас только массовое участие в выборах может помешать кровопролитию. «Сегодня—голсование, а если нет, то завтра же придется взяться за оружие, и тогда не скоро вернетесь к своим инструментам». В воззвании, разумеется, чувствуется преклонение перед традициями Великой революции. «Я скажу вам, сыновья санкюлотов 92 года, как говаривал Демулен: «Избиратели, к урнам!» Или как Арнио: «Канониры, к орудиям!»¹⁾

¹⁾ Elections de 26 mars... Affiches etc; recueillis par F. Maillard, № 49 (p. 125—127).

Выступления бланкистов также носили индивидуальный характер. Тридон обратился к избирателям с письмом, в котором он предостерегает против партии соглашателей — против мэров и парижских депутатов, «сознательно или бессознательно оказывающих поддержку версальским кочевникам... Левая Собрания и мэры Парижа, являясь сторонниками парижского движения и в то же время оказывая безусловную поддержку бордосско-версальскому правительству, непосредственно переходят в группу монархистов всевозможных оттенков, от Трошю до Канробера и от Вашеро до Конти. Уже по этим союзникам можно судить об их знамени...»

«По некоторым признакам уже теперь нетрудно предвидеть их решительный переход на сторону Версаля: еще вчера представители Парижа выключивали для своих избирателей Коммуну перед «бесподобной» Палатой...»

«...Нет ничего опаснее двусмысленности... Если отбросить в сторону разные ухищрения и софизмы, то придется признать, что существуют лишь две партии: партия будущего и прошлого; и тот, кто не за одну из них, тот против нее. Всякая попытка соглашения между этими вековечными врагами, — будь она даже предпринята с самыми лучшими пожеланиями, — ведет лишь к неудаче или западне. Толкает ли вас к пропасти вражеская или дружеская рука — все равно, гибель неизбежна... Нетерпение, проявляемое... правой Собрания, преждевременно обнаружило... этот маневр посредников... Перед нами снова поцелуй Ламуретта ¹⁾, который всегда — поцелуй Иуды... Разве не факт, что в то время, как Тирар и рыцари банка протягивали оливковую ветвь Ц. К-ту, их адмирал Сессэ был занят доставкой 14-ти митральез Мантиньи, улица Мандар, 2. Пролетарии! будьте на-чеку, остерегайтесь этих соглашательских, примиренческих ловушек» ²⁾.

Интересна прокламация делегатов по внутренним делам, подписанная Вайяном и Ант. Арно. В ней подчеркивались преимущественно социально-экономические задачи Коммуны. Народным избранникам придется «изыскать мероприятия, которые в кратчайший срок без столкновений и потрясений могли бы привести к возобновлению работ и торговых сделок.

Республика не может жить ни дорого стоящими административными фантазиями, ни разорительными спекуляциями: в основе ее лежат свобода, бережливость, труд и порядок».

¹⁾ Ламуретт — депутат законодательного собрания. 7-го июля 1792 г., под влиянием его примирительной речи, депутаты правой и левой бросились друг другу в объятия, что не помешало партийной борьбе возобновиться в следующем же заседании. Отсюда поцелуем Ламуретта стали [называть вообще неискреннее и непрочное примирение.

²⁾ Affiches. № 46 (p. 119—122).

Указав на необходимость разрешения вопросов о квартирах и векселях самой Коммуной, прокламация говорит: «то же относится к рабочему вопросу, ибо только труд является базой общественной жизни... Граждане, оторванные от производительного труда, благодаря затеянной... бесконтрольным правительством войне, не должны обрекаться на нищету и безработицу в результате резкого понижения заработной платы. Сейчас мы переживаем переходный период, что следует принять в расчет при решении, которое должно быть добросовестно найдено. Наша обязанность предоставить труду кредит, что вырвало бы рабочего из вечной нищеты и позволило бы ему быстро добиться своего окончательного освобождения».

Рекомендуя Коммуне немедленное решение всех этих вопросов, авторы прокламации спешат заявить, что они стоят на точке зрения примирения классов. «Республика должна установить гармонию интересов, а не жертвовать одними ради других»¹⁾.

В числе литераторов-социалистов в связи с предстоящими выборами выступил Верморель. В газете «Порядок» он изложил свою избирательную платформу. «Нужно,—читаем там,—во что бы то ни стало, какой угодно ценой избежать гражданской войны. Версаль ищет случая толкнуть парижан на эксцессы; мы же заинтересованы в том, чтобы добиться решения вопроса мирным путем».

Верморель обращается специально к буржуазной части населения, боявшейся санкционировать мятеж 18 марта своим участием в выборах. Заняв в этот день пассивную позицию и не отозвавшись на призыв правительства, буржуазия уже солидаризировалась с революционерами: в глазах версальцев мятежники—не только повстанцы предместий, но и обитатели центральных кварталов, потакавшие восстанию. И те и другие должны понести наказание. Вот почему правительство против немедленных выборов, которые являются единственным средством избежать гражданской войны. «Неужели,—воскликает автор,—нам придется истреблять друг друга?»

В этой статье Верморель хочет окончательно отколоть от «партии порядка» мелкую и среднюю буржуазию, вывести ее из состояния нерешительности, связав с революционным пролетариатом.

Вопрос об участии в выборах Интернационала обсуждался в заседании Федерального Совета 23 марта. Некоторые из делегатов, повидимому, уже отдавали себе отчет в своеобразном характере революции 18 марта. «В ассоциации, —

¹⁾ Journ. Off., 25/III.

говорит Франкель, — Муниципальный Совет может быть только наблюдательным органом. Это тем более верно, что в данный момент для всех нас на очереди стоит вопрос не политический, а социальный...».

«Мы должны оказать все наше содействие республике, раз она становится социальной», замечает Буде. Еще решительнее заявление прибывшего из Руана Обри. «Революция 18 марта является всецело *социальной* (est toute sociale); по всей Франции газеты говорят, что власть в руках Интернационала...».

В связи с предстоящими выборами Собрание решило выпустить манифест. Все же соответствующая резолюция была принята не без колебаний. Если одни полагали, что Интернационал, который громко заявлял о своих целях при Империи, тем более не может умалчивать о них, когда установилась республика (Дюшен, Франкель), то другим такой шаг казался слишком рискованным; высказывались соображения, что Федеральный Совет не может на него решиться, не запросив предварительно мнения отдельных секций (Бюиссе, Тейс). Эти умеренные элементы, повидимому, все еще мечтали уклониться от участия в политической борьбе. — «Я за манифест, — говорил Шпётлер, — но я буду протестовать против того, чтобы рабочие общества целиком были вовлечены в движение...».

Больше всего боялись солидаризироваться с Ц. К-том. «В манифесте, — говорил Бертен, — мы должны говорить только о Коммуне». «Если мы станем заниматься в своем манифесте Ц. К-том, — вторит ему Мине, — мы тем самым примем на себя долю ответственности, которая целиком будет взвалена на нас реакцией в случае неудачи движения!»

Рассуждение, достойное трусливых оппортунистов всех времен и народов. В наше время оно живо напоминает заявления, делавшиеся в решительные моменты пролетарской революции российскими меньшевиками или германскими «независимыми».

Лишь Франкель считал необходимым, чтобы Интернационал оказал поддержку Ц. К., пустив в ход весь свой моральный авторитет, да член руанской секции Обри выразил свое крайнее удивление по поводу того факта, что между «рабочей Федерацией и Ц. К-том нет теснейшей связи» и предлагал «координировать движение, пригласив Ц. К-т примкнуть к Интернационалу» ¹⁾.

Не хотели взять на себя ответственность за революцию 18 марта и действия самочинного Ц. К-та, но никому не пришло и в голову, что больше всего скомпрометировали Ин-

¹⁾ Enq. Parl., III, p. 236—238.

тернационал социалисты Милльер и Малон, выступавшие против Ц. К-та вкупе с мэрами и депутатами. На запрос Роша: на каком основании подпись Малона красуется на афише, выпущенной мэрами и депутатами, никто не счел нужным даже ответить ¹⁾).

Что же сказал Интернационал в своем предвыборном манифесте, выпущенном совместно с Федерацией Рабочих Камер? Призывая рабочих к участию в выборах, которые должны окончательно санкционировать коммунальную революцию, Манифест требует свободы союзов, собраний, печати, введения дарового светского и общего образования, передачи в ведение городских властей полиции, вооруженных сил, статистического дела и т. п.

В области социальной Интернационал требовал «организации кредита, обмена и ассоциаций, в целях обеспечения работнику права на полную стоимость его труда». Этот пункт с очевидностью показывает, что прудонистские идеи были еще чрезвычайно сильны среди членов парижской группы.

Влияние прудонизма сказывается и в том, что манифест не стоит на точке зрения классовой борьбы. «Отсутствие солидарности интересов,— читаем там,— вызвало общую разруху и породило гражданскую войну: только от торжества свободы, равенства и солидарности можно ожидать упрочения порядка на новых основаниях и новой организации труда, которая является первым условием этого порядка».

Подобно Ц. К-ту, авторы Манифеста видят в Коммуне политическую форму, которая обеспечит мирное разрешение социального вопроса. «Работники! Коммунальная революция провозглашает эти принципы; она устраняет все поводы к столкновениям в будущем... Независимость Коммуны является гарантией договора, свободные условия которого положат конец классовому антагонизму и обеспечат социальное равенство. Мы требовали освобождения работников, и коммунальное представительство гарантирует его, так как дает каждому гражданину возможность защиты своих прав и настоящего контроля за действиями его уполномоченных» ²⁾...

Больше всего Интернационал боится гражданской войны, которая поведет, по его мнению, к непоправимой разрухе.

В том же духе выступали в печати отдельные его члены. «Мы основали этот журнал,— писал Верморель в своем «Порядке»,— со специальной целью: вмешаться, чтобы избежать гражданской войны. Избежать какой угодно ценой гражданской войны—такова была с самого начала наша единственная программа» ³⁾.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Mur. Polit., II, 52—53.

³⁾ Affiches, № 50 (p. 128).

говорит Франкель, — Муниципальный Совет может быть только наблюдательным органом. Это тем более верно, что в данный момент для всех нас на очереди стоит вопрос не политический, а социальный...».

«Мы должны оказать все наше содействие республике, раз она становится социальной», замечает Буде. Еще решительнее заявление прибывшего из Руана Обри. «Революция 18 марта является всецело *социальной* (*est toute sociale*); по всей Франции газеты говорят, что власть в руках Интернационала...».

В связи с предстоящими выборами Собрание решило выпустить манифест. Все же соответствующая резолюция была принята не без колебаний. Если одни полагали, что Интернационал, который громко заявлял о своих целях при Империи, тем более не может умалчивать о них, когда установилась республика (Дюшен, Франкель), то другим такой шаг казался слишком рискованным; высказывались замечания, что Федеральный Совет не может на него решиться, не запросив предварительно мнения отдельных секций (Бюиссе, Тейс). Эти умеренные элементы, повидимому, все еще мечтали уклониться от участия в политической борьбе. — «Я за манифест, — говорил Шпётлер, — но я буду протестовать против того, чтобы рабочие общества целиком были вовлечены в движение...».

Больше всего боялись солидаризироваться с Ц. К-том. «В манифесте, — говорил Бертен, — мы должны говорить только о Коммуне». «Если мы станем заниматься в своем манифесте Ц. К-том, — вторит ему Мине, — мы тем самым примем на себя долю ответственности, которая целиком будет взыскана на нас реакцией в случае неудачи движения!»

Рассуждение, достойное трусливых оппортунистов всех времен и народов. В наше время оно живо напоминает заявления, делавшиеся в решительные моменты пролетарской революции российскими меньшевиками или германскими «независимыми».

Лишь Франкель считал необходимым, чтобы Интернационал оказал поддержку Ц. К., пустив в ход весь свой моральный авторитет, да член руанской секции Обри выразил свое крайнее удивление по поводу того факта, что между «рабочей Федерацией и Ц. К-том нет теснейшей связи» и предлагал «координировать движение, пригласив Ц. К-т примкнуть к Интернационалу» ¹⁾.

Не хотели взять на себя ответственность за революцию 18 марта и действия самочинного Ц. К-та, но никому не пришло и в голову, что больше всего скомпрометировали Ин-

¹⁾ Enq. Parl., III, p. 236—238.

тернационал социалисты Милльер и Малон, выступавшие против Ц. К-та вкупе с мэрами и депутатами. На запрос Роша: на каком основании подпись Малона красуется на афише, выпущенной мэрами и депутатами, никто не счел нужным даже ответить ¹⁾.

Что же сказал Интернационал в своем предвыборном манифесте, выпущенном совместно с Федерацией Рабочих Камер? Призывая рабочих к участию в выборах, которые должны окончательно санкционировать коммунальную революцию, Манифест требует свободы союзов, собраний, печати, введения дарового светского и общего образования, передачи в ведение городских властей полиции, вооруженных сил, статистического дела и т. п.

В области социальной Интернационал требовал «организации кредита, обмена и ассоциаций, в целях обеспечения работнику права на полную стоимость его труда». Этот пункт с очевидностью показывает, что прудонистские идеи были еще чрезвычайно сильны среди членов парижской группы.

Влияние прудонизма сказывается и в том, что манифест не стоит на точке зрения классовой борьбы. «Отсутствие солидарности интересов,—читаем там,—вызвало общую разруху и породило гражданскую войну: только от торжества свободы, равенства и солидарности можно ожидать упрочения порядка на новых основаниях и новой организации труда, которая является первым условием этого порядка».

Подобно Ц. К-ту, авторы Манифеста видят в Коммуне политическую форму, которая обеспечит мирное разрешение социального вопроса. «Работники! Коммунальная революция провозглашает эти принципы; она устраняет все поводы к столкновениям в будущем... Независимость Коммуны является гарантией договора, свободные условия которого полагат конец классовому антагонизму и обеспечат социальное равенство. Мы требовали освобождения работников, и коммунальное представительство гарантирует его, так как дает каждому гражданину возможность защиты своих прав и настоящего контроля за действиями его уполномоченных» ²⁾...

Больше всего Интернационал боится гражданской войны, которая поведет, по его мнению, к непоправимой разрухе.

В том же духе выступали в печати отдельные его члены. «Мы сновали этот журнал,—писал Верморель в своем «Порядке»,—со специальной целью: вмешаться, чтобы избежать гражданской войны. Избежать какой угодно гражданской войны—такова была с самого начала наша единственная программа» ³⁾.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Mur. Polit., II, 52—53.

³⁾ Affiches, № 50 (p. 128).

Парижская Федерация Интернационала не выставляла на выборах самостоятельного списка ¹⁾, ее кандидаты фигурировали в списке Ц. К. 20-ти округов, составленном, повидимому, в результате соглашения между целым рядом революционных организаций: сюда были включены виднейшие члены Интернационала, вожди бланкистской группы, отдельные лица из Ц. К., ряд литераторов-социалистов, мелкобуржуазных революционеров и даже радикалов вроде Ранка.

Именно потому кандидаты Ц. К. 20-ти округов имели на выборах наибольший успех: из 90 выставленных им кандидатур прошло 63 ²⁾.

Избирательная платформа Ц. К. 20-ти округов не была, поэтому, программой какой-либо определенной партии. Его Манифест должен был объединить все революционные и социалистические элементы.

Здесь мы находим, во-первых, ряд требований общедемократического характера: республика, автономия коммун, обеспечение гражданских свобод, всеобщее избирательное право, выборность всех чиновников, право созыва народных уполномоченных, императивность мандатов, передача в ведение коммун сбора местных налогов и распоряжения полученными суммами, уничтожение бюджета культов, введение светского общего и профессионального образования и т. д. Кроме того, отдельно для Парижа манифест требует: 1) уничтожение префектуры полиции и возложение полицейских функций на национальную гвардию; 2) замены постоянной армии национальной гвардией, выбирающей всех своих начальников, вплоть до главнокомандующего; 3) реорганизации парижских округов, сообразно с торгово-промышленным характером каждого квартала.

Особым пунктом оговаривалось, что национальная гвардия автономна, и должна сохранить свою федеративную организацию, возглавляемую Ц. К.-том, «которому революция 18 марта обязана своей победой».

Авторы Манифеста наивно верят во всемогущество избирательного бюллетеня: полное торжество демократических принципов должно спасти Францию от ужасов гражданской войны.

Манифест подчеркивает преемственность революционных традиций и рассматривает будущую Коммуну, как наследницу парижского Генерального Совета эпохи Великой революции, в чем, конечно, нельзя не видеть влияния бланкистских и якобинских групп.

¹⁾ Чисто-социалистический список был выставлен только в XVII округе группой демократов-социалистов (см. М. Р. II, 116).

²⁾ При выборах в Национальное Собрание из 43 кандидатов, выставленных Ц. К.-том 20-ти округов, прошло только 5.

Зато в области социальной авторы Манифеста оказались целиком во власти старо-прудонистской, мелко-буржуазной идеологии. В самом деле, будущей Коммуне рекомендуется, во-первых, «организовать систему коммунального страхования от всякого рода несчастных случаев социального порядка, в том числе от безработицы и *банкротства*»; во-вторых, «приступить к изысканию наиболее действительных средств, способных доставить производителю капитал и орудия труда, обеспечить ему сбыт и кредит, чтобы навсегда покончить с сальариатом ¹⁾ и ужасающим пауперизмом и избежать на будущее время кровавых распрей и гражданской войны, которая является их неизбежным следствием».

Как видим, Манифест почти не содержит специфически пролетарских требований, и приспособлен в этой своей части, главным образом, к нуждам мелких самостоятельных мастеров и кустарей.

Центральный К-т национальной гвардии уклонился от всякого участия в избирательной кампании, чтобы не давать ни малейшего повода к подозрениям в желании оказать известное давление на избирателей и содействовать выбору своих членов. Это была все та же «честность, доведенная до мнительности», о которой говорил Маркс в письме к Кугельману.

Ц. К. ограничился лишь выпущенным накануне выборов обращением к гражданам, в котором высказал свои пожелания относительно состава будущей Коммуны. Избранники должны быть из той же социальной среды, что и избиратели. Остерегайтесь выбирать не только честолюбцев и краснобаев, непригодных для деловой работы, но и *«богатых»*, как неспособных смотреть на рабочего, как на брата». Иначе говоря, рабочий класс должен, по мнению Ц. К-та, послать в Коммуну людей из своей же среды или ему идейно близких.

Революционно-демократические и социалистические группы выступали на выборах недостаточно сплоченно; опыт февраля был плохо учтен. Наряду с Ц. К-том 20-ти округов самостоятельные списки имели редакции газет—«Карикатура», «Отец Дюшен»,—отдельные округа, объединившие несколько местных организаций. «Каждый клуб, каждое политическое сообщество имели своих кандидатов». Так, например, особый список был составлен клубом Медицинской Школы.

Не отличаясь существенно от кандидатур Ц. К-та, эти отдельные списки распыляли голоса избирателей и тем самым ослабляли шансы революционной демократии. Иногда список сопровождался соответствующим воззванием. «Цен-

¹⁾ Система наемного труда.

тральный избирательный республиканско-демократический и социалистический Комитет», объединивший различные комитеты XI округа, выпустил целую детально разработанную платформу, одобренную делегатами от 12-ти батальонов этого округа.

В противоположность остальной агитационной литературе, посвященной выборам, платформа совершенно не упоминает о коммунальной автономии и выдвигает требования, осуществление которых предполагается в общегосударственном масштабе.

Платформа начинается с изложения «общих принципов». «Революция есть поступательное движение народов в направлении равенства прав и обязанностей. Демократическая и социальная республика реализует это равенство... Никакое большинство не может провозгласить иную форму правления, кроме республики...». В число «естественных, неотчуждаемых и неотъемлемых» прав декларация в первую очередь включает «право на жизнь». Всякая попытка нарушить эти права является законным поводом к восстанию. Во имя принципа «солидарности народов» демократическая и социальная республика отказывается признавать монархию и в какой бы то ни было другой стране.

В области политической платформа требует осуществления непосредственного народовластия (референдума), выборности, ответственности и сменяемости в любой момент всех чиновников. Все государственные, коммунальные и общественные должности должны быть доступны для всех при условии сдачи соответствующего испытания. Совместительство не допускается.

Постоянная армия должна быть уничтожена. Церкви отделяются от государства. Уголовное законодательство должно быть коренным образом изменено.

В области социально-экономической выдвигается требование единого прогрессивно-подоходного налога, обеспечения нетрудоспособных за счет государства, дарового низшего и среднего образования для всех детей обоого пола.

Требования, касающиеся «труда, производства и распределения», носят слишком общий, но определенно социалистический характер.

«Труд должен быть организован на началах коллективизма. Если цель жизни заключается в бесконечном совершенствовании нашей духовной и физической природы, то собственность должна быть сведена к праву каждого на долю его личного участия в производстве, в продукте коллективного труда»¹⁾.

¹⁾ Mur. Pol. II, p. 84—85.

Выборы в Коммуну должны были произойти на основании закона, существовавшего при Империи, который не распространял всеобщее избирательное право на женщин. Голосовать могли лишь лица, получившие избирательные карты перед выборами в Национальное Собрание.

Выборы происходили по округам, при чем на каждые 20 тысяч жителей полагалось избрать по одному члену Коммуны. Общее число ее членов было определено в 90 человек ¹⁾. Пассивным избирательным правом пользовались и иностранцы. Мандатная комиссия Коммуны утвердила выборы венгерца Франкеля, исходя из принципа, что «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики». Та же комиссия высказалась за несовместимость звания члена Коммуны и депутата Национального Собрания, мотивируя, между прочим, свое решение тем, что Версальское Собрание, не признавшее за Парижем права выбирать свою Коммуну, не может само быть признанным Коммуной ²⁾.

Из 90 «городских советников» 5 человек были одновременно избраны в двух округах; таким образом, в состав Коммуны вошло 85 человек. Среди них оказалось 15 заведомых контр-революционеров, принадлежащих к партии Тьера и находившихся с ним в сношениях, и 6 буржуазных — радикалов-гамбеттистов, из числа «соглашателей», оппозиционно-настроенных к версальскому правительству, но в то же время не признававших революции 18 марта и своей борьбой против Ц. К. игравших лишь на руку Тьеру». «Гамбеттисты были слишком революционны, чтобы стать консерваторами, и слишком консервативны, чтобы стать всерьез революционерами», — говорит о них Лефрансе ³⁾. Эти представители буржуазии (преимущественно парижские мэры и их помощники), избранные от фешенебельных кварталов I, VI, IX и XVI округов, поспешили дезертировать из Собрания, оказавшегося определенно революционным по своему составу. Сложивших свои полномочия в первые же дни оказалось 17 человек.

Член Коммуны социалист Артюр Арну ⁴⁾, рассматривает уход «соглашателей», как «великую измену», которая означала отход от Коммуны «той части республиканской и до известной степени даже революционной буржуазии, которая служила лучшей защитой против клеветы версальцев и кровавой жестокости реакции».

Но эта радикальная буржуазия еще в конце Империи отмежеввалась от революционеров, а после 18 марта всеми

¹⁾ См. J. Off., 25/III.

²⁾ Affiches... № 59, p. 145—147.

³⁾ Etude sur le mouvement communaliste, p. 191.

⁴⁾ Народная Ист. Пар. Коммуны, 192 (изд. Петр. Советов).

силами пыталась сорвать результаты пролетарской революции. Поэтому уход гамбеттистов, как и тьеристов, представлял чистый выигрыш для Коммуны, избавившейся таким образом от людей, ничего общего не имевших с подлинно революционным пролетарским Парижем. «Сложившие свои полномочия, — говорит Лавров, — могли бы быть представителями Парижа — свободного города под управлением буржуазии, но были совершенно неуместны в совете общины, которая волею и неволею, сознательно или бессознательно, полно или неполно, но все-таки представляла революцию пролетариата и хотя бы слабую попытку создать формы общества, соответствующие этой революции»¹⁾.

«Неуместные» господа попали в Коммуну только потому, что стоявший на почве соглашения с Версалем Ц. К-т не устранил буржуазию от участия в выборах. Это «уважение к демократии», которым так восхищается теперь Каутский²⁾, не создало из Коммуны общеклассового, общедемократического представительства и не спасло ее от гражданской войны. Сама жизнь, неумолимая логика классовой борьбы исправляла утопические планы парижских революционеров. Из общего числа внесенных в списки 485.569 избирателей в выборах участвовало лишь 229.167 человек, или 47%, между тем как 8 февраля (выборы в Национальное Собрание) голосовало 328.970, т.-е. на 70.167 чел. больше³⁾.

Столь значительный абсентеизм⁴⁾ при выборах в Коммуну объясняется, во-первых, тем, что избирательные списки были составлены еще в марте 1870 г.⁵⁾, когда Париж притягивал из провинции особенно много рабочих рук, торговцев, комиссионеров. Последующие события должны были произвести в этих списках основательное опустошение.

Часть населения выехала из города с объявлением войны и перед осадой, много умерло от болезней и на поле битвы в течение зимы 1870—1871. Во-вторых, тотчас после сдачи Парижа пруссакам начался, как мы видели, массовый выезд буржуазии из города; число бежавших определяют от 60 до 100 тысяч человек.

Затем, буржуазные кварталы значительно опустели после революции 18 марта, когда вслед за правительством, чиновниками и офицерами в течение недели беспрестанно выселялись в Версаль контр-революционеры, не желавшие оставаться в городе, где господствовал пролета-

¹⁾ Лавров, Пар. Коммуна 18 марта 1871 г., 111—112 (изд. „Колос“).

²⁾ Kautsky. Terrorismus und Kommunismus.

³⁾ Но если сравнить результаты выборов в Коммуну с выборами мэров и их помощников в ноябре 1870 г., то окажется, что число поданных голосов было почти одинаково (Lepelletier, II, 444).

⁴⁾ Отсутствие.

⁵⁾ Для майского плебисцита.

риат. Действительно, в центральных частях города наблюдалось особенно сильное воздержание от голосования. Это положение можно наглядно иллюстрировать, сопоставляя число голосов, полученных в одних и тех же округах кандидатами различных партий при выборах в Коммуну и в ноябре 1870 г., при выборах окружных мэров и их помощников.

В марте в кварталах с пролетарским населением демократы и социалисты прошли значительным большинством: так, в XI округе Делеклюз получил 20.264 голоса, Ранвье (в XX)—15.094, Бланки (в XVIII)—14.953, Гамбон (в X)—13.734. В тех же округах в ноябре мэр Моттю получил 14.251 голос, Ранвье—7355, Клемансо—9409, Дюваль—7558.

Иная картина наблюдалась в буржуазных кварталах. Правда, в I округе либерал Мелин прошел в Коммуну 7251 голосом, тогда как в ноябре он же собрал всего 4439 голосов; но тьеровец Тирар, который в качестве мэра II округа получил в ноябре 7143, собрал в марте только 6386; а мэр IX округа Desmarest, получивший в ноябре 6272 голоса, прошел в Коммуну 4252 голосами ¹⁾. В этом фешенебальном квартале из 26.608 занесенных в избирательные списки голосовало только 10.340.

Массовый отъезд представителей господствующих классов в значительной степени демократизировал парижское население, усилил его пролетарскую и мелко-буржуазную часть за счет крупно-буржуазной. Несомненно, наконец, что и среди оставшихся наибольший процент воздержавшихся пал на непролетарские элементы: имеются данные, что в рабочих кварталах интерес к выборам был большой, тогда как сторонники Тьера были частью терроризованы, частью сознательно бойкотировали выборы.

Отсюда следует, что, несмотря на наличность всеобщего избирательного права, Коммуна с самого же начала отнюдь не представляла все классы столичного населения. С уходом же 17 ее членов ²⁾, избранных как раз в наиболее буржуазных округах, и та часть буржуазии, которая имела в городе, осталась без представительства; фактически Коммуна в значительной степени была не общедемократическим собранием, а органом, созданным преимущественно парижским пролетариатом.

После первых отставок в Коммуне осталось 68 членов, принадлежавших к крайним левым течениям. Кроме того, избранный в двух округах Бланки был арестован в провинции еще 17 марта, а потому не мог принять участия в работе Коммуны; Дюваль и Флюранс были убиты во время

¹⁾ Lepelletier, II, 444.

²⁾ Ранк и Паран сложили свои полномочия 5-го апреля; остальные — в первые дни после избрания Коммуны.

вылазки 3 апреля; далее, Коммуне пришлось устранить полупомешанного Алликса и арестовать двух своих членов, прошедших под чужими фамилиями и оказавшихся бывшими полицейскими агентами. Наконец, в начале апреля ушло четверо последних представителей радикальной буржуазии.

Наличных членов осталось, следовательно, 58. На дополнительных выборах 16 апреля было избрано 22, из них трое отказались от своих полномочий. К моменту падения Коммуны в ней было, таким образом, 77 человек.

Огромное большинство членов Коммуны состояло из людей, подвергавшихся при Империи административным или судебным преследованиям за свои политические убеждения или революционную деятельность. За многими числились долгие годы ссылки, тюрьмы, эмиграции. 13 членов Коммуны входило в то же время в Ц. К-т национальной гвардии.

По своему *социальному* составу Коммуна далеко не была пролетарской: среди 68 ее членов, избранных 26 марта и оставшихся после ухода сторонников Тьера и радикалов, рабочих было лишь 25 человек, служащих—7; лиц свободных профессий—врачей, учителей, литераторов, художников, инженеров, адвокатов—около трех десятков; остальные были мелкие торговцы и ремесленники, мелкие чиновники ¹⁾. В мелко-буржуазном Париже и при системе всеобщего избирательного права ожидать иного состава Коммуны было бы трудно.

Но отсюда еще не следует, что было бы большой ошибкой, как говорит Лассагарэ ²⁾, называть Коммуну правительством рабочего класса. Известно, что при господстве так

¹⁾ Если принять в расчет не только основные, но и дополнительные выборы, исключив в то же время членов, сложивших свои полномочия, то социальный состав Коммуны можно характеризовать следующими данными. Из 83-х членов было:

Рабочих	27	или	32, 5%
Служащих и мелких чиновников	13	„	15, 7 „
Лиц свободных профессий (артистов, художников, врачей, инженеров, литераторов и т. п.)	32	„	38, 5 „
Мелких торговцев и предпринимателей	4	„	4, 9 „
Офицеров	2	„	2, 4 „
Лиц неизвестных профессий	6	„	6, 02 „
Всего	83	или	100%

Указания на профессии членов Коммуны можно найти у Vapereau. Dictionnaire universel des contemporains, а также у Delion. Les membres de la Commune, Clere. Les hommes de la Commune, Proles. Les hommes de la révolution de 1871 и Chincholle. Les survivants de la Commune. Наибольшего доверия заслуживает «Словарь» Vapereau.

²⁾ Лассагарэ. История Парижской Коммуны („Молот“, стр. 162).

называемой демократии даже социал-демократические фракции европейских парламентов в своем большинстве отнюдь не состоят из рабочих; лишь при советской системе, основанной на лишении избирательных прав эксплуататоров и представительстве фабрик и заводов, в городских советах преобладают пролетарии ¹⁾.

Коммуна, правда, представляла не только рабочий класс, но и парижское мещанство, но та преобладающая роль, которую пролетариат играл в революцию 18 марта и последующих событиях, сделала из Коммуны орган диктатуры рабочего класса.

Большинство членов Коммуны составляли так называемые «чистые республиканцы», или *якобинцы*. Наиболее выдающейся фигурой среди них был старик Делеклюз, участник революции 1848 года, депутат «Горы» ²⁾ в Учредительном Собрании и издатель выходившего тогда журнала «Социально-демократическая Революция»; потом непримиримый противник Империи, насчитывавший за собою 19 лет тюрьмы и ссылки. Это был преданный революционер, «старый якобинец, созданный по образцу людей Конвента, последним и прекрасным воплощением которых он являлся» ³⁾.

К якобинцам же принадлежал 60-летний Феликс Пиа, известный, как автор драм из быта рабочих, участник революционных кружков еще до 48 г., затем депутаты «Горы» 48 г. — Мио и Гамбон.

Якобинцы, как это показывает уже самое их название, считали себя продолжателями дела первой (Великой) революции. Лозунги этой революции—«свобода, равенство и братство»—были краеугольным камнем их политической программы. Социальные взгляды вождей этой партии отличались чрезвычайной туманностью: «Социализм—не что иное, как республика в действии»,—писал Делеклюз в 1849 г. Через 20 лет у Ф. Пиа находим следующее рассуждение: «Будущее, это—народ. Это—рабочий и студент, т.-е. труд и учение: студент—молодежь буржуазии, рабочий—молодежь нации... Будущее, это—равенство бедного с богатым, раба с господином, рабочей платы с капиталом, человека с человеком, это—конец каст и классов».

Отсюда вовсе не следует, что якобинцы были социалистами, а не только последовательными демократами. Еще в 48 г. Делеклюз признавал, что «связан с существующими социалистическими школами лишь симпатиями и надежда-

¹⁾ В мае 1918 г. из 849 членов Московского Совета Раб. и Кр. Депутатов рабочих по профессии было 620, или 71, 34% («Красная Москва», стр. 40—41).

²⁾ В Учредительном Собрании 1848 г. буржуазные демократы называли себя *монтаньярами*, или *Горой*, желая подражать левой Конвента.

³⁾ Арну, 136.

ми». В декларации, составленной им тогда вместе с Ледрю-Ролленом ¹⁾, Пиа и Гамбоном, говорилось: «Собственность в наших глазах так же священна, как и труд, которому она дает приложение и который вознаграждает». Делеклюз был противником классовой борьбы и мечтал о таком общественном строе, «где все интересы будут одинаково представлены, и который всем им будет одинаково благоприятен».

Но если в 48 г. у якобинцев можно еще найти идеи с неопределенно-социалистической окраской, то позже, по мере развития рабочего движения и успехов коллективизма среди передовых пролетариев, Делеклюз и его политические друзья сочли нужным решительно отмежеваться от социализма. После Базельского конгресса Интернационала, подтвердившего резолюцию Брюссельского об обобществлении средств производства и в том числе земли, в органе Делеклюза «Пробуждение» был напечатан ряд статей, в которых самая постановка на конгрессе вопроса о собственности признавалась «странной», и против принципа «земля—земледельцам, орудия труда—ремесленникам» высказывался самый решительный протест.

Одни из якобинцев просто не понимали социализма, другие были настроены к нему враждебно. В этом смысле их нужно считать буржуазным элементом Коммуны, хотя якобинцев выбирало не только революционно настроенное мещанство, но и часть пролетариата, еще не осознавшая своих классовых интересов и подававшая голоса за якобинцев, как последовательных революционеров, окруженных к тому же ореолом участия в прежних революциях и немало пострадавших за свои политические убеждения.

Якобинцы жили всецело традициями прошлого: мелкобуржуазная республика 93 года с ее революционными органами и приемами управления была для них образцом, а деятели Конвента, составлявшие партию «Горы»—предметом преклонения и слепого подражания. Рассказывают, что Ф. Пиа всегда носил с собою историю французской революции Минье, которую читал, как молитвенник.

Увлеченные подражанием людям 93 г., якобинцы совершенно не понимали особого, пролетарского характера революции 18 марта, в которой они участвовали: для них Коммуна 71 г. была продолжением или простым повторением Парижской Коммуны времен Великой революции, когда санкюлоты ²⁾ господствовали над Парижем, а через него и над всей Францией. Будучи последовательными демократами, якобинцы стремились установить политическое преобладание

¹⁾ Ледрю-Роллен—вождь „демократических республиканцев“.

²⁾ В эпоху Великой революции „санкюлотами“ называли революционную демократию.

низших классов вообще, народа в широком смысле его слова, но оставались чуждыми освободительной борьбе пролетариата.

Считая, что Франция должна быть «единой и нераздельной» демократической республикой с централизованным аппаратом управления, Делеклюз и его сторонники энергично высказывались против всякого федерализма; и если уклон к последнему и замечается в официальных актах Коммуны, то лишь потому, что идея коммунальной автономии и превращения Франции в свободный союз автономных коммун была тогда чрезвычайно популярна среди парижского пролетариата, еще не совсем освободившегося от прудонистской закваски.

«Если они, якобинцы, и написали на своем знамени исповедание принципа коммунальной автономии и свободной федерации групп,—говорит Арну,—то принцип был навязан им волею Парижа». К тому же обстоятельства складывались так, что нечего было и мечтать об осуществлении диктатуры Парижа над Францией; приходилось сосредоточить все усилия на защите мартовских завоеваний от реакционной Франции. С другой стороны, под давлением пролетариата якобинцы вынуждены были мириться с тем, что в области социально-экономической революция пошла дальше, чем допускала их программа.

На-ряду с якобинцами к так называемому «большинству» Коммуны принадлежали *бланкисты*. Численно эта группа была очень невелика: в нее входило всего 8 человек; по своему социальному положению большинство принадлежало к интеллигентам и мелким служащим; среди бланкистской фракции находим лишь одного рабочего—Шардона¹⁾, если не считать литейщика Дюваля, примыкавшего к Интернационалу, но тяготевшему к бланкистам. Одним из наиболее видных членов бланкистской группы и Коммуны вообще был Вайян²⁾, хорошо знакомый, по свидетельству Энгельса, с немецким научным социализмом³⁾.

Преклонение перед традициями Великой революции, в частности—увлечение идеей революционной диктатуры Парижа над провинцией, сближало бланкистов с якобинцами. Но не надо забывать, что первые были социалистами, тогда как последние—лишь крайними демократами. Характерно,

¹⁾ Студент-медик Вайян, адвокат Прото, журналисты Тридон, Р. Риго, бухгалтер Ферре, разорившийся торговец Раявье, аптекарь Эд и рабочий-медик Шардон. Бланки сидел в Кагорской тюрьме.

²⁾ Французскую фамилию Vaillant обычно передают по-русски Вальян, что не совсем правильно с точки зрения французского произношения.

³⁾ См. предисловие Энгельса к «Гражд. войне» (Гос. изд-во, стр. 11), а также Энгельс «Статья 1871—1875 г.г.» («Программа коммунаров-бланкистов», стр. 54).

что бланкисты увлекались и старались подражать «гебертистам» этой крайней левой фракции якобинцев 93—94 г. Идеалом Р. Риго были Марат и Гебер.

В другом месте мы отмечали, что центральным пунктом учения Бланки была идея захвата власти небольшой группой революционеров, которые диктаторски управляют затем страной, пока не удастся привлечь на сторону революции и сплотить вокруг инициативного меньшинства народных масс. Конкретные мероприятия социалистического характера, необходимые при переходе к новому общественному строю, мало его интересовали.

Тем не менее будет весьма не бесполезно познакомиться с той программой, которую Бланки выдвигал в 1870 году, т.-е. незадолго до Коммуны. В области экономической она сводилась к следующему. Революционное правительство зовет «компетентное собрание для регулирования вопроса о таможенных, копиях и крупных промышленных кампаниях, о кредите и формах обмена», а также для выработки форм организации рабочих обществ. Тем самым главный удар по капиталу будет нанесен. «На первых порах это самое существенное. Рабочие могут подождать новых социалистических мероприятий»¹⁾.

Конечно, созыв экономического совещания не есть еще «удар по капиталу». От настоящих «ударов» Бланки репительного предостерегал, говоря, что «нападение на принцип собственности было бы и бесполезно и опасно». — «В принципе, согласно законам морали (sic!), уничтожение капитала есть вопрос решенный, но «на практике—это неизведанная пропасть», где надо пробираться особенно осторожно.

Предприниматели и после переворота должны остаться на своих местах; революционное правительство отбирает в государственную собственность лишь те фабрики и заводы, владельцы которых откажутся подчиниться и умышленно приостановят на них работу. В то же время Бланки усиленно предостерегает от конфискации средней и мелкой, особенно крестьянской собственности, хотя бы и в виде наказания. Кроме того, в число экономических мероприятий Бланки намечал отмену платежей по государственному долгу, а также всех прямых и косвенных налогов, за исключением прогрессивного налога на доходы и наследства.

В области политической Бланки требовал: «упразднения армии и судебного ведомства, немедленной отставки всех высших и средних чиновников, но сохранения мелких служащих; изгнания всей черной рати (т.-е. монахов) мужского и женского пола, конфискации всех имуществ у церкви и духовенства, а также у всех серьезных врагов республики

¹⁾ Горев. Ог. Бланки, стр. 95, 96—97.

за деяния, совершенные после 24 февраля 1848 г.; реорганизации бюрократического аппарата, отмены уголовных дел (?) и официального следствия (для дел гражданских—третейский суд, для уголовных—суд присяжных), образования национальной милиции. «Всеобщее вооружение рабочих и республиканцев. Никакой свободы врагам»¹⁾).

Ученики «вечного узника» были еще беззаботнее по части теории. Относясь свысока к спорам между различными социалистическими школами, они были убеждены, что самое главное—удачно совершить восстание; ставши у власти, пролетариат сам решит, что ему делать.

Будучи людьми действия по преимуществу, бланкисты неизменно участвовали во всех революционных демонстрациях и попытках восстаний, начиная с похорон Виктора Нуара и кончая неудачными движениями 31 октября и 22 января. Революция 18 марта не была делом их рук, но именно они проявляют в день восстания наибольшую инициативу и активность, захватывая важнейшие стратегические пункты, полицейскую префектуру, министерства²⁾.

Идеология бланкистов не могла не сказаться и на их работе в Коммуне. Плохо осведомленные в экономических вопросах, бланкисты предоставили область социального законодательства группе членов Интернационала, сами же целиком ушли в дело администрации и организации военной защиты Коммуны. Несмотря на численную слабость фракции, бланкисты играли в Коммуне чрезвычайно важную роль; именно они задавали тон всей политике «большинства», находившей поддержку среди беспартийных членов Коммуны, выдвинувшихся за последнее время в качестве членов Ц. К-та национальной гвардии, ее офицеров, или клубных ораторов³⁾. В общем к «большинству» примыкало до 50-ти членов Коммуны.

Ядро «меньшинства» составляли *интернационалисты*. На основных выборах их прошло 17 человек, на дополнительных—еще 6. Вся фракция состояла, таким образом, из 23 человек⁴⁾. Большинство ее составляли рабочие: 15 из 23. Среди рабочих-интернационалистов выдавались старые во-

¹⁾ Горев, *ibid.*

²⁾ Lepelletier, III, p. 46.

³⁾ Остен, Юрбен, Амуру, Билльоре, Ферра, Ледруа, Лонкла, Мартелле, Арнольд и др.

⁴⁾ Лавров, 116, примеч. 1. Лефрансе дает следующие цифры. 26 марта в Коммуне было 83 члена: умеренных и радикальных республиканцев—21, интернационалистов—18, якобинцев и бланкистов 44. С 26/III по 16/IV выбыло—23. На дополнительных выборах 16 апр. прошло 12 якобинцев и бланкистов и 5 прудонистов. К моменту гибели Коммуны в ней насчитывалось 79 человек; из них 57 примыкало к «большинству» и 22—к «меньшинству» (*Etude sur le mouv. c.*, p. 10—1. Численное соотношение партий в Коммуне, приводимое Da Costa, не вполне правильно (см. Da Costa, I, 109).

жаки движения—переплетчик Варлен, красильщик Малон, золотых дел мастер Франкель, механики Асси и Авриаль, чеканщик Тейс и обувной мастер Серайе. Из литераторов-социалистов отметим Лонге, Лефрансе и Белэ. Среди членов Коммуны, принадлежавших к Интернационалу, имелись представители как лево-прудонистского, бакунистского крыла парижской группы (Варлен, Малон, Асси), так и мютюэлисты (Тейс, Белэ, Журд).

В противоположность бланкистам, интернационалисты не досценивали значения политической борьбы пролетариата. Они были правы, поскольку подчеркивали, что без изменения экономических отношений не может произойти освобождение рабочего класса; но они не понимали, что для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии и провести необходимые экономические реформы, необходим захват власти пролетариатом.

Вместо этого прудонисты упорно изыскивали средства, с помощью которых пролетариат мог бы освободиться, не используя аппарата государственной власти. В проекте декларации, представленном Коммуне Лефрансе, Ранком и Ж. Валлесом и отвергнутым большинством, имеется специальный пункт об организации совещаний из представителей от рабочих ассоциаций, Коммерческой Палаты, синдикальных камер, директоров Французского Банка и директоров железнодорожных обществ. По проекту Лефрансе, эта пестрая компания должна не только изыскать меры к возобновлению работ и обмена, но и положить начало «генеральному статистическому обществу», которое поставит своей целью «доставить элементы для практического разрешения социальной проблемы, выдвинутой нашим веком».

Конечно, социалистическое строительство немыслимо без самого широкого привлечения к нему рабочих профессиональных организаций, но оно не может идти помимо пролетарской власти. Между тем Коммуне проект не отводит никакой роли, а в то же время, согласно ему, к разрешению социального вопроса привлекаются не только рабочие, но и хозяйские организации.

Ссылаясь на особый характер движения 18 марта, интернационалисты совершенно законно критиковали якобинско-бланкистское увлечение традициями 93 года и восставали против механического перенесения методов Великой революции в практику Коммуны. Но ошибка прудонистов заключалась в том, что они отрицали централизм, диктатуру и террор вообще; между тем в эпоху диктатуры пролетариата, при наличии открытой гражданской войны, рабочий класс не может отказаться от этих «якобинских» приемов управления, видоизменяя их, разумеется, соответственно особенностям исторического момента.

Трудно говорить о какой-либо цельной программе интернационалистического крыла, раз таковой не имелось и у самой парижской группы. Более или менее точное представление о программных требованиях прудонистской фракции Коммуны может дать знакомство с литературными произведениями наиболее видных социалистов-теоретиков; к последним, бесспорно, надо отнести Лефрансе и Ар. Арну ¹⁾.

Так называемая «коммуналистическая» идея, которая в общем разделялась и Коммуной в ее целом, нашла у интернационалистов свое наиболее крайнее выражение. Уже самое заглавие работы Лефрансе—«Этюд о коммуналистическом движении в Париже в 1871 г.»—показывает, что, по мнению автора, «коммунализм» был как бы осью всей революции 18 марта, ее главным содержанием. Коммунализм,—пишет Арну,—оригинальная идея, отметившая глубокое развитие в ходе всемирной революции. «Вся тактика Коммуны, руководившейся якобинско-бланкистским большинством, оценивается Лефрансе, как и Арну, с точки зрения большего или меньшего уклонения от «коммуналистических принципов».

У Арну в основе «коммуналистической идеи» лежит чисто анархическое отрицание государства, как силы, стоящей над обществом и ему враждебной. При какой угодно форме правления государство всегда реакционно уже по самой своей природе. Из инстинкта самосохранения оно должно стремиться к устранению тех препоп, которые ему ставят. Революции ничего не изменяют в положении вещей. Меняются лишь имена: «Карл X, Людовик-Филипп, Наполеон III, Версальская республика». «Правительству-притеснителю идет на смену другое правительство - притеснитель». Даже в том случае, если «вы выберете только рабочих, людей абсолютно чистых и преданных... эти люди завтра волеяневолей сделаются вашими врагами».

Итак, «беда не в том, что государство действует во имя того или другого принципа, беда в том, что оно существует!»—«Наш враг—это наш повелитель» ²⁾.

«Государство,—продолжает Арну,—немыслимо без единства и централизации». «Единство не может существовать без централизации, а последняя предполагает высшую руководящую власть, перед которой все склоняются». Поэтому—«долой единство, долой централизм, долой сильную власть! Автономия групп и союз автономных групп».

После революции 18 марта, четвергой по счету, народ, наконец, понял, что он рискует «прокинуть тирана, не по-

¹⁾ Ар. Арну не был членом Интернационала, но в Коммуне примыкал к «меньшинству».

²⁾ Арну. Народная история Парижской Коммуны, стр. 266—269.

давив тирании», что «нужно выйти из заколдованного круга»: «он объявил автономию Коммуны».

Но Париж не думал превратить Францию в «тридцать тысяч Коммун», «маленьких, независимых республик», что было бы сумасшествием, самоубийством перед лицом монархической Европы. И он провозгласил также другой лозунг: федерацию коммун ¹⁾.

Чтобы обеспечить за коммуной ее автономию и в то же время связать ее с более крупными территориальными единицами, вплоть до «национальной федеративной группы», Арну проводит примерное разграничение между функциями местной и центральной власти.

Но здесь он попадает в вопиющее противоречие с самим собою. Так, с одной стороны, он утверждает, что «каждая автономная группа — коммунальная или корпоративная... должна разрешать в своем собственном кругу вопрос социальный, т. е. вопрос о положении собственности, об отношениях труда и капитала... как она понимает это по своему развитию, желаниям и потребностям».

Такое «разрешение» социального вопроса было подстать прудонисту старого толка. Но Арну — коллективист, он чувствует всю нелепость подобной перспективы; «так как политическая форма общества, — говорит он, — является только результатом их экономической организации и покоится в настоящее время всецело на утверждении частной собственности, то социальная революция в общих чертах неизбежно должна принять характер коллективистический, т. е. обобществить землю и все орудия труда, капитал и прочее... Если бы каждая группа — общинная или областная — сохранила бы организацию частной собственности в ее разнообразных формах..., то каждая община воспроизвела бы в малом виде то, что представляют современные централизованные государства ²⁾».

Но в таком случае нельзя предоставлять каждой отдельной общине право разрешать по своему усмотрению социальный вопрос, что должно быть делом рабочего класса в целом, организованного, по крайней мере, в общенациональном масштабе: коммуна была бы слишком узким полем для борьбы за социализм.

В общем, «коммуналистическая» идея, развитая здесь Арну, разделялась и остальными социалистами. Указав здесь, что термин «Парижская Коммуна» понимался по-разному отдельными ее членами, он так характеризует точку зрения «меньшинства»: для них «Парижская Коммуна... олицетворяла первое применение анти-правительственного принципа,

¹⁾ Ib., 278—283.

²⁾ Арну, 286—288.

войну со старым понятием единого централизованного деспотического государства. Коммуна являлась для них торжеством принципа автономии свободно соединившихся групп и возможно более непосредственного управления народом самим собою. По их мнению, Коммуна была *первым этапом огромной как социальной, так и политической революции*, которая должна окончательно уничтожить старый порядок. Это было безусловное отрицание идеи диктатуры, это был захват власти самим народом и, следовательно, уничтожение всякой власти вне и над народом»¹⁾.

Но в чем же должен проявиться социалистический характер революции 18 марта? Что должна была делать Коммуна в социально-экономической области? Арну дает на это такой ответ. «Следовало объявить рабочим, что отныне они избавлены от законных препятствий, отдающих их на произвол капитала; им нужно только объединиться, притти к взаимному соглашению с хозяевами, и на основании полного равенства с предпринимателями определить новые отношения труда и капитала в таком виде, как они вытекают из истинных экономических законов»²⁾.

Эта туманная формула свидетельствует только о том, что даже те члены Коммуны, которые были коллективистами, оставались во власти прудонистской идеологии. Собственно социализм здесь и не пахнет. Арну рекомендовал Коммуне просто либеральную рабочую политику, под которой подписался бы любой тогдашний английский трэд-юнионист.

Среди членов Коммуны интернационалисты были людьми, наиболее осведомленными в социально-политических вопросах. Чувствуя недоверие ко всякого рода политической деятельности, прудонисты, естественно, тяготели к работе по городскому управлению и подготовке экономических реформ.

Так, из 7 членов Комиссии Труда и Обмена 6 принадлежало к Интернационалу, и только один (Пюже) — к якобинской фракции. Из 5 членов Финансовой комиссии интернационалистов было четверо (В. Клеман, Варлен, Журд и Белэ). Из всей группы интернационалистов лишь тяготевший к бланкистам Дюваль стал военным.

Войдя в Коммуну, интернационалисты не образовали в ней сплоченной социалистической фракции. Пятеро из них голосовали вместе с якобинско-бланкистским большинством (в том числе такие крупные фигуры, как Вайян³⁾, Лео Франкело и сапожник Дерер). При голосовании отдельных пред-

¹⁾ Арну, 132.

²⁾ *Иб.*, 143.

³⁾ Вайяна вообще трудно отнести к определенной фракции. „Я не принадлежу ни к большинству, ни к меньшинству, так как я не мог найти такой группы, вместе с которой я мог бы идти“, говорил он в заседании Коммуны 17 мая. (Les 31 séances, 233).

ложений интернационалисты раскалывались еще больше. Так, в числе лиц, высказавшихся за утверждение дополнительных выборов, находим, кроме упомянутых выше пяти,— Малона, Журда и Варлена.

Так называемая группа «меньшинства» сложилась лишь постепенно, в конце существования Коммуны. Официально «меньшинство» заявило о себе лишь при обсуждении вопроса о создании Комитета Общественного Спасения, т.-е. в конце апреля. Кроме членов Интернационала, к «меньшинству» примкнуло несколько литераторов-социалистов, как Артур Арну, Верморель, Жюль Валлес, гениальный художник-новатор Курбе, бланкист Тридон и один из влиятельнейших членов Ц. К. — Жорж Арнольд.

Федеральный Совет парижской группы следил за работой членов Организации в Коммуне, в особо важных случаях требовал объяснений по поводу их образа действий, давал директивы. Так, когда в связи с назначением второго Комитета Общественного Спасения «меньшинство» подало протест и заявило о своем выходе из Коммуны, Федеральный Совет постановил назначить на 20 мая экстренное заседание для обсуждения создавшегося положения; на заседание были приглашены члены Коммуны, примыкающие к Интернационалу, для дачи объяснений по поводу их поведения и мотивов ухода. Заседание состоялось. Была принята резолюция, одобрявшая мотивы ухода меньшинства, но в то же время приглашавшая членов Интернационала «приложить все усилия, чтобы во имя интересов рабочего дела сохранить единство Коммуны, столь необходимое в борьбе с версальским правительством». В то же время Федеральный Совет присоединился к заявлению социалистической фракции, настаивавшей на необходимости публичности заседаний Коммуны и изменении одной из статей декрета об организации К. О. С., делавшей невозможным никакой контроль над исполнительной властью¹⁾.

Но носил ли этот контроль Федерального Совета систематический характер, давались ли директивы по всем важнейшим вопросам текущей политики—в этом можно весьма усомниться. Организация, застигнутая врасплох революцией 18 марта и не имевшая определенной программы и тактики, не могла сколько-нибудь планомерно руководить и своей фракцией в Коммуне, если только вообще в данном случае можно говорить о фракции.

¹⁾ J. Off., 21, 24 mai.

Коммуна конституировалась 28 марта. Она не спешила с опубликованием какой-либо официальной программы своих ближайших работ. Правда, в первом же заседании председатель прудонист Белэ произнес программную речь, но она выражала скорее идеи социалистического меньшинства, чем Коммуны в целом, и была принята собранием весьма холодно.

«Освобождение парижской общины,—говорил он,—означает освобождение всех общин нашей республики... Республика упрочится у нас благодаря полной коммунальной свободе».

Белэ определенно высказался против политической централизации, с чем заведомо не могло согласиться якобинско-бланкистское большинство Коммуны. «Теперь,—говорил он,—республика не то, чем она была в великую эпоху нашей Революции. Республика 1793 г. была солдатом и, в качестве такового, должна была сосредоточить в своих руках все силы отечества для того, чтобы вести борьбу и на внешнем и на внутреннем фронте; республика 1871 г. является рабочим, которому, чтобы использовать мир, прежде всего нужна свобода».

Как бы закрывая глаза на тот факт, что со всех сторон Коммуна была окружена врагами, Белэ рисует перспективы спокойного развития. «Мир и труд.—вот наше будущее. Вот в чем залог... нашего социального возрождения. Понимаемая таким образом республика может еще сделать Францию опорой слабых, покровительницей работников; она послужит надеждой угнетенным всего света, станет фундаментом всемирной республики».

Коммуна рисуется Белэ исключительно муниципальным органом. «Коммуна будет заниматься местными делами, департамент — ведать дела областные, правительство — дела общенациональные». Но его прерогативы будут сокращены наполовину: оно превратится «в послушного приказчика, уполномоченного всеобщим голосованием, в стража республики». — «Не будем переходить этих границ, начертанных нашей программой»¹⁾, заявил Белэ в конце своей речи.

Первая прокламация, которой Коммуна заявила население о своем существовании, появилась 30 марта; она обещала возродить хозяйственную жизнь города и лишь вкратце перечисляла ближайшие предполагаемые декреты: о квартирной плате, просроченных векселях, восстановлении и упрощении правительственного механизма и немедленной реорганизации национальной гвардии.

Помимо этого, еще на втором заседании была избрана специальная комиссия из Лефрансе, Ранка и Ж. Валлеса,

¹⁾ J. Off., 2/IV.

которой было поручено составить декларацию с изложением программы Коммуны. Но представленный комиссией проект оказался слишком пропитанным узко-муниципальным и в то же время крайне фёдералистическим духом, чтобы удовлетворить большинство Собрания.

Парижская Коммуна низводилась здесь до уровня рядовой общины, «замаринованной в своей автономии» по выражению Дюбрейля; ей отводилась слишком скромная роль действовать исключительно примером в ожидании, пока к ней не присоединятся другие коммуны. «Парижская Коммуна,—читаем в этом проекте,—всегда готова заключить союзный договор с любой Коммуной, которая заявит о своем к ней присоединении»... 1)

Коммуна отвергла предложенный текст и избрала новую комиссию, в которую вошло 3 бланкиста и один «дикий, примыкавший к большинству» 2).

В новой редакции декларация была принята лишь 19 апреля, а пока парижане должны были довольствоваться тем, что можно было вычитать в довольно неопределенных руководящих статьях «Официального Журнала».

22 марта, когда власть находилась еще в руках Ц. К., где бланкистские тенденции сказывались резче, чем потом в Коммуне, «Официальный Журнал» писал: «На Париже лежит обязанность заставить уважать самодержавие народа и требовать, чтобы права его не были нарушены... Париж не может ни отделиться от провинции, ни допустить, чтобы ее оторвали от него. Париж был, есть и должен навсегда остаться столицей Франции, головою и сердцем единой и нераздельной республики» 3).

С назначением редактором прудониста Лонге официальный орган Коммуны заговорил менее определенным языком. В статье «Красное Знамя» (от 1/IV) определенно чувствуется тенденция свести роль Коммуны к обеспечению за Парижем коммунальных свобод. «Некоторые газеты,—читаем там,—склонны видеть в первых актах Коммуны стремление выйти из круга чисто муниципальных вопросов. Несомненно, что, издавая для Парижа декреты относительно отсрочки квартирной платы и т. п., она вышла из тех узких пределов, в которые муниципальная свобода была замкнута старыми законами. Но было бы наивной иллюзией полагать, что революция 18 марта имела единственной целью обеспечить Парижу выборное коммунальное представительство, но поставленное под деспотическую опеку строго централизованной национальной власти» 4).

1) Lefrançais, p. 196—197.

2) Байян, Тридон, Прото и П. Груссе.

3) J. Off., 22/III.

4) И., 1/IV.

Итак, Коммуна вышла из пределов коммунальной автономии лишь с точки зрения императорского законодательства. Самый переворот имел целью завоевание этой автономии и ее распространение на всю Францию. «Если люди 18 марта боролись и победили, то для того, чтобы завоевать и обеспечить на будущее время независимость всех общин Франции, а также высших группировок—кантонов, департаментов или провинций, связанных между собою... национальным договором...

Организовавшись в Коммуну, Париж отказался от своего мнимого всемогущества..., но он вовсе не отрекался от своей роли инициатора, от нравственной власти и умственного влияния, от того, что столько раз доставляло торжество его пропаганде во Франции и Европе. Освобожденный, автономный Париж должен всетаки остаться центром экономического и промышленного движения, местопребыванием банка..., великих национальных учреждений, откуда с новой силой потечет жизнь по всем венам социального тела...».

Та же мысль проводится и в прокламации Исполнительной Комиссии от 6 апреля («Коммуна Департаментам») ¹⁾. Прокламация опровергает ложь и клевету, распространявшиеся о Париже версальским правительством, и выясняет провинции истинное положение дел. «Париж,—говорится там,—желает только основания республики и завоевания своих муниципальных вольностей, счастливой тем, что послужит примером для прочих коммун Франции.

Если Парижская Коммуна вышла за пределы своих нормальных полномочий—она сожалеет об этом—то только потому, что ей пришлось считаться с военным положением, спровоцированным версальским правительством. Проникнутый уважением к одинаковым правам других коммун Франции, Париж готов снова ограничиться рамками своей автономии».

Давно ожидаемая Декларация Коммуны появилась, как было сказано, только 19 апреля. К этому времени политическое положение значительно изменилось по сравнению с первыми днями Коммуны. Со 2 апреля Париж находился в состоянии открытой гражданской войны. Взятые в плен национальные гвардейцы рассматривались версальцами, как простые мятежники и беспощадно расстреливались. Несколько второстепенных укреплений уже перешло в руки тьеровской армии.

С другой стороны, изменилось соотношение общественных сил в самом Париже: те значительные слои мелкой и средней буржуазии, которые были увлечены пролетарской революцией и приняли затем участие в выборах в Коммуну,

¹⁾ J. Off., 7/IV.

спешили теперь отмежеваться от революционеров и стояли за соглашение с Версалем.

В своей «Декларации к французскому народу» Коммуна должна была выяснить характер революции 18 марта; сказать определенно, борется ли Париж только за свои коммунальные вольности или за республику и коренное преобразование общества на социалистических началах. В связи с этим необходимо было установить свое отношение к версальскому правительству и призвать всю страну к поддержке парижан.

Посмотрим, в какой степени удовлетворяет этим требованиям интересующий нас документ. Коммунальная революция,—говорилось в «Декларации»,—начавшаяся 18 марта по инициативе народа, открывает собою новую эру опытной, положительной и научной политики... Мы призваны совершить необычную революцию, наиболее широкую и плодотворную из всех, которые когда-либо озаряли историю».

В чем же заключается особенности этой революции? «Это—конец старому авторитарному (gouvernemental) и клерикальному миру, конец милитаризму, бюрократии, эксплуатации, ажиотажу, монополиям, привилегиям, которым пролетариат обязан своим рабством, а отечество—своими бедствиями».

Итак, революция должна носить социальный характер. На это указывает и другое место «Декларации». «В силу своей автономии и пользуясь свободой действия, Париж оставляет за собой право осуществлять у себя, как он найдет лучшим, административные и экономические реформы, которых требует его население; создать учреждения, необходимые для распространения и развития образования, производства, обмена и кредита, для обобществления власти и собственности, согласно духу времени, желаниям заинтересованных сторон и данным опыта».

Как это ни странно, но в этой части Декларации, составленной комиссией из бланкистов и одобренной Коммуной без поправок, явным образом чувствуются отзвуки прудонистской идеологии, которая еще определеннее сказывается в другом месте, где в числе неотъемлемых прав Коммуны, рядом с «абсолютной свободой личности и совести» фигурирует «свобода труда» (!),—магическая формула из арсенала либеральных рабочих политиков, ничего общего не имеющая с социализмом.

В области политической Декларация отвергает обвинение, будто Париж хочет навязать свою волю остальной Франции, или покушается на ее единство, мечтая об отделении. Но в то же время подчеркивается, что Париж требует «признания и упрочения республики».

Декларация требует, далее, «безусловной коммунальной автономии, которая должна распространиться на все территориальные единицы Франции и обеспечить каждой из них всю полноту ее прав, и всякому французцу полное проявление его способностей, как человеку, гражданину и рабочему».

Из делегатов федерированных коммун, объединившихся на основе договора, составляется «великая центральная администрация, чем и обеспечивается единство Франции».

Но это будет уже не то единство, которое навязывалось доселе Франции «империей, монархией и парламентаризмом и было связано с деспотической и произвольной централизацией». «Политическое единство, которого хочет Париж, будет добровольным объединением всех проявлений местной инициативы, основанном на постоянном, свободном соревновании всех индивидуальных усилий в целях всеобщего благосостояния, свободы и безопасности».

Каковы же пределы автономии отдельных общин, и каковы права Коммуны?

«Коммунальная автономия будет ограничена лишь равным правом автономии всех прочих, примкнувших к договору общин...

Неотъемлемыми правами Коммуны являются установление коммунального бюджета, — поступлений и расходов; определение размера налогов и их раскладка; управление коммунальным хозяйством, организация своей администрации, внутренней полиции и народного просвещения; право назначения — посредством выборов или конкурса — всякого рода администраторов или коммунальных чиновников, подлежащих постоянному контролю и отзываемых в случае надобности...; охрана города и организация национальной гвардии, которая избирает своих начальников; только ей принадлежит наблюдение за поддержанием порядка в городе. Наконец, в число коммунальных вольностей входят и так называемые гражданские свободы: «безусловная гарантия личной свободы, свободы совести и труда», право собраний и публичного выявления мнений и воли граждан».

Вся эта часть Декларации, несомненно, составлена под влиянием интернационалистической фракции Коммуны, хотя коммуналистическая идея выступает здесь в значительно ослабленном виде по сравнению с проектом, предложенным первой комиссией.

Требование республики и уничтожение централизованной машины буржуазного государства во втором проекте подчеркнуто более определенно. Еще определеннее чувствуется его якобинско-бланкистское происхождение в большей активности, предоставляемой Парижу в деле расширения и углубления завоеваний революции 18 марта, в более решительной тактике в отношении классового врага пролетариата.

Никаких компромиссов с версальцами: борьба неизбежна, и вся Франция должна принять в ней участие. «Борьба, завязавшаяся между Парижем и Версалем, относится к категории тех, которые не могут кончиться обманчивым компромиссом: относительно исхода не может быть сомнения. Победа, которой с несокрушимой энергией добивается национальная гвардия, будет победой идеи и права.

Мы апеллируем к Франции!.. Она должна положить конец этому кровавому столкновению.

Франция должна обезоружить Версаль торжественным выявлением своей непреклонной воли. Призванная разделить с нами наши (революционные) завоевания, пусть она заявит о своей солидарности с нашими усилиями; Франция должна быть нашей союзницей в этой борьбе, которая может иметь только два исхода: торжество коммунальной идеи или разрушение Парижа».

Такова была программа Коммуны. Несомненно, она появилась слишком поздно, страдала значительной неопределенностью и в то же время носила черты компромисса между идеологией «большинства» и «меньшинства» Коммуны.

Декларацию нельзя назвать социалистической, ибо требование обобществления средств производства в ней не находим, а указания на необходимость социально-экономических реформ пропитаны духом старого прудонизма.

Что касается идеи коммунальной автономии, то ее мы встречаем во многих политических платформах, выдвинутых в эту эпоху буржуазно-радикальными группами.

Несомненно, однако, что рабочий класс и его идеологи связывали с этой идеей нечто иное, чем мелкая буржуазия. Коммунализм и федерализм пролетариата был своего рода протестом против подавления революционного города головами невежественной и реакционной деревни. Под этим протестом скрывалось, в сущности, отрицание демократии, но мысль о пролетарской диктатуре, диктатуре города над деревней принимала тогда форму коммунальной автономии.

Чувствуя себя социально сильным в пределах крупных индустриальных центров, пролетариат хотел как бы обособиться от сельской Франции и надеялся, что без вмешательства «деревенщины» ему удастся разрешить социальный вопрос в рамках крупной городской общины или федерации таких общин. Необходимость такой федерации уже сознавалась, поскольку в тогдашней Франции уже имелись отрасли промышленности, хозяйственное значение которых выходило за пределы отдельных коммун¹⁾.

¹⁾ Ср. Kautsky „Terrorismus und Communismus“, II, f. „Коммунальная политика в отдельных индустриальных общинах.—говорит он,—открывала пролетариату совсем иные перспективы, чем государственная политика в аграрной по преимуществу стране: поэтому, отсюда ясно различия

Что именно такова была подкладка «коммуналистической» идеи,—это можно подтвердить и ссылкой на то место работы Арну, где он ополчается против старого государственного единства, «где никто не имеет свободы движения и не имеет возможности развиваться, не увлекая за собою всю совокупность тех, к которым он прикован, как каторжник к своей цепи».

А в примечании Арну продолжает: «Такова история Парижа, который при каждом восстании оказывается связанным и брошенным на землю *необъятной тяжестью целой Франции...* Такова история всех больших городов Франции, всех умственных и революционных центров—Лиона, Марсели, Тулузы и т. д., *вынужденных оставаться на одном месте, потому что двадцать миллионов крестьян не имеют еще никаких политических или общественных идей.* Раздробив этот балласт, будет, разумеется, легче его поднять и довести его до нуля, к великому благу всех и каждого¹⁾».

Переход от капитализма к социализму путем простого обособления пролетариата больших городов от сельского населения был, разумеется, утопией. Рабочий класс должен был стремиться не к обособлению от деревни, а к подчинению ее, в союзе с деревенской беднотой, своему влиянию.

Увлечение коммунальной автономией было тогда столь общим среди социалистов, что его не избежал, до известной степени, и Маркс. «Коммуна,—говорит он,—в «Гражданской Войне», была той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда».

Но, в противоположность прудонистам, Маркс видел в Коммуне своеобразную государственную форму, которая «должна была служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а, следовательно, и классовое господство... Коммуна хотела уничтожить... классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов»²⁾. Другими словами, Маркс видел в Коммуне форму пролетарской диктатуры, орудие социалистической революции.

к демократии, поскольку дело шло о всей стране, прудонисты весьма ценили ее в *городском* масштабе». Лавров придает важное значение тому обстоятельству, что требование автономии Коммуны соединилось с требованием автономии национальной гвардии. «Оборона Коммуны исключительно национальной гвардией, иначе говоря—всем вооруженным населением города с выборными начальниками, отдавала силу в руки большинства, т. е. неизбежно в руки рабочего класса» (Лавров, Парижская Коммуна 18 марта 1871 г., стр. 167).

¹⁾ Арну, 272, 272, прим. 1.

²⁾ «Гражд. война во Франции». 52—53.

Иначе смотрели на дело те, кто с 28 марта стоял в Париже у власти: для них Коммуна была такой политической формой, которая примиряла классовые противоречия и делала излишней самую борьбу пролетариата за власть. Вот что, например, читаем в руководящей статье, помещенной 30 марта в официальном органе Коммуны. «Печальное недоумение» (1), которое в июньские дни вооружило друг против друга два общественных класса, оба заинтересованные, хотя и в неравной степени, в великих экономических реформах, эта гибельная ошибка, которая сделала июньское подавление столь кровавым, не может уже повториться... На этот раз классовый антагонизм перестал существовать; единственным поводом к борьбе является старая война... свободы против власти, права муниципалитетов и граждан против поглощения всех прав правительственным произволом. Весь Париж был готов подняться..., чтобы завоевать свою независимость, свою автономию».

3 апреля тот же «Официальный Журнал», характеризующий положение дел в Париже, писал: «Никогда идеи, интересы и права, за которые боролись наши отцы, и которые они добыли, не были представлены с такой полнотой, как в наши дни. Теперь всякие разногласия исчезнут, потому что *все солидарны*, потому что никогда не было так мало социальной ненависти, классового антагонизма, наконец, потому что без единения невозможно и наша победа» 1).

Разбирая программу Ц. К-га, мы уже отмечали, что осуществление коммунальной автономии Парижа и превращение Франции в федерацию свободных коммун означало бы лишь децентрализацию административного аппарата, но ничего не изменило бы в отношениях собственности, а следовательно, и в отношениях между рабочими и предпринимателями.

Остановимся теперь на этом вопросе несколько подробнее. Представление о свободной Коммуне, как о чем-то целом, спаянном узлами солидарности, является, несомненно, пережитком средневековья; перенесенное в эпоху промышленного капитализма, такое представление было уже вредной иллюзией, которая могла лишь затемнить классовое сознание пролетариата. «Средневековая политическая община,—говорит Лавров,—была не только сожительством лиц в одной местности; она представляла при разнообразии сословий, при неравенстве прав граждан, общие городские интересы, которые преобладали над противоположением интересов внутри города; она представляла нравственное единство политических стремлений, политических убеждений для всех классов граждан в виду внешнего врага, одинаково опасного всем.

1) J. Ож., 30/III, 3/IV.

В XIX веке общность коммунальных интересов совершенно исчезла перед возрастанием внутренней борьбы классов. Община, как единое нравственное целое, вовсе *не существовала*. В каждой общине стояли один против другого непримиримые лагери пролетариата и крупной буржуазии...»

«В небольших городских республиках,—говорит тот же Лавров,—гнет капитала над трудом мог бы быть столь же губителен для рабочих, как и в обширных державах; а пока централизация богатств в руках меньшинства продолжалась, пока капиталистическое хозяйство имело место, первый шаг к освобождению труда не был еще сделан. Эмансипация разносословной Коммуны, где господствовал бы по-прежнему капитал, не имеет ничего общего с эмансипацией труда от капитала. Говорить о свободной федерации коммун можно было «лишь по совершении экономической революции», после экономического торжества пролетариата¹⁾.

Рабочие и их вожди, может быть, лишь смутно сознавали, что после революции 18 марта «дело шло об отстаивании самоуправляющихся *общин рабочих*, а не политических общин вообще»²⁾; но это никем не было вполне отчетливо формулировано.

Глава V.

Государственный аппарат Коммуны.— Борьба с контр-революцией.

Революция 18 марта передала в руки Ц. К-та город с 2-миллионным населением, со сложным механизмом центрального и местного управления. В этой области с первых же дней перед новой властью встали чрезвычайные затруднения. Правительство Тьера сделало все, чтобы дезорганизовать оставленный им на произвол судьбы механизм управления, довести Париж до анархии, голода и разорения. Циркуляр Тьера от 19 марта предписывал гражданским и военным властям не исполнять никаких приказаний, не исходящих от законного версальского правительства; нарушение этого предписания будет рассматриваться как злоупотребление по должности. Декрет Версальского Собрания предписывал оставшимся в Париже чиновникам пересылать регулярно в Версаль всякого рода казенные суммы, которые будут поступать в кассы. Затем последовал циркуляр министра внутренних дел Пикара: всем чиновникам и служащим приказывалось немедленно прибыть в Версаль, под стра-

¹⁾ Лавров. Парижская Коммуна 1871 г., стр. 130, 166.

²⁾ Ibid. 131.

хом отставки и лишения права на получение пенсии; откликнувшимся на призыв правительством гарантировалась уплата жалованья «до восстановления порядка»¹⁾.

Циркуляр Пикара нашел отклик: среди большинства административного персонала началось массовое бегство чиновников, увозивших с собою кассы своих учреждений.

Характеризуя создавшееся положение, Журд говорил в заседании Коммуны 30 апреля: «Все суммы, взысканные различными учреждениями в Париже, отправлены в Версаль. Если промедлить принятием решительных мер, то завтра же все ведомства окажутся дезорганизованными».

«Все новые власти,—говорит Лиссагарэ,—находили обыкновенно правительственную машину неповрежденной, готовой к услугам победителя. 20 марта Центральный Комитет нашел только отдельные колеса машины... Городские сборы, постройка дорог, освещение города, галлерей, торговые площади, общественные благотворительные учреждения, телеграф—все органы питания и дыхания этого города... должны были быть снова организованы... Г. Тьер пытался вовлечь в нарушение обычного хода жизни всех, вплоть до кладбищенских сторожей»²⁾. Благодаря саботажу чиновников телеграфные сношения оказались прерванными. В Париже пришлось приостановить временно прием частных телеграмм³⁾. Некоторые нотариусы отказывались составлять акты и удостоверять даже чисто коммерческие сделки; часть нотариальных контор закрылась⁴⁾.

«Ни в думе, ни в министерствах, ни в мэриях не осталось ни одного чиновника,—пишет член Коммуны Арну.—Чтобы узнать, где помещаются канцелярии, чтобы найти, например, книги для записей браков, рождений, смертей,—приходилось обращаться к швейцару, если он остался, или терять целые дни на поиски самых простых вещей, умшенно спрятанных, а часто унесенных. Когда я с Паскалем Груссе вступил в министерство иностранных дел, сторож и пслотер были единственными нашими проводниками и, не имея возможности дать нам других разъяснений, по крайней мере, познакомили нас с расположением здания.

Приходилось, поэтому, все создавать от начала до конца, все вновь организовывать, начиная от ведения списков умерших и родившихся до подметания и освещения улиц.

Аналогичную картину рисует Файе, назначенный комиссаром в управление по сбору прямых налогов. «Служащие

¹⁾ Lanj et Corriez, 59.

²⁾ Лиссагарэ, 110—111.

³⁾ J. Off. 21/III.

⁴⁾ J. Off. 18/IV.

из сорока бюро доходов, оценщики и чиновники, писавшие податные листы, скрылись»... 1).

Почти все служащие Национальной Типографии к концу марта бросили свои места, получив заранее плату от версальского правительства 2).

Почтовое ведомство первое время кое-как функционировало. Правда, директор почт Рампон сначала заявил, что не признает распоряжений П. К-та, но потом решил остаться во главе своего ведомства до избрания Коммуны и согласился на назначение двух контролеров от Комитета. Однако уже 30-го Рампон нарушил обещание и тайно покинул свой пост, повинуясь приказу Тьера, который решил совершенно излгородать Париж от провинции, прервав почтовые сношения. «Все начальники бюро последовали примеру директора, как и их помощники, за исключением одного, который немедленно заявил, что он болен» 3). Тейс, назначенный делегатом почтового ведомства, нашел последнее в состоянии полной дезорганизации. «Все отделения бюро, за исключением двух, были закрыты и оставлены. Все бумаги были отложены в сторону, касса опустошена... Не было почтовых марок, почтовые фургоны были отправлены в Версаль».

Иногда саботаж велся в скрытой форме. 20 апреля Арнольд представил Коммуне документы, указывавшие на тенденцию со стороны высшей администрации Северной дороги дезорганизовать материальную часть и железнодорожный персонал. В заседании Коммуны 28 апреля Жоаннар сделал следующее сообщение. «Вчера вечером один служащий Северной железной дороги разыскал меня и заявил: «Вот уже неделя, как версальские агенты, несомненно, появляются на вокзале, все дезорганизуют, устраивают так, что вагоны куда-то исчезают; чиновники бежали. Сейчас наблюдается лишь фикция работы. Поезда отходят, но не возвращаются».

Из дальнейших прений выяснилось, что скрытый саботаж на железных дорогах поддерживается высшей администрацией, которая, выполняя директивы Версала, пытается расстроить подвоз съестных припасов к Парижу. В связи с этим Жоаннар требовал, чтобы в том случае, если в течение 48 часов не будет восстановлено нормальное движение поездов, имущества и капиталы железнодорожной компании были конфискованы в пользу государства, а высший административный персонал был предан военному суду.

К саботажу чиновников присоединилась и интеллигенция. «Врачи и должностные лица,—говорит Лиссагарэ,—покинули больницы..., так, что многим их пациентам пришлось

1) См. Лиссагарэ, приложение VIII.

2) Ibid., 485.

3) Из доклада Те*са. См. Лиссагарэ, приложение VII.

прибегнуть к нищенству. К забастовке присоединился и средний медицинский персонал. Вновь прибывшие больные лежали у дверей больничных зданий».

Профессора Медицинской Школы прекратили свои лекции. Забастовали также монахи и монахини, преподававшие в церковных школах¹⁾.

С возникновением революционной власти во главе отдельных учреждений и ведомств были поставлены члены Ц. К-та или известные ему лица из Парижской Федерации Интернационала. Все это были люди, впервые в жизни ставшие администраторами. «Большая часть членов самой Коммуны,—говорит Арт. Арну,—были новые люди, никогда не стоявшие у дел и не имевшие возможности подготовиться при предшествовавших правительствах, потому что, благодаря системе централизма, никто во Франции, кроме чиновников и известной категории все тех же лиц, составляющих министерства, не мог быть посвящен, ознакомлен с политической жизнью, никто не знал общественных дел, не принимал и не мог принимать участия в управлении»²⁾.

О первых шагах комиссаров, или *делегатов*, как их тогда называли, можно судить по докладу Тейса, делегированного в почтовое ведомство уже Коммуной.

«В три часа утра,—говорит он,—я обошел зал и двор, где собрались служащие для первого выезда. В объявлении, развешанном во всех залах и дворах, всем чиновникам предписывалось оставить службу и, под угрозой отставки, явиться в Версаль. Я сорвал объявление и обратился к служащим с призывом, советуя им исполнить свой долг и остаться на постах. Вначале они не знали, на что решиться, потом некоторые из них решились и начали группироваться вокруг меня. В восемь часов пришли другие чиновники, а к 9 собрались все. Они образовали на большом дворе две группы, говорили, спорили; некоторые стали трубить отступление. Этот пример вызвал подражание. Я приказал запереть двери, окружив их войсками, а сам поспешил к образовавшимся группам с предложениями, действуя и угрозами. Наконец, я отдал приказ всем отправиться в свои бюро»³⁾.

Среди делегатов было несколько рабочих-интернационалистов, которые не хуже своих товарищей-интеллигентов справились с своей задачей, и тем уже пятьдесят лет тому назад блестяще доказали способность рабочего класса к управлению государством. Бронзовщик Камелина, заведывавший монетным двором, быстро организовал изготовление марок, в которых так нуждалось почтовое ведомство, и чеканку

¹⁾ J. Оф. 10/V, 18/VI, 27/III.

²⁾ Арну, 147.

³⁾ J. Оф. 22/IV (Засед. 20/IV), 28/IV.

пятифранковых монет из серебряных слитков, которые удалось достать из Французского Банка. Камелина изобрел новый способ чеканки монет, который не успели применить до вторжения версальцев, но который был потом использован.

Благодаря энергии резчика Тейса была восстановлена деятельность почтового ведомства, совершенно дезорганизованного саботажем чиновников. «Почтовые учреждения были открыты, и через 48 часов прием и доставка корреспонденции по всему Парижу были в полном ходу»¹⁾. Посредством различных остроумных приемов удалось наладить даже почтовые сношения с провинцией, несмотря на все усилия версальцев создать вокруг города непроницаемую блокаду.

Столяр Пенди вместе с Луи Дебоком восстановили работу Национальной Типографии. С неменьшим успехом Бастелика управлял октруа²⁾, Варлен—интендантством, а Комбо,—тоже рабочий,—ведомством косвенных налогов. Ниже нам подробно придется говорить о деятельности Комиссии Труда и Обмена, которая почти исключительно состояла из рабочих-социалистов³⁾. Во главе этой комиссии стоял рабочий-ювелир Франкель, единственный министр-рабочий Коммуны.

В целях борьбы с саботажем чиновников и служащих Коммуна приняла ряд мер. В заседании 29 марта прошла следующая резолюция. «Будучи в настоящее время единственной властью, Коммуна декретирует: 1) чиновники различных ведомств и учреждений отныне должны считать не имеющими никакой законной силы приказания или сообщения, исходящие от версальского правительства или его сторонников; 2) всякий чиновник или служащий, который не будет сообразовываться с этим декретом, подлежит немедленному увольнению»⁴⁾.

В «Официальном Журнале» было опубликовано, что все чиновники, не явившиеся к исполнению своих обязанностей до 25 марта, будут считаться уволенными. Эта угроза проводилась в жизнь: приказы об увольнении от службы тех или иных чиновников-саботажников встречаются чуть ли не в каждом номере «Официального Журнала». Аналогичные обращения к служащим и чиновникам выпускались и отдельными ведомствами. Делегаты финансового ведомства предписали служащим округа немедленно внести в казначейство имевшиеся у них на руках суммы под угрозой строгих репрессий. 24 апреля приказом по ведомству юстиции было

¹⁾ Лиссагаре, 226.

²⁾ Ведомство по сбору городских пошлин, взимавшихся при ввозе товаров.

³⁾ Из 8 членов первого состава этой комиссии рабочих было шесть; из пяти второго — четверо (см. состав комиссий Коммуны. J. Оф. 29/III, 22/IV).

⁴⁾ J. Оф. 2/IV, 3/IV, 6/IV, 25/IV.

объявлено, что все чиновники судебного ведомства, нотариусы и т. п., не заявившие в течение 24 часов о своем желании вернуться на свои места и неуклонно применять все декреты, изданные после революции 18 марта, будут считаться подавшими в отставку ¹⁾).

Инспектора и контролеры парижских базаров и рынков получили приказ сдать корешки квитанций артельщикам, чтобы последние могли передать денежные суммы делегату финансового ведомства. Чиновники, не исполнившие в течение 48 часов настоящего постановления, подлежали увольнению со службы, а лица, утаившие часть принадлежащих Коммуне денег, преданию суду ²⁾).

Приведем еще приказ нового управляющего городскими сборами (октруа) от 15 апреля, указывающий на длительность саботажа, рисуемый его формы и меры борьбы с бастовавшими чиновниками. Всякий чиновник, независимо от ранга и занимаемого им служебного положения, оставивший свой пост со времени установления новой власти, устраняется от должности. Лица, которые будут уходить со службы без разрешения или манкировать своими обязанностями, наказываются на первый раз вычетом из жалованья по усмотрению управляющего; в случае рецидива увольняются немедленно. Чиновники, устраненные за оставление своего поста, или за нерадивость по службе, или по другим причинам, которые уже после своей отставки будут пытаться проникнуть в канцелярии, подлежат немедленному аресту. Для обеспечения нормальной работы учреждения вводится суровая дисциплина ³⁾).

В качестве саботажников фигурировало, главным образом, высшее и среднее чиновничество: мелкие служащие и рабочие, среди которых многие сочувствовали Коммуне, остались на местах. Делегаты отдельных групп служащих являлись в Ратушу, чтобы заявить о своем желании продолжать работу. Дюбрейль определяет число таких «сочувствовавших» в 20—25 тысяч. В значительной степени этому содействовала и политика делегатов, опиравшихся при возобновлении работ в учреждениях на мелкое чиновничество, улучшавших условия его труда, увольнявших наиболее ненавистных начальников, наконец, привлекавших служащих к участию в общем руководстве учреждением.

Так, реорганизуя почтовое ведомство, Тейс повысил жалованье низшим чиновникам, почталльонам и рабочим; ограничил сверхурочную работу, установил специальные испытания для повышения по службе, наконец, организовал по-

¹⁾ Ib. 24/III, 30/III, 25/IV.

²⁾ J. Off., 3 IV (p. 146).

³⁾ J. Off. 22/IV.

чтовый Совет, состоявший из делегата, его секретаря, начальников всех отделов, 2-х инспекторов и *двух старших почтальонов*.

Вступив в управление Национальной Типографией, Л. Дебок оставил весь персонал, за исключением директора Горо, заявившего, что «он—республиканец, но движения 18 марта ничем нельзя оправдать», его помощника и одного из высших служащих, «которого все ненавидели за его грубость и несправедливость». Крупные оклады были значительно понижены, и в то же время объявлена прибавка жалованья низшим служащим и рабочим. Последним было предоставлено право выбирать начальников мастерских. Места машинистов должны были замещаться путем конкурса.

Ввиду того, что администрация, ведавшая расклейку декретов и прокламаций, тормозила работу, Л. Дебок посоветовал расклейщикам объединиться в артель, что они и сделали. С устранением посредника заработок поднялся на 25%, а типография сэкономила ежедневно по 200 фр. Благодаря произведенной реорганизации и пересмотру окладов, расходы на Национальную Типографию сократились с 120 т. до 80 в мес.

Были случаи, когда места бежавших чиновников соглашались занять служащие-социалисты или просто честные граждане-республиканцы. В канцелярии косвенных налогов саботировавших сборщиков отчасти заменили рабочие-интернационалисты¹⁾. В целях возобновления занятий в Медицинской Школе, делегат по народному просвещению Вайян организовал собрание из представителей от профессоров, врачей и студентов, которое должно было выработать проект реорганизации Медицинской Школы и представить его на утверждение Коммуны²⁾.

Новый директор телеграфа обратился с призывом «ко всем добрым гражданам», убеждая помочь восстановлению работ в городских отделениях. Лица интеллигентного труда, принятые по предварительному экзамену, могли рассчитывать получить место по прохождении трехнедельного стажа. В то же время «молодые люди без должности» приглашались записываться в специальную телеграфную школу³⁾.

Неизвестно, были ли сделаны попытки ускоренной подготовки специалистов для занятия мест саботажников в других учреждениях.

В общем, приток лиц, желавших заместить бежавших чиновников, был не велик. Буржуазные и образованные классы, — говорит Дюбрейль, — вообще склонные зани-

¹⁾ Лиссагарэ, прил. VII и VIII. Lissagaray., Hist. de la Com., Appendice, IX, p. 503—505.

²⁾ J. Off. 18 IV.

³⁾ Mur. Pol. II, 162, № 57.

мать места и так умело всегда расписывающиеся в получении ассигновок, держались в этот момент странно выжидающе и осторожно. Некоторые молодые люди из общества, правда, предложили было свои услуги в течение первых дней, но уже весьма скоро скрылись с горизонта, прекратили просьбы о местах, даже не показывались». К тому же скромное жалование чиновника Коммуны, которое не должно было превышать 500 фр. в месяц, не могло прельстить разного рода карьеристов, которые всегда готовы примазаться к любому новому режиму, лишь бы использовать его в своих личных выгодах».

«С другой стороны,—продолжает Дюбрейль,—юные буржуа, явившиеся побродить около 29 марта в кулуарах Ратуши, не замедлили убедиться, что у нового правительства иной запах, чем у его предшественников: они понюхали народ, рабочий класс и почувствовали запах, оскорбительный для деликатных носов. Неужели подобный режим долговечен? Сомнение было возможно, и благоразумие советовало им не садиться на его галеру, на каторжную галеру, как это уже предвидели трусливые или наиболее дальновзоркие люди»¹⁾.

Версальское правительство старалось всячески дискредитировать в глазах населения те учреждения, в которых Коммуне удалось наладить работу. Так, в «Официальном Журнале» версальцев от 12 апреля появилась заметка по поводу возобновления деятельности управления регистрации и штемпельных сборов. В заметке «публика» предупреждалось от имени правительства, что все акты назначенных Коммуной чиновников, как не имеющих законных полномочий и не принесших установленной присяги, не имеют законной силы, а потому и принятые ими суммы не могут считаться внесенными в казначейство²⁾.

В общем, сломить саботаж чиновников и служащих Коммуне не удалось.

Судя по приказам, исходившим от делегатов различных ведомств, еще в половине мая, забастовка чиновников продолжалась. Некоторые учреждения дважды обращались к служащим с призывом прекратить забастовку под угрозой увольнения. Коммуна могла послать своих комиссаров во все важнейшие учреждения, но ей нехватало того высшего административного персонала, высших служащих, который является как бы посредствующим звеном между центральной властью и низшими агентами. «За какую-нибудь неделю в Париже не осталось и следов этой средней бюрократии». Такие лица, как Варлен, командированные в интендантство,

¹⁾ Дюбрейль, 97. (Гос. Изд-во, Петербург, 1920).

²⁾ J. Off. (de la Comm.) 20/IV.

мал Тейс, назначенный почт-директором или комиссаром банка—Белэ—были наперечет; это был тот весьма еще тонкий слой верхов пролетариата и социалистической интеллигенции, который немедленно мог приступить к управлению государством. Рабочий класс *в целом* был еще слишком неорганизован и политически незрел, чтобы выделить из своей среды достаточно многочисленные кадры разного рода администраторов-специалистов, и в этом кроется одна из причин поражения Коммуны.

Вопреки мечтам прудонистов, Коммуна не «отменила» государства; она не «упразднила его административной и правительственной машины», как это рекомендовали пролетариату в сентябре 1870 г. лионские бакунисты. В переходный период диктатуры пролетариата, каковой и была Коммуна, рабочий класс еще нуждается в органах власти для беспощадного подавления своих врагов.

Но это не значит, что он может просто использовать в своих руках уже готовый аппарат буржуазного государства. «Коммуна,—писал Энгельс в предисловии к «Гражданской войне во Франции»,—должна была с самого начала признать, что рабочий класс, достигнув власти, не может пользоваться для своих целей старой государственной машиной; что, если этот класс не хочет потерять только что завоеванное господство, он должен, во-первых, устранить весь старый, направлявшийся до тех пор против него самого, механизм угнетателей, с другой—обезопасить себя со стороны своих собственных служащих и уполномоченных», которые в результате известного разделения труда «стали из слуг общества его повелителями».

«Государство есть не что иное, как орудие угнетения одного класса другим; это относится к демократической республике не менее, чем к монархии».

Но Энгельс отнюдь не думал, что ставший у власти рабочий класс не будет нуждаться ни в каких государственных формах. Государство отомрет лишь при развитом социалистическом строе. «Пролетариату,—продолжает Энгельс,—неизбежно придется, как и *Парижской Коммуне*, немедленно урезать, насколько это возможно, худшие стороны этого зла, пока новое поколение, выросшее в новом, свободном общественном строе, окажется в силах отделаться от всего этого хлама каких бы то ни было государственных учреждений».

Маркс в письме к Кугельману от 12 апреля 71 г. выражается еще более определенно. «Если ты просмотришь последнюю главу 18 Брюмера,—говорит он там,—ты увидишь, что, по моему мнению, ближайший подъем французской ре-

волюции будет попыткой не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а *разрушить* эту машину... Такова как раз попытка наших геройских товарищей»¹⁾.

Новое пролетарское государство, которое впервые наметилось при господстве Коммуны, являлось в глазах участников движения, как и некоторых позднейших исследователей, лишь осуществлением так называемой коммунальной автономии; в действительности, государственное строительство Коммуны было не только борьбой против чрезмерной централизации, унаследованной от эпохи 2-й Империи, но и *частичным* разрушением буржуазного государственного аппарата вообще, созданием некоторых своеобразных форм, которые получили свое дальнейшее развитие лишь в эпоху пролетарской революции в России.

«Урезку» или «разрушение» орудий классового господства буржуазии Коммуна начала первым же своим декретом от 29 марта, отменившим конскрипцию²⁾.

Национальная гвардия объявлялась единственной вооруженной силой Парижа, в состав которой должны были входить все годные к службе граждане. Коммуна получила в наследство от эпохи временного правительства не только пролетарские, но и буржуазные батальоны национальной гвардии, где часть офицерства еще не подвергалась выборам, а часть дезертировала после 18 марта.

В новой армии Коммуны не было места старой офицерской касте с ее привилегиями. 29 же марта появился приказ Ц. К-та о производстве выборов командного состава в тех ротах, где они еще не были проведены. В то же время Ц. К-т напоминал национальным гвардейцам об их праве отзывать начальников, которые утратят их доверие. Опыт Советской Республики, как и опыт самой Коммуны, показал отрицательные стороны выборного начала в армии, но и там и здесь до известной стадии развития новой власти его применение было неизбежно. Приказом от 6 апреля Исполнительная Комиссия Коммуны отменила генеральский чин, как «несовместимый с демократической организацией национальной гвардии».

Наряду с постоянной армией Коммуна уничтожила и другой аппарат, с помощью которого буржуазия держит в повиновении рабочие массы. Декретом 3 апреля церковь отделялась от государства. Уничтожался бюджет исповеданий. Движимое и недвижимое имущество религиозных конгрегаций объявлялось национальной собственностью. Тем

¹⁾ Письма к Кугельману, 88 (русс. пер.).

²⁾ Набор на основе всеобщей, но не личной повинности, с допущением откупа и замены.

самым была сокрушена власть духовенства, которое Коммуна справедливо считала «соучастником преступлений монархии против свободы»¹⁾.

Менее решительной была политика Коммуны по части ликвидации механизма буржуазной юстиции. Этот механизм в значительной степени был разрушен саботажем чиновников: мировые судьи, члены коммерческих судов и гражданского трибунала Сенского департамента с их канцеляриями, нотариусы, судебные пристава и оценщики—бросили со времени мартовской революции свои места. Исходя из принципа выборности и сменяемости всех «магистратов»²⁾, провозглашенного в апрельской декларации Коммуны, следовало немедленно приступить к созданию нового аппарата суда.

Но делегат юстиции бланкист Прото медлил с реформой.

Лишь 16 апреля избирателям и окружной администрации было предложено доставить списки кандидатов в мировые судьи. Произвести выборы так и не удалось, мировые судьи и следователи, которые должны были заменить саботажников, назначались сначала Исполнительной Комиссией, потом—Комитетом Общественного Спасения. Все же этим был положен конец той «мнимой независимости судей», которая, по меткому замечанию Маркса, только скрывала их подчиненность поочередно сменявшимся правительствам.

27 апреля, «впредь до полной реорганизации гражданских судов на основе всеобщего избирательного права», Коммуна назначила одного из адвокатов при парижском апелляционном суде председателем опустевшего гражданского трибунала, поручив ему производство бракоразводных процессов и удостоверения подписей.

12 мая Коммуна уполномочила делегата юстиции реорганизовать «Палату гражданского суда Парижской Коммуны» для разбора срочных дел. В новой Палате обычная судебная процедура не должна была иметь места; дела подлежали разрешению в упрощенном порядке. За отсутствием присяжных стряпчих, их функции предоставлялось исполнять судебным приставам. Сторонам разрешалось самим выступать в защиту своих интересов.

Коммуна лишь частично обновила персонал нотариусов, судебных приставов, оценщиков и регистраторов. Но она нанесла существенный удар привилегиям этой группы судебного сословия, переведя ее на определенное жалованье и превратив, таким образом, в простых чиновников. Вместе с тем, система внесения залогов была отменена, а все суммы, получаемые нотариусами и т. п. за совершение ими различ-

¹⁾ Ж. Оф., 30/III, 7/IV, 3/IV.

²⁾ Магистрат—гражданский чиновник, исполняющий судебные или административные функции.

ных актов, должны были ежемесячно вноситься в финансовое ведомство.

По распоряжению Прото с 16 мая все нотариусы, судебные пристава и вообще чиновники Коммуны должны были бесплатно составлять всякого рода входящие в их компетенцию акты, как, напр., засвидетельствование дарственных между живыми, завещаний, усыновлений, брачных контрактов и т. п. ¹⁾

В основу реформы уголовных судов Коммуна намеревалась положить принцип выборности судей, участия присяжных и свободы защиты. 22 апреля был учрежден специальный трибунал по политическим делам. Присяжные должны были назначаться из среды делегатов национальной гвардии. «Обвинительное жюри» состояло из 4 секций, по 12 присяжных в каждой, избираемых путем жеребьевки на публичном заседании Коммуны. В каждом заседании суда «жюри» избирало из своей среды председателя, которому не предоставлялось, однако, права резюмировать прения сторон. Функции общественного обвинителя исполняли прокурор Коммуны и его заместители. Для вынесения обвинительного приговора требовалось 8 голосов присяжных из 12.

Когда при обсуждении соответствующего декрета один из членов Коммуны предложил, чтобы присяжные назначались «из среды избирателей», докладчик (Прото) дал следующее любопытное объяснение допущенного декретом отступления от демократического начала. «Несомненно,—сказал он,—принцип выборности магистратов всеобщим голосованием в будущем должен воплотиться в закон, но мы полагаем, что сейчас, когда нам предстоит избрать мировых судей, членов коммерческого, гражданского и уголовного суда... мы не можем обращаться ко всему гражданскому населению. В данный момент мы ограничиваемся национальной гвардией, среди которой имеются граждане наиболее развитые и преданные нашему делу» ²⁾. (Курсив мой. Н. Л.).

Здесь мы имеем дело с одним из тех случаев, когда неумолимая логика классово-борьбы заставляла Коммуну отступать от принципов последовательной демократии, несуществимых, вообще говоря, в эпоху диктатуры пролетариата.

Вместе с постоянной армией Коммуна уничтожила и старую полицию: несение полицейской службы в округах было возложено на второочередные батальоны национальной гвардии. В центре Комиссия Общественной Безопасности, состоявшая из членов Коммуны, заменила бывшую полицейскую префектуру.

¹⁾ J. Off., 18/IV, 3, 7, 16/V, 28/IV, 13/V, 24/IV, 17/V.

²⁾ J. Off., 23, 25/IV.

Чтобы предотвратить «превращение государственных органов из слуг общества в его повелителей, неизбежно происходившее во всех существовавших до сих пор государствах», Коммуна приняла две наиболее действительные меры. С одной стороны, все должности по управлению, суду и т. д. становились выборными, при чем избиратели могли в любое время сместить не оправдавшего их доверия чиновника.

«Уничтожая те органы старой правительственной власти, которые служили только для угнетения,—говорит Маркс,—Коммуна вырвала из рук этой власти, претендовавшей стоять выше общества, ее законные функции, и отдавала их ответственным слугам общества. Всеобщая подача голосов до сих пор служила народу для выбора каждые три года или шесть лет какого-нибудь члена господствующего класса, который представлял и подавлял народ в парламенте; теперь она должна была служить народу... точно так же, как служит индивидуальное право голоса каждому работодателю для приискания рабочих, надзирателей и бухгалтеров для своего предприятия. Ведь общества точно так же, как и отдельные лица, всегда умеют найти для своих практических предприятий подходящих людей, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро поправить свою ошибку»¹⁾.

Во-вторых, исходя из того соображения, что до сих пор высшие общественные должности, благодаря связанным с ними высоким окладам, являлись предметом домогательств и раздавались по протекции, что в истинно демократической республике не может быть места ни синекурам, ни преувеличенно высоким окладам, Коммуна установила максимальное содержание в 6000 фр. в год для всех чиновников. Вознаграждение членов самой Коммуны не могло превышать этой нормы. Всякое совместительство воспрещалось; чиновники Коммуны, выполнявшие какую-либо работу, помимо своих основных занятий, не могли претендовать ни на какое добавочное вознаграждение²⁾.

В то же время, на-ряду с дворянским званием и связанными с ним пенсиями и рентами, Коммуна уничтожила орден Почетного Легиона и всякого рода отличия.

«Таким образом,—говорит Энгельс,—был положен конец карьеризму и погоне за местами».

Были внесены новые начала в организацию центральной власти. Еще Маркс правильно отметил, что Коммуна «должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией, соединявшей в себе как исполнительную, так и законодательную власть».

¹⁾ «Гражд. война», 50.

²⁾ J. Off., 2/IV, 21/V. (Séance du 19 mai).

Сосредоточивая в руках выборных представителей всю полноту власти, Коммуна была живым отрицанием принципа разделения властей—этого краеугольного камня всех буржуазных конституций, практическое значение которого всюду сводится к тому, что исполнительная власть, приводящая в движение всю государственную машину, становится все менее и менее зависимой от парламентов.

В этом отношении Коммуна возвращалась к лучшим традициям Великой революции, когда Национальный Конвент не только законодательствовал, но и осуществлял исполнительную власть через избранный им самим Комитет Общественного Спасения, бывший как бы ответственным министерством Конвента.

Но механизм центрального управления сложился не сразу. Коммуна все время колебалась между стремлением создать сильную исполнительную власть и опасением превратить ее путем наделения чрезвычайными полномочиями в независимый от пленума орган, в своего рода диктатуру. С другой стороны, наиболее целесообразным взаимоотношением между различными частями административного аппарата выработывалось лишь на практике, часто после ряда ошибок и неудач. Да иначе и быть не могло: Коммуна, как рабочая власть, не имела прецедентов в истории.

Для руководства различными отраслями управления Коммуна выделила из своей среды 10 комиссий: финансов, военную, юстиции, общественной безопасности, продовольственную, труда, индустрии и обмена, внешних сношений, общественных предприятий и просвещения. В каждую из них входило от 5 до 8 членов.

Исполнительная Комиссия, в которую вошло 4 бланкиста, 2 якобинца и один прудонист (Лефрансе), должны были согласовать и направлять деятельность всех других и следить за исполнением декретов, являясь как бы настоящим правительством Коммуны.

Но, благодаря своей оторванности от управления отдельными ведомствами, Исполнительная Комиссия оказалась совершенно бессильной контролировать делегатов, фактически получивших полную свободу действий. Вот как характеризовал ее потом член Коммуны Паскаль Груссе: «Имелась Исполнительная Комиссия, состоявшая из 5 членов... начались всякого рода конфликты; она делала распоряжения, которые не исполнялись; каждая из остальных комиссий, считая себя обладающей полнотой власти, в свою очередь издавала приказы; при таких условиях не могло быть и речи о действительной ответственности Исполнительной Комиссии, которой приходилось употреблять нечеловеческие усилия, чтобы входить во все, а в результате ей не удава-

лось заняться как следует ничем. Неудачная вылазка 3—4 апреля окончательно подорвала ее авторитет».

Чтобы «положить конец ведомственным спорам», Делеклюз внес 20 апреля предложение относительно «радикальной реорганизации» исполнительных органов Коммуны. Согласно принятому затем декрету, исполнительная власть поручалась Коллегии из 9 делегатов, назначенных Коммуной для управления различными ведомствами. Делегаты становились ответственными перед Коммуной за свои распоряжения; в случае надобности, каждый из них мог принимать решения единолично; но, находясь под контролем Коммуны и соответствующей Комиссии, мог всегда быть отозван по предложению последней. Делегаты обязывались представлять Коммуне ежедневные отчеты о своей деятельности.

Делегаты были избраны в том же заседании: 7 из них принадлежали к группе «большинства», лишь два ведомства—финансов, труда и обмена достались прудонистам¹⁾.

На следующий день обсуждался вопрос о реорганизации комиссий. Одни предлагали разбиться по различным комиссиям всем членам Коммуны. Им возражали, что в таком случае все будут вынуждены работать только в центре, и некому будет управлять отдельными округами, нести ответственные обязанности на линии укреплений и т. п. Кюзере, напротив, предлагал уничтожить комиссии и ввести принцип единоличного управления, ограничившись назначением в каждое ведомство по одному делегату. Большинство Коммуны высказалось за сохранение прежней системы. Были избраны 9 новых комиссий по 5 членов каждая.

Однако вторая Исполнительная Комиссия оказалась еще менее способной выполнять функции правительства. Согласно декрету, ее члены должны были собираться ежедневно и обсуждать мероприятия, относящиеся к тому или иному ведомству. Принятые решения докладывались затем в закрытом заседании Коммуны, которая и утверждала их окончательно²⁾.

На практике делегаты, не имея заместителей³⁾, вынуждены были с головой уйти в дела своих ведомств. «Они не встречались друг с другом, даже в Ратуше и потеряли постоянную связь с Коммуной». Тем менее комиссия могла следить за деятельностью отдельных делегатов, проводить какой-либо общий план и приспособлять работу государ-

1) J. Off., 22/IV (Séance du 20 avril). Делегатом военного ведомства был избран Кюзере, юстиции—Прото, общественной безопасности—Р. Риго, просвещения—Вайан, внешних сношений—Груссе, продовольствия—Влар, труда и обмена—Франкель, финансов—Журд, общ. служб—Андрие. (Leif. 257).

2) J. Off., 22, 23 IV; § 4 декрета 20/IV.

3) Вопрос о заместителях делегатов был поднят Делеклюзом в заседании 21/IV, но не встретил поддержки Собрания.

етвенного аппарата к основной задаче момента—отражению версальцев или предлагать Коммуне проекты необходимых декретов ¹⁾).

2-я Исполнительная Комиссия существовала всего 10 дней. В конце апреля форт Исси подвергся серьезной опасности со стороны версальцев. Якобинец Мио потребовал немедленной организации Комитета Общественного Спасения, ссылаясь на серьезность положения и необходимость срочного принятия самых радикальных и энергичных мер. Комитет Общественного Спасения должен был состоять из 5 лиц, ответственных перед Коммуной, но наделенных самыми широкими полномочиями в отношении всех ее делегаций и комиссий. «Обычно обвиняют Коммуну в слабости и недостаточной активности,—говорил Мио.—Необходим Комитет, который сообщил бы новый импульс обороне города, и у которого нашлось бы смелости, в случае необходимости, рубить головы изменникам».

Якобинско-Blanкетское «большинство», всегда преклонявшееся перед традициями Великой революции, горячо поддерживало предложение Мио. «Правительство должно представлять собою нечто целое, — говорил Режер. — Коммуна в том случае окажется способной проявить надлежащую энергию в деле спасения и обороны, если она будет постоянным и правильно организованным правительством... Сейчас ей нехватает именно этой устойчивости, делающей защиту города более координированной... Я настаиваю на спешности обсуждения вопроса».

«Требуется принятие энергичных мер, что может быть выполнено только специальной комиссией, не загруженной деталями управления» (Лео Мейе).—«Я голосую за Комитет Общественного Спасения, как за неизбежную при настоящем положении вещей, революционную меру», заявил Ледруа при поименном голосовании.

Представители «меньшинства» не отрицали необходимости реорганизации исполнительной власти. «Я согласен с Мио,—говорил Верморель,—что необходимо усилить ее контроль и деятельность... Я предложил бы, чтобы исполнительная комиссия, не занимаясь деталями управления и перепиской, как делегаты, была комиссией, осуществляющей право общего контроля»... Арнольд и Лонге внесли предложение о создании особого «исполнительного комитета», который наблюдал бы за немедленным осуществлением декретов Коммуны.

Но прудонисты энергично восстали против самого названия «Комитет Общественного Спасения», усматривая в нем опасное воскрешение диктаторских традиций 93 года.

¹⁾ Дюбрейль, 154.

— «Я хотел бы, — сказал Курбе, — чтобы термины, принадлежащие революции 89 и 93 года, применялись лишь к той эпохе. Теперь они уже не имеют прежнего смысла... Мы представляем эпоху, которая прошла с 93 по 71 год, и в которой должны чувствоваться наши нравы и наш дух... Мы походим на плагиаторов и восстанавливаем, к невыгоде для себя, террор, который не пристал нашему времени. Будем же употреблять термины, которые подсказывает нам наша революция».

— «Я против революционных пародий, — заявил Вайян, выступавший на этот раз в духе «меньшинства». — Я голосую против, так как не люблю бесполезных и смешных наследий». «Более того, я не вижу и людей для этого комитета», — вторил ему Тридон.

— «Я не желаю Коммуне никакой иной диктатуры, кроме ее собственной... Комитет Общественного Спасения означает возврат к монархической системе, — говорил Бабики. — Остен абсолютно отвергает всякий Комитет Общественного Спасения, как «замаскированное самодержавие».

Вопрос обсуждался в течение двух дней, прения носили чрезвычайно бурный характер. При первом голосовании проекта Мио название Комитета Общественного Спасения не прошло: голоса разделились поровну. Но в заседании 1 мая, когда члены Коммуны находились под непосредственным впечатлением от потери форта Исси, организация Комитета Общественного Спасения прошла большинством 34 против 28. За проект в целом голосовало 45 против 23.

По предложению Везинье было принято дополнение к декрету, которое гласило: «Члены Коммуны не подлежат никакой юрисдикции, кроме ее собственной». При поименном голосовании группа в 17 человек внесла мотивированное заявление; в котором говорилось: «Принимая во внимание, что неизбежным следствием учреждения Комитета Общественного Спасения будет создание диктаторской власти, что не придаст Коммуне никакой силы; что эта организация формально противоречит политическим убеждениям массы избирателей; что, наконец, создание Коммуной какой бы то ни было диктатуры было бы со стороны первой настоящей узурпацией народного верховенства, мы голосуем против».

Членами Комитета Общественного Спасения были избраны Арно, Мейе, Ранвье, Пиа и Жерарден ¹⁾.

9 мая Комитет Общественного Спасения был переизбран; теперь в него прошли исключительно сторонники «большинства».

¹⁾ J. Off., 1, 2, 3, 4/V.

Государственному аппарату Коммуны, несомненно, не хватало прочного фундамента в виде массовых рабочих организаций по округам. Мысль о такой организации проскальзывает уже в первом (не принятом) проекте Декларации, одним из авторов которого был Лефрансе.

Помимо работы в пленарных заседаниях Коммуны и ее Комиссиях, члены Генерального Совета должны были управлять теми округами, от которых они были избраны. Кроме того, многие одновременно были командирами национальной гвардии.

Благодаря перегруженности работой, приходилось пропускать заседания Коммуны, происходившие к тому же ежедневно утром и вечером. Число обсуждавших и вотировавших декреты обычно спускалось до 50 человек ¹⁾. К тому же, благодаря непривычке к парламентской работе, заседания велись довольно беспорядочно. Много времени и сил растрчивалось на бесполезные дебаты; лишь в заседании 8 мая был, наконец, поднят вопрос об установлении регламента, о сокращении числа пленумов до 3-х в неделю и предварительной передаче предложений в особую комиссию, для представления доклада, порядке отчетов делегаций и т. п. Лишь 12 мая принимается пожелание об отпечатании и распространении среди членов Коммуны проектов наиболее важных декретов ²⁾.

Как бы то ни было, в течение 72 дней члены Коммуны целиком отдавались сложной и порой неблагоприятной работе. «Мы были переобременены работой,— писал Арну,— изнемогали от усталости, не имея ни одной свободной минуты, ни одного мгновения, когда спокойное размышление могло бы оказать свое благотворное действие».

Была ли Коммуна общегосударственной властью или только управлением автономного города, как хотели того прудонисты, и как не раз старательно подчеркивалось в официальных заявлениях?

«Париж желает только основания республики и завоевания себе своей коммунальной свободы, счастливый тем, что послужит примером для прочих коммун Франции,—говорилось в воззвании «К департаментам» ³⁾. В своей декларации «К французскому народу» Коммуна решительно опровергала обвинения, будто Париж хочет «навязать свою волю... остальной нации и претендует на диктатуру».

В действительности дело обстояло иначе. Будучи формально всего лишь городским самоуправлением, Коммуна фактически осуществляла и функции общенациональной вла-

¹⁾ После дополнительных выборов в Коммуне насчитывалось 82 члена. J. Off., 31/III. Арну, 150—151, 154—155.

²⁾ J. Off., 9, 13/V.

³⁾ J. Off., 7/IV.

ети, узурпируя права Версальского Собрания, избранного всей страной на основе всеобщего голосования.

В самом деле, Коммуна организовала ряд комиссий чисто государственными функциями, в том числе комиссию внешних сношений. Не считаясь с «волей нации», она провела отделение церкви от государства, ни единым словом не оговорив даже, что соответствующий декрет распространяется лишь на Париж. Коммуна отменила, далее, общегосударственный закон о конскрипции. Характерно, что ярый сторонник идеи коммунальной автономии (в ее анархическом смысле) Арну считает, что Коммуна не имела права (!) издавать ни того, ни другого декрета ¹⁾.

Коммуна входила в официальные сношения с иностранными посольствами ²⁾; ее орган назывался «Официальным Журналом Французской Республики».

«Как ни старались политические рутинеры разграничить в действиях восставшего Парижа «вопросы общинные» от «вопросов национальных», — говорит Лавров, — фактическое течение событий заставляло инсургентов принимать на себя все функции воюющего государства, но недостаток определенной заранее программы социалистической партии мешал Коммуне выступить откровенно тем, чем она была на самом деле, и что одно оправдывало исторически ее восстание — мешало ей выступать, как *мятежный пролетариат*, сознательно решивший ниспровергнуть экономическое господство буржуазии» ³⁾.

Впрочем, Коммуна и сама готова была признать, что вышла из пределов своей «автономии». В прокламации «К сельскому населению» (от 28/IV) она писала: «Коммуна принуждена была выйти из границ своих нормальных функций. Попав в положение воюющей стороны, ей пришлось действовать, как правительственной власти ⁴⁾.

В действительности, самое существование Коммуны, как рабочего правительства, и все ее акты были сплошным нарушением старой легальности, как бы ни старались отдельные ее члены удержаться в рамках «законности». Единственное право, на основании которого они действовали, было право революционной диктатуры ⁵⁾.

Коммуна не представляла собой государства советского типа. В противоположность Ц. К-ту, который до известной

¹⁾ Арну, 162. Не менее любопытно мнение на этот счет и одного из новейших историков Коммуны Лепелетье. „Отделяя церковь от государства,—говорит он,—Коммуна сама отделилась от государства“ (Lep. III, p. 319).

²⁾ J. Off., 6/IV.

³⁾ Лавров, 137.

⁴⁾ Enq. Parl., III, 295.

⁵⁾ Троцкий. „Терроризм и коммунизм“, 80.

степени носил характер классовой, пролетарской организации, она была избрана всеобщим голосованием.

В то же время Коммуна, бесспорно, являлась, по выражению Энгельса, «диктатурой пролетариата», а Маркс видел в ней «ту, давно искомую, политическую форму, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда ¹⁾».

Отсюда Каутский делает вывод, что «диктатура пролетариата не противоречит демократии ²⁾».

Но опыт Коммуны показывает, что именно ее демократическая природа мешала ей проводить последовательно диктатуру рабочего класса, для осуществления которой она как раз не нашла нужной политической формы. Правда, в самом Париже революционная обстановка неизбежно «извратила» результаты всеобщего голосования: после массового бегства тьеровской буржуазии и чиновничества, после ухода из Коммуны либералов и радикалов, представлявших оставшиеся в Париже мелко- и средне-буржуазные слои, Коммуна, если не юридически, то фактически не могла считаться общедемократической властью: она стала *рабочим правительством*.

Но совершенно иные результаты могло дать осуществление «коммуналистического принципа» во всей Франции: пока Коммуна оставалась, по выражению Лаврова, «разносословной общиной», применение всеобщего избирательного права повело бы к подавлению пролетариата враждебными ему классами, и в первую голову — реакционной деревней ³⁾.

Это понимали и некоторые из современников. Так, говоря об апрельской декларации Коммуны, Лиссагарэ замечает: «Было ясно, что политическая жизнь существует лишь в нескольких сотнях центральных пунктов... Слабый, неорганизованный, опутанный тысячью пут, деревенский люд может быть управляем только городом, городское население может быть управляемо только Парижем. Поражение всех восстаний в провинции, даже в больших городах, служит достаточным доказательством этому» ⁴⁾.

Конечно, в этих рассуждениях Лиссагарэ еще сказывается бланкистская вера в чудодейственность революционной диктатуры Парижа, но оценка «коммуналистической идеи» дана правильная. И самое поражение Коммуны в Париже в значительной степени объясняется ее боязнью по-рвать с принципом демократизма.

1) „Гражданская война“, 14, 52.

2) Каутский. „Terrorismus und Kommunismus“, S. 55.

3) Стеклов. „Основная беда Парижской Коммуны“, „Коммунистический Интернационал“, № 16, стр. 364—365.

4) Лиссагарэ, 209.

Несомненно, однако, что *вопреки* своей демократической форме, в *тенденции* Коммуна означала именно диктатуру пролетарского населения городов над сельской Францией. Уже самая революция 18 марта, совершенная одним городом, хотя бы и столицей, создала правительство, противопоставившее себя Национальному Собранию, избранному всеобщим голосованием. Это было явным вызовом принципу демократии. И вполне прав был с своей точки зрения радикал Клемансо, когда заявил на совещании мэров с Ц. К-том: «Париж не имеет права восставать против Франции, и должен безусловно принять авторитет Собрания».

Но Коммуна не последовала совету Клемансо. Уже в заседании 29 марта Груссе внес предложение издать декрет о немедленном роспуске Версальского Собрания. «Необходимо, чтобы Собрание сошло со сцены, или же революция должна погибнуть», говорил в том же заседании Вайян.

Правда, идея роспуска Собрания, созванного лишь для ратификации мирного договора, была популярна и в кругах мелкой и средней буржуазии. Но характерно, что даже прудонист Тейс, который хотел, чтобы Коммуна добивалась роспуска Палаты, «не выходя из своих коммунальных прерогатив», отнюдь не предлагал созвать немедленно новое, Учредительное Собрание ¹⁾; а в Декларации Коммуны будущая центральная власть рисуется, как собрание делегатов от вступивших в свободную федерацию французских общин, разделяющих платформу Парижской Коммуны.

Коммуна, — говорит Маркс, — хотела подчинить сельских производителей умственному руководству окружных городов, и обеспечив им в городских рабочих естественных представителей их интересов».

Но, разумеется, этот результат был бы достигнут не путем применения принципа всеобщего избирательного права. Не только в эпоху пролетарских, но и буржуазных революций, подлинное революционное дело творится не в парламентах, хотя бы и избранных с соблюдением всех демократических принципов. Говоря о революции 1871 г., Маркс замечает: «Национальное Собрание было не более, не менее, как одним из эпизодов этой революции, истинным воплощением которой был все-таки вооруженный Париж... Если бы Коммуна водворилась в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинциях ²⁾».

Но «самоуправление производителей» есть уже не та «разнословная община», которой была Парижская Коммуна: оно предполагает устранение эксплуататоров от всякого участия

¹⁾ Дюбрейль, 82—83.

²⁾ „Гражд. война“, 51, 49.

в управлении, что, несомненно, является вопиющим нарушением всех принципов демократии».

В своей декларации «К французскому народу» Коммуна призывала провинцию к дружному сплочению против версальцев, но она защищала завоевания революции 18 марта с оружием в руках, не дожидаясь, пока вся страна высказается против Версальского Собрания, как ни как представлявшего всю страну и деревенскую Францию по преимуществу ¹⁾.

«Всякая революция, — говорит Лавров, — есть диктатура, т.-е. именно потому, что она есть революция, представляет отрицание старой легальности и поддержание силой новой общественной программы... На другой день после победоносной революции неизбежно образуется потребность принудительных отношений к враждебному элементу, необходимости диктаториальных отношений к врагам нового строя» ²⁾.

Пролетарская революция не является в этом отношении каким-то исключением из общего правила.

В эпоху диктатуры пролетариата, т.-е. в переходный период от капитализма к социализму, рабочий класс нуждается в государстве, между прочим, как в орудии для подавления своих врагов; государство продолжает сохранять свой классовый характер. Вот почему в этот период не может быть и речи о предоставлении политических прав и гражданских свобод *всему* населению.

Критикуя проект Готской программы, требовавшей между прочим «свободного народного государства», Энгельс писал Бебелю: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавлять своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве; он нуждается в нем *не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников*, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать» ³⁾.

Репрессии по отношению к врагам пролетарской революции становятся тем более неизбежными, когда классовая борьба переходит в открытую классовую войну.

Для Коммуны такое положение вещей создалось с первых же чисел апреля, когда версальская армия открыла

¹⁾ Троцкий, *op. cit.* 76—77.

²⁾ Лавров. „Парижская Коммуна 18 марта 71 г.“, стр. 141, 143.

³⁾ А. Bebel. „Aus meinem Leben“, II, 322.

военные действия против Парижа. Но Коммуна плохо сознавала, что ее борьба с Версалем была смертельной борьбой восставшего пролетариата против всего капиталистического общества. К тому же парижские революционеры питали, как мы видели, весьма вредные иллюзии насчет исчезновения классового антагонизма при осуществлении коммунальной автономии.

В конце марта и в начале апреля со столбцов социалистической печати настойчиво раздавались призывы к примирению классов. «Теперь всякие разногласия сгладятся, — писал 3 апреля «Официальный Журнал», — потому что все солидарны, потому что никогда не было так мало социальной ненависти, социального антагонизма».

«Особенно не забудьте, — читаем в статье газеты «Коммуна»¹⁾ от 28 марта, — что население такого города, как Париж, состоит из различных элементов: будьте справедливы ко всем классам общества...»²⁾

Но если, как выражается «Официальный Журнал», «классовой антагонизм перестал существовать», Коммуна должна быть наиболее последовательной демократией: все без исключения граждане пользуются одинаковыми политическими правами и гражданскими свободами. В своей апрельской декларации Коммуна выдвинула лозунг «обеспечения за каждым французом возможно более полного проявления его талантов и способностей как человека, гражданина и работника»... «абсолютной гарантии личной свободы, права собраний, печати» и т. д. В заседании Коммуны 2 апреля поднимается вопрос об отмене всех законов, ограничивающих свободу печати, собраний и союзов и вносится проект соответствующего декрета. Коммуна не вынесла, однако, решения по этому вопросу, отложив его до следующего дня. Но оно было сорвано наступлением версальцев³⁾.

Неприятель, стоявший у ворот Парижа, был беспощаден: взятые в плен национальные гвардейцы расстреливались, город подвергся ожесточенной бомбардировке, стреляли даже по госпиталям. Кроме того, враги рабочей революции гнездились внутри города и употребляли все усилия, чтобы внести панику и разложение в ее ряды. «Обстоятельства, — писал Арну, — были ужасны. Шло непрерывное сражение; со всех сторон грозили козни; газеты, почти все находившиеся в руках буржуазии, были органами версальцев, безумолку предвещали падение Коммуны, рукоплескали нашим поражениям, поносили федералистов, сообщали о передвижениях наших войск, — одним словом, открыто вступали в за-

¹⁾ Ее редактировал Милльер.

²⁾ Цитирую по Лаврову, стр. 136.

³⁾ Lefrançais, op. cit., p. 248.

говор с неприятелем, что в городе, находящемся на военном положении, является действительным преступлением, высшей изменой, заслуживающей уголовной кары... Париж кишел версальскими агентами и заговорщиками всякого рода...»¹⁾

В городе существовала тайная организация оставшихся верными тьеровскому правительству национальных гвардейцев. Она субсидировалась из Версаля и готовилась захватить важнейшие стратегические пункты в тот момент, когда все силы национальной гвардии будут стянуты на линию укреплений ввиду решительного наступления со стороны версальцев. Версальские агенты старались проникнуть в военные учреждения Коммуны, чтобы дезорганизовать снабжение; ими же выдается план предполагавшихся к сооружению баррикад; не обошлось дело и без попытки путем подкупа генералов Коммуны захватить какие-либо из городских ворот²⁾.

Обстановка обостренной гражданской войны заставила Коммуну отказаться от принципов либеральной легальности. Якобинцы и бланкисты, хранители традиций 93 года и сторонники революционной диктатуры, настаивали на необходимости репрессивных мер против врагов Коммуны.

«Мы переживаем революционную эпоху, а потому должны действовать революционными средствами и принимать необходимые меры предосторожности»,—говорил Амуру в заседании 24 апреля. Отстаивая необходимость создания особого суда по политическим преступлениям, Филипп говорил в заседании 17 мая: «Мы подвергаемся ударам со стороны беспощадной реакции. Необходимо принять энергичные меры; пусть знают, что мы твердо решили разбить все препятствия, которые стоят на пути к победе революции».

30 апреля якобинец Мио поднял вопрос об организации Комитета Общественного Спасения, который, «если потребуется, имел бы смелость рубить головы изменникам»³⁾.

Представители «меньшинства» считали, что Коммуна должна проводить во всей широте принципы народовластия; они никак не хотели понять, что она является, по выражению Лиссагарэ, «только баррикадой и рассматривали ее, как вполне нормальную Коммуну. Некоторые в своей борьбе против авторитарного принципа доходили до полного самоубийства, они даже ради победы не сделали бы никаких уступок неизбежным условиям борьбы и всегда говорили: «Мы во времена Империи стояли за свободу, и теперь, когда мы стоим у власти, мы не станем скрывать своих убеждений»⁴⁾.

¹⁾ Арну, 187, 184.

²⁾ Лиссагарэ, 273—278, passim.

³⁾ J. Off., 25/IV, 18/V, 3/V.

⁴⁾ Лиссагарэ, 250.

«Мы хотим основать право работников, а это возможно лишь путем убеждения и посредством морального влияния», — говорил Франкель в заседании Федеративного Совета Интернационала 29 марта 1): «Мы должны господствовать над нашими врагами нравственной силой», проповедывал Верморель.

Точка зрения «меньшинства» выявилась особенно ярко во время прений по вопросу о секретно содержавшихся арестованных по политическим делам. «Есть только один правильный путь при разрешении вопросов, — говорил Арну: — надо исходить из принципиальных соображений. Весьма неприятно, став у власти, изменять знамени, которое высоко держал всю жизнь. «Опять то же самое», — будут говорить в публике. Мы — республиканцы-демократы и социалисты, а потому не должны пользоваться теми средствами, которые употребляли деспоты...»

Арну решительно протестует против дальнейшего сохранения такой меры пресечения, как одиночное заключение, считая его безнравственным. «Это своего рода моральная пытка, заменившая физическую... Наше достоинство требует, чтобы мы немедленно постановили, что такая форма заключения ни в каком случае недопустима... мало того: даже предварительное следствие должно вестись публично... Одно из двух: либо секретное заключение есть вещь необходимая и хорошая, или — гнусная. Если верно первое, нечего на него нападать, если она гнусная и безнравственная, то мы не должны ее сохранять».

Речь Арну вызвала меткую реплику Риго: «Я отвечу Арну, что война тоже безнравственна, и, однакоже, мы воюем».

«Столько лет повторяли нам эти слова: «потом». Когда события совершатся, тогда вы будете пользоваться свободой, равенством и т. п. — возмущался прудонист Тейс, — мы протестуем против подобной постановки вопроса».

Журд, который разошелся в этом вопросе с «меньшинством», подошел к вопросу практически: «Мы находимся, — сказал он, — в состоянии войны, и нам приходится применять исключительные приемы. Нечего заниматься платоническими теориями. Я хотел бы всяческих свобод: свободы печати, собраний, сделок, свободы открыто быть легитимистом, даже бонапартистом. Но обстоятельства часто неумолимы, и нам приходится им покоряться. Я требую все же, чтобы содержание секретных арестованных было сохранено» 2).

Еще 29 марта Коммуна лишила муниципалитеты права расклейки прокламаций вне пределов их округов и катего-

1) „Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars“, I, p. 240. II

2) J. Off., 25/IV.

рически запретила распространение всякого рода актов, исходящих от версальского правительства, под угрозой строжайшего наказания нарушителей этого приказа.

Борьбу против контр-революционной прессы Коммуна начала с увещаний. 4 апреля в «Официальном Журнале» было напечатано: «В то время, как льется кровь и наши братья вырезаются жандармами и версальскими сыщиками, редакция «Paris Journal» с остервенением продолжает распускать злостные клеветы по адресу Коммуны и геройской национальной гвардии. Ложь и преступление утверждать, будто «Париж объявил войну Франции»; ложь, будто национальные гвардейцы расстреляли парламентаря; в действительности было как раз наоборот: наши подверглись вероломному нападению неприятеля, который поднял ружья прикладами вверх, чтобы обмануть бдительность национальной гвардии.

Свобода печати не означает права, умело пользуясь газетой, удваивать ужасы борьбы, которую не Париж начал, но в которой он сумеет обеспечить торжество Республике и Коммуне»¹⁾.

Разумеется, подобного рода наставления не производили на буржуазные органы ни малейшего впечатления, и они продолжали свою клеветническую кампанию против Коммуны. Пришлось перейти к репрессиям. 5 апреля, по распоряжению Комиссии Общественной Безопасности, были конфискованы номера трех газет. Затем конфискации и закрытия происходили не раз в силу приказа полицейской власти или по постановлению самой Коммуны. Так, в «Официальном Журнале» от 19 апреля было напечатано: «Принимая во внимание, что невозможно терпеть в осажденном Париже газеты, которые открыто проповедают гражданскую войну, сообщают неприятелю сведения военного характера и распространяют клеветнические измышления против защитников республики, Коммуна постановила закрытие газет «Вечер», «Колокол», «Национальное Мнение» и «Общественное Благо»²⁾.

Приказами делегата Общественной Безопасности 6 и 11 мая было закрыто еще 12 газет. Один из них мотивировался, между прочим, тем, что версальское правительство воспрещает издание и распространение газет, которые отстаивают революционные принципы, выдвинутые Коммуной.

Но запрещенные газеты появлялись под другими названиями, или даже продолжали выходить и открыто продаваться. Нерешительные преследования не достигали, таким образом, цели. Правда, еще в заседании 21 апреля Амуру предлагал закрыть на время войны все газеты, кроме «Оффи-

¹⁾ J. Оп., 4/IV.

²⁾ Ib. 19/IV.

циального Журнала». Но Коммуна не пошла так далеко. Наиболее крайней мерой, принятой против печати, был приказ Комитета Общественного Спасения от 17 мая, которым не только закрывались 10 новых газет ¹⁾, но и вводился ряд решительных ограничений. Воспреещался до окончания войны выпуск новых газет или других периодических изданий. Отныне все статьи должны были помещаться за подписью их авторов. Виновные в нападках на республику и Коммуну подлежали преданию военному суду. Владельцы типографий, уличенные в нарушении настоящих постановлений, преследовались как соучастники, их станки должны были быть опечатаны ²⁾.

Говоря о нарушениях Коммуной свободы прессы, Арну безнадежно путается в противоречиях. С одной стороны, он пишет: «Осажденный город не может допустить, чтобы в нем выражали пожелания его гибели, чтобы побуждали его защитников к преступлению, сообщали неприятелю о движении его войск».

И в то же время, считая, что конфискации и запрещения не достигают своей цели и только компрометируют Коммуну, он предлагает привлекать журналистов к суду за сообщение неприятелю сведений военного характера или за устройство заговора на гибель Коммуны, но предоставить печати неограниченную свободу критики действий, политики Коммуны ³⁾.

Таким образом, Арну думал сохранить неприкосновенность «прирожденных» прав, и, в частности, права «свободно выражать свои мысли словом и пером». «Никогда не нужно забывать, что власть—временное явление для партии, какова бы она ни была, что сегодняшние победители завтра будут побеждены, что за пределами уважения к праву и справедливости существует только хаос, гибель и гонения, безо всякой пользы для свободы» ⁴⁾.

¹⁾ J. Off., 6/V, 11/V. Всего с 15 апреля по 19 мая было закрыто 36 периодических изданий. Приостановка ряда газет вызвала, между прочим, протест делегатов от парижских типографских рабочих. «Опираясь на Декларацию Коммуны к французскому народу, гарантировавшую все свободы, „среди которых свобода печати является наиболее важной, и из которой проистекают все прочие“; ссылаясь, далее, на то, что с закрытием газет лишились заработка 5 тысяч рабочих, делегаты выражали надежду, что Коммуна отменит свой декрет. (Lanjalley et Corriez, 368—369). Да, история повторяется, скажешь себе еще раз, прочтя это заявление печатников, продиктованное узко-профессиональными интересами этой категории рабочих!

²⁾ J. Off., 12/V. Лавров, 147, Лиссагарэ, 300—301; J. Off., 23/IV, 19/V.

³⁾ Аналогичной точки зрения держится и Лефрансе, по мнению которого редакторам газет следовало предоставить полную свободу клеветать на членов Коммуны, но заявить, что за первую же статью, призывающую к измене, ответственный редактор будет расстрелян „по праву законной самозащиты“ (Lefr., 269).

⁴⁾ Арну, 187—191, passim.

Как известно, самая терпимая тактика никогда не гарантирует побежденную революционную партию от применения к ней самых свирепых репрессий со стороны восторжествовавшей реакции. В частности, можно с уверенностью сказать, что, если бы Коммуна не совершила ни одного акта нарушения свободы печати, все равно, со взятием Парижа все левые газеты, не говоря уже о социалистических, были бы закрыты. С другой стороны, злостная критика, полная клеветнических измышлений, дезорганизовала ряды коммунаров не меньше, чем измена, заговоры и т. п., а судебное преследование отдельных журналистов является в обстановке скрытой гражданской войны мало действительным оружием.

Вообще, оставаясь на почве «либеральной легальности», Коммуна, как правильно указывает Лавров, не могла оправдать «гонений» на печать. Что касается предложений вроде тех, что делали потом Арну или Лефрансе, то «подобная казуистика не имела бы никакого действия, особенно потому, что правительство Коммуны состояло из людей, которые никогда не привели бы в действие такой угрозы, и что этого правительства враги не боялись»¹⁾.

Та же неумолимая логика вещей, которая вынудила Коммуну прибегать к нарушению свободы печати, приводила и к нарушению права собраний, стеснению личной свободы и т. п. Так, например, 6 апреля Исполнительная Комиссия воспретила собрание в помещении Биржи, которое предполагало создать радикальные элементы, начавшие кампанию в пользу необходимости соглашения с Версалем.

С 15 мая, по распоряжению Комитета Общественного Спасения, все граждане обязаны были, под угрозой ареста, иметь при себе удостоверения личности с указанием на их имя, фамилию, профессию, возраст, а также ту часть национальной гвардии, в какой они числились²⁾.

По приказу Коммуны производились массовые обыски и аресты в целях разоружения дезертиров, арестовывались и содержались в секретных камерах лица, подозревавшиеся в сношениях с Версалем. Всего за 2 месяца существования Коммуны, по распоряжению Комиссии Безопасности, было произведено 1300—1400 арестов³⁾.

Рядом декретов Коммуна стремилась положить конец самочинным и произвольным арестам, обыскам и реквизициям. Она поручила своему делегату юстиции Прото принять все меры, необходимые для обеспечения личной свободы всех граждан. В силу постановления Коммуны относительно расследования всех арестов, произведенных Ц. К-том и Комис-

¹⁾ Лавров, 147—148.

²⁾ *Mur. Pol.*, II, 197. J. Off. 15/V.

³⁾ $\frac{2}{3}$ из этого числа арестованных приходится на дезертиров и уличных гуляк, задержанных всего на несколько дней или даже часов.

сией Безопасности, Комиссия Юстиции получила предписание немедленно представить сведения о числе таких арестов, их основания и распорядиться об освобождении заключенных, или дать дальнейший ход их делу.

Декрет 14 апреля предписывал о каждом произведенном аресте немедленно сообщать делегату юстиции, который после допроса должен оформить дальнейшее задержание. Всякий арест, о котором делегат юстиции не был извещен в течение 24-х часов, объявлялся незаконным, а лица, его производившие, подлежали законному преследованию. Под угрозой ареста воспрещались всякого рода обыски и реквизиции без получения приказа от компетентных на то органов.

Пяти страховым компаниям и газовому обществу были возвращены их кассы, реквизированные национальными гвардейцами.

Другой декрет обязывал при производстве арестов немедленно составлять протоколы, а все бумаги и вещи арестованных сдавать в сохранную кассу. Смотрители тюрем и арестных домов, не упомянувшие в акте о задержании причин ареста, подлежали ответственности за незаконное лишение свободы.

В заседании 23 апреля было постановлено, что все члены Коммуны имеют право доступа в тюрьмы и другие общественные учреждения ¹⁾).

Но в общем все эти декреты плохо исполнялись.

Почти все, писавшие о Коммуне, сходятся в том, что Комиссия Общественной Безопасности, во главе которой стоял сначала бланкист Риго, а потом Курне и Ферре, оказалась далеко не на высоте задачи. Распоряжения ее делегатов не всегда были целесообразны. «Организованной службы здесь никогда не было, — писал Малон, — хватали направо и налево, никогда не арестовывая действительно опасных людей. Между тем желавшие низвергнуть Коммуну посредством внутреннего восстания без помехи составляли заговоры, чуть-чуть не организовали армию недовольных в Париже... А делегаты безопасности ничего не знали... Ни один из главарей не был арестован». — «Полиция, — говорит Арну, — которая, наряду с военным делом, была слабым местом Коммуны, почти всегда ускользала от контроля Коммуны и представляла некоторым образом государство в государстве. Аресты делались без разбора, почти всегда невпопад. Истинные агенты Версаля ускользали от преследований, или, будучи арестованы, на другой день выпускались, большей частью, неизвестно кем и как... Бывшему главнокомандующему национальной гвардией, смещенному Ц. К-том за неспособность и аресто-

¹⁾ J. Off., 1. 7, 15, 19/IV, 23/IV. Lanj. et Corr., p. 169.

ванному по подозрению в измене, дважды удалось бежать из заключения».

Все же и Арну признает, что делегаты Общественной Безопасности в меру своих сил и уменя «оказали выдающиеся услуги тому делу, за которое они умерли» ¹⁾.

После того, как захваченные в плен во время вылазки 4—5 апреля национальные гвардейцы были расстреляны версальцами без всякого суда, а правительство Тьера отказалось признать коммунаров воюющей стороной и заявило, что будет рассматривать их как простых мятежников, — Коммуна издала декрет о заложниках.

Таковыми объявлялись все находящиеся в Париже лица, которые приговором особого политического трибунала будут признаны виновными в сношениях с версальским правительством. Заложники содержатся в тюрьме. В декрете объявлялось, что, в случае повторения расстрелов пленных коммунаров, за каждого из них будет расстреляно трое заложников по жребию. Декрет мотивировался тем, что «версальское правительство открыто попирает ногами права гуманности и обычай войны...», что представители Парижской Коммуны, которым вверена участь двух миллионов граждан, обязаны защищать их жизнь и честь и немедленно принять все требуемые создавшимся положением меры».

«Всегда великодушный и справедливый даже в порывах гнева, — писал «Официальный Журнал», — народ питает отвращение к кровопролитию, как и к гражданской войне, но его долг принять меры самозащиты против достойных дикарей посягательств своих врагов, и какой бы то ни было ценою он воздаст око за око и зуб за зуб» ²⁾.

На основании декрета было арестовано 260 заложников. На время расстрелы пленных версальцами прекратились, и декрет не применялся. 17 мая была изнасилована и расстреляна одна из санитарок национальной гвардии. Р. Риго внес тогда проект организации специального трибунала по политическим преступлениям, приговоры которого приводились бы в исполнение в течение суток. Амуру потребовал, чтобы закон о заложниках был, наконец, применен, предлагая расстрелять в первую голову арестованных, в качестве заложников, попов.

Но Коммуна ограничилась постановлением о немедленном приведении в исполнение своего декрета от 5 апреля и перешла к очередным делам. До вступления версальцев в Париж никто из заложников не был расстрелян. Лишь в

¹⁾ Malon. La troisième défaite du prolétariat français, p. 173. цитирую по Лаврову, 149). Арну, 184—185.

²⁾ J. Off., 6/IV.

последние дни, когда Коммуны фактически уже не существовало, 64 заложника были расстреляны по приказанию отдельных должностных лиц.

Таким образом, и здесь Коммуна не проявила достаточно решительности. К тому же серьезных заложников в ее руках и не было.

В числе 260-ти было всего 4—5 видных лиц из духовенства (в том числе парижский архиепископ Дарбуа и его викарий), председатель кассационного суда и инициатор пресловутой мексиканской экспедиции банкир Жекер. Остальные были мелкие сошки: священники, несколько отцов-иезуитов, жандармы, пристава, несколько шпионов и пленнх версальской армии¹⁾. «Все выдающиеся реакционеры давно уже убрались» в результате поразительной беззаботности и прекраснодушия, проявленных в первые дни революции Ц. К.-том.

Судьба таких заложников мало беспокоила Тьера, и опасения за их жизнь не могли помешать «подлым жестокостям какого-нибудь Галифэ или Винуа».

Несмотря на все свое «отвращение» к смертной казни, представитель «меньшинства» Арну считает, что декрет о заложниках «оправдывался всеми обычаями войны». «Мы имели право,—говорит он,—применять всевозможные средства, чтобы защитить героев—солдат Коммуны против версальских убийц». Но он полагал, что за неимением в руках Коммуны «серьезных заложников, декрет не мог иметь практического значения»; в революции очень опасно и неблагоприятно угрожать врагу, которого нельзя поймать. Тьер не проводил через Собрание никакого декрета производить те массовые расстрелы пленнх, которые были потом совершены версальскими солдатами в завоеванном Париже. Коммуна, напротив, открыто заявила о своем решении, которое не проводилось в жизнь, никого не испугало, но было превосходно использовано ее врагами²⁾.

Маркс также признает, что после расстрелов пленнх национальных гвардейцев, Коммуне «не оставалось ничего более, как прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников»³⁾.

Коммуна приняла ряд репрессивных мер и против отдельных категорий врагов революции.

¹⁾ Коммуна предлагала обменять трех главных заложников на одного Бланки, томившегося в Кагорской тюрьме, но Тьер не согласился; по его словам, „это значило бы послать на помощь восставшим целый армейский корпус“.

²⁾ J. O. 6/IV; 18/V. Лавров, 151—152. Лиссагарэ, 194—195, 231, 233. Арну, 167—169 (pas.).

³⁾ Маркс. „Гр. война“, 69.

Еще Ц. К-т издал приказ немедленно расстреливать передетых жандармов и стражников, уличенных в провокационной стрельбе по прусским линиям. С открытием военных действий со стороны версальцев был издан декрет о предании суду членов правительства во главе с Тьером. На их имущество, находившееся в Париже, был наложен секвестр. В ответ на угрозы Тьера бомбардировать Париж в начале мая состоялось постановление о конфискации его движимого имущества и срытии тьеровского особняка ¹⁾.

По распоряжению делегатов отдельных ведомств арестовывались служащие и чиновники за скрытый саботаж или попытки сорвать уже налаженную работу. 20 мая был издан приказ Комитета Общ. Спасения о предании военному суду лиц, пытающихся путем подкупа вербовать в Париже сторонников Тьера или принявших от них деньги.

Накануне Коммуна издала декрет о предании военному суду всех чиновников и поставщиков, виновных во взяточничестве, растратах или воровстве, при чем единственным наказанием могла быть лишь смертная казнь ²⁾.

Итак, в борьбе с контр-революцией Коммуна отступала от либеральных начал, применяла репрессивные меры к своим политическим противникам, практиковала своего рода террор. В эпоху диктатуры революционная власть не может признавать за своими противниками права на пользование гражданскими свободами. На это указал еще Маркс, когда писал в «Гражданской войне»: «Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались подкупками и заговорами проникнуть в него. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как при глубоком мире, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны было таково же по духу, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты «Партии Порядка» в Париже и газеты Коммуны в Версале ³⁾.

Но политика репрессий проводилась непоследовательно, нерешительно, подчас она лишь укрепляла врагов Коммуны. Ее деятели недостаточно сознавали, что революция неизбежно связана с применением насилия. Полемизируя с анархистами, Энгельс писал: «Видали ли когда-нибудь революцию эти господа (анти-авторитаристы)? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только

¹⁾ Gagnière. Hist. de la presse, 75. J. O. 11/V. Найденные в особняке книги и предметы искусства подлежали передаче в национальную библиотеку и музеи, белье—в госпитали; вся прочая движимость должна была быть проданной с аукциона в пользу жертв гражданской войны. На месте, где стоял дом, предполагалось разбить сквер. (J. O., 16/V).

²⁾ M. Pol. II, 81. J. O. 3, 22/IV, 20, 21/V.

³⁾ „Гр. война“, 58.

возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия, по необходимости, бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась больше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, *поричать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?*» ¹⁾

Даже бланкисты как бы позабыли завет своего учителя, рекомендовавшего после захвата власти неуклонно проводить принцип: «Никакой свободы врагам революции!» и «вложить кляп в рот капиталу».

Коммуна не понимала, что буржуазное общество может сдать свои позиции только после жестокой и упорной борьбы; что нерешительность в подавлении классовых врагов ведет только к излишним жертвам. «В настоящем общественном строе,—говорит Лавров,—выгоды, которыми пользуется господствующее меньшинство, слишком значительны, чтобы существовала для предстоящей социальной борьбы хотя малейшая надежда добровольной уступки этих выгод; их будут отстаивать всеми силами. Да разве когда-либо обладатели господства в обществе уступали это господство, не отстаивая его кровью? Разве можно было ожидать, что версальское собрание уступит даже самым скромным требованиям Парижа, если не будет к этому принуждено?.. Разве не Версаль начал борьбу? А если борьба, кровавая, насильственная борьба была неизбежна, разве она не ограничилась бы меньшим числом жертв, если бы была ведена и энергически и быстро с самого начала?» ²⁾

Тот же Лавров совершенно правильно указал, что для победы над старым капиталистическим миром одних террористических мер, без уничтожения материальной основы господства буржуазии, недостаточно.

«Париж богатых буржуа и нищих пролетариев, как разносословная, политическая община, требовал во имя либеральных начал полной свободы слова, собраний, критики правительства и т. д. Париж, совершивший революцию в пользу пролетариата и поставивший своею задачею осуществить эту революцию в учреждениях, Париж, как община эмансипированного рабочего пролетариата, требовал революционных, т.-е. диктаториальных мер относительно врагов нового строя. Большинство Коммуны во имя революционных традиций

¹⁾ Цитирую по кн. Ленина „Государство и революция“, изд. Петр. Сов., стр. 58—59.

²⁾ Лавров, 225—226.

склонялось к последним мерам, не замечая, что все они будут совершенно бессильны, пока Париж останется разносословной политической общиной, где большинство материальных средств останется в руках враждебной буржуазии».

Раз произведена экспроприация экспроприаторов, — продолжает Лавров, — меры насилия и принуждения становятся излишними. «Если бы социальная революция совершилась, «экономическое равенство» установилось, и весь материал общественной силы находился бы в руках победоносного пролетариата и его выборных, то самая широкая личная свобода не могла быть несколько вредна Коммуне. Лишенные личных денежных средств и материального влияния, враги пролетариата, составляя едва заметное меньшинство, едва ли были бы в состоянии собрать около себя убежденные самоотверженные группы приверженцев для своих демонстраций, газет, брошюр, сношений с врагами города»¹⁾...

В такой категорической форме с приведенным выше положением Лаврова можно согласиться лишь постольку, поскольку пролетариат становится у власти и социализирует средства производства во всех или, по крайней мере, в важнейших капиталистических странах. Правильнее было бы сказать: чем решительнее произведена экспроприация буржуазии, тем менее необходимыми становятся репрессивные меры по отношению к бывшим господствующим классам. Историк Коммуны, несомненно, недооценивает здесь силу сопротивления буржуазии. В наши дни, в эпоху пролетарской революции в России, мы могли убедиться на опыте, что экспроприация помещиков и буржуазии, произведенная даже в государственном масштабе, отнюдь не избавила Советскую власть от необходимости вести трехлетнюю гражданскую войну.

Разбитая в центральной России, лишенная власти и собственности, буржуазия сумела перенести борьбу в хозяйственно отсталые районы и сплотить — при энергичной поддержке (деньгами, людьми и снаряжением) со стороны западно-европейского капитала — все недовольные элементы для наступления на советскую республику. С другой стороны, значительная часть русских буржуа успела эмигрировать, вывезти свои капиталы за границу и, пользуясь полным содействием как правительства Антанты, так и Германии, создать внушительные контр-революционные организации, имеющие свои нелегальные отделения или агентов в советской России, постоянно подготовляющие заговоры и восстания против Советской власти и т. д.

Итак, пока «экспроприация экспроприаторов» ограничивается пределами одной страны (не говоря уже об одном

¹⁾ Лавров, 140—141.

городе, хотя бы и столице!), пока силы контр-революции постыдно питаются активной поддержкой международного капитала, буржуазия далеко не может считаться обезвреженной, а, следовательно, еще не приходится говорить, что всякие стеснения личной свободы в отношении представителей бывших господствующих классов стали излишни.

Сам Лавров отнюдь не рекомендует предоставлять буржуазии политические права после социалистической революции. «Если бы революция,—говорит он вслед за приведенными выше строками,—признала себя откровенно революцией *пролетариата*, немедленно организовалась в общину рабочего класса, принимая в ее среду лишь тех, которые вступили бы под знамя социальной революции, и *решительно устраняя из своей среды все элементы, враждебные рабочему пролетариату*, были бы устранены и все претензии врагов рабочей коммуны на *равноправность, как граждан разнословного Парижа*» ¹⁾.

Но без политических прав личная свобода, разумеется, явилась бы для буржуазии весьма слабым утешением, но в то же время была бы ею прекрасно использована для подготовки новой борьбы против рабочей власти.

Глава VI.

Социально-экономическая политика Коммуны.

а) Рабочая политика.

Рабочее правительство, каковым была Коммуна, не могло проводить свою рабочую политику вне контакта с пролетарскими организациями. Интересно, поэтому, выяснить, что представляли собою последние при Коммуне.

Заранее оговоримся, что наши источники дают на этот счет весьма скудные и отрывочные сведения. Протоколы заседаний Федерального Совета Интернационала, напечатанные в III томе Парламентской Анкеты по поводу революции 18 марта, обрываются на 29 марта; приходится довольствоваться случайными заметками о деятельности парижской группы, попадавшими на страницы «Официального Журнала»; столь же скудны и имеющиеся у нас данные о жизни профессиональных союзов (рабочих синдикальных камер).

Читатель уже знаком с позицией, занятой Интернационалом после революции 18 марта, в период диктатуры Ц. К-та. С избранием Коммуны, куда вошло 17 членов парижской группы, перед интернационалистами встала задача опреде-

¹⁾ Лавров, *op. cit.* с. 141.

ления линии своего поведения в Городском Совете. Прения, происходившие в заседании Федерального Совета 29 марта, т.-е. всего за два дня до начала военных действий, еще раз свидетельствуют о том, что и в этот ответственный момент у Интернационала не было понимания ближайших задач, стоявших перед пролетарским правительством.

«Один из важнейших вопросов, которым мы должны заняться,—говорит Бертен,—это вопрос социального устройства; наша революция совершилась. Отложим же в сторону винтовку и возьмемся снова за рабочие инструменты».

«Не мешает быть настороже, — робко пытается возразить Гулле, но сейчас же встречает отпор со стороны Гаме и Франкеля.—Организовать защиту легко, труднее справиться с восстановлением работ. Возьмемся за свои инструменты; при первом же звуке барабана мы сумеем снова вернуться к оружию».—«Я присоединяюсь к этому мнению. Наша задача—заложить фундамент рабочего права, а это право устанавливается только путем морального давления и убеждения. Предоставим деспотам добиваться при помощи картечи уважения к праву, которое они понимают по-своему». Слова последнего оратора были встречены сочувствием¹⁾.

Итак, в то время, как в 18-ти километрах от рабочего Парижа спешно организовывалась версальская армия для разгрома пролетарской революции, вожди Интернационала собрались перековать меч на молот!

Предоставляя якобинцам и бланкистам организовать дело обороны революции, интернационалисты готовы были, однако, принять участие в экономическом строительстве Коммуны. В том же заседании 29 марта, по предложению Франкеля, была избрана комиссия из 7 лиц, которая должна была играть роль посредника между Коммуной и Федеральным Советом. Мы ничего не знаем, однако, о деятельности этой комиссии, кроме того, что 20 мая (!) она обратилась ко всем секциям с приглашением прислать в кратчайший срок все исходящие как от отдельных лиц, так и от коллективов предположения, которые желательным было бы представить на одобрение Коммуны²⁾.

Более определенно влияние Интернационала на деятельность Коммуны сказалось путем участия отдельных его членов в работах Комиссии Труда и Обмена, состоявшей почти сплошь из интернационалистов.

Что касается контроля над деятельностью социалистической фракции в Коммуне, то Федеральный Совет осуществлял его, повидимому, недостаточно энергично, вмешавшись, как мы видели, лишь по поводу выхода «меньшинства» из Ком-

¹⁾ Enq. Parl., III, 239—240.

²⁾ Enq. Parl. III, 240. J. Off., 11/IV, 21/V.

муны. Отдельные секции продолжали собираться и обсуждать социально-политические вопросы, выступая иногда с самостоятельными предложениями, которые они рекомендовали вниманию Коммуны. Секция Берси (Bercy) выпускала собственную газету «Революция», между тем как Федеральный Совет, несмотря на неоднократные пожелания, так и не поставил своего органа, в котором «пропагандировались бы идеи Интернационала» ¹⁾.

19 мая в «Официальном Журнале» появилось воззвание к железнодорожным рабочим станций Иври и Берси, исходящее от группы железнодорожников—членов Интернационала. «Революция,— читаем в воззвании,— которую мы только что совершили после стольких насильственных потрясений... является прежде всего *социальной революцией*. Теперь дело идет не о перемене династии или организации чисто формальной, умеренной республики с сохранением монархических учреждений,—нет, теперь предстоит установить прочный политический порядок, при котором осуществились бы все наши социальные требования.

Вчерашние рабы, а ныне свободные, мы все должны немедленно объединиться для окончательного завоевания законного права, которое до сих пор не хотели признавать за нами капиталисты и монополисты,—*право жить, работая*.

Мы обращаемся с призывом ко всем нашим братьям—рабочим станций Иври и Берси и приглашаем их стать вместе с нами под знамя Интернационала, чтобы путем свободного обсуждения совместно изучать и изыскивать средства, которые ускорили бы дело нашего освобождения» ²⁾.

Что касается организационного строительства, то к концу существования Коммуны Парижская Федерация объединяла 28 секций ³⁾.

Подробный новый устав федерации, представленный на обсуждение Федерального Совета в заседании 29 марта и пересланный затем на заключение отдельных секций, мало отстает от тех принципов, на которых строилась организация парижской группы в последние годы Империи и после революции 4 сентября.

Правда, в основу организации определенно кладется чисто территориальный принцип. «Секции,—гласит ст. 2,—организуются в Париже и Сенском департаменте по округам, кварталам и коммунаам».

Но ст. 27-я допускает присоединение к Федерации целых профессиональных союзов, которые получают наряду с секциями представительство в Федеральном Совете (ст. 27, 38);

¹⁾ J. Off., 11/V. Enq Parl., III., 240.

²⁾ J. Off., 13/V.

³⁾ J. Off., 24/V.

кроме того, согласно уставу, Федеральный Совет обязан связаться с Федеральной Палатой рабочих обществ (Ц. Бюро проф. союзов), путем взаимного делегирования 3-х представителей в целях обеспечения необходимого, в интересах рабочих, единства действия (ст. 39).

В нарушение старо-прудонистских традиций устав допускает в члены секций, наряду с рабочими физического труда и служащими, также и «граждан, которые, не будучи людьми физического труда, разделяют и отстаивают принципы Интернационала». Но прием интеллигентов секцией обуславливается согласием Федерального Совета (ст. 6).

Весь устав построен на федеративном принципе, сводящем до минимума роль Федерального Совета, как объединяющего органа. Каждая секция, представленная в Федеральном Совете пропорционально числу членов, сохраняет свою автономию не только в вопросах внутренней организации: она может самостоятельно принимать и опубликовывать резолюции, программы, манифесты, лишь доводя о них до сведения Федерального Совета. В тех случаях, когда соответствующее решение секции не будет принято во внимание Федеральным Советом, оно может быть оглашено в печати лишь при условии, что секция возьмет на себя индивидуальную ответственность за содержание данного документа (§§ 4, 23).

Функции Федерального Совета сводятся к представительству парижских секций в Международном Товариществе Рабочих, пропаганде идеи Интернационала в департаментах путем послышки специальных делегатов, приему новых секций, передаче на рассмотрение всей организации вопросов, возникших в Совете или поднятых отдельными секциями и т. п.

«Обсуждая поступающие к нему предложения, Совет принимает решения лишь по тем из них, которые носят чисто административный характер, передавая все прочие на обсуждение и решение всех секций» (§§ 19, 24, 26).

Только с согласия большинства секций Федеральный Совет может исключать из Федерации ¹⁾, принимать резолюции, формулировать программу и т. п. от имени парижских секций; в противном случае последние не ответственны за выступления Совета (§ 21). «В целях упрочения уз солидарности, для обсуждения политики Совета и определения общей линии поведения, раз в три месяца созывается Общее Собрание членов всех секций (§ 37) ²⁾.

Таким образом, и по новому уставу Парижская Федерация оставалась децентрализованной организацией, совершен-

¹⁾ Приостановить деятельность отдельной секции мог только Генеральный Совет, а исключить из Интернационала — только Международный Конгресс (§ 20).

²⁾ Enq. Parl., III, 231—235.

во не приспособленной к быстрому принятию решений и планомерному руководству выступлениями пролетариата.

Совместно с Ц. К.-ом 20-ти округов Федеральный Совет послал несколько своих уполномоченных в провинцию.

В заседании Совета 29 марта было, между прочим, решено просить Генеральный Совет о назначении ближайшего конгресса Интернационала на 15 мая в Париже ¹⁾.

Несмотря на сокращение числа занятых в производстве рабочих с 600 тыс. (по данным 1870 г.) до 114, из которых 62.500 были женщины ²⁾, и другие неблагоприятные условия,—в виде понижения заработной платы предпринимателями, — профессиональное и кооперативное движение продолжало развиваться и при Коммуне.

Возникают новые синдикальные камеры и рабочие кооперативы, втягивая в движение наиболее отсталые профессии. 27 апреля состоялось общее собрание рабочих, занятых на свечных заводах; было решено организовать синдикальную камеру и кооперативное общество.

В 20-х числах мая приступают к организации своего профессионального союза рабочие-мясники, надеясь с помощью организации «положить конец хозяйской эксплуатации».

В порядке дня предлагаемого общего собрания стояло: 1) выборы Совета камеры, 2) чтение устава, 3) уничтожение эксплуатации рабочего хозяевами, 4) распределение работы, 5) закрытие рынков по воскресеньям летом в полдень, а зимой в 2 часа дня ³⁾.

Этот интересный документ дает некоторое представление о тех вопросах, которые обсуждались на общих собраниях синдикальных камер.

Тяга к профессиональной организации замечалась и среди женщин-работниц. В Париже имела революционная женская организация—«Женский союз для защиты Парижа и помощи раненым», во главе которого стояли женщины-социалистки, в том числе несколько работниц ⁴⁾. Комиссия Труда и Обмена поручила Союзу организовать работу женщин в Париже и создать женские синдикальные камеры, объединив их в Федеральную Палату Работниц. С этой целью Ц. К. Союза выпустил воззвание, приглашавшее всех работниц явиться 17 мая в здание Биржи для выбора делегатов от каждой профессии в Совет соответствующих синдикальных камер, каждая из которых должна, в свою очередь, послать по две делегатки в Федеральную Камеру Ра-

¹⁾ Enq. Parl., III, 240.

²⁾ Bourgin, „Histoire de la Commune“, p. 131.

³⁾ J. Off., 25/IV, 21/V.

⁴⁾ Аделаида Валентен, Селина Дельвенкье, Жозефина Пратт и др.

ботниц. 2-е собрание, которое должно было быть окончательным, было назначено на 21 мая, но не состоялось¹⁾.

Из списка рабочих организаций, представленного Коммуне, видно, что в Париже имелось 34 синдикальные камеры, 43 производительные кооператива, 7 потребительских обществ и 4 кооперативных ресторана²⁾.

Уже существующие рабочие организации расширяют свои задачи. С 23 марта союз каменотесов приступил к организации помощи своим членам на случай увечий. Созывая общее собрание своих членов, он писал:

«...Трудности переживаемого момента должны навести нас на серьезные размышления о нашем социальном положении, как рабочих. Мы должны спросить себя: будем ли мы, производители, по-прежнему предоставлять жить в свое удовольствие тем, кто ничего не производит? Будет ли вечно существовать теперешняя система, хотя мы определенно ее не желаем?.. За дело же, работники! Теперь наши хозяева только и стараются о том, как бы использовать нашу нужду и эксплуатировать нас еще больше, если только это вообще возможно. Подняв свой голос, мы обуздаем их низкую жадность».

Кооперативная ассоциация литейщиков просила Авриала передавать ей заказы на снаряды, предназначенные для обороны Коммуны.

На 7 мая было назначено общее собрание рабочих-ювелиров для изыскания мер к возобновлению работ. «В эпоху, когда социализм укрепляется еще с неслыханной до сих пор силой,—говорилось в воззвании ювелиров,—невозможно, чтобы мы, рабочие... наиболее эксплуатируемой профессии, остались безучастными к освободительному движению»³⁾.

Были случаи непосредственного обращения рабочих организаций к самой Коммуне. В другой связи нами уже отмечался протест рабочих-печатников, посланный в Коммуну 30 апреля по поводу закрытия 10 газет. Делегаты от типографий указывают в этом заявлении, что в результате преследований печати 5 тысяч печатников остались без работы, и выражают надежду, что Коммуна отменит свой декрет⁴⁾.

Предварительная разработка всех декретов по рабочему вопросу была возложена Коммуной на Комиссию «Труда и Обмена», состоявшую, за исключением одного члена, из рабочих-интернационалистов. Во главе комиссии, в качестве делегата Коммуны, стоял Франкель.

¹⁾ J. O., 14/IV; 18, 21/V.

²⁾ Enq. Parl., III, 446—448.

³⁾ Mur. Pol. II, 25, J. O., 23/III, 1/IV, 19/V. Dauban, Le fond de la Société sous la Commune, 140—141.

⁴⁾ Lanj. et Corr., 368—369.

Комиссия поняла свою задачу весьма скромно: «изучение всех реформ, необходимых как в общественных учреждениях Коммуны, так и в области отношений между рабочими и работницами — с одной стороны, и их хозяевами — с другой, пересмотр законов, относящихся к области торговли, пересмотр таможенных тарифов, реорганизация всех прямых и косвенных налогов, организация статистики труда¹⁾».

Сконструировавшись, Комиссия Труда и Обмена обратилась за содействием к делегатам Комитетов двадцати парижских округов, рабочим обществам и федеральным палатам, приглашая немедленно войти с ней в сношения.

С 26 апреля в распоряжение делегатов от синдикальных камер было предоставлено специальное помещение в бывшем министерстве общественных работ²⁾.

Инициатива всех важнейших декретов по рабочему вопросу исходила от Комиссии Труда и Обмена³⁾.

К таковым прежде всего относится декрет Коммуны, воспрещавший ночной труд в булочных. Это требование давно уже выставлялось союзом рабочих-булочников⁴⁾. Еще в январе 1871 года оно обсуждалось в Федеральном Совете Международного Общества Рабочих, и где от имени булочников выступил рабочий Табуре. «Труд, который приходится выполнять рабочим-булочникам, изнурителен,—говорил он.— Без всякой к тому необходимости работа происходит ночью, что отрывает нас от семьи и от общества. Вынужденные спать днем, мы живем, словно какие-то отверженные, и не можем поддерживать идейного общения с рабочими других профессий. Булочники требуют поддержки со стороны Интернационала. Их стачка произвела бы большое впечатление на общество».

Однако, Федеральный Совет высказался против немедленного объявления забастовки, учитывая слабость союза булочников и некоторую заминку, наблюдавшуюся тогда в производстве за недостатком муки в городе⁵⁾.

После революции 18 марта вопрос перешел в Комиссию Труда и Обмена.

20 апреля ночная работа в булочных была отменена распоряжением Исполнительной Комиссии Коммуны, мотивиро-

¹⁾ Дюбрейль. Парижская Коммуна, стр. 136. В начале в комиссию вошли: Малон, Франкель, Тейс, Авриаль, Луазо-Пензон, Е. Жерарден и Пуже. После реорганизации комиссий 21 апреля состав несколько изменился. (Тейс, Малон, Серайе, Лонге и Шален). (J. O., 30/III, 22/IV). Уже в самом названии этой Комиссии чувствуется влияние прудонизма.

²⁾ J. O., 6, 25/IV.

³⁾ При Комиссии Труда и Обмена была организована особая „инициативная“ подкомиссия из 9 членов. (J. Off., 5/IV).

⁴⁾ „Les 31 séances“, p. 110 (J. Off., 29/IV).

⁵⁾ Enq. Parl., III, p. 217.

ванным «справедливыми требованиями всего цеха рабочих-булочников».

Изданный в столь лаконической форме декрет оказался неудовлетворительным. Комиссии пришлось созвать совещание из представителей рабочих и предпринимателей, в результате которого последовало новое распоряжение (от 28/IV), воспрещавшее производить работу в пекарнях ранее 5 часов утра, начиная с 3 мая¹⁾.

Декрет вызвал упорную оппозицию со стороны владельцев булочных. Хозяева устраивают ряд собраний и требуют отсрочки его применения, ссылаясь на невозможность немедленно перейти к новым порядкам в производстве. Ночная работа продолжает производиться. Отношения с рабочими обостряются: пекаря грозят, в случае дальнейшего упорства со стороны «патронов», разломать печи.

Ввиду создавшегося положения, вопрос пришлось вынести на обсуждение Коммуны. Возникла оживленная дискуссия. Некоторые из членов Коммуны, например, примыкавший к «большинству» Бильорэ и Виар, полагали, что дело государства вмешиваться в отношения между хозяевами и рабочими, что надо предоставить столкнуться самим заинтересованным сторонам; наконец, что рабочие достаточно сильны, чтобы самим отстаивать свои интересы перед предпринимателями и действовать по своему усмотрению.

Против этой теории «laissez faire»²⁾ горячо возражали социалисты³⁾: По мнению Авриала, отмена декрета была бы на руку только хозяевам; она вызвала бы энергичные протесты со стороны рабочих-булочников. Последние «могли бы заставить предпринимателей подчиниться декрету, объявив стачку, но закон воспрещает пекарям прибегать к забастовке». А раз сами рабочие бессильны добиться справедливого решения вопроса, тем настоятельнее обязанность Коммуны вмешаться (Ледруа).

Член Интернационала Малон указывал, что владельцы пекарен не в праве ссылаться на чрезмерную поспешность при издании декрета: вот уже два года, как дебатировался и изучается этот вопрос, и предприниматели должны были ожидать его разрешения со дня на день. «Говорят, будто мы не можем заниматься подобными социальными вопросами,

¹⁾ J. O., 29/IV, Séance des 28 avr.; 21/IV, 29/IV.

²⁾ «Laissez faire, laissez passer» — «не мешайтесь, предоставьте жизни идти своим путем»; лозунг школы физиократов, сформулированный Гурне. Впоследствии теорией «laissez faire» стали называть вообще теорию невмешательства государства в экономические отношения, в том числе и в отношения между хозяевами и рабочими.

³⁾ Арну, как видно из его книги, стоит на точке зрения Бильорэ, но в заседании Коммуны никто из членов Интернационала не поддерживал этой старо-прудонистской и в то же время „манчестерской“ теории.

но я должен сказать, что до сих пор государство достаточно выступало против рабочих; так пусть по крайней мере теперь оно вмешается в их пользу».

Франкель, вполне присоединяясь к декрету в принципе, говорил о необходимости дать к нему соответствующую мотивировку: надо, чтобы самые широкие слои населения осознали необходимость и благодетельность этой социальной реформы; надо объяснить, почему мы высказываемся против ночного труда в булочных, почему рабочие-пекаря являются наиболее обездоленной частью пролетариата... Изюм в день твердят: рабочий должен заняться самообразованием; но каким образом вы думаете просвещаться, раз вы работаете ночью?.. Несмотря на все свои несовершенства, декрет Исполнительной Комиссии — единственно истинно-социалистический из всех, изданных Коммуной».

Другие члены Коммуны подошли к вопросу с чисто практической стороны: так, Мартеле (Martelet) отметил, что в провинции ночной работы в булочных не существует; если выпечка будет начинаться даже в 5 часов утра, то к 9-ти парижане будут уже иметь свежий хлеб.

«Меня не удивляет,—говорил Верморель,—что хозяева поднимают вопли против декрета: то же самое бывает всякий раз, как мы затрагиваем одну из их привилегий, но это не должно нас беспокоить. Так как, однако, надо быть практичными, так как здесь встает вопрос о конкуренции между владельцами булочных, то последние в праве требовать от нас декрета, который, по возможности, ограждал бы их интересы. Но, допуская работу с 5 часов утра, мы как раз и даем им возможность доставить мягкий хлеб к 8 часам утра. Этого вполне достаточно, и отерочивать действие декрета до 15 (мая) означало бы принести интересы рабочих в жертву предпринимателям, отдать целую группу работников... на милость аристократии желудка».

Но если интернационалисты и высказывались принципиально за декрет, но все же среди них не оказалось единодушия по вопросу о способах его проведения в жизнь. В речах некоторых прудонистов еще слышатся отголоски пресловутой теории гармонии интересов.

Рабочий Тейс пытался найти выход из положения, рекомендуя еще раз воздействовать на предпринимателей путем переговоров. Надо созвать совещание из представителей рабочих и хозяев и предложить последним еще раз рассмотреть справедливые требования пекарей. Если же г.г. «патроны» не пожелают на них согласиться и будут грозить закрытием своих предприятий, мы припугнем их, в свою очередь, реквизицией. «Мы пустим в ход ваше дело с помощью рабочих, которые будут получать справедливое вознаграждение», скажем мы им».

Но это примиренческое предложение встретило суровый отпор со стороны Франкеля. «Мы заседаем здесь,—сказал он,—не только для того, чтобы защищать муниципальные вольности, но и чтобы проводить социальные реформы; но нужно ли нам в таком случае совещаться с хозяевами? Нет. Разве совещались с ними или со знатью в 92 году? Нет и нет! Я получил только один мандат—защищать интересы пролетариата, и раз известная мера справедлива, я принимаю ее и провожу в жизнь, не занимаясь конференциями с патронами»¹⁾.

В конце концов Коммуна оставила в силе декрет 20 апреля, перейдя к порядку дня. Но оппозиция хозяев-булочников была сломлена не сразу. Об этом свидетельствует декрет от 4 мая, изданный Коммуной по предложению Комиссии Труда и Обмена и угрожавший хозяевам за всякие нарушения постановления от 20 апреля реквизицией выпеченного ночью хлеба, который поступит затем на нужды благотворительных учреждений города. Настоящий декрет предлагалось вывесить на видном месте во всех булочных, а надзор за его исполнением возлагался на отдельные муниципалитеты (районные думы)²⁾.

Мы не знаем удалось ли в конце концов Коммуне добиться неуклонного исполнения декрета о ночной работе в булочных. Арну, напр., утверждает, что «многие хозяева-булочники продолжали ночную работу в согласии с их рабочими»³⁾. Но возможно, что в данном случае мы имеем дело с некоторым преувеличением человека, который вообще стоял на точке зрения «свободы труда», разделявшейся тогда английскими трэд-юнионистами и французскими прудонистами как мютоэлистского, так и бакунистского толка⁴⁾.

Арну против всякой регламентации отношений между трудом и капиталом, исходящей от государственной власти. «Раз рабочие в полной мере пользуются своими правами и своей независимостью, это их собственное дело—непосредственно разрешать вопросы труда... Какое бы название ни носила власть: монархия, республика или коммуна, она ни в коем случае не компетентна в этой области. Сами заинтересованные полномочны решать их». Поэтому Арну считает, что, издав декрет о воспрещении ночной работы в булочных, Коммуна сделала «неожиданную ошибку»⁵⁾.

¹⁾ Так во Франции называют предпринимателей. J. Off., 20/IV. Séance du 28 avril.

²⁾ J. Off., 4/V.

³⁾ Аргюр Арну (164).

⁴⁾ Впоследствии та же теория, как известно, нашла себе место в идеологии синдикализма.

⁵⁾ Арну, 164.

Если даже утверждение Арну и соответствовало фактам, причину частичной неудачи декрета следует искать в слабости профессиональной организации рабочих-булочников и в отсутствии органов контроля.

Как бы то ни было, воспреещение ночной работы в пекарнях являлось существенным принципиальным завоеванием парижского пролетариата и крупной заслугой Коммуны, опередившей изданием этого декрета не только тогдашнее, но отчасти и современное нам фабричное законодательство.

Но вопрос о законодательном ограничении рабочего дня до 8 часов для всех пролетариев, как это ни странно, не был выдвинут Комиссией Труда и Обмена, хотя еще первый (Женевский) конгрессе Интернационала принял резолюцию в пользу 8-часового рабочего дня. Лишь при обсуждении положения рабочих, занятых у казенных подрядчиков, Франкель предлагал Коммуне внести в обязательные условия договоров о подрядах пункт об ограничении рабочего времени 8-ю часами ¹⁾.

В смысле вмешательства в отношения между трудом и капиталом важное значение имел также декрет 26 апреля, воспрещавший штрафы и всякого рода вычеты из заработной платы, столь процветавшие при Империи. Приводим его целиком.

«Принимая во внимание, что администрация некоторых предприятий ввела в обычай систему штрафов и вычетов из жалованья и заработной платы;

что эти штрафы налагаются часто под мелочными, пустыми предложениями и означают существенный ущерб для служащего и рабочего;

что юридически эти произвольные, основанные на прижимках, удержания не могут быть оправданы;

что фактически штрафы являются замаскированным понижением заработной платы и обращаются в пользу тех, кто их налагает;

что подобного рода наказания, безнравственные как по существу, так и по форме, не являются результатом какой-либо правомерной юрисдикции;

Исполнительная Комиссия (Коммуны), согласно предложению Комиссии Труда, Индустрии и Обмена, постановляет:

§ 1. Воспреещается администрации как частных, так и общественных предприятий налагать штрафы и производить вычеты со служащих и рабочих, раз установленная заработная плата которых должна быть уплачиваема в полном размере.

¹⁾ „Les 31 S.“, p. 218. Введение 8-час. рабочего дня для всех рабочих в этот момент было особенно необходимо, как одна из наиболее действительных мер борьбы с безработицей.

§ 2. Все нарушения этого распоряжения будут преследоваться в судебном порядке.

§ 3. Все штрафы и удержания, сделанные в виде наказания, начиная с 18 его марта, должны быть возмещены потерпевшим в двухнедельный срок со дня издания настоящего декрета¹⁾.

Последняя статья декрета могла получить практическое осуществление лишь в том случае, если бы одновременно был создан соответствующий аппарат (напр., в виде фабрично-заводских комитетов), с помощью которого можно было провести учет и возвращение штрафных сумм.

Коммуна взяла власть в момент острой безработицы в Париже; много предприятий закрылось в силу общего кризиса (отсутствие заказов, кредита и т. п.), другие были брошены безавшими из столицы предпринимателями. Огромная часть безработных отлила в национальную гвардию²⁾, но и за всем тем число остававшихся без заработка было весьма значительно, особенно среди рабочих.

Вопрос об организации помощи безработным женщинам был поднят в Коммуне случайно, при обсуждении декрета о безвозмездном возвращении заложенных в ломбарде вещей.

«Недавно я сообщил Журду³⁾,—говорил Франкель в заседании Коммуны 6 мая,—что парижские женщины остаются без работы, что национальные гвардейцы должны жить лишь на свои 30 су, наконец, что вообще среди рабочих Парижа царствует нищета, ввиду этого, с согласия Комиссии Труда и Обмена, я предлагаю организовать мастерские, но отнюдь не национальные мастерские. Это были бы раздаточные пункты, откуда женщины получали бы работу на дом; ведь ставя на первый план доставление работы, мы в то же время хотим провести реформы в области женского труда».

Франкель предлагал, далее, использовать для организации раздаточных мастерских те 8—10 миллионов франков, которые имелись в распоряжении финансового ведомства и предназначались на выкуп заложенных в ломбарде вещей парижской бедноты.

Он считал, что полная ликвидация Ссудной Кассы, предлагавшаяся некоторыми членами Коммуны, имеет смысл лишь после коренной реформы экономического строя, что, в свою очередь, неразрывно связано с «организацией труда»⁴⁾.

В предложении Франкеля ясно чувствуются отголоски еще не совсем изжитого французскими социалистами прудонизма, поскольку он высказывается против организации

¹⁾ Mur. Pol., II, 365, № 213.

²⁾ Национальные гвардейцы получали полтора фр. (55 к. в день жалованья. Их жены получали пособие в 75 сант.

³⁾ Член Финанс вой Комиссии.

⁴⁾ Les 31 Séances, 185—186.

Коммуной собственных крупных предприятий с применением женского труда ¹⁾. С другой стороны, при неорганизованности женщин, отсутствии контроля со стороны соответствующих профессиональных союзов, устанавливающих максимум выработки при 8-часовом рабочем дне, система раздачи казенной работы на дом неизбежно должна приводить к усиленной эксплуатации женщины-работницы.

Журд заявил о возможности выдавать на организацию раздаточных мастерских 100 тыс. франков еженедельно, но получило ли предложение Франкеля свое практическое осуществление,—мы не знаем.

У Коммуны все же имелись собственные мастерские для выполнения военных заказов, труд в которых оплачивался значительно выше, чем у частных предпринимателей. Вот как описывает Лиссагарэ одну из таких мастерских, помещавшуюся в бывшем здании Законодательного Корпуса: «Тысяча пятьсот женщин заняты здесь шитьем саков ²⁾ для заполнения брешей. Работу распределяет высокая красивая, молодая девушка с красным шарфом с золотой бахромой, подаренным ей товарками по работе, на шею...

Работа сопровождается пением, заработная плата выдается каждый вечер, и работницы получают полную стоимость своего труда — восемь сантимов за сак, меж тем как прежний предприниматель платил едва по два сантима» ³⁾.

Коммуна проектировала дать заработок безработным, взяв на себя возобновление незаконченных строительных и ремонтных работ. 1 апреля Комиссия Труда и Обмена создала особую подкомиссию, которая должна была в кратчайший срок представить свои соображения по этому вопросу ⁴⁾.

С точки зрения борьбы с безработицей и регулирования рынка труда важное практическое значение имело распоряжение Комиссии об открытии в каждой мэрии ⁵⁾ записи предложений труда и спрос на него. В одну книгу безработные должны были заносить свои фамилии с указанием условий, на которых желали бы получить ту или другую работу. В другую—записывают требования на рабочих и свои условия «компании, всякого рода предприниматели, заводчики, фабриканты, негоцианты и т. д.». Администрации мэрии предписывалось немедленно представить необходимые помещения, персонал, завести регистры. Наконец, как предпринимателям, так и рабочим рекомендуется организовать по округам под-

¹⁾ В записке, прочитанной французскими прудонистами на Женевском конгрессе Интернационала, говорилось: „Во имя свободы совести, во имя личной инициативы позвольте нам вырвать женщину из мастерской, которая ее развращает и убивает“ („Вейль, Ист. соц. движ. во Франции“, 100).

²⁾ Мешки, наполняемые землей для защиты от снарядов.

³⁾ Лиссагарэ. Ист. Нар. Комм., русск. пер., стр. 306—307.

⁴⁾ J. Off., 2/IV.

⁵⁾ Париж был разделен на 20 округов или „мэрий“.

комиссии, в целях принятия необходимых решений совместно с Центральной Комиссией ¹⁾.

Приступая к организации муниципальных бирж труда, было бы вполне последовательно закрыть все частные посреднические конторы по найму рабочих. Однако, общего распоряжения в этом смысле не было издано. Лишь в постановлении Исполнительной Комиссии от 20 апреля о воспрепятствии ночного труда в булочных имеется особый пункт, упраздняющий посредничество по приисканию мест в хлебопекарном производстве, составлявшее со времен 2-й Империи монополию некоторых лиц, пользовавшихся особым благоволением полиции. Регистрация безработных рабочих-булочников должна была теперь производиться при каждой из мэрий ²⁾.

Некоторые округа успели приступить к практическому осуществлению этого постановления. Так, с 10 мая биржа труда для булочников была открыта при мэрии III округа. Администрация мэрии выражала надежду, что с закрытием частных контор будет «положен конец эксплуатации, жертвой которой был рабочий», и в то же время хозяину будут облегчены поиски необходимых для его предприятия рабочих (sic!) ³⁾.

В качестве муниципальной и в то же время центральной власти, Коммуна сама являлась предпринимателем, у которого были заняты тысячи всякого рода чиновников, служащих и рабочих, которые в праве были рассчитывать на улучшение своего положения при пролетарской власти.

И они не ошиблись в своих ожиданиях. Сократив оклады высшей администрации, установив максимум вознаграждения в 6000 фр. в год, воспретив совместительство и даже оплату дополнительных (сверхурочных работ) ⁴⁾, Коммуна почти удвоила жалованье учителям и учительницам, подняв его до 2000 фр., а помощникам их—до 1500 фр. В почтовом ведомстве, во главе которого стоял рабочий-социалист Тейс, были повышены оклады почтальонам, кучерам, служащим отделений и другим низшим чиновникам, «сверхурочная работа была ограничена самым необходимым временем». Способности рабочих должны были отныне устанавливаться посредством испытания, равно как род и количество их работы ⁵⁾.

¹⁾ M. Pol., II, 148.

²⁾ J. Off., 21/IV.

³⁾ Ibid., 10/V.

⁴⁾ Les 31 Séances, p. 249. Сами члены Коммуны совмещали по несколько должностей, но никто из них не получал более 500 фр. в мес.

⁵⁾ См. доклад Тейса, приведенный у Лиссагаге в приложениях (стр. 483).

Оклад комиссара Коммуны при казенных оружейных мастерских был установлен в 250 франков в месяц, заведующего мастерской — в 210 фр.¹⁾

Но не все государственные работы исполнялись непосредственно в собственных предприятиях Коммуны; часть сдавалась с торгов подрядчикам и посредникам.

Так, например, интендантство делало крупные заказы на изготовление солдатской одежды; подряды брались предпринимателями, которые раздавали работу уже от себя мелким мастерам, портным. С точки зрения чисто финансовой этот способ заготовки военного платья оказался весьма выгодным для государства. Начиная с 25 апреля 1871 г. подрядчики сочли возможным даже понизить расценку, соглашаясь получать по 4 и даже по 3 фр. 75 сант. за китель гражданского покроя вместо прежних 6 фр. и по 2 фр. 50 сант. за пару штанов, вместо прежних 3 фр. 50 сант.

Но, идя на такое понижение цен, посредники вознаграждали себя путем соответствующего понижения и без того недостаточной заработной платы рабочих-портных, что облегчалось бедственным положением рабочих весной 71 г. В результате дневной заработок многих из таких штучников упал с 2-х до 1 фр.²⁾

Положение получилось в высшей степени ненормальное: вышло, что в лице своего интендантства Коммуна косвенным образом содействовала понижению заработной платы и процветанию системы выжимания пота; даже до 18 марта, при буржуазном правительстве, положение портных и портниц, работавших у себя на дому, было лучше. Секретари рабочих союзов приходили в Комиссию Труда, прося изыскать способы возвращения хотя бы к прежним расценкам³⁾.

В своем докладе от имени Комиссии Труда и Обмена Франкель имел мужество признать отрицательные результаты практиковавшейся интендантством системы, бросившей тень на правительство Коммуны. «Вопрос, — говорил он, — стоит так: эксплуататоры пользуются общественным бедствием для понижения заработной платы, а Коммуна оказывается достаточно слепой, чтобы способствовать подобным махинациям».

Затем он принципиально высказался против системы посредничества. «Бесполезно и безнравственно обращаться за содействием посредников, вся роль которых сводится к тому, чтобы урывать своего рода налог из заработка рабочих, которым раздаются заказы; это равносильно увековечиванию рабства работников путем централизации работы в руках экс-

¹⁾ Enq. Parl., III, 243.

²⁾ См. доклад делегатов по военному обмундированию. Lévy et Evett'a Enq. Parl. (III, 244—245).

³⁾ „Les 31 Séances“, 215.

плататора; это значит следовать рабовладельческим традициям буржуазных правительств, которые уже из соображений важны являются смертельными врагами всякой эмансипации рабочего класса ¹⁾.

Система сдачи казенных подрядов с торгов в конечном счете была невыгодна и казне: то, что сберегалось на дешёвых заказах, все равно приходилось затрачивать в виде усиленных субсидий бюро общественной благотворительности, куда вынужден был обращаться рабочий, ввиду скудости заработка лишенный возможности содержать семью.

Франкель предлагал Коммуне, во-первых, договариваться впредь при сдаче заказов, по возможности, непосредственно с рабочими артелями; во-вторых, фиксировать цены путем соглашения между интендантством, синдикальной камерой портновского цеха и представителями Комиссии Труда и Обмена. Свой доклад он закончил следующими словами: «Мы не должны забывать, что революция 18 марта была совершена исключительно пролетариатом. Если мы не сделаем ничего в интересах этого класса, мы, которые являемся принципиальными сторонниками социального равенства, то я не вижу никакого смысла в существовании самой Коммуны» ²⁾.

При обсуждении доклада Франкеля (засед. 12 мая) одни члены Коммуны предлагали просто аннулировать заключенные с поставщиками договоры (*В. Клеман*) ³⁾, или, по крайней мере, немедленно приступить к их пересмотру (*Серайе*); другие возражали против столь крутых мер, как могущих разрушить все «ассоциации» (очевидно, предпринимателей! *Н. Л.*). Журд указал, что в случае предоставления Комиссии Труда права пересмотра всех таких договоров, пришлось бы приостановить уплату денег поставщикам, что, в свою очередь, повело бы к замедлению в выполнении срочных заказов военного ведомства и к невозможности найти желающих заключать новые контракты ⁴⁾.

Франкель предлагал, чтобы при представлении своих условий подрядчики обязательно указывали размер заработной платы, которую они намерены предложить своим рабочим; тогда Комиссия Труда будет иметь возможность сдать подряд тому из предпринимателей, который предложит наиболее выгодные условия труда.

Наиболее радикальное мнение было высказано одним из представителей «большинства» Билльоре: «Я хотел бы, чтобы Коммуна давала заказы только рабочим ассоциациям. Это

¹⁾ Enq. Parl. III, 243.

²⁾ Les 31 S., p. 213—215.

³⁾ Ibid., 216.

⁴⁾ Между прочим Клеман подчеркнул, что в случае, если не будут приняты серьезные меры немедленно, придется иметь дело с внушительной манифестацией рабочих. Ibid., 215.

было бы первым серьезным шагом на пути к социализму».
(«dans la voie du socialisme»).

После оживленных дебатов Коммуна приняла следующее постановление, предложенное Везинье:

1. Комиссия Труда и Обмена уполномочивается пересмотреть контракты, заключенные до сего времени Коммуной.

2. Комиссия в праве требовать, чтобы заказы сдавались непосредственно рабочим артелям, или чтобы им отдавалось, по крайней мере, преимущество.

3. Подрядные условия должны устанавливаться совместно интендантством, синдикальной камерой соответствующей корпорации и делегацией Комиссии Труда и Обмена, согласно заключению Финансовой Комиссии.

Журд предложил добавочный (4-й) пункт, согласно которому в условиях всякого подряда должен быть оговорен минимум дневной или сдельной (à la façon) заработной платы, полагающейся рабочим и работницам, которым придется фактически выполнять данный заказ.

К этому добавочному § Клеман внес поправку, предлагая вместо «минимума подневной платы» требовать упоминания о «минимуме поштучной», что дало повод Журду высказаться принципиально против сдельной платы, как «благоприятствующей одним в ущерб другим, не столь искусным в работе», и предложить новую редакцию: фиксирование дневного минимума заработка (minimum de la journée).

Наконец, Франкель потребовал, чтобы в условия подрядов обязательно входило ограничение рабочего времени восемью часами¹⁾.

Таким образом, хотя и не удалось совершенно избавиться от системы посредничества, алчности казенных поставщиков все же были положены известные пределы, интересы занятых у них рабочих были ограждены. Более того: рабочие по выполнению казенных заказов ставились в отношении условий труда в более благоприятное положение, чем рабочие частных предприятий.

Коммуна исправила ошибку, допущенную ее военным ведомством, и стала на путь рабочей политики, принципы которой выдвигались впоследствии в муниципальных программах социалистических партий, или проводились в жизнь некоторыми городскими самоуправленияами, завоеванными социалистами.

Конечно, если сопоставлять рабочую политику Коммуны с рабочей программой-минимум социалистических партий II Интернационала или с рабочим законодательством советского правительства современной России, сделанное Коммуной в этой области может показаться весьма скромным. Но

1) J. Off. 13/V. (Séance du 12 mai).

не будем терять исторической перспективы; не забудем, что Парижская Коммуна возникла всего на восьмом году существования Международного Товарищества Рабочих; что, за исключением требования ограничения рабочего времени восемью часами, конгрессы Интернационала еще не выработали конкретной программы-минимум в рабочем вопросе. Заседавшие в Коммуне члены Интернационала должны были здесь действовать на свой страх и риск, и нельзя сказать, что они оказались не на высоте задачи.

Все мероприятия, с которыми мы до сих пор познакомились, вели к улучшению положения пролетариев, как продавцов своей рабочей силы, и укрепляли позицию труда в его борьбе с капиталом на экономической почве. Но при всем том Коммуна оставалась здесь на почве существующих капиталистических отношений. Она не поставила в порядок дня «экспроприацию экспроприаторов», но один из ее декретов делал первый, хотя весьма робкий, шаг в этом направлении.

Издание этого декрета мотивировалось тем, что владельцы некоторых промышленных предприятий, не желая «исполнять своих гражданских обязанностей»¹⁾, трусливо бросили свои фабрики и заводы, чем поставили в безвыходное положение своих рабочих. Таким образом, остановились многие предприятия, имевшие весьма существенное значение в экономической жизни страны.

16 апреля Коммуна постановила создать Анкетную Комиссию из представителей рабочих союзов («рабочих синдикальных камер»). Эта Анкетная Комиссия должна была, во-первых, предпринять статистическое обследование брошенных хозяевами мастерских, выяснить в точности число таких предприятий, учесть находящиеся в них орудия труда, отметить их общее состояние. Во-вторых, представить доклад с изложением практических средств, с помощью которых можно было бы немедленно пустить брошенные предприятия в ход, но уже не силами хозяев-дезертиров, а силами «кооперативной ассоциации занятых в них рабочих» («par l'association cooperative des travailleurs qui y étaient employés»).

Третьей задачей Комиссии должна была быть выработка проекта устава этих производительных рабочих кооперативов. Наконец, та же комиссия должна была организовать третейский суд, на обязанности которого лежало бы установление условий окончательной передачи мастерских рабочим товариществам, в случае возвращения прежних владельцев, а также определение размера вознаграждения, при-

¹⁾ Декрет имел в виду бегство буржуазии перед первой и второй осадой.

читающегося в таких случаях с рабочих ассоциаций в пользу их бывших «патронов».

По окончании своей работы Анкетная Комиссия должна представить свой доклад в Комиссию Труда и Обмена, которая в свою очередь обязуется в кратчайший срок войти в Коммуну с проектом декрета, приписывающего во внимание интересы как Коммуны, так и рабочих ¹⁾.

Декрет 16 апреля имел больше принципиальное, чем практическое значение, но он важен тем, что привлекал рабочие организации к решению социально-экономических вопросов, выдвинутых революцией 18 марта. Как бы скромна ни была идея, лежащая в его основе, она давала известное представление о требованиях передовых слоев пролетариата и будила в массах социалистическую мысль, впервые, наконец, ставила на практическую почву, хотя бы частичную, передачу управления предприятиями в руки самих рабочих.

Профессиональные союзы откликнулись на декрет 16 апреля. 23 апреля один из наиболее сильных союзов — механиков и металлистов — назначил в Анкетную Комиссию двух делегатов, получивших мандат: «положить конец эксплуатации человека человеком», этой последней форме рабства, и «организовать труд путем ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом». В то же время союз механиков обратился с воззванием «к рабочим синдикальным камерам и обществам», приглашая их поторопиться с выборами делегатов в Анкетную Комиссию для установления постоянного контакта с Комиссией Труда и Обмена. «Для нас, рабочих, — говорилось в воззвании, — настал, наконец, один из великих моментов, когда мы можем окончательно организоваться и осуществить на практике результаты наших добросовестных и кропотливых исследований, производившихся за последние годы ²⁾.

Анкетная Комиссия успела сконструироваться и приступить к работе. До падения Коммуны она имела два заседания. Последнее состоялось 18 мая, на него были приглашены делегаты от всех рабочих организаций Парижа (рабочих синдикальных камер, обществ взаимопомощи, обществ сопротивления, взаимного кредита, производительных и потребительских кооперативов и т. п.) ³⁾.

В практике Коммуны можно даже указать на зародыши государственного и рабочего контроля над крупными предприятиями.

Чтобы предотвратить саботаж железнодорожной администрации и обеспечить регулярный подвоз продоволь-

¹⁾ J. O., 17/IV.

²⁾ J. O., 25, 28/IV.

³⁾ Ibid., 17/V.

ствия к Парижу, а также правильное обслуживание линии фортов, 16 апреля Исполнительная Комиссия назначила Ф. Пиа уполномоченным по надзору и контролю над железными дорогами. «От генерального контролера железных дорог» зависело, между прочим, освобождение рабочих и служащих, признанных незаменимыми, от службы в национальной гвардии. Железнодорожные компании обязывались по первому требованию комиссара доставлять ему всякого рода книги и документы, которые ему потребуются. 23 апреля, по предложению Феликса Пиа, министерство общественных работ назначило главного комиссара и семь его помощников, которые должны были следить за управлением и функционированием железнодорожных линий, принадлежавших пяти различным компаниям. С 4 мая контроль над железными дорогами перешел к транспортно-продовольственной комиссии¹⁾.

Привлечение рабочих к управлению и контролю имело место лишь в правительственных учреждениях и предприятиях. Так, напр., Тейс организовал в своем ведомстве почт Совет, куда наряду с представителями администрации ввел двух старших почтальонов, а Луи Дебок предоставил рабочим государственной типографии право выбирать среднетехнический персонал²⁾.

Чрезвычайно интересна, как попытка установления рабочего контроля, инструкция Луврских мастерских по ремонту сружия, представленная на утверждение Коммуны за 109 подписями рабочих этих мастерских и заведующего материальной частью артиллерии интернационалиста Авриала.

Во главе управления отныне должен стоять делегат от мастерских при Коммуне, избираемый общим собранием рабочих и отзываемый ими в случае неудовлетворительного исполнения своих обязанностей (§ 1). Равным образом устанавливается выборность рабочими заведующего мастерской и мастеров, а также двух лиц из среды рабочих для приема и сдачи выходящего из ремонта оружия (§§ 2, 5).

Делегат или управляющий мастерскими принимает доклады от заведующего мастерской, мастеров и рабочих для сообщения заведующему материальной частью артиллерии и отчитывается перед Советом мастерских.

В обязанности заведующего мастерской входят общий надзор, установление порядка работ и их распределение, проверка имеющегося в наличии оружия, удостоверение числа часов, проработанных отдельными рабочими (по представлению соответствующего мастера). Обязанности мастера — надзор и распределение работ по его отделению, руковод-

¹⁾ Jb., 16/IV, 6/V; 23/IV, 4/V.

²⁾ Liss, 503, 505.

ство подчиненными ему рабочими и представление подробного ежедневного доклада о выполненных работах (§§ 3—4).

В управлении мастерской участвует Совет, в состав которого входит управляющий, заведующий мастерской, мастера и по одному делегату от рабочих каждого отделения (bane) (§ 7). Рабочая делегация переизбирается два раза в месяц; она имеет право требовать созыва Совета по предложению двух своих членов и, в случае отказа администрации, апеллирует к общему собранию. Делегат от рабочих подстчетен своим избирателям, о замечаниях и пожеланиях которых обязан сообщать Совету (§§ 8, 10, 9).

Совет собирается ежедневно в 5½ часов пополудни, он рассматривает доклады представителей администрации и делегатов от рабочих и вырабатывает план работ мастерских на ближайший день. Совет решает вопросы о приеме или увольнении рабочих по представлению мастеров или самих рабочих. В случае сокращения работ в первую голову увольняются недавно принятые рабочие, если не будет указано на заведомую неспособность или дурное поведение кого-либо из старослужащих. В таком случае вопрос решается Советом. Совет же разрешает, в случае необходимости, сверхурочные работы и утверждает расценки (§§ 6, 13, 14, 20).

В целях ограждения интересов Коммуны делегаты, составляя наблюдательный Комитет, имеют право контроля над работами мастерских и всеми их операциями, право требовать представления бухгалтерских книг и т. п. (§ 11).

Интересы Коммуны ограждаются и в другом отношении. § 15 Инструкции устанавливает продолжительность рабочего дня в 10 часов: мастерские должны быть открыты с 7 часов утра до 6 вечера с часовым перерывом на завтрак (от 11—12 ч.). «В виде исключения, в тех случаях, когда последует распоряжение о немедленном ремонте оружия, Совет, принимая во внимание интересы обороны, может в виду спешности заказа разрешить 1—2 часа сверхурочных работ».

«Принимая во внимание настоящее положение вещей и настоятельную необходимость беречь, по возможности, государственные средства», Инструкция устанавливает довольно низкие нормы вознаграждения административного и рабочего персонала: управляющий получает 250 фр. в месяц, заведующий мастерской — 210, мастер — 60 сантимов за час работы; заработная плата рабочих устанавливается Советом, но расценка не может превышать 60 сант. в час. В то же время сверхурочные работы оплачиваются, как нормальные (17—20). § 16 устанавливает, что всегда один из рабочих должен по очереди оставаться на ночное дежурство в мастерской на случай, если бы экстренно понадобилось оружие. Ночное дежурство не оплачивается.

Последние параграфы свидетельствуют о политической зрелости рабочих, сознательно подчиняющих свои профессиональные интересы общеклассовым, во имя которых Коммуна вела свою героическую борьбу со старым миром.

Как видно из инструкции, Совет наделяется функциями, которые в нашей советской России распределяются между фабрично-заводским комитетом и заводоуправлением.

В заключение говорится, что настоящая Инструкция может быть изменена лишь по предложению Совета, с согласия заведующего материальной частью артиллерии и абсолютного большинства рабочих ¹⁾.

Коммуне не чужда была, повидимому, идея организации социального страхования. По крайней мере, в докладе, представленном Комиссии Труда и Обмена по вопросу о ликвидации ломбарда, говорилось, что недостаточно закрыть подобные учреждения: необходимо поставить пролетариат в такое положение, чтобы ему не было надобности к ним обращаться.

«Действительно,—читаем в этом докладе,—ссуды под залог вещей оказывают экстренную помощь рабочим классам в случае остановки предприятия или болезни, в случаях часто повторяющихся, которые социальная организация, основанная на справедливости, должна предвидеть и оказывать безвозмездную помощь... Посредством своих подлинно социальных учреждений, путем поддержки, которую Коммуна будет оказывать труду, кредиту и обмену, она должна сделать излишним существование ссудных касс». «Само собою понятно,—говорится в приложениях к проекту декрета,—что вслед за ликвидацией *Mont de Piété* ²⁾ должна возникнуть общественная организация, которая давала бы работнику реальные гарантии помощи и поддержки в случаях болезни и безработицы. Уже самое установление Коммуны должно вызвать к жизни новые вспомогательные учреждения, могущие оказать рабочему защиту от эксплуатации его капиталом, избавить его от необходимости делать займы на ростовщических условиях ³⁾.

Из приведенных цитат видно, что Комиссия Труда и Обмена уже подошла к необходимости организовать социальное страхование на случай болезни и безработицы.

¹⁾ J. Off. 21/V. p. 628—629.

²⁾ Так назывался в Париже Ломбард или Ссудная Касса.

³⁾ „Les 31. S.“. p. 127, 131—132.

б) Возврат заложенных в ломбарде вещей бедняков.—Социальное обеспечение.—Жилищный и продовольственный вопрос.

В качестве рабочего правительства, Коммуна заботилась не только об охране интересов пролетариев, как продавцов своей рабочей силы: был принят ряд мер, направленных к облегчению положения рабочих, как самого низшего, самого обездоленного класса.

К числу таковых относится, прежде всего, декрет 6 мая о безвозмездном возврате вещей бедноты, находившихся в залоге у так называемой Ссудной Кассы (Mont de Piété).

Ссудная Касса, имея монопольное право на выдачу ссуд под залог всякого рода движимости, находилась в то же время в теснейшей связи с клерикальными благотворительными учреждениями: бюро по выдаче пособий, богадельнями, сберегательными кассами и т. п. Это было чисто ростовщическое предприятие, эксплуатировавшее рабочих и городскую бедноту вообще во всех несчастных случаях, особенно во время кризисов и безработицы, когда в Ссудной Кассе закладывались за бесценнок необходимые вещи, выкупить которых или приобрести вновь рабочая семья обычно не была уже в состоянии.

Жесточкий голод и безработица, свирепствовавшие в Париже зимой 1870—1871 г., вызвали небывалый приток вещей в склады Ломбарда, который превосходно учел и использовал момент, повысив % по ссудам до 12—14 и в то же время до смешного низко оценивая принимаемые в залог вещи: к началу мая 1871 г. было выдано ссуд на 38 милл. фр., тогда как ценность находившихся в закладе вещей определялась не менее, как в 180 милл.; иначе говоря, в среднем ссуда не превышала $\frac{1}{5}$ стоимости заложенного предмета.

Один из членов Коммуны, желая показать, что Ломбард выдавал до смешного низкие ссуды под залог вещей, привел такой пример. Пальто, которое стоит у портного 120 фр., закладывалось всего за 10 фр., да и то лишь при условии, что оно ни разу не надето. Можно себе представить, сколько давали за пошопенное пальто рабочему!

Зато барыши этого почтенного учреждения были колоссальны: еще в 1869 г. прибыль составляла 784.737,53 фр., при чем львиная доля ее уходила на вознаграждение администрации, получавшей «скандальные оклады». В общем, расходы по управлению достигали 960 тыс. фр. в год. Кроме того, существование Ссудной Кассы способствовало развитию ажиотажа при распродаже невыкупленных вещей, спекуляции с ломбардными квитанциями и т. п.¹⁾

¹⁾ См. доклад Комиссии Труда и Обмена о ликвидации Mont de Piété. J. Off., 1/V.

Вопрос о судьбе заложенных вещей давно уже волновал низы парижского населения. 25 апреля Авриаль представил Коммуне проект декрета, согласно которому предполагалось возвратить безвозмездно заложенные в ломбарде инструменты, платье, белье, постельные принадлежности, если их стоимость не превышает 50 фр. Означенные предметы могут быть получены обратно лишь их постоянными собственниками. Проведение декрета возлагается на министерство финансов. «Я представляю этот проект, — сказал Авриаль, — так как нужно же показать, что мы не игнорируем интересов народа, совершившего революцию 18 марта. Народ, который сидел на черном хлебе, имеет право рассчитывать на благодарность за его страдания; и, раз дело идет об его удовлетворении, нечего останавливаться перед затратой нескольких миллионов».

В развернувшихся затем прениях было указано, что предлагаемым декретом могут воспользоваться спекулянты, которые давно уже скупили у бедноты ломбардные квитанции.

«Существует, — говорил Артюр Арну, — целая шайка дельцов, которые только и живут скупкой залоговых квитанций; у них целые магазины завалены выкупленными из Судной Кассы чужими вещами. Такие торговцы покупают за 8 — 10 су квитанции на сумму 20, 30 и даже 40 франков... Эти дельцы уже весьма нажились, а вы хотите обогатить их еще больше» (Лео Мейе, Арт. Арну). В целях борьбы со спекулянтами ораторы предлагали, чтобы вещи выдавались лишь тем гражданам, которые смогут доказать, что они настоящие собственники заложенных вещей; в каждой мэрии должно быть специальное бюро для удостоверения личности предъявителей ломбардных квитанций.

Другие не разделяли этих опасений, ссылаясь на то, что декрет имеет в виду вещи бедноты, заложенные за какие-нибудь 8 — 9 франков. Крупные спекулянты едва ли найдут выгоду в скупке подобного рода предметов; самое большее — они заинтересуются скупкой квитанций на драгоценности (Ж.-Б. Клеман, Лефрансе, Малон).

Лео Мейе внес поправку к предложению Авриалья: с момента опубликования декрета Судная Касса не может принимать в заклад вещей.

Юрбен и Арт. Арну предлагали включить в число подлежащих возврату вещей обручальные кольца, которые закладываются обычно лишь в случаях крайней нужды, когда семье грозит голод. На это возражали, что граждане могут обйтись и без подобных предметов, безвозмездный возврат которых только отягчил бы и без того затруднительную для ресурсов Коммуны операцию (Ж.-Б. Клеман). Предложение о возврате обручальных колец — «сантиментальная католическая фантазия», как выразился Лефрансе.

Аллике настаивал на возврате всех предметов первой необходимости, независимо от их ценности. В связи с возвратом вещей и воспреещением дальнейших залоговых операций возникал вопрос о полной ликвидации Ссудной Кассы.

Лефрансе высказался против простого закрытия ссудных касс, что может только породить смуту в умах. «Если Коммуна, — говорил он, — восторжествует, в чем я не сомневаюсь, все, что носит название общественной благотворительности (ссудные кассы, бюро по выдаче пособий и т. п.) исчезнет само собой. Но это предполагает создание целого ряда экономических учреждений, о которых неуместно упоминать в декрете... Прежде, чем уничтожить благотворительные учреждения, надо сделать их излишними...»

«Разрушать ссудные кассы, не заменяя их учреждениями социального характера, было бы преждевременно, — говорил Пенди.

Касаясь финансовой стороны дела, Авриаль находил, что вознаграждение пайщиков Ссудной Кассы излишне. «Мне кажется, — говорил он, — что владельцы Ломбарда достаточно обогатились, чтобы нам вписывать их еще в большую книгу государственного долга...»

В том же духе высказался и Ж. Б. Клеман. «В данном случае нам не приходится принимать в соображение состояние наших финансов... предлагаемый проект — один из видов той общей ликвидации, которую мы предпринимаем. Нам часто приходится облагать данью рантье в пользу неимущих, которые живут лишь своим трудом или торговлей».

Но правый прудонист Журд решительно восстал против возврата вещей без уплаты пайщикам *Mont de Piété* соответствующей суммы из государственных средств. «Разрушить ссудные кассы, — говорил он, — это значит нанести ущерб *собственности*, на что до сих пор мы не решались. Я не думаю, чтобы было разумно, полезно и расчетливо действовать в таком направлении».

Его поддерживал Лонге. «Я не думаю, — говорил он, — чтобы акционеры *Mont de Piété* обогащались в такой степени, как полагает Авриаль. Если бы он ознакомился с отчетами Ссудной Кассы, он убедился бы, что это обогащение ограничивается получением законной прибыли».

По предложению того же Лонге обсуждение декрета было отложено до следующего заседания ввиду сложности вопроса и необходимости его предварительного изучения ¹⁾.

Однако в ближайшие дни внимание Коммуны было отвлечено другими не терпевшими отлагательства вопросами (воспреещение ночного труда булочников, организация Комитета

¹⁾ J. O. 26/IV. Засед. 25 апреля.

Общественного Спасения и т. д.), прения по вопросу о возврате заложенных вещей возобновились лишь 6 мая.

Между тем Комиссия Труда и Обмена представила доклад о ликвидации Судной Кассы. Комиссия считала такую ликвидацию неизбежной как по моральным соображениям, так и в виду абсолютной нецелесообразности ее с чисто экономической точки зрения.

Но в докладе указывалось, что средства, которыми оперировал ломбард, составлялись, главным образом, путем распределения его обязательств среди клиентов сберегательных касс, в своем большинстве людей среднего достатка, часто вложившие в это предприятие «плоды своих многолетних трудов». Поэтому «было бы несправедливо вносить дезорганизацию в хозяйственную деятельность граждан, поступивших, быть может, недостаточно осмотрительно, но невинных в увлечении ажиотажем».

Итак, интересы зайщиков ломбарда должны быть ограждены. Но состояние финансов Коммуны не позволяет покрыть весь долг вкладчиков из государственных средств.

Исходя из этих соображений, Комиссия внесла следующее предложение. Коммуна назначает особую администрацию по ликвидации *Mont de Piété*, которая обследовала бы под контролем Комиссии Труда и Обмена документы кредиторов судной кассы. Те из них, которые не возбуждают подозрения в мошенническом характере сделки, могут быть обменены на особые обязательства, гарантированные Коммуной и подлежащие погашению в течение 5 лет по триместрам (путем тиража). Собственники заложенных инструментов, платья, белья и т. п. немедленно получают свои вещи из ломбарда, но выдают при этом обязательство уплатить причитающуюся с них сумму ежегодными равными взносами в течение пяти лет. Драгоценности и разного рода товары, фабрикат, не могут быть выданы до полного погашения ссуды.

Но предметы, принадлежащие гражданам, погибшим за дело Коммуны, должны быть возвращены их семьям безвозмездно. Равным образом окружные муниципалитеты могут вернуть бесплатно залоги граждан, действительная бедность которых может быть удостоверена членами Коммуны, составляющими администрацию данного округа.

Таким образом, в противоположность проекту Авриала, Комиссия Труда и Обмена предлагала вернуть некоторые категории вещей бесплатно лишь очень небольшой группе граждан, устанавливая для остальных принцип рассрочки уплаты по ссуде. Это сознавали и авторы доклада. «Сколько таких рабочих и национальных гвардейцев, — читаем в нем, — которые, заложив в ломбарде предметы первой необходимости, не имеют сейчас никаких средств для их выкупа.

и в то же время не решатся заявить о своей нужде, и таким образом не воспользуются декретом!»

Отсюда, казалось бы, следовало, что проект Комиссии неудовлетворителен, но его авторы рассуждали иначе. Свое предложение о погашении долга в рассрочку они считали мерой тем более социалистической (!), что для убежденного и уважающего себя человека нелегко обращаться за милостыней, хотя бы и замаскированной.

В заседании Коммуны 6 мая с докладом о ликвидации ссудной кассы выступили члены Финансовой Комиссии Лефрансе и Журд. Они сообщали, что, устанавливая предельную стоимость подлежащей возврату вещи в 50 франков и принимая во внимание лишь предметы, указанные в первоначальном проекте Авриалья, придется вернуть до 1 миллиона 200 тысяч различных вещей, ценностью в 12 миллионов франков. Считая, что при наличии всего трех складов и необходимости тщательного контроля можно будет выдавать ежедневно самое большее — 4 тысячи предметов, придется растянуть всю операцию на 10—12 месяцев. Если остановиться на предельной сумме в 30 фр., окажется 1 миллион подлежащих возврату вещей, ценностью в 9 миллионов франков, для производства же операции потребуется 9—10 месяцев.

Исходя из вышеприведенных данных, докладчики предлагали понизить максимальную стоимость подлежащей безвозмездному возврату вещи до 20 фр. «Тогда, — говорил Журд, — вы не в такой степени отяготите наше казначейство и в то же время вы окажете наибольшую услугу именно тем классам, которые больше всего нас интересуют». За сумму от 20 до 50 франков обычно закладываются предметы роскоши, тогда как за матрац или сюртук ломбард не давал обычно более 20 франков. Но квитанции на сумму до 20 фр. находятся преимущественно в руках рабочих, которым Коммуна должна прийти на помощь в первую голову. Если у пролетария окажется несколько квитанций на сумму до 20 фр. каждая, он сможет выручить все свои вещи. Зато понижение предельной суммы с 50 до 20 фр. даст Коммуне экономию в 2½ милл. франков. Журд полагал, что для удовлетворения владельцев и кредиторов Ссудной Кассы государственное казначейство сможет открыть еженедельный кредит в размере 100.000 фр.

Но Журд не рекомендовал немедленного закрытия *Mont de Piété*. «Следовало, — говорил он, — изыскать средства к осуществлению ликвидации Ссудной Кассы, но под одним условием: если вместо нее создадут какое-либо иное учреждение». — «Так создайте такое учреждение», прерывает оратора Авриаль. — «Это легко сказать, но необходимо иметь время для изучения вопроса, прежде чем что-нибудь создавать».

Если бы Авриалю сказали: создайте пушки, лафеты, он потребовал бы известного срока, также отвечаю и я. (Очень хорошо!).»

Ликвидацию ломбарда Журд связывал с организацией дешевого кредита. «Итак,—говорил он,—необходимо найти способы ликвидации Ссудной Кассы, или, скорее, найти такие средства, с помощью которых было бы возможно воспользоваться этим учреждением, видоизменив и улучшив его, чтобы оно выдавало ссуды действительно нуждающимся, не взимая при этом ростовщического процента и не принимая бедняка».

Что прудонистские идеи дешевого кредита и т. п. все еще пользовались популярностью среди интернационалистов, об этом свидетельствует и доклад Комиссии Труда и Обмена. Предлагая Коммуне приступить к немедленному возврату вещей известных категорий под условием рассрочки уплаты долга, авторы доклада замечают: «Это доверие, оказанное народу, осветило бы принцип права рабочих на кредит».

Проект Журда встретил поддержку со стороны таких видных представителей «меньшинства», как Авриаль и Арну. «Неимущее население,—говорил последний,—ожидает (декрета о возврате заложенных вещей) с тем большим нетерпением, что вот уже восемь месяцев, как оно сидит без работы; мы должны дать ему реальное доказательство, что помним о своих обязательствах на этот счет». А потому «оставим в стороне вопрос о ликвидации ссудной кассы, который требует более глубокого изучения...»

Ж. Б. Клеман, Юрбен и Паризель возражали против понижения максимальной стоимости подлежащих безвозмездному возврату вещей до 20 фр.

«Каждый раз,—говорил Ж. Б. Клеман,—когда речь заходит о финансовой стороне вопроса, нам говорят, что нельзя приносить жертв. А между тем следовало бы принять меры к тому, чтобы оказаться более щедрыми по отношению к тем, которые сражаются за наше дело и нуждаются в помощи. Я требую, чтобы, по возможности, не скупилась; декрет относительно ломбарда—единственный, которым народ может воспользоваться. Необходимо, по крайней мере, вернуть инструменты, хотя бы они были заложены и дороже 20 фр., при условии выплаты разницы».

Паризель указывал, что есть много предметов первой необходимости, а отнюдь не роскоши, которые закладываются за сумму, превышающую даже 50 фр.: таковы, напр., швейные машины.

Большинство Коммуны приняло проект в редакции Журда с поправкой Дерера, предложившего включить в число подлежащих бесплатному возврату вещей также книги. Делегату финансов было поручено столкнуться с админи-

страдией Ссудной Кассы относительно способов осуществления декрета ¹⁾.

В общем возврату подлежало 900 тыс. предметов на сумму 8 милл. фр. Вещи возвращались сериями, по техническим условиям операция не могла быть произведена быстро; часть ее Коммуна успела провести до своего падения ²⁾.

В качестве меры неотложной необходимости перед Коммуной стояло обеспечение инвалидов и семей национальных гвардейцев, павших в борьбе с версальцами. Декрет 11 апреля назначал вдове национального гвардейца, «погибшего в борьбе за права народа», ежегодную пенсию в размере 600 фр. На каждого из детей, не достигшего 18-летнего возраста, полагалось по 365 фр. Круглые сироты должны были воспитываться и получать за счет Коммуны «всестороннее образование, необходимое для того, чтобы жить своим трудом в обществе».

Назначая пенсию вдове или детям федералиста, павшего на службе Коммуны, декрет не делал различия между «законными» и «незаконными» женами и детьми. В наши дни этот принцип кажется бесспорным, но иначе обстояло дело 50 лет тому назад: так, правительство национальной обороны выдавало пособия лишь «законным» женам гвардейцев, и уничтожение этого разграничения является крупной заслугой Коммуны.

Могли рассчитывать на получение пенсии от 100 до 800 фр. и другие родственники убитого федералиста, если бы они доказали, что пользовались его материальной поддержкой ³⁾.

Пособие инвалидам устанавливалось в размере от 300 до 1200 фр. в год. Жены национальных гвардейцев, раненых и находящихся на излечении в госпиталях, получали пособие до 1 фр. в день, сами раненые—50 сантимов. 17 мая Коммуна постановила, что всякий гражданин, который принимает участие в защите республики и коммунальных свобод, в праве рассчитывать на пенсию в размере 300 фр., которая будет уплачиваться по триместрам, по истечении трех месяцев с того дня, когда «защитниками республики будет одержана полная победа над версальскими роялистами» ⁴⁾.

¹⁾ J. O. 7/V (Séance du 6 mai).

²⁾ „Les 31 S.“, 180, Mur. Pol., II, 179.

³⁾ J. O. 11/IV.

⁴⁾ M. Pol. II, 308 (№ 165) J. O. 19/V.

Для проведения в жизнь декрета 11 апреля в округах были организованы специальные анкетные комиссии с привлечением делегатов от соответствующих частей национальной гвардии. Некоторые мэрии приступили уже к выдаче пенсий ¹⁾. Но в общем необходимый организационный аппарат складывался, повидимому, медленно. В заседании Коммуны 3 мая Виар говорил: «Сегодня утром я получил жалобы от вдов убитых национальных гвардейцев. До сих пор мы лишь издали декрет, но ничего еще не сделали. Довольствуются тем, что отсылают вдов из одной канцелярии в другую... А между тем предстоит облегчить участь стольких несчастных, необходимо дать себе в этом отчет, принять энергичные меры, чтобы притти на помощь» ²⁾.

Некоторые округа организовали по собственному почину дело призрения детей вдовцов-национальных гвардейцев. Таких детей, часто остававшихся теперь без всякого призора, помещали в специальные школы, где учащиеся получали не только пищу, но и ночлег ³⁾.

Коммуна приступила к организации социального обеспечения и в более широком масштабе. Она получила в наследство от Империи так называемые «благотворительные бюро», «дома помощи», больницы и богадельни, находившиеся всецело в руках духовенства. Вот как характеризует эту буржуазно-императорскую благотворительность Трейяр, назначенный при Коммуне заведующим социальным обеспечением. Эти учреждения, построенные на принципе благотворительности, «унижали и деморализовали тех, кто обращался к ним за помощью, и в то же время являлись в руках клириков орудием борьбы против социальных идей. Открыто отдавая преимущество тем семьям, которые усердно исполняли церковные обряды, эти бюро поощряли ханжество, доносы, подозрительность и ненависть граждан друг к другу».

Трейяр предложил Коммуне закрыть старые «благотворительные бюро» и организовать взамен их бюро по выдаче пособий нуждающимся во всех двадцати округах Парижа. Церковники должны быть устранены от всякого влияния на деятельность новых учреждений по социальному обеспечению. В докладе Трейяра намечались следующие виды помощи: а) выдача пособий больным и слабым, находящимся на излечении у себя на дому: мужчинам—в размере 24 или (летом) 19 фр., женщинам—18 и 15 фр.; б) старики, достигшие 74 лет, получают, кроме денежного пособия, выдачи натурой (боны на получение хлеба, мяса, дров и т. п.); в) бесплатная медицинская помощь ⁴⁾.

¹⁾ M. Pol. II, 251, 254; 540—I.

²⁾ J. Off., 5/V („Les 31 S.“, p. 166).

³⁾ M. P. II, 296.

⁴⁾ Enq. aPrél. III, 301--303.

Этот проект нельзя не признать чересчур скромным. В вопросе о социальном обеспечении даже якобинская республика 1793—94 г.г. была более радикальной, чем Коммуна 1871 г. Известно, что декрет Конвента от 28/VI—1793 г. предусматривал выдачу пособий отцам, содержащим своим трудом более 2 детей, родильницам и старикам с 60-летнего возраста ¹⁾.

С другой стороны, недостаточно было провозгласить, что «отныне дело коммунальной помощи не должно рассматриваться, как милостыня»: необходим был соответствующий аппарат. Между тем почти весь состав чиновников центрального управления покинул свои места; к созданию же новой администрации даже не приступили. Трейяр ограничился сменой высшего административного персонала больницы и богаделен ²⁾.

Но в отдельных округах не только закрыли благотворительные бюро, но и приступили к организации выдачи пособий нуждающимся, устройству муниципальных аптек, общественных кухонь, водогреенок и т. п. Члены Коммуны, составлявшие муниципалитет 12 округа, обратились с предложением к местным «гражданкам-республиканкам» образовать особый комитет для установления случаев «скрытой нищеты» и сообщения о них властям в целях оказания немедленной помощи. Воззвание мотивировалось тем, что многие действительно нуждающиеся граждане, которым чувство собственного достоинства не позволяет обращаться самим к общественной благотворительности, остаются неизвестными муниципалитету.

С 4 мая выдача пособий была сосредоточена исключительно в округах; центральное управление прекратило прием заявлений ³⁾.

Считая, что организация помощи нуждающимся достаточно налажена, Коммуна повела энергичную борьбу с нищенством и проституцией.

17 апреля делегат Общественной Безопасности издал следующий приказ. «Принимая во внимание, что нищенство приняло значительные размеры; что окружные муниципалитеты... принимают меры к удовлетворению действительно нуждающихся; что при таких условиях нищенство является не чем иным, как системой организованной эксплуатации, Комиссия Безопасности постановляет: 1) «Нищенство воспрещается. 2—3) Всякий, уличенный в занятии нищенством, подлежит немедленному аресту и преследованию по закону».

¹⁾ Archives Parlementaires, T. LXVII, p. 612.

²⁾ J. O. 8/IV; 29 IV; 15, 16/V.

³⁾ J. O., 12/V. М. Р. II, 467, 335, 407.

Но этого мало. «Коммуна должна была, — по словам Лефрансе, — совершенно искоренить все, что носит характер прощения милостыни». Когда в заседании 3 мая было сообщено, что оркестры национальных гвардейцев выступают на улицах, собирая пожертвования в пользу бывших линейных солдат, раненых и семей убитых, а какие-то подозрительные дамы получили разрешение производить сборы по квартирам, ряд ораторов категорически потребовал прекращения подобных явлений, как «прискорбных и недостойных Коммуны»¹⁾.

Борьбу с проституцией начали коммунальные делегации отдельных округов. Так, во 2 округе были закрыты «дома терпимости» и «абсолютно воспрещено» появление на улицах женщин, занимающихся проституцией. Надзор за выполнением этого распоряжения возлагался на местную национальную гвардию, которой предписывалось немедленно арестовывать проституток, нарушающих означенное постановление.

В мотивировочной части приказа окружной администрации, состоявшей, кстати сказать, в большинстве из социалистов, указывалось, что общей причиной, порождающей проституцию, является недостаток образования и работы, тесно связанный со всем социальным механизмом старого строя²⁾, а потому «единственным лекарством против проституции» является «разумная организация женского труда». Но, «несмотря на естественное чувство сострадания, которое вызывают к себе бессознательные жертвы проституции, необходимо теперь же принять меры к охране нравственности молодого поколения, избавив его от выставяемого напоказ порочного зрелища». С другой стороны, «коммерческая эксплуатация одних человеческих существ другими» вообще недопустима; к тому же уничтожение постоянных армий, «поставленное в порядок дня коммунальной революцией, должно повлечь за собою прекращение позорной торговли живым товаром».

В развитых здесь идеях сказываются социалистические тенденции Коммуны; в обществе свободных работников не

1) „Les 31 Séances“, p. 164—166.

2) Коммуна подходила к женскому вопросу и в других декретах. Мы уже говорили, что право на получение пенсий было предоставлено Коммуной безразлично как законным, так и „незаконным“ женам и детям убитых и искалеченных национальных гвардейцев. Председателю вновь организованного гражданского трибунала было предоставлено назначать женщине, требующей развода, временную, впрямь до окончательного решения суда, пенсию на прожитие, чем значительно облегчались трудности развода. В заседании Коммуны 17 мая Везинье предложил (в отмену закона 1816 г.) узаконить всех детей, признанных их родителями, не признанных — усыновить Коммуной, а также ввести свободный гражданский брак, основанный на взаимном согласии, — брак для мужчин, достигших 18-летнего, а женщин — 16-летнего возраста. Издать соответствующий декрет Коммуна не успела. („Les 31 S.“, 239—240).

должно быть места эксплуатации человека человеком, а тем более, унижающему человеческое достоинство ремеслу «белых рабынь». Аналогичные предписания об аресте появляющихся в публичных местах проституток и пьяных было издано мэриями IX и X округов ¹⁾.

Коммуна не поставила жилищного вопроса во всей его широте, не провела социализации домов, но в своем заседании 24 апреля она высказалась за реквизицию пустующих квартир, оставленных съемщиками до или после 18 марта 71 г. Декрет был издан по частному поводу, в связи с необходимостью разместить население разгромленных артиллерией версальцев частей города.

«Ежедневно,—говорил Малон в заседании 24 апреля,—в различных мэриях можно наблюдать толпу людей, которые приходят требовать от нас квартирных помещений. Мы не в состоянии удовлетворить всех этих просьб. Я полагаю, что следует в спешном порядке издать декрет, уполномочивающий мэров реквизировать необитаемые квартиры, чтобы предоставить их в распоряжение потерпевших».

Прием таких квартир мэриями должен был сопровождаться описью находящихся в них вещей, копия с которой выдавалась представителям находящихся в бегах квартирохозяев. Согласно § 4 декрета, муниципалитетам предлагалось немедленно приступить к исполнению настоящего распоряжения. Они должны были, сверх того, по мере возможности, доставлять перевозочные средства по заявлению граждан ²⁾.

Кроме того, не только рабочие, но и граждане вообще должны были получить известное облегчение от декрета Коммуны 29 марта об отсрочке квартирной платы, причитавшейся с октября 1870 г. по апрель 1871 г. Квартирная плата, уже внесенная за эти месяцы, должна была, согласно декрету, засчитываться на будущее время; съемщики квартир могли отказаться от заключенных ими контрактов в течение ближайших шести месяцев, тогда как срок уже окончившимся контрактам мог быть продлен еще на три месяца ³⁾.

Как бы ни был скромнен декрет 24 апр., он все же открывал перед рабочими разгромленной версальцами окраины двери покинутых их владельцами буржуазных квартир, что не могло не иметь воспитательного значения: перед пролетариатом демонстрировалась условность священного права частной

¹⁾ J. O. 18/V, M. P. II, 465, 546.

²⁾ „Les 31 Séances“, p. 79—80.

³⁾ Декрет от 29/III. M. Pol., II, стр. 135, № 41.

собственности; и в то же время в головах рабочих не могла не возникать святотатственная мысль: почему они должны ютиться в подвалах и на чердаках, тогда как их патроны пользуются комфортабельными помещениями, по своим размерам обычно далеко превышающими потребности средней семьи?

Судя по некоторым данным, декрет о реквизиции необитаемых квартир вовсе не остался только на бумаге. 10 мая на улицах Парижа было расклеено объявление от Коммуны, приглашавшее собственников, арендаторов или консержей домов, где имеются свободные квартиры, заявить о таковых не позже следующего дня под угрозой законного преследования.

Учетом пустующих жилых помещений занялась и окружная администрация, при чем в целях проверки правильности заявлений домовладельцев мэрия VI округа обратилась за содействием ко всем гражданам, могущим сообщить что-либо об имеющихся свободных квартирах.

В некоторых округах вселение беженцев из разрушенных кварталов, повидимому, уже началось, несмотря на сопротивление со стороны домовладельцев и их управляющих. Вот объявление от властей XVIII округа. Оно констатирует, что местных домовладельцев отнюдь не тронула острая нужда лишившихся своего крова граждан, что они «не отозвались на обращенный к ним братский призыв». Исходя из того соображения, что всякий, кто бежал из Парижа, тем самым уже является изменником народному делу, делегаты XVIII округа еще раз объявляют о реквизиции всех особняков, квартир и меблированных комнат, оставленных бежавшей буржуазией. Домовладельцам предписывается, под угрозой взысканий, сообщить о таковых в мэрию немедленно. Пустующие помещения должны быть предоставлены в распоряжение граждан, пострадавших от бомбардировки. Под страхом суровых наказаний домовладельцы и консержи не имеют права отказывать в помещении лицам, имеющим от мэрии соответствующий ордер. Надзор за строгим выполнением настоящего приказа возлагался на национальную гвардию и комиссаров полиции¹⁾.

Декрет об отсрочке квартирной платы задевал интересы домовладельческой буржуазии, доходы которой в течение последних десятилетий перед войной увеличились в огромных размерах благодаря росту цен на всякого рода наемные помещения. Война и осада Парижа, которая повела к необычайному увеличению парижского населения (приток беженцев из окрестности, расквартирование солдат) и к резкому повышению спроса на квартиры, была прекрасно ис-

¹⁾ Ib., 466, 518, 533.

пользована домовладельцами, которые неслыханно нажились на народном бедствии, тогда как все другие общественные классы в той или иной степени пострадали от экономической разрухи.

В одной заметке, помещенной в «Официальном Журнале», находим следующие данные о росте квартирных ден и барышах домовладельцев. В 1852 г. рабочий платил обычно за комнату 70 франков, в 1860 году—130 фр., в 1871—160 фр. Таким образом, за 8 лет (1852—1860) каждый рабочий переплатил домовладельцу 480 фр., а за 11—(1860—1871)—1100, всего за 19 лет—1580 фр. Плата за квартиру, снимаемую служащим, поднялась за те же годы с 300 до 500 и 700 фр., что давало домовладельцу 12 тысяч фр. добавочного дохода. Наконец, крупному торговцу или фабриканту пришлось переплатить 30 тыс. фр. «Такова участь бедного домовладельца, по поводу которой проливают слезы некоторые газеты!» восклицает автор заметки ¹⁾.

Некоторые члены Коммуны считали, однако, декрет о квартирной плате, как изданный в слишком общей форме, неудовлетворительным. 30 марта, за подписью одиннадцати человек, поступило предложение исправить проведенное накануне постановление, приняв следующую резолюцию: «Парижская Коммуна, принимая во внимание, что имеются торговцы и промышленники, которые во время осады занимались прибыльным промыслом; принимая во внимание, что имеются также чиновники и рантье, которые во время осады пользовались теми же доходами, что в обыкновенное время, постановляет: все граждане, пользовавшиеся обычными доходами во время осады, обязываются внести в муниципальные кассы всю сумму причитающейся с них квартирной платы. В каждом округе должна быть назначена комиссия, чтобы установить тех лиц, которые подходят под означенные категории».

«Приняв это постановление,—говорит Арт. Арну,—Коммуна одним ударом добилась бы поступления в общественную кассу значительных сумм... и обезпечила бы исполнение своего декрета, так как никому не пришлось бы по душе дважды платить за наем квартиры: один раз Коммуне, другой—домовладельцу» ²⁾.

Но поправка «одиннадцати» не прошла, и это в значительной степени ослабило значение декрета. Правда, им воспользовались рабочие и городская беднота вообще; задолжавшие съемщики съезжали с квартир, прибегая к помощи национальной гвардии в тех случаях, когда дворники пытались помешать их выезду. Но все те противники Коммуны

¹⁾ См. Ж. О. 4/IV.

²⁾ Арну, 157.

из зажиточных классов, которые не хотели портить своих отношений с домовладельцами, уплатили последним в срок все, что с них причиталось. «Другие... предложили своим домовладельцам третью часть или половину следуемой суммы и заставили выдать себе установленную законом расписку в полном расчете».

Таким образом, наиболее крупные домовладельцы, собственники роскошных отелей и буржуазных дворцов, оказались незатронутыми декретом ¹⁾.

Чрезвычайно трудное положение Коммуны все же в значительной мере облегчалось тем, что во время второй осады в Париже почти не чувствовалось продовольственного кризиса. Правительство Тьера употребило все усилия, чтобы отрезать город от подвоза съестных припасов и взять его измором. 25 апреля префект полиции Валентен разослал по всем вокзалам следующий циркуляр: «Глава исполнительной власти только что постановил, чтобы всякий привозимый провиант, все отправляемые в Париж жизненные припасы, начиная с сегодняшнего дня, задерживались. Прошу вас немедленно принять все меры, которые вы найдете нужными, для выполнения этого постановления. Просмотрите с особой тщательностью все поезда, все вагоны, которые отправляются в Париж, и отошлите найденные припасы туда, откуда они высланы». Чтобы совершенно разорвать торговые связи между столицей и провинцией, Тьер наложил арест на парижскую корреспонденцию.

3 мая в версальских газетах появилось сообщение о распоряжении правительства задерживать на Сене все суда, груженные жизненными припасами для Парижа. В то же время версальцы всячески поддерживали скрытый саботаж высшей железнодорожной администрации.

Но для организации полной блокады Парижа необходимо было содействие пруссаков, которые сами получали продовольствие через парижский железнодорожный узел, а потому были заинтересованы в правильном его функционировании.

С другой стороны, провинциальные коммерсанты, заинтересованные в сбыте своих товаров, настойчиво стремились возобновить торговые сношения с Парижем, несмотря на все препятствия, чинимые правительством Тьера. Если нельзя было доставлять товары по железным дорогам и водными путями, припасы подвозились по грунтовым и посейным дорогам. Посредством всевозможных уловок торговцам удава-

¹⁾ Ibid., 157—158.

лось обмануть бдительность версальской полиции и жандармов. Таким образом блокада оставалась недействительной¹⁾.

Париж продолжал регулярно снабжаться продовольствием с северо-востока через нейтральную зону, согласно мирным условиям²⁾.

Все же случались недоразумения. Однажды, когда национальные гвардейцы задержали поезд с припасами, предназначенными для баварцев, немцы грозили перерезать всякое железнодорожное сообщение с Парижем, если через $\frac{3}{4}$ часа им не будет дано удовлетворение. В другой раз прусское командование издало приказ о временном задержании прибывающих в Париж поездов. По словам члена Коммуны Остена, это распоряжение было вызвано заведомо ложной информацией, исходившей от версальского правительства, будто Коммуна решила не пропускать больше к линии расположения германских войск вагонов с такими товарами, как сахар и т. п.³⁾.

По временам в городе возникали тревожные слухи о будто бы начавшейся блокаде, что вызывало временное повышение цен⁴⁾.

Коммуной и ее комиссаром по продовольствию был принят ряд мер к обеспечению правильного снабжения Парижа съестными припасами и предотвращению дороговизны. Для снабжения города провиантом парижские ворота были открыты с 5 часов утра до 7 часов вечера. Уже с 3 апреля комиссаром по продовольствию были приняты торговцы, желавшие ввозить хлеб в Париж.

Согласно приказу уполномоченного министерства торговли, «всякий гражданин, снабжавший Париж продовольствием», имел право рассчитывать на всяческое «покровительство и льготы». Коммерсант, приехавший в Париж, получал бесплатно пропускной билет на въезд в город и обратно, но с указанием на род привезенных им товаров. С 13 апреля торговцы мукой и зерном могли бесплатно получить от города необходимое им торговое помещение при условии, что в случае осуществления блокады Коммуна получает право преимущественной покупки их хлебных запасов по твердым ценам, которые будут введены применительно к рыночным, установившимся до начала блокады.

С 30 апреля министерство торговли и земледелия предоставило парижским булочникам возможность приобретать по сравнительно невысокой цене соль, необходимую при выпечке хлеба⁵⁾.

1) Лиссагарэ, прил. VI (стр. 480). *Lanjal. et Corr.*, p. 390. J. O., 28/IV.

2) Версальцы наступали на Париж с юго-запада.

3) *Enq. Parl.*, III, 102. „*Les 31 S. d. la Comm.*“, p. 106.

4) *M. P.*, II, 302.

5) *J. Off.*, 2. 28/IV, 14/IV, 30/IV.

Всякие реквизиции жизненных припасов были воспрещены, за исключением надлежащим образом установленных случаев крайности.

Согласно приказу делегата по военным делам (от 20/IV), национальной гвардии воспрещалось какое бы то ни было вмешательство в распоряжения железнодорожной администрации; приказ мотивировался тем, что такое вмешательство может иметь весьма тяжелые последствия для снабжения города провиантом ¹⁾.

С другой стороны, принимались меры против утечки продовольственных запасов из города. 1 апреля Исполнительная Комиссия воспретила вывоз всякого рода провизии впредь до нового распоряжения. 25 мая был разрешен вывоз всякого рода товаров, за исключением муки, оружия и военной амуниции. С 3 мая в число воспрещенных к вывозу товаров вошли съестные припасы и питательные напитки ²⁾.

Благодаря принятым мерам, Париж не испытывал при Коммуне тех лишений, которые пришлось перенести во время первой осады.

В «Официальном Журнале» не раз констатировалось, что в Париже имеются настолько большие запасы продовольствия, что предложение постоянно превышает спрос. Недостаток ощущался лишь в мясе, так что парижанам снова пришлось перейти отчасти на конину. В общем цены на съестные припасы не только не повысились, но на некоторые даже упали ³⁾.

Дело снабжения Парижа ведал сначала Паризель, а с 20 апреля—Виар; оба принадлежали к якобинско-бланкистскому крылу Коммуны. Виар восстановил таксу на хлеб и мясо (9 и 11 мая), 1 килограмм хлеба должен был продаваться не дороже 50 сантимов ⁴⁾; соответственно этой норме хлеб в 10 сантимов должен был весить 190 гр., в 15 сантимов—290, а в 20—390 гр.

Чтобы предотвратить недостаток в продовольствии и помешать развитию спекуляции, Продовольственная Комиссия Коммуны производила крупные закупки картофеля, масла, яиц и других продуктов, которые передавались затем администрации парижских округов и продавались населению по установленной таксе из муниципальных лавок ⁵⁾.

В некоторых округах снова были открыты общественные столовые, где нуждающиеся могли получать пищу в обмен на какую-либо работу.

¹⁾ J. Off., 10. 27/IV.

²⁾ Mur. Pol., II, 146. J. O., 29/IV, 4 V.

³⁾ Дюбрейль, 166. J. O., 28/IV. М. Р., II, 442—3. J. O., 26/IV, 22/IV, 12/V (p. 538—539), 18/V (p. 599).

⁴⁾ Сантим— $\frac{1}{100}$ франка, $\frac{1}{2}$ коп. по довоенному курсу.

⁵⁾ J. O., 9, 11/V; 27/IV (p. 599). М. Р., II, 452, 473.

«В ожидании решения социального вопроса, — говорилось в объявлении от мэра VIII округа, которым занята Парижская Коммуна, — мы хотели бы, по возможности, удовлетворить все неотложные нужды: обеспечить граждан продовольствием, одеждой и жилищем» ¹⁾...

в) Отсрочка уплат по векселям и другим обязательствам. — Коммуна и крестьянство.

Много внимания уделила Коммуна вопросу о просроченных долговых обязательствах. Как помнит читатель, Версальское Собрание отменило мораториум и назначило двухнедельный срок для уплаты по векселям, что повело к массовому банкротству мелкой и средней буржуазии и обеспечило сочувствие этих промежуточных социальных групп мартовскому перевороту.

Ставший затем у власти Ц. К. национальной гвардии приостановил платежи по векселям до 1 октября 1871 года. Коммуна, которая также стремилась сохранить единый революционный фронт с мелко-буржуазной демократией против версальцев, не могла обойти этого животрепещущего вопроса.

Ввиду его сложности, требовавшей обстоятельного обсуждения, 12 апреля Коммуна постановила приостановить все судебные иски, вчиненные к неисправным должникам, впредь до издания особого декрета о сроках уплат ²⁾.

Затем для рассмотрения поступивших в Коммуну проектов ликвидации просроченных обязательств была назначена специальная Комиссия, которая представила доклад по поводу трех проектов: бланкиста Тридона и двух правых прудонистов — Белэ и Журда.

Считая, что «торговля покоится на взаимной добросовестности коммерсантов», для которых является унижительным прибегать для улаживания их дел к судебной власти; что, с другой стороны, «важно расчистить почву для скорейшего расцвета торговли и промышленности», — Тридон предлагал приостановить всякие иски по просроченным векселям на три года с тем, чтобы по истечении этого срока уплата производилась с начислением 2%.

Более сложный проект был представлен Белэ. Для погашения просроченных обязательств учреждается Ликвидационная Коммерческая Контора, которая централизует в своих руках операции по погашению всех просроченных с 15 июля 1870 г. обязательств, для чего получает из средств

¹⁾ J. O., 12/IV.

²⁾ J. O., 13/IV.

Коммуны кредит в размере $\frac{1}{50}$ всей подлежащей уплате суммы.

Держатели просроченных векселей сдают их в Ликвидационную Контору, получая взамен особые билеты на ту же сумму, но, в свою очередь, выдают при этом конторе 36 заемных писем, подлежащих последовательной оплате через каждые два месяца, с тем, чтобы последнее обязательство было погашено 31 мая 1873 года. Векселя, выданные на сумму свыше 200 фр., разделяются на 24 купюры с начислением 6%.

Таким образом, кредиторы могут предъявлять векселя к уплате лишь по частям, что дает должникам время для восстановления своей кредитоспособности. В случае неуплаты должником по очередному обязательству, соответствующий взнос в Контору обязан сделать первый предъявитель векселя.

С погашением последней доли все обязательства держателей векселей в отношении Ликвидационной Конторы прекращаются.

Принятые Конторой векселя не входят в торговый оборот; зато выдаваемые взамен их билеты выпускаются купюрами от 20 до 1000 фр. и циркулируют в виде денежных знаков, наряду с банкнотами Французского Банка, но при условии погашения государством к 31 августа 74 года.

Выдвигая свой проект, Белэ имел в виду не только облегчить положение должников, обеспечив в то же время интересы их кредиторов, но и превратить лежащие без употребления в портфелях кредиторов обязательства в банковые билеты, могущие заменить в обращении денежные знаки, в которых как раз чувствовался—в связи с ликвидацией последствий войны—острый недостаток. Оживление же сделок должно повести к постепенному восстановлению всей хозяйственной жизни потрясенной войной страны.

Белэ считал свой проект «социалистическим» и рассматривал его, как первый этап на пути к социальной ликвидации ¹⁾.

Проект Журда, не менее искусственного в разработке всякого рода кредитных учреждений в прудонистском вкусе, сводился к следующему. Уплата по всякого рода долговым обязательствам, как-то: векселям, векселям на предъявителя, заемным письмам, полюбовным сделкам, оплаченным фактурам должна производиться в течение двух лет, начиная с 15 апреля текущего года. Каждая подлежащая уплате сумма разделяется на 12 равных купюр, уплачиваемых по триестрама, начиная с вышеуказанной даты.

¹⁾ „Les 31 S.“, p. 19—23; 14.

Владельцы упомянутых документов, сохраняя свои первоначальные права, могут реализовать выданные ими обязательства путем перевода векселей, заемных писем и трат на третьих лиц, но с указанием на характер обязательства и гарантию уплаты согласно декрету.

В случае отказа в признании документа или неуплаты, неки могут вчиняться лишь относительно подлежащей уплате части.

Должник, который, пользуясь предоставляемой настоящим декретом отсрочкой, станет расхищать, отчуждать или уничтожать свой актив тайно от кредитора, будет рассматриваться, если он коммерсант, — как виновный в злостном банкротстве, если он не коммерсант, — как виновный в мошенничестве. Как таковой, он подлежит судебному преследованию, возбуждаемому или его кредитором, или прокурорским надзором ¹⁾.

Комиссия Коммуны, состоявшая из 4-х прудонистов ²⁾ и одного представителя «большинства», отвергла проект Тридона, как составленный всецело в интересах должника, гарантирующий его от всяких преследований в течение трех лет, предоставляющий полную свободу вступать в какие угодно сделки со своим кредитором в целях сокращения предоставленной законом отсрочки. Комиссия полагала, что такая свобода может оказаться крайне пагубной для должника с точки зрения его дальнейшей кредитоспособности и коммерческой репутации.

С другой стороны, находили, что проект Тридона слишком игнорирует права и выгоды кредитора, которому не дается никаких гарантий против злой воли или даже обмана со стороны должника. Вообще ни в коем случае нельзя ставить на одну доску вопрос о коммерческих векселях и о квартирной плате, как это делает Тридон. Неисправность должника в уплате по векселям приостанавливает доставку товаров, ведет к расстройству кредита вообще и, таким образом, действительно связана с реальными потерями. Между тем невзнос квартирной платы наносит ущерб лишь домовладельцу, сокращая его доход, но не затрагивая целости его капитала. «Права кредитора, предъявителя просроченных векселей в такой же степени священны (sic!), как и права его должника».

Проект Белэ Комиссия считала неприемлемым, поскольку он требует, чтобы Коммуна взяла на себя обязанность гарантировать уплаты по всякого рода обязательствам, многие из которых, несомненно, носят подозрительный характер.

¹⁾ Ibid., p. 19 (J. O., 16/IV).

²⁾ В. Клеман, Лефранс, Тейс, Верюрель.

Большинство Комиссии высказалось за проект Журда, более чем оба других «проникнутой идеей, что недостаточно гарантировать коммерческое существование должников, предохраняя их от слишком строгих и преждевременных взысканий: необходимо—в интересах кредита вообще и возобновления сделок—снова пустить в оборот просроченные обязательства, разделив их на купюры». Но Комиссия внесла две поправки, предложив, во-первых, отнести срок начала уплат по обязательствам не к 15 апреля, а к 15 июля текущего года, во-вторых, оговорить, что за время отсрочки платежей никаких % % не начисляется ¹⁾.

Вопрос обсуждался в четырех заседаниях Коммуны. Противники проекта Журда (преимущественно представители «большинства») указывали, что он «слишком благоприятствует кредиторам в ущерб интересам должников, которым каждые три месяца придется погашать часть своего долга. В то же время свобода взыскания долга, предоставляемая кредитором согласно проекту, противоречит либеральным традициям Коммуны» (Паризель).

Отмечалось также, что проект Журда имеет в виду только Париж и не приложим, если кредитор живет в Париже, а должник—в провинции или за границей и обратно (Бильорэ). Франкель предлагал отодвинуть начало уплат по просроченным векселям до 15 июля 1872 года. «Необходимо,—говорил он,—прежде всего дать передышку мелким торговцам и тем предостеречь их банкротство».

Сторонники предложения Журда возражали, что только оно гарантирует известную исправность уплат и тем самым содействует возобновлению сделок, тогда как проект Тридона приостанавливает всякие платежи на целые три года и таким образом не восстанавливает «социальных отношений».

Что касается проекта Белэ, то помимо возражений, уже приведенных в докладе Комиссии, указывалось, что выпущенные Конторой билеты едва ли будут приниматься коммерсантами, что вообще «нельзя заменить существующее каким-то новым режимом, если при этом не будут созданы известные социальные гарантии».—«Если хотят создать для торговли какой-то органический закон, необходимо, чтобы ему предшествовали другие органические законы. Теперь же мы еще не имеем этой базы», говорил Журд ²⁾.

После долгих дебатов Коммуна приняла большинством всех против семи проект Журда в редакции Комиссии и с поправкой Груссе, рассрочивавшей уплаты не на два, а на три года ³⁾.

¹⁾ „Les 31 Séances“, p. 17—19.

²⁾ „Les 31 S.“. 13—15: 28. 37.

³⁾ J. Off. 19/IV.

Коммуна уделила много (даже слишком много!) внимания вопросу о сроках платежей, затрогивавшему интересы преимущественно средней и мелкой городской буржуазии, в лице которой пролетариат надеялся сохранить союзника против версальцев. Гораздо более надежную помощь рабочих Парижа мог бы получить со стороны крестьянства.

То обстоятельство, что деревня, жаждавшая прежде всего мира, послала в Национальное Собрание помещиков-монархистов, отнюдь не свидетельствовало о каком-то союзе мелкого землевладения с крупным. «В глазах французского крестьянства,—говорит Маркс,—уже самое существование крупного поземельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 года».

Крестьянство не могло чувствовать особой симпатии и к буржуазии, которая обирала его во времена Империи в лице банкового и кулацко-ростовщического капитала, а теперь «затянула гражданскую войну, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тягость 5-миллиардной контрибуции, которую буржуа обязались уплатить пруссакам»¹⁾.

Напротив, в одной из прокламаций пролетарского правительства, изданной еще Ц. К-том, говорилось, что бремя войны должны нести ее настоящие виновники. «Коммуна,—говорит Маркс,—могла бы завоевать симпатии крестьян, заменив постоянную армию всенародной милицией и освободив их, таким образом, «от налога кровью». Она «дала бы крестьянину дешевое правительство, заменило бы таких пиявок, как: нотариус, адвокат, судебный пристав и проч.—наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственным перед ним. Она освободила бы его от произвола полевого сторожа, жандарма и префекта; она заменила бы оупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем».

Наконец, «только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян... вопросы об ипотечном долге, который тяготел на крестьянской земле; о сельском пролетариате, возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее, благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия... Крестьянин был бонапартистом, потому что он отождествлял великую революцию и принесенные ею выгоды с именем Наполеона. Этот самообман при Второй Империи быстро исчезал. Этот предрассудок прошлого (по существу своему, враждебный стремлениям «помещиков») не мог бы устоять про-

¹⁾ „Гражд. война“, 55.

тив призыва Коммуны к жизненным интересам и потребностям крестьян»¹⁾.

Но несчастье Коммуны заключалось в том, что она была отрезана от провинции и лишена возможности идейно и организационно воздействовать на сельскую Францию. Коммуна выпустила две прокламации к крестьянам. Первая из них — «К деревенскому люду» — помечена 28 апреля. В этом воззвании выясняется происхождение и смысл революции 18 марта, которая «подлинно является величайшим актом народной справедливости, какой когда-либо имел место»; сущность коммунальной автономии; сообщается об избрании Коммуны, в котором приняли участие 250 тыс. человек, формулируются требования Парижа.

Прокламация признает, что поставленная Версалем в положении воюющей стороны Коммуна должна была, по необходимости, выступать в роли правительства, обеспечить, по возможности, правильное функционирование общественных учреждений и т. п., и таким образом выйти за пределы своей нормальной компетенции.

Подчеркивая, что Париж блокируется и обстреливается теми самыми изменниками-генералами, которые продали Францию пруссакам, прокламация рисует крестьянству две единственно возможные перспективы: либо версальцы ворвутся в Париж, и тогда — эшафоты, расстрелы, ссылки, запустение великого города, который «превратится в труп»; либо народ восторжествует и будет завоевана свобода для всей Франции: «расцветет освобожденный от всех оков... труд, оживут торговля и промышленность, разрушенные преступным поведением версальцев; широко разольется просвещение, насаждая интеллектуальное равенство, этот единственный источник и гарантия действительного равенства...»²⁾

Разбираемый документ совершенно не затрагивает деревенских пужд и не выдвигает особых требований в интересах крестьянства.

Совершенно иной характер носит манифест Парижа — «К сельским рабочим», появившийся в № 22 газеты «Коммуна» и принадлежавший перу известной социалистки Андре-Лео³⁾.

Воззвание начиналось с указания на общность интересов городского и сельского пролетариата. «Брат, тебя обману-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Enq. Parl. III. 294—295.

³⁾ Эта прокламация, которую разбрасывали потом с аэростатов, напечатана целиком у J. Claretie. Histoire de la révolution de 1870—1871. (Documents complémentaires du ch. IV. p. 671—672. См. также De-Balthiez Bragelonne. Paris Insurgé, 684—685 и Lanj. et Corr. 248—249. В газетах манифест был опубликован в половине мая; в его составлении принимал участие Малон.

вают! Наши интересы одни и те же. То, чего требую я, хочешь и ты; освобождение, которого я добиваюсь,—это твое освобождение. В городе тот, кто производит все богатства мира, испытывает нужду в хлебе, одежде, у него нет крова, ему нечего рассчитывать на чью-либо помощь; но разве не то же в деревне? Разве не безразлично, как называется эксплуататор: богатый помещик или капиталист? И ты, как и мы, при длинном и тяжелом рабочем дне не получаешь даже того, что необходимо для удовлетворения физических потребностей. Тебе так же, как и мне, недостает свободы, досуга, жизни для ума и для сердца. Ты и я — мы все еще рабы нищеты».

В буржуазном обществе надежды деревенского пролетария и полупролетария стать собственником — утопия. После тяжелой трудовой жизни крестьянин-бедняк вынужден нищенствовать. «Вот уже около века, как крестьянину и обездоленному поденщику твердят, что собственность — это священный плод труда, — и он этому верит. Но открой глаза и посмотри вокруг себя... и ты убедишься, что это — ложь. А вот ты — старик; ты все время работал, однако, тебе далеко до богатства: на старости лет ты остаешься без куска хлеба. Все твои сбережения ушли на воспитание детей, которых у тебя отнимает рекрутчина; или, женившись, они, в свою очередь, будут влачить жизнь, как вьючные животные, чтобы кончить ее так же, как предстоит кончить и тебе — нищенством. Опустив голову, пойдешь ты от двора к двору просить горькую милостыню.

Это несправедливо, брат-крестьянин. Разве ты не знаешь этого? Если бы собственность действительно была плодом труда, то кому же, как не тебе, быть бы собственником: ведь ты столько работал! Ты владел бы маленьким домом и огородом, что являлось твоей мечтой, целью, страстью твоей жизни, но чего ты не в состоянии был купить. А если тебе и удалось приобрести, на свое несчастье, клочок земли, ты уже влез в долги, которые высасывают из тебя все соки, гложут тебя, как червь, и придется твоим детям на другой день после смерти отца... продать землю, которая уже обошлась так дорого. Ну, брат, от трудов праведных не наживешь палат каменных! Богаты лишь тунеядцы, работники-бедняки и умрут бедняками...

Это несправедливо. Вот почему Париж восстает, протестует и требует изменения законов, которые дают в руки богатых всю власть над трудящимися».

Чего же требуют парижские рабочие для крестьян?

«Париж хочет, чтобы сын крестьянина получал такое же образование, как сын богача, при том получал *бесплатно*, потому что наука есть общее достояние; чтобы действительно

жить, образование так же необходимо, как зрение, чтобы видеть.

Париж требует уничтожения должностей, оплачиваемых по 20, 30 и 100 тысяч франков, что позволяет одному человеку в продолжение года проедасть состояние, которого хватило бы на много семей; уже одна эта экономия дала бы возможность устроить убежища для инвалидов труда.

Париж требует, чтобы человек, не являющийся собственником, или имеющий только дом с садом, не платил бы налогов: пусть вся тяжесть их падает на богатей!

Париж требует, чтобы те 5 миллиардов, которые нам придется уплатить Пруссии, легли на депутатов, сенаторов и бонапартистов, этих настоящих виновников войны. Пусть для уплаты контрибуции будет распорядано все их достояние на-ряду с имуществами короны.

Париж требует, чтобы правосудие ничего не стоило тем, кто в нем нуждается, и чтобы народ сам выбирал судей...

Прокламация заканчивается требованиями уже социалистического характера.

«В настоящий момент война Парижа это—война против ростовщиков, лжецов и паразитов...

Париж, наконец, хочет, запомни это хорошенько, работник земли, обездоленный поденщик, мелкий собственник, которого гложет ростовщик, мызник-арендатор,—все вы, кто сеет, собирает жатву, трудится в поте лица исключительно для того, чтобы лучшая доля плодов вашего труда досталась какому-нибудь бездельнику, в последнем счете Париж хочет: земли—для крестьян, средств производства—для рабочих, работы—для всех!

Париж объявил сейчас войну ростовщичество, обману, праздности. Вам говорят: «Парижане, социалисты стоят за дележку». Но разве вы, наивные люди, не видите, кто ведет с вами такие речи? Разве не сторонний дележки тот, кто, ничего не делая, вольготно живет за счет других? Разве вам не приходилось слышать, как воры, чтобы замести следы, сами кричат: караул!.. и успевают скрыться, пока ловят мнимого вора?

Да, плоды земли тем, кто ее возделывает!

Отныне пусть не будет больше ни слишком богатых, ни слишком бедных.

Да не будет более ни работы без отдыха, ни отдыха без работы!..

Это возможно. Нужны только хорошие законы, которые и явятся тогда, когда трудящиеся не потерпят больше, чтобы их обманывали бездельники.

И тогда—будьте в том уверены, братья-земледельцы,—те, кто производит мясо и хлеб, выгоднее продадут их на ярмарках и рынках: и для всех наступит изобилие плодов

земных, какого еще не было ни при королях, ни при императорах. Тогда работник будет есть сытно и вдоволь; труженнику не придется ни платить за патенты, ни вносить налоги...

Вам ясно теперь, что дело Парижа—ваше дело. Генералы, осаждающие сейчас Париж, это—те самые, что предали Францию. Депутаты, которых вы выбирали, не зная их, хотят снова вернуть короля Генриха V.

Если Париж падет, ярмо нищеты останется на вашей шее, его унаследуют и ваши дети. Помогите же ему одержать победу и, что бы ни случилось, хорошенько запомните: революции неизбежны до тех пор, пока не будет достигнута наша цель: земля—крестьянам, орудия—рабочим, работы—всем!»

Можно с полным правом сказать, что авторы этой прокламации сумели подойти вплотную к самым животрепещущим, самым наболевшим вопросам, волновавшим деревенскую бедноту; сумели в живой и популярной форме доказать необходимость братского союза между городским и сельским пролетариатом, наметить выход из того тупика, в который загнал деревню ход капиталистического развития. Аграрная программа, выдвинутая в этом документе, вполне соответствует приведенным выше строкам из работы Маркса, которому манифест «К сельским рабочим» не был, повидимому, известен.

г) Финансовая политика Коммуны.

В одной из глав I-го отдела настоящей работы мы уже отмечали значительную степень концентрации и централизации банковского дела в эпоху Второй Империи. Важнейшей финансовой организацией в Париже был Французский Банк, который спешно бежавшему правительству не удалось эвакуировать из города. «Для этого, — говорит Лиссагарэ, — потребовалось бы от шестидесяти до восьмидесяти повозок и целый корпус солдат».

Таким образом, Банк со всеми его ресурсами достался в наследство новому революционному правительству—Ц. К ту национальной гвардии. А эти ресурсы были весьма значительны. На 20 марта в кассе банка было 243 милл. фр. наличными (77 милл. в звонкой монете и 166 милл. в билетах), в портфеле—899 милл., облигаций на 120 милл.; в слитках—11 милл.; на сохранении—900 милл. в ценных бумагах и 7 миллионов в драгоценностях; всего—2 миллиарда 180 милл. франков.

Кроме того, в Банке хранилось на 800 милл. банковых билетов, которым нехватало только подписи кассира.

Таким образом, в распоряжении Банка имелось около 3 миллиардов фр., из них 1 миллиард наличными ¹⁾.

Вместо того, чтобы захватить Французский Банк и назначить туда своего директора, Ц. К-т удовольствовался тем, что заручился согласием Банка субсидировать новое правительство и получил через своих делегатов в счет города Парижа ²⁾ в два приема 2 милл. 350 тыс. фр.

Коммуна продолжала эту нерешительную политику. Она оставила на месте помощника директора банка (директор бежал), прикомандировав к нему в качестве комиссара правого прудониста Белэ, который в Исполнительной Комиссии Коммуны сделал следующее характерное заявление. «Необходимо уважать Банк со всеми его привилегиями и преимуществами; надо, чтобы он стоял высоко с его безупречным кредитом и с его билетами *al pari*. В этом заинтересована вся Франция; следовательно, и Версаль, но настолько же заинтересован и Париж, и даже больше, и вместе с Парижем и Коммуна. Если мы приступим к захвату Банка, если мы займем его национальной гвардией, то можем завладеть металлическим фондом. Сколько же его? 50 милл., в данный момент наличность не превышает этого, потому что нормальная и действительная его наличность была переведена перед осадой в одно из департаментских отделений. Если взять эти 50 милл., то у Коммуны и парижского населения останутся лишь обесцененные билеты, лишенные всякой стоимости, простые бумажные тряпки, за которые нельзя будет купить у булочника хлеба за 4 су. Произойдет ужасающий кризис, за который на Париж ополчится весь свет, а против правительства Коммуны—все парижское население. Прекратятся все торговые сделки, коммерция будет убита, и Ратуша не в состоянии будет обеспечить существование жителей. Вывод: мы жизненно заинтересованы в том, чтобы уважать Банк, при существовании которого мы можем быть уверены, что найдем необходимые нам средства... Всякий насильственный захват обратился бы против нас самих, превратив клише банковской экспедиции бумаг в клише для изготовления ассигнаций» ³⁾.

Вся эта аргументация, имевшая целью запугать членов Исполнительной Комиссии, конечно, не выдерживала серьезной критики. Совершенно непонятно, почему Коммуна должна была непременно дустить в оборот весь золотой запас, ле-

¹⁾ См. показание помощника директора Банка де-Плека пред следственной комиссией. *Enq. Parl.*, II, 489; III, 438. Реакционный историк Максим дю-Кан определяет наличность Банка в 2 миллиарда 960 милл.

²⁾ Париж имел в Банке на текущем счете 8.826.860 фр. (*M. du Camp*, III, 180).

³⁾ Цитирую по Дюбрейлю (444—445), который резюмирует точку зрения Белэ, изложенную последним в „*La vérité sur la Commune*“, p. 75—109.

жавший в кассах Банка, когда Париж и вся Франция испытывали острую нужду в денежных знаках. (На это указывал, между прочим, сам же Белэ в своем проекте ликвидации долговых обязательств.) Наивно было также надеяться, что переход власти в руки пролетариата может и не сопровождаться потрясением денежно-кредитной системы и прочих устоев буржуазного общества.

Но доводы Белэ показались настолько убедительными, что Комиссия согласилась с ними без прений. Сама Коммуна также не сделала ни малейшей попытки подвергнуть критике банковую политику Белэ. «Я должен заметить,—писал он впоследствии,—что... ни со стороны «большинства», ни со стороны «меньшинства» ни разу не было внесено предложения, имевшего в виду, пользуясь властью, применить к Банку строгие меры»¹⁾.

Помощник директора г. де-Плек был так доволен своим комиссаром, благоговевшим перед святыней буржуазного общества, что предоставил в распоряжение Белэ ночную квартиру в помещении Банка, а после гибели Коммуны помог ему бежать в Швейцарию, снабдив паспортом.

Необходимость бережной политики в отношении Банка отстаивал перед Коммуной и министр финансов (тоже правый прудонист) Журд. После организации Комитета Общественного Спасения Журд заявил, что выходит в отставку, при чем мотивировал свое решение, главным образом, тем, что, предоставляя Комитету чрезвычайные полномочия, Коммуна лишает делегата финансов всякой самостоятельности; последний не может поэтому поручиться, что отношения между Коммуной и Банком не будут испорчены. А между тем «Коммуна весьма заинтересована в том, чтобы бережно относиться к этому учреждению и даже оказывать ему содействие». — «Для спасения нашей Коммуны, — говорил Журд, — я требовал, чтобы мне предоставили возможность сделать кредит более устойчивым, добиться восстановления денежного обращения...»

Только при таких условиях можно было надеяться заключить «вполне обеспеченные займы»²⁾.

Читая эти строки, приходится согласиться с Лиссагарэ, который писал: «Крепость капитала в Версале не имела нигде более ревностных защитников, чем в Ратуше»³⁾.

За время своего существования Коммуна получила от Банка всего 16 милл. 690 тыс. фр. Между тем бежавший из Парижа директор Банка Рулан субсидировал правительство Тьера через провинциальные отделения, куда была вы-

¹⁾ Beslav, „La vérité sur la Commune“, p. 77.

²⁾ „Les 31 S.“, 157—159 (J. Off., 4/V).

³⁾ Лисс., 197.

везена перед осадой ббольшая часть золотой наличности; таким путем за два месяца версальцы получили 257 милл. 630 тыс. фр. ¹⁾), т.-е. в 15 раз больше суммы, выданной Банком Коммуне.

Кредит, оказанный Французским Банком, несомненно, ускорил реорганизацию версальской армии, задушившей затем парижский пролетариат. Иначе говоря, Коммуна и ее делегаты, столь ревниво оберегавшие кредитоспособность Банка и благоговевшие перед частной собственностью, ускорили своей политикой падение Коммуны.

Политика Коммуны в отношении Банка не раз подвергалась суровой критике. Паскаль Груссе писал впоследствии Журду: «Ваша ошибка, разделяемая вами со многими другими, состоит, по-моему, в том, что вы думали, что нужно спасти «кредит Парижа», когда дело шло о самом его существовании».

Мысль правильная: решалась судьба пролетарской революции; под угрозой надвигавшейся армии Тьера пролетарское правительство должно было не падать никаких средств, не останавливаться ни перед какими мерами для усиления обороны города. Но непонятно, почему представитель «большинства» П. Груссе и его сотоварищи в свое время молчаливо одобрили политику Белэ и Журда.

Позиция, занятая Коммуной в отношении Банка, была ошибочна и в другом отношении. «Все повстанцы,—говорит Лиссагарэ,—серьезно относившиеся к делу, начинали с того, что забирали в свои руки кассу, нерв противника; один только Совет Коммуны отказывался сделать это. Он отменил бюджет на содержание духовенства, которое находилось в Версале, и оставался в восторге от бюджета буржуазии, который он держал в своих руках. В своем ребяческом увлечении члены Коммуны не заметили настоящих заложников, которые имелись у них под руками; а это был банк с его

¹⁾ Когда директор банка г. Рулан явился по приказанию правительства в Версаль, он был задержан там Тьером, который заявил: „Вы мне нужны, так как мне необходимы деньги; мы бедны, как церковные крысы; мы перерыли все карманы и набрали всего 10 тыс., а мне надо 200; останьтесь здесь, с ищитесь со своими отделениями, распоряжайтесь, как хотите, но дайте мне денег, еще и еще денег, иначе—все погибло“. (Max. du Camp., III, p. 209).

Реакционный историк Максим дю-Кан откровенно повествует, для чего нужны были деньги версальцам: для эвакуации французских военнопленных из Германии, их экипировки, вооружения и содержания; для отправки тяжелой оадной артиллерии из портов к парижским укреплениям, для „покупки вождей инсургентов“.

Рулан „не щадил себя“, и „в то время, как Коммуна догучала Французскому Банку, чтобы вытянуть из него несколько тысяч банковых билетов, Банк давал миллионы законному правительству“ (Ibid., 297) 29 мая, когда версальцы уже торжествовали победу, Тьер потребовал из Банка еще 40 милл. (Ibid.).

90 тысячами вкладчиков и другие финансовые учреждения». «Вот с какой стороны можно было захватить в свои руки жизненный нерв буржуазии, и тогда только смеяться над их изворотливостью и их шутками. Тогда Коммуне, не подвергая опасности ни одного человека, достаточно было бы только заявить версальцам: «Уступка или смерть!»¹⁾

С финансовой политикой Коммуны знакомит нас отчет о состоянии государственных ресурсов, представленный Журдом в заседании 2 мая²⁾. Отчет составлен за время от 20 марта по 30 апреля.

В сумму поступлений, которая составила 26.013.916 фр., вошли, во-первых, 4.658.112 фр., найденных Журдом в кассах различных учреждений; 1.284.477 было в казначействе Городской Думы; 7.750.000 получено из Французского Банка. Затем следовали доходы в виде косвенных и прямых налогов: регистрация и гербовый сбор дали 560 тыс., городской налог на съестные припасы (октруа), доход с почты и телеграфа, акциз на табак, рыночные и таможенные сборы — 10.801.874; прямые налоги — 110.192. Внесено национальной гвардией в различные кассы — 480.840.

Согласно декрету 27 апреля, пять железнодорожных компаний, правления которых находились в Париже, должны были в недельный срок внести налог, причитающийся с них с 18 по 20 апреля, в размере 2 милл. фр.³⁾. К 30 апреля компании уплатили 300.000 фр.

Таковы были главнейшие *доходные* статьи бюджета. Отсюда видно, что в общем вся прежняя налоговая система была оставлена Коммуной в неприкосновенности⁴⁾.

А между тем в 1870 году Бланки, авторитет которого очень высоко стоял в глазах «большинства», рекомендовал, как мы видели, не только уничтожение всех косвенных налогов и замены прямых прогрессивным налогом на доходы и наследства, но и прекращение платежей по займам, т.е. государственное банкротство.

Главнейшие *расходные* статьи были следующие.

Первое место, естественно, занимают суммы, отпущенные на военное ведомство, флот и интендантство — 21.898.891 фр.⁵⁾. Если присоединить сюда же 182.510 фр., израсходованных на содержание военных госпиталей, и 44.500, ассигнованных Комиссии по сооружению баррикад, то общая сумма главных

¹⁾ Лисс., 195—197.

²⁾ См. Ж. О., 4/V.

³⁾ Ж. О., 28/IV.

⁴⁾ Если не считать отмены штемпельного сбора с периодических изданий. Сбор с афиш и объявлений коммерческого характера был сохранен (М. Р., II, 311).

⁵⁾ Из них 11.984.495 — на содержание нац. гвардии (Gaston da Costa, „La Commune vécue“, III, 9).

расходов, связанных с обороной города, определится в 22.125.901 фр., что составляло 85% всей суммы расходов.

Затем, идут суммы, отпущенные в распоряжение 20 окружных мэрий—1.445.645. Из центральных комиссий или делегаций Коммуны наиболее крупные ассигновки получили Комиссия Общественной Безопасности (235.039), Внешних Сношений (112.129) и Внутренних Дел (103.730). Расходы по делегации Торговли определены в 50 тыс. фр.

До смешного ничтожны суммы, отпущенные в распоряжение делегации по Народному Просвещению (1000 фр.) и делегации Труда и Обмена—в 6800 фр.¹⁾ Необходимо, впрочем, оговориться, что значительные суммы на нужды народного образования расходовались отдельными округами.

Весьма скромной оказалась и сумма пособий, выданная рабочим ассоциациям портных и сапожников (24.662 фр.).

В рубрике муниципальных расходов первое место занимает содержание пожарных (99.943), затем идет содержание дорог и мостов—27.516; более чем скромны расходы на больницы (10.000 фр.).

Общая цифра расходов определилась в 25.138.089. Баланс сведен с остатком в 875.827 фр.

В течение мая Журд подписал еще на 20 милл. ассигновок²⁾. Таким образом за 72 дня своего существования Коммуна истратила несколько более 46 милл. фр. Цифра весьма скромная!

В целях осуществления контроля над расходованием денежных сумм различными ведомствами, 19 мая была учреждена «высшая счетная комиссия», обязанная представлять Коммуне ежемесячные отчеты о результатах своих работ³⁾.

д) Социализм Коммуны.

В своей работе «Терроризм и Коммунизм», написанной специально для посрамления русских коммунистов и их советской республики, Каутский пытается доказать, что Коммуна не должна была приступать к социалистическому переустройству общества. Он признает, что революция 18 марта была неизбежна, хотя против захвата власти рабочими го-

¹⁾ *Ib.*, p. 9.

²⁾ Дюбрейль, 168.

³⁾ *J. O.*, 20/V. G. da Costa определяет общую цифру расходов с 20/III по 24/V в 41.232.584 фр.; доходов—в 41 988.395 фр. С 30 апр. по 24 мая поступления выразились в сумме 15.252 937 фр., расходы—в 16.122.452 фр., при чем по отдельным статьям расходы составляли: военное министерство, жалование нац. гвардии, интендантство, военные госпитали, флот, сооружение баррикад и т. п.—14.935.778; на нужды округов и на содержание центрального управления—всего 1.183.660 фр. (*G. da Costa*, III, p. 9—12).

ворила не только их неорганизованность и политическая незрелость, но и то обстоятельство, что большая часть страны носила аграрный характер, да и сам Париж был в значительной степени мелко-буржуазным городом.

— Но если пролетариат вынужден был стать у власти, — продолжает Каутский, — то это еще не значит, что он должен был осуществлять социалистический переворот; — и Каутский ссылается на письмо Маркса к Кугельману, в котором задача революции во Франции определяется, как *сломка* военно-бюрократической машины, при чем ни слова не упоминается о социализме ¹⁾.

Но вот что говорит тот же Маркс в своей «Гражданской войне»: «Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была, поэтому, служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а, следовательно, и классовое господство...»

Итак, вопреки Каутскому, Маркс полагал, что захват власти пролетариатом должен сопровождаться уничтожением «социального рабства» и как раз не делал исключения из этого правила для Парижской Коммуны 71 г.

Но и Каутский вынужден признать, что «пролетариат не может нигде стать у кормила правления, не изменив наряду с организацией власти и организации производственных отношений, что улучшило бы экономическое положение рабочих».

И парижский пролетариат мог, по его мнению, в случае победы над Версалем, приступить к национализации железных дорог, может быть, каменноугольных копей и железных рудников, но он отнюдь не должен был осуществлять социализм ²⁾.

После опыта русской революции мы знаем, что национализация даже крупнейшей промышленности не может быть делом нескольких дней. Но переход в собственность государства железных дорог и важнейших отраслей добывающей промышленности при диктатуре пролетариата имеет совершенно иное принципиальное и практическое значение, чем насаждение государственного капитализма в буржуазном обществе. Экспроприация крупного промышленного капитала, проводимая пролетарской властью наряду с национализацией банков, несомненно, есть первый крупный шаг на пути к социализму. Этого как раз не хочет понять Каутский.

С другой стороны, уже сам факт, что пролетариат стал у власти и сумел удержать ее в руках, показывает, что

¹⁾ Kautsky. „Terrorismus und Kommunismus“, 69.

²⁾ Ibid.

некоторые материальные и психологические предпосылки для перехода к социализму уже имелись налицо: то, что парижские рабочие стали у власти не в 1796 ¹⁾ или 1848, а в 1871 г., отнюдь не является какой-то шуткой истории. Но как далеко пойдет обобществление средств производства в пролетарском государстве — это зависит от всей совокупности условий данного исторического момента, в частности — от соотношения сил. Указывать здесь какую-либо определенную границу, дальше которой рабочая власть не может итти при данном уровне развития производительных сил, невозможно: это значило бы впадать в тот бесплодный педантизм, которым Каутский и его единомышленники прикрывали свою гнусную измену делу социализма, считая, что немедленный переход к социализму не возможен даже в Германии 1918 — 1919 г.г.

Посмотрим теперь, в какой степени социалистическое преобразование общества ставилось в эпоху Коммуны в порядок дня, и можно ли говорить об элементах социализма в ее строительстве.

Начнем с официальных программ и заявлений. Мы видели, что декларация Коммуны 19 апреля говорит о необходимости экономических реформ в весьма туманной, притом окрашенной определенно прудонистской идеологией форме: «Париж оставляет за собой право... создать учреждения, необходимые для развития... производства, обмена и кредита, для обобществления власти и собственности...»

Более ярко социалистический элемент выступает в цитированной в 3 главе настоящего отдела прокламации Ц. К. от 5 апреля.

Несомненно социалистический характер носит прокламация Коммуны в деревенской бедноте. «Париж хочет, — говорилось там, — земли для крестьян, средств производства — для рабочих, работы — для всех».

Конечно, выдвинутый здесь лозунг еще не означает обобществления всех средств производства, а в том числе и земли, что после решений Брюссельского и Базельского конгрессов Интернационала должно было стать официальным требованием социалистов. Возможно, что «синдикалистский» характер лозунга объясняется не только желанием популяризировать требования, выдвинутые революцией 18 марта, но и сознательным оппортунизмом авторов прокламации, боявшихся отпугнуть крестьянство, провозгласив принцип национализации земли.

«Коммуна, — писал Маркс в «Гражданской войне», — хотела уничтожить... классовую собственность, которая превращает

¹⁾ Год раскрытия заговора Бабефа.

труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприровать экспроприаторов. Она хотела создать индивидуальную собственность взаправду, превратить средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудие свободного ассоциированного труда»¹⁾.

Марке прав, если под словом Коммуна понимать само движение, первую пролетарскую революцию, которая по своим тенденциям, действительно, была социалистической. Но Коммуна, как орган этой революции, ни в одном документе не формулировала последовательно социалистических требований, да и не могла их формулировать, прежде всего уже потому, что в большинстве состояла не из социалистов. Нельзя поэтому согласиться с Арну, когда он пишет, что «Коммуна решительно развернула знамя социализма...»²⁾.

Обращаясь к социалистической литературе того времени, мы должны будем вспомнить, что в эпоху Коммуны во Франции не было социалистической партии, а местные секции Интернационала не имели никакой общей программы. В тех немногих заявлениях программного характера, которые исходили после революции 18 марта от Парижской Федерации, мы находим те же прудонистские формулы, что и в Декларации Коммуны. Так, накануне избрания последней интернационалисты требовали в своей платформе «организации кредита, обмена и ассоциаций в целях обеспечения работнику прав на полную стоимость его труда».

Лишь в адресе организованной П. Лафаргом бордосской секции, составленном, правда, еще в половине октября 70 г., находим элементы подлинно социалистической программы. «Лучшая часть европейского и американского пролетариата, — говорилось там, — пришла к тому, основанному на данных науки, убеждению, что все частичные реформы бессильны серьезно и прочно улучшить положение рабочего класса, и что рабочий класс, являющийся единственным производителем умственных и материальных ценностей, вступит в полное обладание продуктами своего труда лишь тогда, когда все орудия производства, под которыми мы разумеем землю, денежный капитал, фабрики и т. п., будут исторгнуты из рук владеющих классов и возвращены тем, которые их произвели»³⁾.

Но, может быть, более отчетливую формулировку социалистических требований найдем в тогдашней социалистической публицистике?

«Настоящее движение, — писал в журнале «Коммуна» («La Commune») Мильер, — есть в одно и то же время революция

1) „Гр. война“, 53.

2) Arnould, III, 97.

3) Enq. Parl., II, 462.

политическая и новая—социальная. Ошибочно думать, что революция 1871 г. есть только муниципальная революция... В сущности, дело идет о том, удержится ли во Франции республика с ее социальными последствиями».

Более определенную постановку вопроса находим в статье Вермореля, помещенной в № 2 газеты «Друг Народа» («*Ami du peuple*»), от 24 апреля. Верморель писал: «Необходимо принять целительные меры..., чтобы передать в руки работников богатства, остающиеся непроизводительными или получающие губительное употребление вместо того, чтобы послужить к подъему благосостояния всего общества». Но уже в следующем № (от 28/IV) он отказывается от руководства газетой, так и не поделившись с читателями, в чем собственно должны заключаться конкретно эти «целительные меры»¹⁾.

Особенность революции 18 марта подчеркивается и в одном из № «Социальной Революции» («*La Sociale*»). «На этот раз,—читаем там,—социальная революция произойдет не к выгоде ни буржуазии, ни крестьянства. Буржуа и крестьянин завоевали себе права. Революция совершится в интересах городских рабочих! Права на орудия труда—вот чего мы хотим! Реформы промышленной системы! Мы достаточно боролись за нее посредством стачек, организаций, кооперативных обществ и Интернационала. И мы добьемся этой реформы!».

Правда, вслед за этими строками автор статьи сбивается на рассуждения во вкусе либеральной рабочей политики, весьма напоминающие «Манифест 60-ти»: «Будьте уверены, буржуа и крестьянин, дело идет не о том, чтобы лишить вас плодов ваших завоеваний; вы законно владеете благоприобретенным. Но мы требуем теперь своих прав, как 80 лет тому назад вы добивались своих. Дело идет не о том, чтобы занять ваше место, но получить его рядом с вами. Мы можем идти параллельно».

Как возможна «социальная революция», не затрагивающая интересов и прав буржуа—это, конечно, остается секретом автора. Во всяком случае, статья заканчивается призывом к мирному преодолению капитализма: «Мы пойдем мирным путем, действуя в первую очередь убеждением, затем—опираясь на закон, пойдем к пересмотру экономического баланса, к социальной ликвидации. Долой эксплуатацию человека человеком! Долой патронат и систему наемного труда! Работа, свобода, справедливость, равенство. Нет политических прав без экономических! Нет свободы и справедливости без равенства... Нищета—мать рабства»²⁾.

¹⁾ Цитирую по Лаврову, стр. 182, 126.

²⁾ Gagnière. „Histoire de la presse sous la Commune“, p. 339.

Наконец, особого внимания заслуживают статьи социалистки Андре Лео, появившиеся в 21—22 № «Коммуны». «Париж, восставший против Собрания,—писала она,—это уже не Коммуна, это революция... Париж обладает социальной идеей, он должен... высказать ее громко, определенно ясно». Вторая статья, в которую вошло уже известное читателю воззвание к крестьянству, заканчивалась такими словами: «Артиллерия Парижа» это—социальная идея... Париж должен послать призыв беднякам ¹⁾.

Таковы были немногочисленные заявления социалистического характера, которые можно встретить в литературе интересующей нас эпохи. Но одно дело—декларации, пожелания, программы, другое—претворение их в жизнь. Это приводит нас ко второму, поставленному выше вопросу: можно ли и в какой мере можно назвать *политику* Коммуны социалистической?

Ответ на него, в сущности, уже дан в настоящей главе, специально посвященной социально-экономической политике Коммуны. Здесь остается подвести лишь итоги.

Еще Брюссельский конгресс Интернационала вынес резолюцию, требовавшую национализации всех средств сообщения и передачи важнейших отраслей добывающей промышленности в аренду рабочим товариществам при условии, что будут гарантированы интересы всего общества, за которым остается не только право собственности на средства производства, но и *право контроля* (проверка отчетов рабочих товариществ, регулирование цен изготавливаемых ими продуктов и т. д.). Кроме того, «социальный коллектив» должен иметь гарантию, что такое предприятие не перейдет снова в руки частного лица ²⁾.

В Париже не было железных рудников или угольных копей, но в нем находились правления пяти крупнейших железнодорожных компаний, в руках которых сосредоточивалась почти вся рельсовая сеть страны.

Тем не менее вопрос о национализации железных дорог не был поставлен в Коммуне. Правда, на одном из заседаний Жоаннар потребовал, чтобы все имущество компании Северной железной дороги было конфисковано в пользу государства, если в течение 48 часов не будет восстановлено правильное железнодорожное движение ³⁾. Но в данном случае национализация предлагалась лишь в виде карательной меры, и самое предложение Жоаннара приходится рассматривать, как попытку воздействовать на саботажников из высшей железнодорожной администрации. Как уже было указано,

¹⁾ Лавров, 183—184.

²⁾ Testu. „Le livre bleu de l'international“, p. 254—255.

³⁾ „Les 31 S.“, 105—106. (J. O., 29/IV).

Коммуна ограничилась установлением государственного контроля над эксплуатацией железных дорог. Рабочий контроль был осуществлен лишь в некоторых правительственных учреждениях и в казенных мастерских по починке оружия; ни на одно из частных предприятий он не распространялся.

Наиболее важным мероприятием, носящим социалистическую окраску, надо считать декрет о мастерских, бездействующих вследствие бегства их хозяев. Напомним, что еще до революции 4 сентября Милльер предусматривал экспроприацию предприятий, приостановленных их владельцами на другой день после социального переворота. Аналогичную меру рекомендовал в 1870 г. и Бланки..

Необходимо, однако, отметить, что в декрете Коммуны говорилось не о национализации покинутых фабрик и заводов, а о передаче их рабочим производительным товариществам, которые должны были образоваться из занятых в таких предприятиях рабочих... Предполагалось ли при этом оставить за государством право известного контроля над такими рабочими ассоциациями—об этом в декрете не говорилось.

Та же тенденция поощрять возникновение рабочих производительных товариществ видна и в декрете 13 мая, согласно которому при сдаче казенных подрядов должно было отдаваться преимущество рабочим артелям перед отдельными предпринимателями.

Отсюда как будто следует вывод, что Коммуна даже не приступила к планомерной «экспроприации экспроприаторов», а наиболее социалистический из ее декретов носил явно синдикалистский характер.

Но упрекать Коммуну в том, что за 72 дня своего существования, находясь при том в положении осажденного города и вынужденная считаться с полной неподготовленностью пролетариата, она не провела социализации транспорта и хотя бы крупнейших фабрик и заводов, — было бы все же слишком поспешно.

Недавний опыт русской пролетарской революции показывает, что даже при большей подготовленности рабочих и при наличии гораздо большей концентрации промышленности, процесс национализации промышленности совершался довольно медленно¹⁾.

На первых порах после октябрьской революции и у нас национализация носила стихийный и преимущественно карательный характер: фабрики и заводы брались рабочими, когда хозяева закрывали предприятия или бежали. А каким сравнительно медленным темпом шла национализация, видно из сле-

¹⁾ В Париже, как помнит читатель, мелкие и средние предприятия в эпоху 2-й Империи решительно преобладали над крупными, что до чрезвычайности затрудняло национализацию фабрик и заводов.

дующих цифр. Из 10 тысяч средних и крупных предприятий, начиная от предприятий с механическими двигателями и 16 рабочими, и без механических двигателей, но с 32 рабочими, имевшихся в России, с октября 1917 г. по конец мая 1918 года (т.-е. за 7 месяцев) было национализировано всего 304 предприятия; к декабрю 1918 г.—уже 1.125, т.-е. число национализированных предприятий увеличилось почти в 4 раза.

Не следует далее забывать, что в течение первых семи месяцев после революции происходила исключительно национализация отдельных фабрик; лишь с мая по декабрь 1918 года национализация связывалась с организацией целых отраслей промышленности в единые тресты с центральным управлением в общенациональном масштабе ¹⁾.

Вспомним, наконец, что самый декрет о национализации важнейших отраслей промышленности появился у нас 28 июля 1918 года, т.-е. через 8 месяцев после октябрьской революции.

Существенная разница между Коммуной и советской республикой заключается в том, что в России у власти стояла коммунистическая партия ²⁾, которая имела не только научно-обоснованную социалистическую программу, но и отдавала себе вполне ясный отчет в тех социально-экономических мероприятиях, которые надлежало осуществить в переходный период, тогда как ни у бланкистов, ни у левых прудонистов, ни у Коммуны в целом никакой определенно социалистической программы не имелось. Если Коммуна успела даже приступить к социализации промышленности, то на этот первый шаг ее толкнула сама жизненная обстановка—факт диктатуры пролетариата и дезорганизации производства, находившегося в руках частных предпринимателей.

Освободительные стремления пролетариата, который с половины апреля только один поддерживал Коммуну, не могли не отразиться на ее деятельности, даже независимо от сознания ее членов. И если бы Коммуна продержалась дольше, она неизбежно стала бы на путь решительного социалистического преобразования общества.

Этого совершенно не способен понять Да-Коста, который считает революцию 18 марта «политической, республиканской, патриотической и исключительно якобинской» и отказывается видеть в ней «социальную войну».

«Если во главе правительства стояли бланкисты и прудонисты, которые были социалистами,—говорит он,—а боль-

¹⁾ См. Труды 1 и 2 Всеросс. Съездов Советов народного хозяйства, стр. 2, 45—46.

²⁾ С октября фактически, а после ухода из правительства левых эсэров и формально.

шинство национальных гвардейцев—пролетарии, то отсюда отнюдь еще не следует, что гражданская война имела якобы характер социального мятежа, наподобие лионского восстания 1831 года или июньских дней 1848 года: при Коммуне «не был поставлен вопрос о заработной плате, не наблюдалось и широкого стачечного движения»¹⁾).

Все эти рассуждения показывают, что претендовавший на звание «истинного социалиста-революционера» Да-Коста совершенно не заметил ни своеобразных экономических условий, в которых приходилось действовать стоявшим у власти парижским рабочим, ни тех совершенно новых способов борьбы с безработицей и хозяйственной разрухой, которые уже имелись налицо в социально-экономической политике Коммуны.

Но нельзя отрицать одного: все же Коммуна чрезмерно бережно относилась к принципу частной собственности, что, надо полагать, объясняется отчасти боязнью оттолкнуть от себя мелкую буржуазию, представлявшую собою довольно значительный общественный слой, который незаметно переходил в пролетариат. «Грани между классами в парижской среде,—говорит Дюбрейль,—в то время были выражены не резко, чем в наши дни. Поэтому затруднительно было выдвинуть всецело на первый план экономические нужды различных категорий трудящихся, живущих исключительно на заработную плату, не рискуя затронуть при этом одновременно привычек и интересов целого мира мелких производителей, еще владевших орудиями своего труда»²⁾).

Характерно, что, согласно декрету 16 апреля, владельцы брошенных предприятий могли, по своему возвращении, рассчитывать на получение вознаграждения за свои фабрики и заводы, отошедшие к рабочим товариществам.

Декрет о безвозмездном возвращении части вещей из ломбарда предусматривал соответствующее вознаграждение его акционерам из средств Коммуны. «Разрушить ссудные кассы,—говорил Журд в заседании 25 апреля,—это значило бы наложить руку на собственность, чего мы еще никогда не делали»³⁾).

В проекте ликвидации Ссудной Кассы, представленном Комиссией Труда и Обмена, также проектировалось вознаграждение пайщиков ломбарда, путем замены залоговых квитанций особыми бумагами, выпускаемыми Коммуной с обязательством погашения в течение 5 лет. Но Коммуна так и не решилась закрыть совсем это мошенническое предприятие.

¹⁾ G. Da Costa. „La Commune vécue“, III, p. 63—69 (passim).

²⁾ „Histoire Socialiste“, XI, 419.

³⁾ J. Off., 26 IV („Les 31 S.“, p. 92).

В вопросе об отсрочке платежей по векселям и другим обязательствам было проявлено чрезвычайно заботливое отношение к интересам кредиторов.

Всякие попытки самочинной конфискации собственности, принадлежавшей даже крупному капиталу, решительно пресекались. 31 марта Коммуна распорядилась снять печати, наложенные накануне ее агентами на книги и кассы пяти страховых обществ. 183. 310 фр., реквизированных «в порыве усердия», как говорит официальное сообщение, национальными гвардейцами у Парижской Газовой компании, были немедленно возвращены по принадлежности ¹⁾.

Наконец, вся политика Коммуны по отношению к Французскому Банку свидетельствует об ее почтительном отношении к священной частной собственности, в частности — к собственности паразитов-рантье. Когда 24 мая в «Официальном Журнале» появилась заметка, будто в течение 48 часов предполагается сжечь записи ренты и так называемую большую долговую книгу, это вызвало негодование среди большинства членов Коммуны. «Это одно из самых опасных сообщений, которое волнует общество», сказал Журд. Предлагали немедленно напечатать соответствующее опровержение в «Официальном Журнале» и вынести порицание автору заметки (Грелье), или даже арестовать его ²⁾.

Интересы денежного капитала представлялись столь же священными, как и интересы промышленников. В том же заседании П. Груссе предложил принять меры для уничтожения всех денежных обязательств, принадлежащих версальцам, в тот день, когда они вступят в Париж, что вызвало протестующий шум в собрании ³⁾.

В общем Коммуна не успела произвести коренного изменения в отношениях собственности, и нельзя не согласиться с тем выводом, к которому приходит П. Лавров, говоря, что «в сущности ни один камень экономического строя, враждебного пролетариату, не был сдвинут с места представителями *его* революции» ⁴⁾. Фактически к «экспроприации экспроприаторов» так и не приступили.

Того же мнения держались впоследствии и некоторые из членов Коммуны. «В действительности, — пишет Белз, — стремительный ход событий и необходимость реагировать на все перипетии борьбы не позволяли заседавшему в Городской Думе Собранию приняться хотя бы за самое небольшое социальное преобразование. Просмотрите от начала до конца протоколы, декреты, принятые мероприятия, и вы убедитесь,

¹⁾ J. O., 31/III, 24/IV.

²⁾ См. J. O., 22/V.

³⁾ I.

⁴⁾ Лавров, 122.

что Коммуна даже не имела времени приступить к разрешению ни одного из выдвинутых социализмом вопросов»¹⁾.

Умеренность Коммуны в области социальных реформ должна быть отнесена не только на счет якобинско-бланкистского большинства, недооценивавшего всей важности перемен в области экономических отношений, но и на счет прудонистского меньшинства. «Никто в Коммуне, — пишет Арну, — не подумал бы возражать против необходимости социальных реформ, и все декреты социалистического характера прошли без оппозиции, вообще единогласно». В заседании 12 мая представитель «большинства» Бильоре говорил, обращаясь к фракции «меньшинства»: «Вы передали вашу власть Комитету Общественного Спасения, заменяющему вас в действии и оставляющему вам время заняться чрезвычайно важными вопросами социально-экономического законодательства»²⁾.

Но интернационалисты, которые всегда настаивали, что «экономическое равенство является необходимой предпосылкой истинной политической свободы», «едва решились дотронуться до святыни собственности — до казначейства, банков, страховых обществ, а тем менее до святыни собственности частных людей, ограничиваясь в этой области самыми осторожными полумерами»³⁾.

Итак, Коммуна не подвела экономического фундамента под политические завоевания пролетарской революции. Это, конечно, не случайность. Теоретическая неподготовленность социалистов, отсутствие сплоченной социалистической партии, слабость экономических организаций пролетариата, наконец, недостаточная степень концентрации промышленности — все это ставило непреодолимые препятствия всякому сколько-нибудь решительному шагу Коммуны на пути к социализации промышленности.

¹⁾ Veslav, op. c., 112. Многие весьма существенные декреты Коммуны вышли чересчур поздно; так, декрет о возврате вещей из залога появился только 6 мая; окончательный декрет о рассрочке уплат по векселям — только 16 апреля.

²⁾ „Les 31 S.“, 223.

³⁾ Лавров, 121—122.

Глава VII.

Народное просвещение. — Антимилитаризм и интернационализм Коммуны.

Во главе делегации, ведавшей народное просвещение, стоял один из образованнейших членов Коммуны—инженер и врач Вайян. Его ведомство не менее прочих было дезорганизовано служащим административного и преподавательского персонала. Для восстановления нормальных занятий в высшей школе Вайян обращался за помощью к ученым, не принадлежавшим к академической среде. Так, в связи с забастовкой профессоров высшей Медицинской Школы Комиссией по Просвещению было выпущено воззвание к врачам, «свободным профессорам» и студентам, приглашавшее их принять участие в совещании по реорганизации этого учебного заведения.

В Естественно-Исторический музей был назначен особый комиссар, которому поручалось столкнуться с директором и профессорами Музея относительно возобновления в ближайшее время читаемых ими курсов и озаботиться охраной коллекций.

Вайяну удалось снова открыть общественные библиотеки—Национальную и имени Мазарини. Во главе первой из них и были поставлены известный географ Эли Реклю и Бенжамен Гастино. В то же время, воспользовавшись массовым уходом служащих этих книгохранилищ, Вайян коренным образом изменил господствовавшие в них порядки и положил конец вопиющим злоупотреблениям, которые имели место во времена Второй Империи, когда разного рода высокопоставленные особы, получая книги на дом, редко их возвращали и таким образом расхищали народное достояние. При Коммуне всякая выдача книг на дом из библиотек была совершенно прекращена ¹⁾.

Восстановлению нормального функционирования художественных музеев немало способствовала возникшая в середине апреля свободная ассоциация художников. Она выделила из своей среды комиссию в составе 47 человек, куда вошли художники, скульпторы, архитекторы, граверы-литографы и представители художественного ремесла.

Душой этой организации, в которую должны были также войти артисты оперы и драмы, был великий революционер в области искусства, член Коммуны, художник Курбе, талантливый скульптор Далу и другие. Комиссия как бы заняла место прежнего ведомства изящных искусств. В своем манифесте она высказалась за нейтралитет государства в области

¹⁾ J. O., 18/IV, 4, 13/V.

искусства, предлагала закрыть погрязшую в рутине Академию Художеств (*École des Beaux-Arts*), прекратить выдачу всякого рода пособий и наград, и таким образом положить конец привилегированному положению художников, освободив их в то же время от всякой правительственной опеки. Манифест указывал на необходимость развития художественно-промышленных школ, устройство в широких размерах народных празднеств и т. д.

Ассоциация художников была привлечена к реорганизации Лувра, Люксембургского музея и Дворца Промышленности (*Palais de l'Industrie*), персонал которых был значительно обновлен по ее указаниям.

Коммуна поручила Курбе в кратчайший срок привести в нормальный вид парижские музеи, открыть галереи для публички и содействовать возобновлению работ, которые обычно в них производились. Люксембургский музей был открыт с половины мая. Ассоциация же давала звание профессора рисования и лепки ¹⁾.

Издавая распоряжение о разрушении дома Тьера, Коммуна приняла меры к охране ценнейших художественных коллекций и книг, находившихся в особняке главы версальского правительства, для чего выделила особую комиссию из художников и литераторов ²⁾.

Что касается театров, то они были переданы в ведомство просвещения лишь 20 мая. Особый декрет, который отменял выдачу казенных пособий театрам и, таким образом, уничтожал их монопольное положение. В то же время делегату по просвещению вменялось в обязанность положить конец «системе эксплуатации артистов директорами или театральными обществами» путем преобразования театральных предприятий в товарищества самих артистов ³⁾.

Больше всего делегация по Просвещению уделяла внимания начальному образованию. Как помнит читатель, при Второй Империи низшая школа находилась почти целиком в руках духовенства. С изданием декрета об отделении церкви от государства должен был быть положен конец влиянию монашеских конгрегаций на воспитание подрастающего поколения.

Коммуна провозгласила принцип «обязательного, светского и бесплатного» образования ⁴⁾, но провести его немедленно

¹⁾ J. Off. C., 22/IV, 13/IV (p. 523), 10/V, 16, 17, 20/V.

²⁾ „Les 31 S.“, 219—220.

³⁾ J. O., 21/V.

⁴⁾ Требование „дарового, светского и общего (integrale) образования“ издавна было популярно в рабочих кругах. Мы встречаем его, например, в воззвании Федерального Совета парижских секций Интернационала, выпущенном перед выборами в Коммуну. (См. Elections des 26 mars. etc. Maillard, p. 72).

в жизнь при тогдашних условиях было чрезвычайно трудно. С переходом власти в руки рабочего правительства началось массовое бегство учителей-церковников из школ. Казалось, можно бы только радоваться уходу черной рати, но дело в том, что духовные лица преподавали не только катехизис, но и многие общеобразовательные предметы, притом обслуживали, помимо чисто церковных учебных заведений, и светские. Свободных интеллигентских кадров, которыми можно было бы немедленно заполнить вакантные преподавательские места, почти не имелось. Вот почему саботаж монахов и монахинь повел к полному закрытию многих начальных школ, особенно женских. Чтобы заполнить эту «брешь», Коммуна выпустила воззвание ко всем светским преподавателям, приглашая их записываться в особых бюро при мэриях для последующего назначения в опустевшие школы ¹⁾.

Но монахи и монахини сдали свои позиции без боя не везде: во многих школах они остались на своих местах и энергично сопротивлялись введению светского образования. 12 мая Вайян вынужден был напомнить муниципальной администрации о необходимости выселить из школьных помещений всех лиц, не имеющих отношения к делу просвещения. В распоряжении от 14 мая говорилось: «Всюду, где еще имеют место подобные случаи сопротивления, последнее должно быть сломлено, а упорствующие (клирики) арестованы. Окружные муниципалитеты и Комиссия Общественной Безопасности приглашались действовать быстро и решительно в контакте с ведомством просвещения».

Через 4 дня, чтобы пробудить округа к более энергичной борьбе с монахами, Коммуна постановила затребовать в двухдневный срок представление списка учебных заведений, в которых, вопреки декретам, продолжают оставаться члены конгрегаций. Имена членов Коммуны, делегированных в окружные мэрии, где распоряжения относительно введения светского образования еще не были выполнены, должны были ежедневно опубликовываться в «Официальном Журнале» ²⁾.

Довольно медленно осуществлялось и удаление из школьных помещений предметов культа. «Скоро,— читаем в «Официальном Журнале» от 12 мая,— религиозное воспитание исчезнет из парижских школ. Однако, во многих школах еще и теперь остаются следы этого воспитания в виде распятий, Мадонн и других реликвий. Преподаватели и преподавательницы должны распорядиться об удалении этих предметов культа, присутствие которых несовместимо с принципом сво-

¹⁾ J. O., 16, 27/IV. M. P., II, 371.

²⁾ J. O., 12/V, 16/V. 19/V.

боды совести. Металлические предметы подобного рода должны быть описаны и отправлены на Монетный Двор ¹⁾.

В распоряжении Вайяна не было не только необходимых преподавательских сил: не было ни программ, ни методов обучения, соответствующих новому духу школы. Предстояло возводить заново все здание начального образования, — задача тем более трудная, что в этой области Коммуна получила не буржуазное, а чисто клерикальное наследство, ни один камень из которого, в сущности, не годился для нового социалистического строительства. Для ускорения перехода от церковного к светскому образованию, а также в целях организации «в кратчайший срок начального и профессионального обучения», при делегате по Просвещению была образована специальная Комиссия из наиболее передовых по своим взглядам (на воспитание) специалистов ²⁾.

Кроме того, при школе Тюрго была организована комиссия с чисто теоретическими задачами. Она состояла из преподавателей и родителей, интересующихся постановкой школьного дела, собиралась дважды в неделю и занималась изучением вопросов народного образования, выработкой программ и проектов декретов, в связи с предстоящей реорганизацией начальной школы.

23 апреля в «Официальном Журнале» было напечатано воззвание Вайяна, приглашавшее всех лиц, изучавших вопросы общего и профессионального образования присылать в делегацию Коммуны по народному просвещению свои проекты школьной реформы ³⁾.

В целях учета преподавательских сил, муниципалистам было предписано доставить в центр сведения о личном составе преподавательского персонала (как светского, так и монашеского духовного), действительно находящегося при исполнении своих обязанностей в школах и приютах.

Из центра назначались и новые инспектора, которые должны были наблюдать за постановкой начального образования в округах.

22 мая была учреждена специальная комиссия по организации женских школ и наблюдению за постановкой в них преподавания. Комиссия, в которую вошли Андре Лео, Э. Реклю, бланкист Жакляр, Перье и Сапия, не успела приступить к своей работе вследствие вторжения в город версальцев ⁴⁾.

Особое внимание делегация по просвещению уделяла вопросу о создании на-ряду с общеобразовательными *профес-*

1) J. O., 12/V.

2) В нее вошли Евг. Андре, Е. Да-Коста, Манье, Рама и Санглие.

3) J. O., 29/IV, 14/IV, 23/IV.

4) J. O., 14/V, 22/V.

сиональных школ, в чем, между прочим, несомненно, сказалась пролетарская сущность правительства Коммуны.

«Необходимо, — писал в одном из своих циркуляров Вайян, — чтобы коммунальная революция закрепила свой социалистический по сути характер реформой в области просвещения. Важно, чтобы каждому была обеспечена истинная основа социального равенства — общее образование, на которое всякий имеет право; но в то же время необходимо облегчить ему прохождение ученичества и дальнейшую работу в отвечающей его вкусам и привычкам профессии».

Окружным муниципалитетам предлагалось, не дожидаясь выработки окончательного плана политехнического образования, присылать в министерство народного просвещения указания и сведения относительно помещений, которые в кратчайший срок могут быть приспособлены под «профессиональные школы, ученики которых, проходя стаж ученичества в какой-нибудь профессии, в то же время будут пополнять свое образование занятиями в области науки и литературы».

Муниципальная администрация должна была столкнуться с делегацией по Просвещению относительно возможно более скорого открытия профессиональных школ в округах....»

Первую профессиональную школу предполагалось открыть в V округе, по улице Lhomond, в помещении, принадлежавшем ордену иезуитов. В нее могли приниматься, во-первых, подростки (не моложе 12-ти лет), которые «пополняли бы свое образование, полученное в начальной школе, и одновременно обучались какой-либо профессии», соответственно заявлению их родителей; во-вторых, взрослые рабочие (не старше 40 лет), которые хотели бы получить звание мастера: они должны были записываться через секцию синдикальных камер при Комиссии Труда и Обмена.

13 мая в «Официальном Журнале» появилось извещение о предстоящем открытии школы рисования и для молодых девиц, преобразованной в профессиональное художественно-промышленное училище. В школе предполагалось преподавать: рисование, лепку, резьбу по дереву и слоновой кости и вообще всякого рода применение искусства к промышленности. Общеобразовательные предметы должны были преподаваться наряду с чисто практическими ¹⁾.

Большую самостоятельность в реорганизации начального образования проявили отдельные округа. Они выпускали воззвания, пропагандируя среди населения необходимость просвещения, выясняя характер и смысл предстоящей реформы школьного дела, в частности, отстаивая принцип отделения школы от церкви, приглашая родителей немедленно записывать их детей в школу.

¹⁾ J. O., 18/V. M. P., II, 438. J. O., 22/V, 13/V.

«Совокупность человеческих знаний,—читаем в обращении к родителям от мэрии IV округа,—является общей сокровищницей, из которой каждое поколение имеет право черпать, под тем условием, что научный капитал, накопленный в прошлом, будет расти на пользу грядущим поколениям. Каждый ребенок имеет неотъемлемое право на образование, а потому посылка детей в школу является священным долгом семьи или, за неимением ее,—самого общества.

Только образование способно сделать из ребенка, когда он станет взрослым, человека, действительно ответственного за свои поступки по отношению к другим людям.

Как, в самом деле, можно требовать исполнения законов, если граждане не могут даже прочесть их текста?..

Исходя из этих бесспорных принципов, Парижская Коммуна приступает к организации народного просвещения...

Но прежде всего она должна принять меры к тому, чтобы отныне уважалась свобода совести ребенка, и из его обучения было устранено все то, что может нанести ему вред...

Именно школа должна внушать детям, что всякое философское учение должно проверяться с помощью законов логики и данных положительной науки.

Коммуна не намерена насиловать чьих-либо религиозных убеждений, но должна строго следить за тем, чтобы и над ребенком, в свою очередь, не производилось насилия, путем навязывания ему догматов, к которым он по своему неведению не может отнестись критически или принять их вполне сознательно. Мы уже устранили из народных школ нашего округа всех членов различных религиозных конгрегаций, которые до сих пор держали в своих руках дело просвещения, в нарушение принципа свободы совести и культов, закрепленной французской революцией. Отныне руководить школами будут исключительно светские преподаватели и преподавательницы; путем частых обследований мы будем тщательно следить за тем, чтобы все без исключения элементы религиозного воспитания были изгнаны из школы.

Научить ребенка любви и уважению к себе подобным, внушить ему чувство справедливости; внедрить в его сознание, что он должен учиться во имя общественных интересов,—вот те моральные принципы, на которых отныне должно покоиться коммунальное воспитание.

Придите же нам на помощь своим содействием... в деле осуществления этой полезной и плодотворной задачи»¹⁾.

Не менее интересна инструкция для преподавателей, составленная Рама, заведывавшим начальным образованием в XVII округе. Инструкция исходит из положения, что пре-

¹⁾ J. O., 12/V.

подавание религии в школах противоречит принципу свободы совести, так как школа содержится на общественные средства, собранные в виде налогов со всех граждан, независимо от их религиозных убеждений, а потому религиозное воспитание может быть предоставлено лишь свободной инициативе семьи. В школе его заменяет преподавание общей морали. Учителям и учительницам начальных школ и детских приютов вменяется в обязанность строго соблюдать следующие правила. Преподаватели должны применять исключительно научный, основанный на эксперименте метод, тот метод, который всегда исходит из наблюдения над фактами, к какой бы области они ни относились—физической, умственной или моральной.

Преподавание морали, которое рекомендуется вести одновременно и теоретически и практически, должно быть свободно от всяких религиозных или догматических элементов... оно не должно воспитывать ни в духе господства, ни в духе покорности.

Не могут быть предметом преподавания ни догмы, ни молитвы; последние не должны совершаться в школе...

Никакие религиозные изображения или другие предметы культа не могут выставляться в школах или приютах...

Ученики не должны пользоваться книгами или пособиями, которые в каком бы то ни было отношении противоречат научному методу или принципам солидарности...

Преподаватели и преподавательницы, которые не согласны неуклонно проводить принцип свободы совести в школьном преподавании, приглашаются... сдать к концу настоящего месяца помещения и весь полученный ими... школьный инвентарь, а также заявить, с какого числа они перестанут посещать классы, с тем, чтобы избежать вредно отражающегося на детях перерыва в учебных занятиях»¹⁾...

Отдельные округа производили путем обхода домов и опроса родителей статистические обследования с целью выяснения необходимого количества школ. В своем обращении «К родителям, детям и ревнителям просвещения» делегация VIII округа отмечает, что, несмотря на многочисленность и удовлетворительное состояние местных школ, последних все же недостаточно: число детей школьного возраста (от 7 до 15 лет), как показало обследование, составляет 6251, между тем как в школах (светских и церковных) обучается всего 2730; иначе говоря, 3251 ребенок остается без школьной подготовки²⁾.

Не довольствуясь школами обычного типа, администрация VIII округа решила построить все дело воспитания на со-

¹⁾ J. Off., 13/IV.

²⁾ M. P. II, 371.

вершено новых началах, открыть в виде опыта детский сад, куда могли поступать дети, начиная с 3-хлетнего возраста. Дети от 5 до 7 лет должны уже обучаться чтению, письму, счету и орфографии. Обучение должно вестись публично: на уроках могут присутствовать родители и профессора¹⁾.

Помимо открытия старых школ, прекративших свою работу благодаря саботажу со стороны учительского персонала, окружные мэрии организовали ряд новых—общих и специальных, а также детских приютов. В том же VIII округе, помимо нескольких начальных училищ и отдельных классов, была открыта школа-приют для сирот и оставшихся без работы девочек, «нормальная гимнастическая школа; предполагалось открыть школы музыки и рисования». «Бесплатное и обязательное обучение,—говорилось в объявлении от мэрии этого округа,—не должно оставаться пустым звуком... Все дети в возрасте от 3-х до 12-ти лет волею-неволею должны быть помещены в школы...»

В X округе предполагалось создать приюты и профессиональные школы для сирот, «отцы которых со славою пали, защищая коммунальные вольности», а также для детей, которые, в связи со службой их отцов на передовых позициях, остались без призора. Детский дом для детей вдовцов, зачисленных в маршевые батальоны национальной гвардии, был открыт и в XI округе. Делегация III округа перевела детей из старого, плохо оборудованного приюта в новое помещение, принадлежавшее прежде одной из конгрегаций. Чтобы воспитанники приюта не были искусственно изолированы от остального населения, их обучение производилось совместно с приходящими школьниками.

В том же округе школьники получали бесплатно все учебные пособия²⁾.

Коммуна не успела выработать никакой общей программы для начальных школ. Каждый округ действовал здесь самостоятельно. В школах X округа преподавалось: «чтение, письмо, грамматика, арифметика, метрическая система, начальные элементы геометрии, французская история, рациональная мораль, пение, рисование (в применении к искусству и промышленным целям)³⁾.

В известной работе Лиссагарэ деятельность делегации по просвещению подвергается незаслуженно суровой и прямо неосновательной критике. «Делегация,—пишет он,—не оставила после себя никаких следов—ни одной докладной записки, никакой работы, ни одного воззвания, ни одной строчки. А уполномоченный этого ведомства... удовольствовался

¹⁾ *Ib.*

²⁾ *J. O.*, 8/V. М. Р. II, 296, 510, 520, 378.

³⁾ *М. Р. II*, 325.

тем, что воспретил развешивать в школьных зданиях распятия, и тем, что пригласил к себе всех занимающихся вопросами народного просвещения... Если бы не несколько циркуляров муниципальных властей,—о намерениях этой революции в области народного просвещения ничего не было бы известно»¹⁾.

Более правильной следует признать оценку работ комиссии Вайяна у Мендельсона. «Эта комиссия, правда, не сделала для пролетарского правительства того, что некогда исполнили на пользу господствующей буржуазии Лаканаль²⁾ и другие. Но, во-первых, двухмесячная деятельность Коммуны была, главным образом, заполнена борьбой... Во-вторых, в распоряжении буржуазии в конце XVIII века находилось большое число специалистов, между тем как во время Коммуны почти все учебные заведения находились в руках ее злейших врагов. А, в-третьих, надо было до реализации новых идей провести целый ряд реформ, которых республиканская буржуазия, как говорит Энгельс, «не провела исключительно из малодушия». Представители пролетариата горели страстным желанием изгнать из школ клерикализм, создать промышленные училища и т. д. Все это было обещано буржуазной республикой, которая, однако, не исполнила своих обещаний и положила эти реформы под сукно. Если, таким образом, Коммуну упрекают в том, что она не осуществила никаких «идеалов», а ограничилась проведением реформ, упущенных буржуазией, то, по нашему мнению, такое поведение ее говорит лишь за ее политический такт»³⁾.

Если даже забыть на минуту, что Коммуна была прежде всего «укрепленным лагерем революции», «баррикадой»,—обстановка весьма мало благоприятная для коренной реорганизации народного просвещения,—то нельзя упускать из вида чрезвычайной сложности и трудности вопросов, связанных с созданием новой школы, отвечающей потребностям пролетарского государства. Наш собственный недавний опыт и здесь лучше всего поможет нам оценить работы Коммуны.

Теперь, почти после 4-летнего существования советской России, мы должны признать, что социалистическое строительство в области народного просвещения является едва ли не самым трудным, и что именно здесь удалось пока сделать всего меньше, несмотря на то, что в общем и целом школьное образование в самодержавной России было поставлено несравненно лучше, чем в императорской Франции.

¹⁾ Лиссагарэ (изд. „Молот“), стр. 239.

²⁾ Член Конвента, виднейший деятель и по организации народного просвещения в эпоху Великой революции.

³⁾ Мендельсон. Парижская Коммуна 18 марта. Ее происхождение и значение (изд. „Петрогр. Мысль“, стр. 71).

Успеху идеи чисто советского образования в немалой степени могла содействовать анти-религиозная пропаганда. Прудонисты издавна держались в этом вопросе позиции «нейтралитета», считая религию частным делом каждого. Еще в записке, прочитанной парижскими делегатами на Женевском конгрессе Интернационала, говорилось: «Религия есть проявление человеческой совести, которое, как таковое, заслуживает уважения, поскольку оно является делом внутреннего, личного, интимного мира. Мы полагаем, что религиозные идеи, подобно всем априорным идеям, не могут быть предметом продуктивного спора»¹⁾.

Более активную позицию по отношению к религии занимали бланкисты. Как известно, Бланки считал «веру в сверхестественное» одним из величайших врагов всякого прогресса, а высылку всех духовных лиц за границу—одной из первых мер, которую должны принять захватившие власть революционеры.

Таким путем, надо полагать, Бланки надеялся облегчить дело просвещения масс, которое считал главной задачей революционной власти на другой день после переворота. К тому же, будучи чистейшим идеалистом в области общественного ведения, Бланки наивно думал, что с механическим устранением носителей известной идеи последняя немедленно потеряет свою власть над умами людей.

В Коммуне бланкисты ничего не сделали для постановки систематической антирелигиозной пропаганды. Декрет об отделении церкви от государства, который должен был расчистить поле для идейной борьбы с религиозными предрассудками, был издан наспех, а потому оказался неудовлетворительным. Коммуна не предусмотрела целого ряда практических вопросов, связанных с проведением декрета в жизнь. Она провозгласила в общей форме уничтожение бюджета культов и конфискацию имущества религиозных конгрегаций; но оставался открытым вопрос об условиях дальнейшего пользования зданиями, предназначенными для отправления богослужения, о возможности новых дарений в пользу церкви и т. п.

Фактически конфискация церковных имущества осуществлялась настолько медленно, что через месяц после издания декрета²⁾ вопрос о ней снова был поднят в Коммуне. «Я прошу Коммуну,—говорил Курне в заседании 3 мая,—соблаговолить декретировать, что все парижские церкви немедленно объявляются коммунальным достоянием».

¹⁾ Цитирую по Вейлю. История социальн. движ. во Франции, стр. 100—101.

²⁾ Декрет об отделении церкви от государства прошел 2 апреля (J. Off., 3/IV), по предложению яacobинца Ф. Пиа.

Белэ предлагал продавать церкви, как это делал при империи Осман, чтобы пополнить государственное казначейство.

«Нам нечего заниматься тем, что делал Осман,—отвечал ему Лефрансе.—Если он и продавал церкви, нас это не касается. По-моему, вы запоздали с мероприятием, которое рекомендует теперь Курне. Что мы сейчас наблюдаем? Одни церкви открыты, другие—закрыты. Надо провести какое-то общее постановление, необходимо объявить их общинным имуществом, которым Коммуна вольна распоряжаться по своему усмотрению. Она может, если признает нужным, сдавать церкви в наем лицам, которые желают отправлять в них свой культ». (Одобрение.)

Однако никакого нового решения по данному вопросу вынесено не было.

Между тем политика Коммуны в отношении духовенства менее всего могла способствовать освобождению масс от религиозных предрассудков. Яркий антиклерикализм бланкистов проявился в массовых арестах среди парижского клира, произведенных по распоряжению Р. Риго в начале апреля под предлогом, что духовенство расхищает церковные имущества. Конечно, было вполне целесообразно задержать в качестве заложников князей церкви, вроде архиепископа Дарбуа или его викария, но аресты рядовых священников едва ли могли запугать Тьера, а в то же время восстанавливали против Коммуны верующих, каковых было немало и среди демократических слоев парижского населения.

Многие из церквей, где за арестом священников прекратилось богослужение, были заняты под красные клубы. Так, клуб якобинцев водворился в церкви Vaugirard, клуб Социальной Революции—в церкви св. Иоанна Батиньольского и т. д. Такое использование церковных помещений могло иметь известное агитационное значение; но при данной обстановке превращение церквей в клубы легко истолковывалось, как нарушение принципа свободы совести, как «гонение на веру» и т. п. ¹⁾

Авторитет духовенства в значительной степени должен был поколебаться после разоблачений преступлений, имевших место в церкви св. Лаврентия, в склепе которой были найдены кости женщин, завлеченных силою или обманом, изнасилованных монахами и заживо погребенных затем в церковном подземельи. Сообщение об этих возмутительных фактах, напечатанное 21 мая в «Официальном Журнале», за-

¹⁾ С 1 по 18 апреля закрылось 28 церквей. Balatier Bragelonne, Paris Insurgé, p. 489—4. Bourgin, 114—115. Fiaux, 298, Les 31 S. p. 167. Дебидур насчитывает к концу мая 71 г. всего 12 закрытых церквей из общего числа 67. Debidour. L'église Catholique et l'état sous la troisième République, I. P. 1906.

канчивалось обращением к парижскому народу: «Откроешь ли ты, наконец, глаза на деяния этих людей, развращающих душу и убивающих тело? Долго ли ты будешь пребывать в своей слепой апатии? Неужели по-прежнему ты предоставишь твоей жене и дочерям ходить по их церквам, этим тайным притонам разврата?»

В церкви Пинтос были найдены женщины, которые содержались в железных клетках под видом сумасшедших¹⁾.

Приходится признать, что Коммуна чрезвычайно мало сделала в области политического просвещения населения Парижа и провинции. Она ограничилась выпуском нескольких воззваний и изданием «Официального Журнала». Но орган Коммуны, редактором которого был интернационалист Лонге, далеко не стоял на должной высоте, что не раз отмечалось на заседаниях. С другой стороны, газета не могла получить достаточно широкого распространения среди населения, так как цена номера была слишком высока. В заседании 21 апреля Ф. Пиа потребовал, чтобы «Официальный Журнал» раздавался бесплатно всем гражданам, принимавшим участие в выборах в Коммуну. «Все демократы,—говорил он,—требуют дарового образования; если вы хотите быть логичными... вы должны требовать, чтобы «Официальный Журнал» распространялся бесплатно».

Но орган Коммуны не был ее собственностью, а потому пришлось ограничиться пожеланием, чтобы цена газеты была понижена до 5 сантимов, и возможно большее количество номеров расклеивалось на стенах.

Практическое значение это постановление получило лишь 28 апреля, когда по предложению Журда решено было покрывать дефицит предприятия из государственных средств. О слабой постановке печатной пропаганды свидетельствует и тот факт, что с 20 марта по 30 апреля расходы по Национальной Типографии составили всего 100.000 фр.²⁾

Крупное агитационное значение имели декреты Коммуны об уничтожении капеллы Людовика XVI, самое существование которой являлось «вечным оскорблением первой Революции» и выражением «постоянного протеста реакции против народной справедливости»; о срытии церкви, сооруженной на месте июньской бойни и разрушении Вандомской колонны³⁾.

¹⁾ J. O., 21/V. Лиссагарэ, 232.

²⁾ „Les 31 S.“, p. 51—52; 106—109 (passim) J. Off., 4/V.

³⁾ Вандомская колонна, или колонна „Великой Армии“ была отлита из бронзовых пушек, захваченных у неприятеля в 1805 г.; в виде барельефов изображались подвиги Наполеона I, статуей которого увенчивалась колонна.

Последним постановлением Коммуна хотела демонстрировать свой антимилитаризм. В этом отношении интересна мотивировочная часть декрета: «Парижская Коммуна, — говорится там, — принимая во внимание, что императорская колонна на Вандомской площади представляет собой варварский монумент, символ грубой силы и ложной славы, апологию милитаризма, отрицание международного права, постоянное издевательство победителей над побежденными, вечное посягательство на один из трех главных принципов французской республики — на принцип братства; постановила: Ст. I-я и единственная. Вандомская колонна должна быть уничтожена» ¹⁾.

Разрушая памятник, сооруженный в честь побед, одержанных буржуазной Францией над полуфеодальной Европой, Коммуна как бы осуждала всякое участие рабочих в будущих войнах между буржуазными правительствами. Классовая борьба международного пролетариата против мирового капитала вплоть до уничтожения капиталистической системы — таков был завет коммунаров будущим поколениям.

«Коммуна, — говорит по этому поводу Дюбрейль, — низвергла бронзовую статую «Человека Вандомской площади», Наполеона Аустерлица и Иены, Ваграма и Эйлау, который в течение пятнадцати лет топтал народы... Гордая колонна пала... на глазах, с одной стороны, французской армии, осаждавшей Париж, под начальством бонапартистских генералов, а с другой — прусских армий, которые два месяца перед тем блокировали и взяли этот самый Париж. Коммуну... обвиняли в том, что в этом случае она, сознательно или бессознательно, уступила бисмарковским... внушениям. На эту низость не стоит даже отвечать. В действительности, Коммуна... не различала между прежними победителями и победителями вчерашнего дня, между своими завоевателями и поработителями-чужеземцами; тех и других она объединяла в одном осуждении, в одном отвращении, низвергая их на одну и ту же соломенную подстилку славы Вильгельма вместе с славой Бонапарта и всякой иной военной славой» ²⁾.

Статья, помещенная на другой день после разрушения Вандомской колонны в «Официальном Журнале», красноречиво свидетельствует о тех чувствах, которые испытал при этом пролетарский Париж. «Декрет Парижской Коммуны, — говорилось там, — предписывавший уничтожение Вандомской колонны, приведен был... в исполнение при восторженных криках громадной толпы, которая в серьезном настроении, сознательно, присутствовала при ниспровержении ненавист-

¹⁾ J. O., 13/IV.

²⁾ Hist. Socialiste, XI, 441.

ного памятника, воздвигнутого в честь ложной славы честолюбивого чудовища.

День 26 флореаля ¹⁾ будет славным в истории, так как знаменует нам разрыв с милитаризмом, этим кровавым отрицанием всяких прав человека.

Первый Бонапарт принес в жертву своей ненасытной жажде господства миллионы детей народа; он задушил республику, поклявшись защищать ее... Он хотел заклепать ошейник на шею народа, чтобы... царствовать... среди всеобщего принижения. Вот его подвиги в течение пятнадцати лет! Подвиги эти начались 18 брюмера нарушением присяги, поддерживались бойней, завершились двумя нашествиями, после которых остались лишь развалины, длительный духовный упадок, сокращение территории Франции, наследство в виде Второй Империи, начавшейся 2 декабря, чтобы дойти до седанского позора.

На обязанности Коммуны лежал долг свергнуть этот символ деспотизма: она исполнила его. Она доказала этим, что ставит право выше силы и предпочитает справедливость убийствам, хотя бы они и приводили к торжеству.

Пусть каждый твердо знает: колонны, которые может воздвигнуть Коммуна, никогда не прославят какого-нибудь исторического разбойника, но запечатлеют в памяти потомства какие-либо славные завоевания в области науки или в достижении свободы.

С этого времени Вандомская площадь будет называться «Международной площадью» ²⁾.

Коммуна нераз подчеркивала свой интернационализм и в других своих актах. Слагая с себя полномочия временного правительства, Ц. К-т писал, обращаясь к национальным гвардейцам: «Твердо и мужественно идите по пути будущего, докажите собственным примером, чего стоит свобода, и вы, без сомнения, достигнете нашей ближайшей цели — *всемирной республики*».

Мандатная комиссия Коммуны утвердила избрание венгерца Франкеля, исходя из того принципа, что «знамя Коммуны есть знамя всемирной революции». В своем обращении к национальной гвардии по поводу назначения поляка Домбровского комендантом, Исполнительная Комиссия рекомендовала его парижскому населению, как «самоотверженного преданного солдата всемирной республики» ³⁾.

¹⁾ 16 марта. Некоторые №№ «Оффис. Журнала», как и распоряжения Коммуны, датированы по революционному календарю, заимствованному из времен Великой революции.

²⁾ J. O., 17/V.

³⁾ J. O., 30, 31/III, 11/IV.

Глава VIII.

Соглашатели. — Дополнительные выборы. — „Большинство“ и „меньшинство“.

Блок между парижским пролетариатом и мелкой, а отчасти и средней буржуазией, молчаливо заключенный в день революции 18 марта, но давший уже заметную трещину в период борьбы за выборы в Коммуну, должен был рано или поздно распасться совсем, несмотря на то, что социалистическая печать усиленно подчеркивала исчезновение «социального антагонизма»; рекомендовала бережно относиться к «интересам всех классов общества», провозглашала даже «союз между капиталистом и рабочим»¹⁾.

Мелкая буржуазия была в оппозиции Тьеру Версальскому Собранию, но, в сущности, не хотела решительной борьбы; она готова была поддерживать Коммуну, рассчитывая, что единство парижской демократии заставит правительство Тьера пойти на известные уступки. Но с первых чисел апреля все иллюзии на мирное соглашение между Парижем и Версалем должны были рассеяться: гражданская война началась.

В таких случаях мещанство обычно весьма быстро начинает склоняться на сторону сильнейшего. Действительно, после первых же военных неудач Коммуны (3—4 апреля) революционно-демократический блок раскалывается окончательно. Настроение мелкой и средней буржуазии меняется. 5 апреля из Коммуны уходят последние гамбеттисты—Ранк и Уллис Паран; через несколько дней их примеру последовал Гупиль. Буржуазные радикалы спешат отмежеваться от «слишком рабочей», по их мнению, слишком революционной и социалистической Коммуны.

Снова поднимает голову партия соглашателей, которая должна была умолкнуть под впечатлением твердости, проявленной Ц. К-том под конец его борьбы с мерами и депутатами. Со столбцов республиканской печати начинают раздаваться настойчивые голоса в пользу «неизбежного компромисса».

«Время» рекомендует Национальному Собранию и Коммуне одновременно сложить свои полномочия. Другие советовали Коммуне строго держаться рамок коммунальной автономии и немедленно сложить полномочия, «как только граждане снова будут призваны к свободным выборам».

Эти «свободные» выборы должно организовать не кто иной, как «законное» версальское правительство, от которого

¹⁾ См. J. Off., 30 III; 3/IV Лавров, 136—7.

соглашатели надеялись предварительно получить амнистию всем участникам революции 18 марта, формальное признание республики, муниципальных вольностей Парижа и окончательного устройства национальной гвардии, как единственной военной силы в столице ¹⁾).

Совершенно очевидно, что говорившие с возмущением о «новой осаде Парижа» «миротворцы» предлагали пролетариату весьма невыгодную сделку: купить—ценою отказа от социальных завоеваний революции 18 марта — кое-какие уступки у версальского правительства, которое, добившись роспуска Коммуны, несомненно, не замедлило бы нарушить все свои обещания, если бы даже оно и согласилось на подобный «компромисс».

В роли соглашателей, опиравшихся на мелкую и среднюю буржуазию и буржуазную интеллигенцию, выступали теперь те же группы и лица, что и непосредственно после 18 марта, за исключением тьеровцев.

Посредничество между Парижем и Версалем готов был взять на себя, во-первых, «Национальный Союз Синдикальных Камер» (хозяйских), объединивший 56 предпринимательских организаций; к нему примыкало до 7000 парижских торговцев и промышленников.

В манифесте «Союза» говорилось, что борьба между Национальным Собранием и Коммуной питается недоразумениями, устранить которые могло бы благожелательное вмешательство. «Союз» предлагал вступить с этой целью в переговоры с обеими сторонами. В основу соглашения должно быть положено «установление республики» и «организация муниципальных вольностей Парижа на самых демократических основаниях, но не затрагивающих прерогатив государственной власти, всецело относящихся к сфере общепарижских интересов».

Второй твердыней соглашателей была только что возникшая «Лига Республиканского Союза Прав Парижа». Эта организация состояла, главным образом, из осевших в Париже провинциалов, но в нее входили также некоторые из сложивших свои полномочия парижских депутатов, как, напр., Флоке, Клемансо. Лига имела связи с департаментами, где к ее выступлениям не могли не прислушиваться ²⁾).

5 апреля «группа граждан» выпустила воззвание, в котором требовала от Собрания «безстлагательно вотировать действительно республиканские и демократические учреждения», в частности отказаться от проекта нового муниципального закона, согласно которому мэры в городах с на-

¹⁾ Bourgin, 149. Affiches, p. 173. (№ 69).

²⁾ Bourgin, 149. Affiches, 172—173. Дюбрейль, 178. Мендельсон, 63

селением свыше шести тысяч должны были назначаться исполнительной властью.

Но то же воззвание рекомендовало Коммуне строго ограничиться организацией «муниципальных вольностей» и сложить свои полномочия, как только пройдет декрет, разрешающий произвести «свободные» выборы. «Довольно взаимных подозрений, побольше доверия, и тогда все мы, забыв ключики реакционеров и революционеров, протянем друг другу руки, вспомним, что мы братья одного отечества...»

Граждане, разделявшие вышеприведенную платформу, приглашались собраться 6 апреля на митинг в здание Биржи. Если бы собравшиеся не уместились даже на Биржевой площади, предполагалось назначить на следующий день митинги на площади Согласия и в Елисейских полях ¹⁾.

Собрание в здании Биржи было, однако, запрещено Исполнительной Комиссией, заявившей, что «примирение было бы равносильно измене».

«Могла ли Коммуна склоняться на подобные предложения? — говорит по этому поводу Дюбрейль. Нет. Хотя бы по той простой причине, что они ставили вопрос в сущности об ее смерти; затем, вследствие еще более решающего довода, состоявшего в том, что признание тех прав, которые третья партия выставила вместе с Коммуной, т.-е. признание республиканских свобод, коммунальных вольностей, выборности командного состава национальной гвардии—нельзя было просить у Версальского Собрания в виде милости, или какой-то великодушной уступки, но можно было только рассчитывать завоевать силою оружия на поле битвы» ²⁾. «В борьбе народа с недобросовестными, эксплуатирующими его людьми, — писал уже после гибели Коммуны Тейс, — примирение может быть достигнуто только его победой» ³⁾.

Но и после неудачи с организацией митинга соглашатели не успокоились. «Лига» выпустила прокламацию, в которой говорилось: «Избежать гражданской войны невозможно». Упорное нежелание Версальского Собрания признать законные права Парижа роковым образом привело к кровопролитию.

Теперь необходимо подумать о том, чтобы приводящая в ужас всех граждан борьба не повела к потере республики и наших свобод.

Ввиду этого необходимо, чтобы ясно составленная программа, объединяющая общей мыслью громадное большинство граждан Парижа, положила бы конец смуте умов и разединенности действий.

¹⁾ Aff., 168—169.

²⁾ Дюбрейль, 176—177 (русск. пер.).

³⁾ Ib., 177.

Нижеподписавшиеся, объединившиеся под именем Лиги Республиканского Совета Прав Парижа, приняли следующую программу, отвечающую, по их мнению, желаниям парижского населения.

Признание республики.

Признание прав Парижа на самоуправление и на самоопределение при помощи Совета, свободно избранного и автономного в границах своих полномочий по части распоряжения полицией, городскими финансами, заведывания общественной благотворительностью, народным образованием в связи с осуществлением свободы совести.

Охрана Парижа поручается исключительно национальной гвардии, составленной из всех способных к военной службе избирателей.

На защите этой программы члены Лиги и желают сосредоточить все свои усилия и приглашают всех граждан помочь им в этом, присоединяясь к Лиге, чтобы члены ее, опираясь на это соглашение, могли предпринять энергичную попытку к посредничеству, которая могла бы привести к восстановлению мира и к сохранению республики¹⁾.

Таким образом, и Лига пыталась подменить орган диктатуры революционного пролетариата легально избранным городским Советом с чисто муниципальными полномочиями, что должно было, по мнению ее членов, примирить Версаль с Парижем.

Имелась еще, наконец, и третья организация соглашателей в лице группы сторонников «республиканского равновесия». В эту группу вошла преимущественно радикально-настроенная интеллигенция — ученые, публицисты, художники, учителя и т. п.; она выпустила свой манифест, в котором как бы оспаривает у социалистических партий право говорить от имени всего революционного Парижа и в то же время пытается доказать возможность и необходимость длительного соглашения между рабочей и буржуазной демократией на почве некоторой общей программы. «Пусть знают, — говорилось в манифесте, — что кроме партии, которая взяла на себя инициативу (в движении), существуют и другие группы, готовые ее поддержать и, в случае необходимости, заменить ее; что позади республики революционной или рядом с ней идет республика радикальная, и что завязавшаяся борьба ни в коем случае не должна послужить к выгодам реакционеров-монархистов».

Группа формулировала свою платформу в следующих тезисах. I. Демократическая и светская республика, вопрос о которой не может быть предметом дальнейшего обсуждения... II. Автономная Коммуна, свободно избранная и часто

¹⁾ М. Р. II, 201—202.

возобновляемая, как муниципальное, социальное и политическое выражение интересов города. III. Федерация Коммун, взаимная гарантия автономии. IV. Республиканское равновесие, иначе говоря, соглашение между обоими республиканскими течениями на почве общих принципов, что создает прочную основу, при наличии которой разногласия и оттенки в политических убеждениях не будут более компрометировать, на радость акционерам, республику...»¹⁾

Из приведенного документа видно, что будущие радикалы тщательно избегали выдвигать какие-либо социальные требования: не даром II тезис формулирован в столь неопределенных, ничего неговорящих выражениях.

Все эти соглашательские группы и организации на словах готовы были отстаивать республику и коммунальные вольности Парижа, но они совсем не собирались поддерживать Коммуну действиями, участием в обороне города против версальской армии: страх перед рабочей революцией, социалистический характер которой отлично сознавался радикальной буржуазией, заставлял ее, по выражению Дюбрейля, даже опасаться скорее успеха Коммуны, чем ее поражения. «Она надеялась на добрую волю Версаля», и все усилия соглашателей сводились к тому, чтобы «осуществить, с одобрения Версаля, но вопреки Коммуне, лишь некоторые из ее идей: до этого предела буржуазия согласна была идти, но не дальше»²⁾.

При таких условиях, претензии миротворцев сыграть роль «третьей партии» заранее были обречены на неудачу.

Версальские реакционеры прекрасно знали, что за соглашателями не стоит никакой реальной силы; к тому же Собрание не сомневалось теперь в победе своей армии, и не имело ни малейшей нужды идти на уступки «мятежникам».

8 апреля Тьер заявил прибывшим для переговоров делегатам Национального Союза: «Пусть восставшие сложат оружие, Национальное Собрание этого сделать не может»; «Париж должен ждать от правительства применения общего муниципального закона, который будет вотирован Собранием, и ничего больше». Что касается вопросов об организации национальной гвардии и амнистии, то глава правительства предпочел умолчать о них совсем.

Такой же прием ожидал делегатов от Лиги. Последняя выпустила перед их отправкой новое воззвание, в котором говорилось: «Если версальское правительство останется глухим к этим законным требованиям, пусть оно знает, что весь Париж поднимется на их защиту».

¹⁾ Affiches 170—171.

²⁾ Дюбрейль, 180.

Этот нерешительный лепет менее всего мог звучать, как ультиматум. «Париж,—ответил Тьер представителям Лиги,—подчинится общему праву. Армия войдет в город... Тот, кто откажется от борьбы, будет освобожден от всяких преследований, за исключением, впрочем, убийц генералов Тома и Леконта.

Но даже те неопределенные обещания, которые соглашатели жадно ловили из уст главы правительства, были пустыми фразами. «Париж получит не больше и не меньше прав, чем все», заявил Тьер делегатам от Союза синдикальных камер, и сейчас же после их ухода добился от Собрания, чтобы право избирать городских голов было предоставлено лишь городам с населением менее 20 тысяч. 12 апреля Собрание бросило новый вызов примирителям, упростив процедуру военных судов и объявив осадное положение в департаментах Сены и Сены и Уазы.

В то же время в телеграммах к префектам определенно чувствуется величайшее презрение этого «слуги реакции» ко всяким миротворцам и соглашательским попыткам. Только что отпустив делегатов Национального Союза Синдикальных Палат, Тьер телеграфирует: «Ничего нового... Против республики конспирируют только парижские депутаты; но против них приготовляются непобедимые силы, и организовать таковые мы старались именно потому, что хотели избежать кровопролития». 13 апреля, после визита представителей Лиги, тот же Тьер заявил: «Восставшие проявляют... признаки усталости и истощения. В Версаль являлось много посредников для переговоров не от имени Коммуны, конечно, так как они понимали, что, если бы они явились от ее имени, их даже не приняли бы, но от имени искренних республиканцев, требующих сохранения республики и желающих, чтобы к побежденным инсургентам были применены более мягкие меры»¹⁾.

Так, попытки посредничества были использованы Тьером в целях воздействия на провинцию, которая должна была лишней раз убедиться, что дело Коммуны обречено на неудачу, раз сами повстанцы уже не верят в возможность победы.

¹⁾ Лисс. 205—206. Дюбрейль, 181—183. Пользуясь неосведомленностью провинции, версальское правительство систематически сообщало через префектов заведомо ложные сведения о положении дел в Париже. Так, напр., еще 27 марта Тьер телеграф рвал: „Значительная часть народа и национальной гвардии Парижа требует поддержки департаментов для восстановления порядка“. В циркуляре от 4 апреля, между прочим, говорилось: „В Париже Коммуна уже раскололась на партии; пытаюсь распространять повсюду ложные сведения и грабя общественные кассы, она бессильно мечется из стороны в сторону и внушает отвращение парижанам, только и думающим, как бы от нее освободиться“.

Та часть населения провинции, которая не верила Тьеру, ждала объяснений от республиканских светил, представлявших Париж в Национальном Собрании. Парижские депутаты, во главе с «социалистом» Луи Бланом, предпочитали тактику трусливого молчания, оставляя без ответа потоки лжи и клеветы, которые выливались со скамей правых на революционный Париж и его Коммуну, и тем самым помогали Тьеру и его министрам обманывать департаменты ¹⁾.

Единственным выступлением парижских депутатов был публичный отказ присоединиться к посредническим предложениям Лиги Прав Парижа. «Обращаясь к парижскому населению,—читаем в этом позорнейшем документе, под которым подпись Луи Блана красуется рядом с подписью тьеровца Тирара,—мы ему скажем, что в конце концов республика существует фактически, что она имеет в Собрании энергичных и бдительных защитников; что еще ни один представитель большинства никогда не высказался открыто против республиканских принципов».

Это была, конечно, заведомая ложь, сознательный обман парижан и провинциалов относительно Версальского Собрания, монархическая сущность которого была прекрасно известна левым депутатам.

А вот что рекомендовали они пролетарскому Парижу: «Что касается инициаторов восстания, то мы говорим им, что они должны были содрогнуться при одной мысли о том, что они отягчают участь и увеличивают срок пребывания у неприятеля наших заложников времен осады, добавив к ним еще заложников гражданской войны».

Осудив восставших рабочих, депутаты откровенно заявляют, по какую сторону баррикады они остаются. «Что же касается нас,—пишут они,—мы остаемся на посту, на который послало нас голосование наших сограждан, как ни трагично создавшееся положение. Мы останемся, пока не иссякнут наши силы. Если республике будут угрожать опасности, то это обстоятельство явилось бы для нас еще лишним поводом защищать ее там, где она всего больше нуждается в защите, и где это возможно сделать с помощью действительно плодотворного оружия: свободного обсуждения и разума».

Итак, представители Парижа собирались бороться с монархической реакцией «оружием критики», когда его место уже заняла «критика оружием».

Еще красноречивее звучит ответ Луи Блана прибывшим в Версаль делегатов от муниципального совета Тулузы. «Бесполезно,—заявил этот «социалист»,—делать еще раз по-

¹⁾ Особенно позорно вел себя известный читателю прудонист Толэн. „Если бы я считал восстание (18 марта) справедливым,—говорил он в Собрании,—я был бы теперь в Ратуше“. (Лер., II, 173).

пытку к примирению: враждебность с обеих сторон слишком сильна; к тому же, с кем вести переговоры в Париже, где три правительства борются из-за власти?—С Коммуной, избранной ничтожной кучкой населения и состоящей «из неизвестных людей», частью даже «сомнительной честности»? Или с Комитетом Общественного Спасения? Или с Ц. К-том, который состоит, главным образом, из агентов Интернационала и занимается преимущественно космополитическими делами, и которого очень мало трогают интересы Парижа и Франции?.. Ко всему этому надо еще прибавить бонапартистов и пруссаков (!), более или менее явное влияние которых на все три правительства легко заметить».

Более низкой клеветы против Парижа не мог бы пустить в оборот ни сам Тьер, ни самый заядлый лигитимист из состава Собрания ¹⁾.

Итак, примиренческие попытки соглашателей потерпели полную неудачу. Но даже суровые уроки жизни неспособны излечить эту породу людей от основного порока—боязни всякой серьезной борьбы вообще.

Вместо того, чтобы сдержать свое обещание и взяться за оружие, Лига и после ответа Тьера продолжает свои прогулки в Версаль и красноречивые, но бесполезные увещания противников.

«Мы напомним обоим соперничающим властям,—говорилось в прокламации Лиги «К Национальному Собранию и Парижской Коммуне»,—об их долге... беречь Францию и республику.

Национальному Собранию мы скажем... На что вы надеетесь? Неужели вы намерены взять Париж штурмом? Ведь, во всяком случае, вы не войдете в город иначе, как по грудам трупов и пылающих развалин, преследуемые проклятиями вдов и сирот защитников... Да и каким моральным авторитетом будете вы пользоваться в стране на другой день после такой победы!..

Мы скажем, в свою очередь, и Коммуне: будьте осторожны, выходя из границ своих полномочий, вы отталкиваете от себя искренних и справедливых людей. Вернитесь же к чисто муниципальным требованиям: тогда и право и логика будут на вашей стороне.

Защищая свободу, не прибегайте к средствам, которые с ней несовместимы. Не закрывайте газет! Бойтесь своих собственных ошибок, а не критики.

Долой произвольные аресты, долой принудительную вербовку! Принуждая к участию в гражданской войне, вы насилуете совесть.

¹⁾ Дюбрейль, 184—185. Лиссагарэ, 204—205; 489 (прил. XIII).

Подумайте, наконец, о той огромной, страшной опасности, которую несет Республике затяжка братоубийственной войны. Довольно кровопролития! Вы можете жертвовать своей жизнью, но не имеете право толкать демократию на непоправимое поражение.

Наша задача... всецело посредническая. И к тем и к другим мы обращаемся с одним призывом: перемирие! Сложите оружие, пусть умолкнут пушки, пусть прозвучит голос справедливости»¹⁾...

Нам, свидетелям и участникам октябрьской революции и последующей гражданской войны, хорошо знакомы подобные речи; разница лишь в том, что в 1871 г. их слышали из уст радикалов, беспомощно колебавшихся между пролетарским Парижем и буржуазно-помещичьим Версалем, а в 1917—1920 г.г. такие же пожелания и требования «прекратить кровопролитие», «террор», «гражданскую войну» раздавались со столбцов меньшевистских газет, из уст их вождей, с энтузиазмом говоривших о социализме и неизбежности пролетарской революции, и отходивших в сторону и начинавших вопить о «насильниках» и «врагах революции», как только восстание пролетариата против его угнетателей становилось самым доподлинным фактом. Как видим, природа и даже фразеология соглашателей остается неизменной, несмотря на полвека общественного развития, которые отделяют нас от Парижской Коммуны.

И как русские меньшевики, настойчиво рекомендовавшие рабочим сложить оружие в октябрьские дни 1917 года, деморализовали восставший пролетариат, и тем самым сознательно или бессознательно играли на руку эс-эрам и белогвардейцам,—так и парижские соглашатели 1871 года своими примиренческими выступлениями и слезливыми прокламациями только дезорганизовали борцов за Коммуну, тогда как на запертую в казармах версальскую армию, красноречивые уговоры и призывы к разоружению не производили никакого впечатления.

Ввиду того, что попавшие в Коммуну радикалы и либералы сложили свои полномочия, а, с другой стороны, некоторые ее члены прошли одновременно в нескольких округах, Коммуна еще 1 апреля постановила произвести дополнительные выборы, несмотря на протесты некоторых из ее членов. «Во время сражения,—говорил Ж. Валлес,—не голосуют. Коммуна должна либо в полном составе выйти в отставку, либо, даже будучи изувеченной отказами от полномочий и ослабленной убийствами, остаться при той брешу, которая полу-

¹⁾ М. Р., II, 361.

чилась благодаря случайностям борьбы... Этого требует ее честь, ее роль, ее обязанность».

Выборы должны были состояться 5 апреля, потом были перенесены на 10 апреля и на другой же день отложены впредь до нового уведомления, ввиду того, что граждане, защищавшие подступы к Парижу от атак версальцев, не могли бы принять участие в голосовании.

Некоторые газеты и революционные организации настаивали на немедленном производстве дополнительных выборов, чтобы положить конец всяким толкам о диктатуре. «Откладывать выборы—это больше, чем преступление, это ошибка», писал 10 апреля «Отец Дюшэн» (Père Duchesne). Делегация от 20-ти округов высказалась за новые выборы с тем, чтобы число членов Коммуны было удвоено.

Чувствуя известное давление со стороны демократических слоев и получив заверение от Кюзёре, что находящиеся на передовых позициях граждане получат возможность участвовать в голосовании,—Коммуна назначила дополнительные выборы на 16 апреля ¹⁾.

Соглашательские группы, как «Лига прав Парижа» или «Лига республиканского равновесия», предостерегали граждан от «политического дезертирства» и усиленно рекомендовали населению принять энергичное участие в выборах. Возможно, что, учитывая страх мелкой буржуазии перед гражданской войной, миротворцы надеялись провести своих людей в Коммуну, и тем ослабить ее революционные элементы. «Комитет сторонников Республиканского Равновесия» на этот раз выявил более определенно свое недовольство засильем крайних революционеров в Коммуне. «Необходимо,—читаем в его прокламации, помешать тому, чтобы рожденная в борьбе... сила Коммуны выродилась в насилие...»

На дополнительных выборах не обнаружилось ни новых политических программ, ни большего размежевания между отдельными течениями. Группа республиканцев, сторонников «активного посредничества», выставила весьма пестрый список кандидатов, где наряду с интернационалистами—Жюанаром, Серайе и Комбо (Combault) — фигурировали радикалы Клемансо и Флоке. Соглашательская природа этих «активных» миротворцев обнаруживается в их избирательной платформе. «Вопреки всем,—читаем там,—революция 18 марта должна быть удержана на своем истинном пути»: нельзя идти дальше автономии Парижа и окончательного установления республики посредством свободной федерации Коммун.

Список Ц. К. 20-ти округов носил прудонистско-бланкистский характер. Из 30 выставленных им кандидатов оказались избранными девять.

¹⁾ J. O., 2/IV, 8/IV, 9, 10/IV. Affiches, p. 37, 176—179.

Интернационал, как целое, не выступал ни с особой программой, ни с самостоятельными кандидатурами. Некоторые газеты, как «Отец Дюшен», «Bonnet Rouge» (Красный Колпак), «Sociale» («Социальная Революция»), а также Наблюдательные Комитеты отдельных округов опубликовали особые списки кандидатов ¹⁾.

Несмотря на усиленную агитацию революционно-социалистических газет и организаций, в дополнительных выборах приняли участие лишь ничтожная часть парижского населения, внесенного в избирательные списки. Если 26 марта в соответствующих округах было подано 146 тысяч голосов, то теперь—всего 61 тыс. Абсентеизм избирателей проявлялся особенно сильно в тех округах, представители которых сложили свои полномочия: в марте в этих округах явилась 51 тысяча избирателей, 6 апреля—16 тысяч.

Ввиду незначительного количества голосовавших, назначенная Коммуной мандатная комиссия высказалась за утверждение всех кандидатов, получивших более половины голосов, поданных в данном округе, тогда как действующий закон (1849 г.) требовал, чтобы число полученных депутатом голосов было не менее $\frac{1}{8}$ внесенных в избирательные списки по данному округу. И все же в 3-х округах пришлось признать выборы несостоявшимися. Предстояло избрать 29 человек, но получивших абсолютное большинство вотировавших оказалось 20, а удовлетворивших требования избирательного закона—всего 11 человек.

Доклад Комиссии вызвал горячие прения, при чем впервые наметилась та группировка, по которой в Коммуне стали различать «большинство» и «меньшинство».

Противники предложения Комиссии, преимущественно члены Интернационала, стояли за соблюдение законности, что было, конечно, пустой игрой в парламентаризм, когда сама Коммуна была, по выражению Лиесгаре, «вне закона».

«Я высказываюсь за строгое выполнение буквы закона, который требует $\frac{1}{8}$,—говорил Арт. Арну.—«Утверждая эти незаконные выборы, мы должны будем поневоле утвердить и другие. Недопустимо, чтобы член Коммуны, получивший каких-нибудь 500 голосов, претендовал на действительность своих полномочий... Поступив иначе, чем я предлагаю, мы нанесли бы тягчайший удар принципу всеобщего избирательного права. В таком случае, уж лучше было бы оставить власть за Ц. К-том...»

Утвердить незаконные выборы это значило бы умалить ценность наших собственных мандатов, подорвать моральный авторитет Коммуны, обречь заранее на бесплодие ее решения»,—говорили вслед за Арну Ланжевен, Растуль и Клеманс.

¹⁾ Affiches, p. 44; №№ 77, 84, 82, 92, 94, 96, 100.

П. Груссе, Юрбен и Билльоре возражали, что совершенно не важно, какое впечатление произведет нарушение закона на Версаль, что, в сущности, у Коммуны нет никаких данных о тех изменениях, какие произошли в составе населения со времени составления списков, а потому бессмысленно вообще ссылаться на избирательный закон 1849 г. «Единственно справедливым и разумным выходом было бы положиться на мудрость самого народа, который голосовал, как хотел, и утвердить выборы тех, кто получил абсолютное большинство поданных голосов».

У недовольных Коммуной имелось средство высказать свое мнение, подав пустые бюллетени, «если те, кто нас не хотел, не сделали этого, мы должны пройти мимо них». При свободе выборов воздержание есть политическое дезертирство. «Тот, кто не пожелал защищать свою свободу путем участия в выборах, на мой взгляд — не француз, не немец, не китаец», — говорил Юрбен.

Большинством 21 голосов против 13 Коммуна согласилась с заключением мандатной комиссии ¹⁾.

Назначать дополнительные выборы было ошибкой со стороны Коммуны, что и признается некоторыми ее историками. «Действуя так, — пишет Арну, — она увлеклась добросовестностью очень почтенной, но неуместной... Тогда было не до выборов. Жестокая борьба длилась целыми днями: положение было настолько трагическим, что не было ни времени, ни необходимого хладнокровия, чтобы вообще голосование могло сделать свое дело... Почти все люди, преданные Коммуне, были на укреплениях, в фортах, на передовых позициях. Те, которые не дрались сегодня, отдыхали от битвы накануне, или готовились к завтрашнему сражению...»

«С другой стороны, — продолжает Арну, — народ с его великим, практическим смыслом и удивительным революционным инстинктом не придавал никакого значения этим дополнительным выборам. Он вполне основательно говорил себе, что если заседающие в Думе могут спасти положение, то в дополнительных выборах нет никакой надобности; если же не могут, то присоединение дюжины новых товарищей не изменит положения вещей».

Но если на выборы не могло или не хотело явиться значительное число сторонников Коммуны, то абсентеизм ее врагов был тем более естественен. «Округа, где предстояло произвести дополнительные выборы, за немногими исключениями, принадлежали к категории тех, в которых Коммуна имела меньше всего приверженцев, где, следовательно, можно было предвидеть, что число голосующих будет бесконечно мало».

¹⁾ J. O., 21/IV.

Действительно, так как эти округа послали (в марте) таких людей, как Луазо, Тирар, Ранк, Паран и т. д., которые дезертировали после первых же заседаний Коммуны, то можно было наперед быть уверенным, что избиратели последуют примеру своих избранников и воздержатся от участия в выборах, как последние отказались от борьбы...

Таким образом, как и можно было предвидеть, число голосующих оказалось крайне ничтожным, и Коммуна не только не почерпнула новых сил во всеобщем голосовании, но утратила, повидимому, три четверти своей первоначальной популярности).

Народ, в сущности, был прав. «Корень вопроса был уже не там. Выборы... были только парламентаризмом. Дело шло не о том, чтобы считать избирателей, а чтобы иметь солдат. Дело шло не о том, чтобы знать, выиграли мы, или потеряли в общественном мнении парижан, а о том, чтобы зашищать осажденный версальцами Париж»¹⁾.

С этим нельзя не согласиться; и остается лишь пожалеть, что Арну не приволил аналогичных доводов в самой Коммуне, где он, как известно, принадлежал к тем, кого Лиссагарэ называет людьми «помешанными на легализме».

Как бы то ни было, выборы 16 апреля еще раз показали, что между пролетариатом и средним слоем буржуазии произошел окончательный разрыв, что сражались за дело Коммуны только рабочие.

С другой стороны, факт массового абсентеизма избирателей, истолкованный как доказательство слабости Коммуны, мог, наряду с успехами версальской армии, только укрепить уверенность Тьера в близости победы и ненужности каких бы то ни было компромиссов с парижскими «бунтовщиками».

Тем не менее некоторые группы соглашателей все еще верят в возможность примирения. В конце апреля и начале мая они не раз предлагали свои посреднические услуги.

В прокламации от 18 апреля «Лига прав Парижа» вынуждена признать, что «гражданская война, остановить которую зависело от Собрания, свирепствует с новой силой». «С другой стороны, Коммуна не формулировала своей программы и отказалась высказаться по поводу наших предложений, что лишает защитников прав Парижа тех выгод, которые давала бы им определенность их платформы».

И все же руководители Лиги «более, чем когда-либо, убеждены, что единственно возможным выходом из конфликта

¹⁾ Арну, оп. с. 194—195.

может быть лишь соглашение, основы которого уже были указаны».

Теперь Лига решила апеллировать к муниципальным советам крупных городов, надеясь, что их вмешательство заставит версальцев быть сговорчивее ¹⁾.

В 20-х числах апреля ее программа была принята «Примирительной Комиссией торговли, индустрии и труда», представлявшей 107 различных корпораций и артелей ²⁾.

В провинции началась кампания в пользу созыва конгресса представителей городов в Бордо ³⁾.

Но вся эта агитация не производила на Собрание ни малейшего впечатления. Предложение депутата Брюне, потребовавшего с трибуны возобновления мирных переговоров с Парижем, было встречено невероятным шумом, а правительство приказало, устами Дюфора ⁴⁾, преследовать «проповедников соглашения..., которые ставят на одну доску вышедшее из всеобщего голосования Собрание и самозванную Парижскую Коммуну». Потерпела неудачу и попытка повлиять на Тьера, предпринятая масонами ⁵⁾. На вопрос депутации о его намерениях глава правительства отвечал: «Защищать Собрание против всех и вся. Для этого мы будем разрушать дома и убивать людей, пока право не останется за силой».

После такого ответа масоны решили водрузить свои знамена на парижских фортах и призвали своих сторонников к вооруженной поддержке Коммуны. Но эта единственно честная группа соглашателей не пользовалась большим влиянием в Париже, и ее присоединение не могло сколько-нибудь заметно усилить оборону Парижа ⁶⁾.

Примиренческие попытки Лиги возобновляются после состоявшихся 30 апреля муниципальных выборов, давших весьма неприятные для версальцев результаты. В крупных промышленных и торговых центрах севера и юга прошли целиком демократические и республиканские списки кандидатов. 3 мая известная уже читателям «Примирительная комиссия торговли, индустрии и труда» выступила с декларацией, в которой предлагала Коммуне произвести новые

¹⁾ М. Р., II, 372.

²⁾ В эту организацию входили: 1) Национальный торгово-промышленный Союз, объединивший 60 торговых палат; 2) Центр. К-т хозяйских синдикальных камер и 3) 20 „рабочих ассоциаций“, иначе—говоря артелей мелких, квалифицированных мастеров, вроде артели „типографов“, „столяров“, „фабрикантов тростей“, „фабрикантов оптических стекол“, „обувных закройщиков“, „мастеров, изготовляющих весы и маятники“ и т. п. (Enq. parl., III, 278—280).

³⁾ Bourgin, p. 155—156.

⁴⁾ Министр юстиции в новом кабинете.

⁵⁾ Масоны—чл-ны религиозного общества, ставившего своей задачей нравственное совершенствование людей на основе равенства и справедливости.

⁶⁾ Дюбрейль, 185—186.

выборы под контролем «незаинтересованной» (!) стороны — членов торговых палат, советов добросовестных, рабочих и предпринимательских синдикатов. Новый муниципальный Совет выделит особую комиссию для переговоров с Национальным Собранием (оно-то остается! (Н. Л) относительно разграничения компетенции центральной и местной власти. 8 мая делегаты Примирительной Комиссии были у Тьера. По возвращении из Версаля они вручили одному из членов Коммуны докладную записку, в которой изложили те крайние пределы уступок, на какие, по их мнению, готова идти исполнительная власть ¹⁾.

В то же время депутат Брюне внес проект декрета о созыве на 10 мая общепарижского съезда муниципальных советников, чтобы узнать их мнение о возможности заключения мира с Парижем ²⁾.

Но большинство Собрания хотело лишь полного разгрома противника. Несмотря на все старания Лиги, ей не удалось добиться даже приостановки военных действий, чтобы предотвратить разгром деревень Ванва и Монружа, жители которых желали остаться нейтральными. 9 мая Тьер обратился к парижанам с прокламацией, в которой заявлялось о непреклонном решении правительства «покончить с восстанием», «разгромить кровавую тиранию»; население призывалось сбросить «кучку насильников», пытающуюся навязать свою волю Франции, и открыть ворота версальской армии ³⁾.

Через 3 дня (12/V) в Собрании прошел декрет, объявлявший неотчуждаемым, впредь до возвращения собственникам, все движимое и недвижимое имущество, принадлежащее государству, департаменту Сены, городу Парижу и его пригородам, общественным учреждениям, церквям, фабрикам, коммерческим и ученым обществам, корпорациям, а также частным лицам, — подвергшееся конфискации или секвестру, начиная с 18 марта 1871 г. по распоряжению так называемого Ц. К-та, К. О. С., Парижской Коммуны или их агентов.

Имущество, отчужденное вопреки этому закону может быть взыскано настоящими собственниками в течение 30 лет со времени официального сообщения о ликвидации парижского восстания, при чем незаконные владельцы, хотя бы и благоприобретшие такого рода имущества, не только не получают вознаграждения, но подлежат заключению в тюрьму от одного года до 5 лет, если будет установлено, что им было известно происхождение данного имущества. Лица, виновные в уничтожении каких-либо деловых документов, подлежат отдаче на принудительные работы ⁴⁾.

¹⁾ Enq. Parl., III 279—287.

²⁾ Fourgin, p. 155.

³⁾ М. Р. II, 444—445.

⁴⁾ М. Р. II, 514—515.

Чтобы положить конец всяким посредническим попыткам в пользу Парижа со стороны провинциальных городов, версальское правительство категорически воспретило назначенный на половину мая конгресс представителей муниципалитетов в Бордо. «Заявление и программа, опубликованные комитетом департаментов,—говорилось в циркуляре министра внутренних дел Пикара,—показывают, что цель конгресса состоит в том, чтобы явиться посредником между восставшими, с одной стороны, и правительством, с другой, и заменить, таким образом, авторитетом Лиги авторитет Национального Собрания. Долг правительства—использовать предоставленную ему законом власть, и можно быть уверенным, что оно делает это. Оно изменило бы Собранию и цивилизации, если бы допустило собраться, на-ряду с законной властью, вышедшей из всеобщего избирательного права, съезду мятежников и коммунистов». Переходя затем от слов к делу, правительство приказало арестовать двух делегатов Лиги, прибывших в Бордо. Был воспрещен и аналогичный съезд в Лионе¹⁾, а окрыленное надеждами Собрание демонстративно отвергло предложение одного из депутатов об окончательном признании республиканской формы правления во Франции.

Последняя делегация Лиги, прибывшая в Версаль 21 мая, не добилась даже свидания с Тьером, который был уже в Париже.

Итак, соглашательская политика мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, мечтавшей о возможности какой-то сделки между восставшим пролетариатом и его угнетателями, не привела ни к каким результатам.

«Провинциальная мелкая буржуазия, — говорит Лиссагарэ, — упустила редкий случай завоевать себе свободу и вновь взять на себя великую роль, какую она играла в 1792 году. До очевидности ясно стало, насколько долгое политическое рабство и полное отсутствие всякой политической жизни ослабили биение ее пульса и способность мыслить. От 19 марта до 5 апреля она предоставила рабочих самим себе, вместо того, чтобы притти к ним на помощь, поддержать их усилия, вместе с ними спасти революцию и продолжить ее. А когда она захотела заговорить, она оказалась изолированной... Такова ее история, начиная со времен Робеспьера».

Лиссагарэ правильно отметил факт политического банкротства мелкой буржуазии, но его объяснение этого явления, разумеется, неудовлетворительно. Дело не в том, что отсутствие политической свободы в эпоху Второй Империи вытравило у мелкой буржуазии всякую способность к дей-

¹⁾ Lani. et Corriez, p. 407. В Лион съехались представители всего 16 из 86 департаментов юга, востока и центра.

ствию: «старый режим» конца XVIII в. еще более стеснял проявления общественности, и, тем не менее, диктатура мелкой буржуазии спасла в 93 году «республику и свободу». Лиссагарэ не понимает, что за те 78 лет, которые отделяют якобинский Конвент от Коммуны 1871 г., Франция проделала огромную экономическую эволюцию, в результате которой мелкая буржуазия превратилась в класс, осужденный на беспомощные колебания между пролетариатом и крупной буржуазией, о чем нам пришлось уже говорить в начале настоящей работы.

Все возрастающая изолированность рабочего класса, казалось, должна была сплотить его представителей и выправить политику Коммуны. Но произошло иначе. Чем опаснее становилось положение Парижа, тем сильнее чувствовались тактические разногласия, разделявшие «большинство» и «меньшинство», тем более обострялась борьба, которая в скрытой форме началась с первых же дней существования Коммуны.

Расхождения между обоими течениями обнаружили уже по вопросу о публичности заседаний Коммуны; они всплыли снова в связи с вопросом о применении террористических мер к врагам Коммуны, дополнительными выборами и т. д. Во многих случаях «меньшинство» справедливо протестовало против простого перенесения в практику восставшего пролетариата методов 93 г., но оно ничего не могло предложить взамен критикуемых мероприятий, ибо само не имело ни определенной программы, ни выдержанной революционной тактики.

Но в качестве особой фракции Коммуны меньшинство выступило очень поздно. «Очень долго, — говорит Арну, — между теми, которые должны были составить меньшинство, не было никакого соглашения. Мы мало знали друг друга. Всякий, следуя своему темпераменту, говорил и голосовал по повседневному вопросам согласно своим принципам и своему политическому идеалу»¹⁾.

Действительно, при обсуждении и голосовании многих вопросов иные члены будущего «меньшинства» шли вместе с «большинством».

Первое организованное выступление «меньшинства» произошло 1 мая, при поименном голосовании декрета об учреждении Комитета Общественного Спасения, когда группа в 17 человек внесла свой мотивированный протест против создания «диктаторской власти», ослабляющей Коммуну и узурпирующей права самого народа²⁾.

¹⁾ Арну, 139.

²⁾ См. выше, ч. III, гл. 5.

Не довольствуясь этим, 23 члена Коммуны, составившие вскоре ядро «меньшинства»¹⁾, воздержались при выборах в Комитет Общественного Спасения. Их коллективное заявление о мотивах воздержания гласило: «Нижеподписавшиеся, принимая во внимание, что они голосовали против учреждения Комитета Общественного Спасения, в котором они не видят ничего, кроме забвения принципов серьезной социальной реформы, связанной с революцией 18 марта, и опасного и бесполезного... возврата к прошлому, у которого нужно учиться, а не совершать плагиаты, заявляют, что они не выставляют своих кандидатов (в К. О. С.) и считают... воздержание единственно достойным, логическим и политическим шагом»²⁾.

9 мая, когда стало известно, что после упорных боев форт Исси снова перешел в руки версальцев, а военный делегат Россель подал в отставку, произошло бурное заседание Коммуны. Оно открылось речью Делеклюза. Старый якобинец резко критиковал всю политику Комитета Общественного Спасения и в то же время призывал членов Коммуны к единству и решительным действиям. «Вы занимаетесь дискуссиями, — говорил он, — когда нам сообщают, что над фортом Исси развевается трехцветное знамя. Граждане! Необходимо немедленно взяться за ум... Я надеюсь... что Париж спасет Францию, а Франция — Европу... Отрешитесь от взаимной вражды... Комитет Общественного Спасения не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он... не сделал даже того, что могла бы сделать обыкновенная исполнительная комиссия... Он оказался тормозом, вместо того, чтобы толкать других; по-моему, он должен сойти со сцены. Необходимо немедленно принять решительные меры. Франция простирает к нам свои руки, продовольствия у нас достаточно, одна неделя усилий — и мы прогоним версальских бандитов...»³⁾

После речи Делеклюза заседание было объявлено закрытым⁴⁾. Дебаты возобновились. Представители большинства обвиняли Росселя в измене и сваливали ответственность за всю анархию, царившую в центральных учреждениях, на меньшинство.

Один из членов К. О. С. готов исправить все ошибки последнего и ручается за успех. По его мнению, К-ту О. С.,

¹⁾ Эти 23 члена Коммуны были: Ш. Лонге, Лефрансе, Арт. Арну, Журд, Малон, Серайе, Беле, Клеманс, Жерарден, Ланжевен, Варлен, Авриаль, В. Клеман, Верморель, Тейс, Пенди, Бабик, Андрие, Остен, Ра-стуль, Ж. Валлес, Курбе и бланкист Тридон. За исключением 7 последних, все были членами Интернационала.

²⁾ J. O., 4/V. „Les 31 Séances“, p. 145.

³⁾ J. O., 10/V.

⁴⁾ Официального отчета о дальнейших прениях напечатано не было, и публика узнала о них лишь со слов участников заседания.

которому бросали незаслуженные упреки, «нехватало лишь решимости по отношению к представителям «меньшинства», которые все компрометировали; их арест мог бы несколько улучшить положение».

Якобинец Гамбон предлагал закрыть еще существующие газеты.

После ряда выступлений, направленных против К. О. С., Коммуна приняла ряд следующих постановлений: 1) опубликовать об отставке настоящего состава К. О. С. и озаботиться немедленно назначением в него новых членов; 2) ввести гражданского делегата в военное ведомство с правом участия в военной комиссии, которая должна заседать постоянно; 3) избрать комиссию из 3 лиц, которые должны немедленно составить прокламацию; 4) пленарные заседания будут происходить только три раза в неделю, за исключением не терпящих отлагательств случаев, когда заседание должно быть созвано по заявлению пяти членов или по предложению К. О. С.; 5) члены Коммуны будут постоянно находиться при мэриях своих округов, и принимать в силу своей дискреционной власти все меры, диктуемые создавшимся положением; 6) организовать военный трибунал, члены которого должны быть немедленно назначены Военной Комиссией. К. О. С. должен заседать в Ратуше непрерывно ¹⁾.

При назначении нового К. О. С. прения разгораются вновь. Ф. Пиа бросает по адресу Росселя бездоказательные обвинения в измене и требует его ареста.

Объявляется перерыв. Представители меньшинства, возмущенные длительным отсутствием большинства, удалившегося на фракционное заседание, силою проникают в помещение, где происходило это тайное совещание, и требуют немедленного возвращения всех членов в зал заседаний, на что их противники вынуждены согласиться.

По возобновлении заседания снова происходят бурные сцены. Журд предлагает устранить вопрос об отдельных личностях и заняться исключительно изысканием мер к спасению Парижа, Шалэн требует ареста мятежников из меньшинства, как виновников всех отяжек и беспорядков. Должен быть арестован и Россель.

Малон говорит, что не стоит и оспаривать предложений, исходящих от Шалэна, как несущественных.

При новой попытке Пиа выступить с обвинениями против меньшинства, Малон прерывает оратора словами: «Вы—злой гений революции. Молчите! Довольно ваших все отравляющих подозрений, только разжигающих раздоры... Ваше влияние губит Коммуну; надо, наконец, положить ему предел!»—

¹⁾ J. O., 10/V.

«Старые революционеры 48 г. погубят еще одну революцию!» воскликнул Арнольд ¹⁾.

При избрании второго Комитета О. С. меньшинство участвовало в голосовании, но не провело ни одного из своих представителей ²⁾.

Новые поражения коммунаров (падение форта Ванв, отступление речной флотилии, отход Домбровского, занятие версальцами части Булонского леса) не предотвратили уже назревавшего раскола, ускоренного непримиримой политикой большинства. «Положение членов меньшинства, — говорит Лефрансе, — стало невыносимым. Если не считать некоторых экономических вопросов, при решении которых равнодушное к ним большинство предоставляло нам свободу действий (в голосовании декрета о заложенных в ломбарде вещах участвовало всего 28 человек, из них лишь 5—6 принадлежало большинству); важнейшие мероприятия Коммуны решались на частных совещаниях большинства, а не в пленуме» ³⁾.

Опираясь на свои полномочия, новый К-т О. Спасения устранил Вермореля из Комиссии Общественной Безопасности, Лонге — из редакции «Официального Журнала», распустил старую военную комиссию, состоявшую из Авриала, Тридона, Варлена и Жоаннара, назначив вместо них Беряере, Курне, Жерема, Ледруа, Сикара и Юрбена, т. е. исключительно сторонников большинства ⁴⁾.

Меньшинство решило заявить мотивированный протест в заседании 15 мая, но не смогло осуществить своего намерения вследствие отсутствия «большинства». Тогда «меньшинство» пошло на раскол. 16 мая в газетах появился его манифест, извещающий население о выходе 22 членов из Коммуны.

«Особым, не допускающим сомнения голосованием, — говорилось в Манифесте, — Парижская Коммуна отреклась от своей власти в пользу диктатуры, которой дала имя Комитета Общественного Спасения.

Своим решением большинство Коммуны сложило с себя всю ответственность за наше положение, передав ее Комитету.

Меньшинство, к которому мы принадлежим, поддерживает, напротив, ту мысль, что в момент политической и социальной революции Коммуна должна принять на себя всю ответственность... как бы достойны ни были те, в чью пользу она желала бы отречься от своих прав.

Что касается нас, то мы, как и большинство, хотим политического и социального обновления, но, в противоположность его мнению, мы от имени тех, которых представляем, требу-

¹⁾ Lanj. et Corriez, p. 431—435 (passim).

²⁾ Избранными оказались исключительно сторонники большинства: Арно, Делеклюз, Эд, Гамбоа и Ранвье (J. O., 10/V).

³⁾ Lefrançais, p. 299—300.

⁴⁾ Lanj. et Corr., p. 435, 470. Lefrançais, 299—300.

ем права исключительной ответственности за свои поступки перед своими избирателями, не прячась за какую-то военную диктатуру, которой наши полномочия не позволяют нам признавать.

Поэтому мы явимся в Собрание только в тот день, когда оно обратится в суд, чтобы судить кого-либо из своих членов.

Преданные нашему великому делу Коммуны, за которое ежедневно погибает столько граждан, мы возвращаемся в свои округа, которыми до сих пор, может быть, мы, чересчур пренебрегали. Убежденные, кроме того, что вопрос войны имеет в данный момент первенствующее значение над всеми остальными, мы будем проводить все время, которое останется в нашем распоряжении после работы в округах, среди наших братьев национальных гвардейцев и примем участие в этой решительной борьбе, начатой во имя народных прав.

Там мы сможем еще оказаться полезными в меру своих убеждений и в то же время избегнем необходимости создавать в Коммуне раскол, которого мы не хотим, будучи убеждены, что и большинство и меньшинство, несмотря на политические разногласия, преследует одну и ту же цель:

Политическую свободу.

Освобождение рабочих.

Да здравствует социальная республика! Да здравствует Коммуна!»¹⁾

Мотивируя свой уход созданием диктатуры Комитета Общественного Спасения, меньшинство было непоследовательно. Правда, оно воздержалось при избрании первого Комитета, но оно участвовало в назначении второго, которому были оставлены те же полномочия. И в этом отношении прав Мендельсон, который видит в этом выступлении меньшинства «игру в парламентаризм».

Социалисты не могли, далее, не знать, что их отказ участвовать в заседаниях Коммуны был равносильен расколу, который должен был дезорганизовать Коммуну и подорвать ее авторитет в пролетарских массах в тот момент, когда положение осажденного Парижа стало особенно серьезным и угрожающим. К тому же, осуждая политику большинства, идя на раскол и апеллируя своим выходом из Коммуны к массам, меньшинство не могло предложить последним никаких иных средств спасения революции. Меньшинство, — говорит Дюбрейль, — «хорошо понимало, что только враг, и только он один, использует плоды их гнева и оппозиции, что оно рискует... расколоть надвое рабочий и революционный Париж,

¹⁾ Под заявлением стояли подписи 22 членов: Белз, Журда, Тейса, Лефрансе, Жерардена, Вермореля, Клеманса, Андрие, Серайе, Лонге, Арт, Арну, В. Клемана, Авриала, Остена, Франкеля, Пенди, Арнольда, Ж. Валеса, Тридона, Варлена, Курбе и Малона. (Lanç. et Corr., p. 474).

как раз накануне решительного штурма, к которому готовится Версаль»¹⁾.

Даже представитель меньшинства Арну, который горячо отстаивает правильность позиции, занятой его единомышленниками, «вынужден признать» в своей книге, «что вообще манифест меньшинства не был понят населением. Многие усвоили из него только две вещи: что произошел раскол, и что мы уходим. Действительно, при тех обстоятельствах наша резолюция имела слишком парламентский характер, чтоб быть понятой массой... Это была политика, а тут было не до нее. Народ в своей массе... понял только, что мы отделились от собрания, именуемого Коммуной, и это решение его тревожило, заставляя предполагать ослабление, распадение власти, которая, как он верил, будет руководить обороной и спасет его от врагов. В данном случае, должен это открыто признать, общественное мнение было право».

С другой стороны, тот же Арну видит ошибку меньшинства в том, что его манифест «появился слишком поздно, когда дело шло уже не о том, чем будет Коммуна и какова она будет, а о том, удержится ли она вообще»²⁾.

Многие социалисты-прудонисты, не входившие в Коммуну, также не одобряли тактики меньшинства. «Не с ума ли сошли господа в Ратуше?—писала в № 59 «Коммуна» («La Commune»).—«Неужели они хотят теперь играть в парламентаризм? Что это такое? Интеллигентное меньшинство удаляется из залы и выходит не на Авентинский холм³⁾ восставшая, а под сень пассивного покоя. Оно уступает место смешным клубным крикунам, комедиантам, разыгрывающим историю 1793 года».

В газетах большинства поднялась целая буря негодования. «Отец Дюшэн» предлагал расстрелять подписавшихся под манифестом⁴⁾.

Несмотря на свое решение, члены меньшинства явились на другой день в заседание Коммуны⁵⁾, что можно было до известной степени рассматривать как признание меньшинством ошибочности сделанного им дезорганизаторского шага. Но, вместо того, чтобы облегчить противнику уже начатое отступление, некоторые представители большинства, пользуясь двусмысленным положением меньшинства, перешли в новую атаку.

¹⁾ Дюбрейль, 209.

²⁾ Арну, 214—215.

³⁾ Один из семи римских холмов. Согласно преданию из эпохи классовой борьбы в древнем Риме, однажды плебеи выселились из города на Авентинский холм, надеясь такой своеобразной забастовкой сломить сопротивление патрициев.

⁴⁾ Цитирую по Мендельсону, стр. 61; Lefr., 305.

⁵⁾ В результате произведенного в начале заседания подсчета налично оказалось 66 членов.

«Начиная заседание,—сказал П. Груссэ,—мы с удовольствием, хотя и не без удивления констатировали, что некоторые члены, фамилии которых красуются под опубликованным во вчерашних газетах манифестом, оказались на своих местах. В своем манифесте они заявили, что отказываются от участия в дальнейших заседаниях Коммуны. Поэтому я хотел бы знать, не является ли их возвращение неприятным актом, которым они признают свою ошибку; ибо я не могу допустить, чтобы часть членов Коммуны, с одной стороны, помещала в газетах манифест с сообщением о расколе, в котором эти новые жирондисты заявляют о своем намерении удалиться,—правда, не в департаменты—туда им путь отрезан,—а в округа, а потом приходили сюда, чтобы без всяких объяснений и оправданий занять свои обычные места...»

Прерываемый сильным шумом, Груссэ отрицает приписываемое большинству стремление отказаться от власти и возложить всю ответственность на Комитет Общественного Спасения: «Мы берем,—говорит он,—целиком всю ответственность на себя, мы вполне солидарны с назначенным нами Комитетом... и готовы поддерживать до конца его революционную политику...»

Самое появление манифеста Груссэ объясняет не несогласием меньшинства с статьей декрета, предоставляющей неограниченные полномочия Комитету Общественного Спасения, а поражением, которое потерпело меньшинство при назначении нового состава Комитета, и отозванием старых членов Военной Комиссии. Представители меньшинства мотивируют свой отказ принимать участие в заседаниях Коммуны необходимостью перейти от парламентаризма к непосредственному действию, к работе на местах; но ведь как раз большинство всячески боролось с увлечением парламентаризмом, требовало редких, закрытых и деловых собраний пленума. «Если члены Коммуны, которые заявили о своем уходе, действительно намерены посвятить себя целиком работе в округах... прекрасно! Это будет лучше, чем приходиться сюда и мешать смелым и решительным людям принимать решения, которые диктуются обстоятельствами».

Груссэ заканчивает свою речь уже недвусмысленной угрозой: «А если эти члены Коммуны, вместо того, чтобы честно сдержать свое обещание, попытаются снова пустить в ход средства, способные скомпрометировать Коммуну, откуда они дезертировали, мы сумеем до них добраться и покончить с ними».

Несмотря на вызывающий тон речи Груссэ, меньшинство искало, повидимому, путей к примирению. «Я заявляю за себя и от имени своих друзей,—говорил Ж. Валлес,—что

мы хотим, чтобы в Коммуне создалась наиболее полная гармония... Необходимо столкнуться с Ц. К-том и большинством, но нужно же уважать и права меньшинства, которое ведь тоже является силой; вполне искренно мы заявляем, что хотим, чтобы в Коммуне было согласие, и что наш переход в округа не является какой-то угрозой».

Но это примирительное выступление отнюдь не обезоружило большинства. «Я все же не понимаю ни присутствия здесь подписавших манифест, ни тех дебатов, которые сейчас ведутся!»—воскликнул Рауль Риго. Ф. Пиа требовал оглашения злополучного манифеста.

Были сторонники соглашения и среди большинства. «Вынесение в печать раскола,—говорил Режер,—факт прискорбный; но, если в своей декларации меньшинство зашло дальше, чем хотели наши товарищи, им остается взять ее обратно. Все мы сходимся в поставленной цели; разница только в средствах, и, раз они возвращаются, мы должны оказать им братский прием, чтобы общими усилиями содействовать осуществлению желанной цели»... Итак, граждане, раз вы снова пришли к нам, вы должны остаться».

В пользу примирения высказался и Вайян. «Я требую,—сказал он,—чтобы Собрание реагировало на то, что произошло, помня, что от него зависит спасение Парижа. Оставим в стороне наши внутренние недоразумения. Этот манифест, вынося на улицу вопросы, которые должны бы обсуждаться лишь в каком-нибудь тайном комитете, нанес тяжкий удар Коммуне. Но когда эти члены, отказываясь от своего манифеста, возвращаются сюда, не нужно им ставить это на вид и тем самым разжигать их упорство в совершенной ошибке... Теперь остается одно: меньшинство должно разорвать свое заявление, а большинство пусть скажет: объединим все наши усилия во имя общего блага; оставайтесь с нами, ибо, если вы пойдете против нас, мы слошим вас».

Вайян предлагал принять следующую формулу перехода к очередным делам: «Ввиду того, что декларация так называемого меньшинства не была представлена непосредственно Коммуне, что присутствие некоторых членов этого меньшинства в сегодняшнем заседании фактически аннулирует составленную частью Собрания декларацию, Коммуна переходит к очередным делам».

Однако формула Вайяна была отвергнута. Большинство приняло предложение якобинца Мио, которое гласило: «Принимая во внимание, что Комитет Общественного Спасения ответственен за свои акты, что он всегда находится в распоряжении... Коммуны, суверенитет которой никогда никем не оспаривался и не мог оспариваться, большинство Коммуны декретирует:

1) Оно готово предать забвению поведение членов меньшинства, если представители последнего снимут свои подписи с манифеста.

2) Оно порицает означенный манифест и переходит к очередным делам» 1).

Резолюция Мио может показаться чересчур резкой, но Коммуна в целом не могла не реагировать на дезорганизаторское выступление «меньшинства». Примирение достигнуто не было.

Некоторые члены меньшинства пытались вынести конфликт на суд избирателей. Так, депутаты от IV округа 2) созвали собрание в зале Лирического театра, на котором присутствовало до 2 тысяч человек. Депутаты изложили причины, побудившие меньшинство выступить со своим манифестом, и заявили, что слагают свои полномочия, если избиратели не одобряют той политики, какую они проводили в Коммуне до настоящего времени.

«Коммуна, — говорил Лефрансе своим избирателям, — воплотилась целиком в Комитет Общественного Спасения, который готов деспотически распорядиться движением. Меньшинству ничего не оставалось, как уйти... Если мы опубликовали наш манифест, то для того, чтобы избежать огненные всякой бесплодной и столь прискорбной борьбы в недрах самой Коммуны; ибо, абсолютно расходясь во взглядах и вытекающих из них методов действия, мы не избежали бы только озлобляющих и бесполезных дискуссий: лучше нам удалиться».

Собрание выразило сожаление по поводу происшедшего раскола, но в то же время одобрило политику своих представителей и предложило им возобновить работу в Коммуне 3).

С другой стороны, меньшинство подверглось воздействию со стороны Федерального Совета парижских секций Интернационала, который предложил примыкающим к Интернационалу членам Коммуны явиться 20 мая на заседание Совета, чтобы дать отчет о их поведении в Коммуне и изложить причины происшедшего в Коммуне раскола. Собрание состоялось; оно одобрило мотивы отказа меньшинства от участия в заседаниях, но в то же время предложило принадлежащим к меньшинству членам Интернационала употребить все усилия для сохранения единства Коммуны, столь необходимого перед лицом беспощадного врага 4).

Как бы то ни было, Коммуна уже не могла оправиться после той дезорганизации и деморализации, которая созда-

1) J. O., 18, 19/V. (Заседание 17 мая) „Les 31 S.“, 229—36, 315, 229—236.

2) Арну, Лефрансе, Жерарден и Клеманс.

3) Арну, 213—214. *Le français*, op. cit: *Pièces justificatives*, XXV, p. 63—64.

4) J. O., 20, 24/V.

лась в результате раскола. Возможно, что именно этим объясняется тот быстрый распад Коммуны, который произошел вслед за вступлением версальцев в Париж.

Но слабость Коммуны объясняется не только теми трениями, которые происходили внутри ее, но и постоянной глухой борьбой с могущественной организацией, сохранившейся на-ряду с Коммуной и претендовавшей разделить с ней власть. Такой организацией был Центральный Комитет Национальной гвардии.

Глава IX.

Коммуна и Центральный Комитет.

С избранием Коммуны к ней должна была перейти вся власть; тем самым Ц. К-т переставал существовать, как временное правительство. В прокламации к населению он заявил: «Наша тяжелая задача выполнена, национальная гвардия сохраняет свое оружие; она является единственной военной силой Парижа... Коммуна избрана. Раз этот результат достигнут, нам остается восполнить последнее условие полученного нами мандата—сложить свои полномочия»¹⁾.

Но предстояло установить, каковы будут теперь функции Ц. К-та, и как определятся его взаимоотношения с Коммуной. Вопрос обсуждался в Ц. К-те 29 марта, при чем наметились две точки зрения. Одни полагали, что к Коммуне должна отойти только гражданская, политическая и административная власть; власть военная остается за Центральным Комитетом; поэтому Коммуна не должна назначать Военной Комиссии, деятельность которой свела бы на нет роль Ц. К-та.

Другие отрицали за Центральным Комитетом всякое право на какие бы то ни было функции по управлению.

В принятой резолюции говорилось: «Коммуна является в Париже политической и гражданской властью. Она черпает свои полномочия из народного верховенства. Центральный Комитет, который воплощает в себе принцип федеративной организации национальной гвардии, представляет военную силу. Он проводит в жизнь распоряжения, изданные Коммуной. Центральный Комитет сохранит полную автономию. В его компетенции остается организация национальной гвардии и обеспечение ее функционирования. Кроме того, он предлагает на рассмотрение Коммуны проекты вся-

¹⁾ Enq. Parl., III, 49.

кого рода политических и финансовых мероприятий, стоящих в связи с выполнением принятых ею решений»¹⁾.

Коротко говоря, Центральный Комитет хотел быть военным ведомством Коммуны, претендовал на полномочия, которые получила потом ее военная комиссия.

В тот же день делегация Ц. К-та явилась в Ратушу. «Сограждане,—заявил один из делегатов,—Центральный Комитет готов передать вам свои революционные полномочия. Мы возвращаемся в пределы своей компетенции, определяемой нашим уставом. Ц. К. не может вмешиваться в постановления Коммуны, этой единственно правомочной власти. Он заставит исполнять ее декреты и ограничится реорганизацией Национальной гвардии».

Многие из членов Коммуны смутно чувствовали, что в какой бы форме ни остался существовать Ц. К-т, он всегда будет соперничающей организацией, стремящейся вернуть себе былое значение. «Один из членов Совета,—говорит Лиссагарэ,—напомнил об обещании Центрального Комитета после выборов распуститься. «Если Комитет не стремится к власти,—сказал он,—то непонятно, к чему вообще нужна его организация». Другие, как Варлен и Белэ, выступили на защиту Комитета. Учтя неустойчивость настроения, делегаты решили не сдавать позиций. «Республику,—говорили они,—спасла Федерация Национальной Гвардии. Но еще не все кончено. Распустить эту организацию значило бы ослабить вашу силу. Центральный Комитет не претендует оставить за собою какое-либо право на участие в правительстве. Он остается связующим звеном между вами и национальной гвардией, этим рычагом революции. Мы опять становимся тем, чем были—большим семейным советом Национальной гвардии»²⁾.

Прения затянулись, и вопрос столь первостепенной важности остался неразрешенным. Роль Центрального К-та в правительственном аппарате Коммуны должна была определиться соотношением сил. Коммуна не была связана организационно со своими избирателями, которые, опустив в урны свои бюллетени, снова превратились в распыленную массу. Центральный Комитет, напротив, через легионные и батальонные советы поддерживал постоянную связь с массами, при том преимущественно пролетарскими, что поднимало авторитет Центрального Комитета и заставляло Коммуну с ним считаться, а в сфере управления военным ведомством—порой даже уступать ему главную роль.

Лиссагарэ полагает, что Коммуна не могла терпеть рядом с собою никакого Комитета, а потому должна была распу-

¹⁾ *Ib.*, 50—51.

²⁾ Lepelletier, II, 493. Лиссагарэ. История Парижской Коммуны, 167.

стить его. Но распустить Центральный Комитет при данных условиях—это значило бы разрушить единственную внушительную организацию, опиравшуюся на вооруженных рабочих, ослабить силы революции, что и было отмечено в заседании Коммуны его делегатом.

Организацию Национальной гвардии следовало сохранить, но найти ей при этом надлежащее место в общей системе нового государственного аппарата,—включить федерацию в общепролетарскую гражданскую организацию.

Эта идея, повидимому, бродила в некоторых головах. «Чтобы общественная сила не могла стать орудием в руках добравшихся до власти честолюбцев,—говорит Лефрансе, — необходима была гражданская организация по кварталам, где рабочий-гражданин, распоряжающийся своей местной организацией и обсуждающий свои права и интересы, преобладал бы по влиянию над тем же рабочим, по необходимости ставшим солдатом Коммуны»¹⁾.

Употребляя современную терминологию, мы бы сказали, что следовало бы создать по отдельным округам окружные или районные советы рабочих и гвардейских депутатов.

Итак, компетенция Центрального Комитета оставалась неопределенной. В своей прокламации от 5 апреля он писал: «Мы заявляем, что не пользуемся никакой политической властью и не хотим таковой, так как идея разделения власти (между Ц. К-том и Коммуной) таит в себе зародыш гражданской войны... С 28 марта мы снова стали тем, чем были, согласно нашему мандату, до 18-го: братским объединением членов гражданской гвардии, часовым на передовом посту, держащим оружие наготове против тех безумцев, которые вздумали бы посеять рознь в наших рядах...»²⁾

Но, не претендуя на «политическую власть», Центральный Комитет, который еще недавно был правительством и продолжал стоять во главе могущественной организации Национальной гвардии, не мог совсем устраниваться от «политики».

Члены Центрального Комитета, состоявшие одновременно членами Коммуны, часто поднимали в Комитете вопросы, которые были предметом разногласий и острой борьбы в Коммуне; потерпевши поражение в одной организации, нередко пытались взять реванш в другой.

Из протоколов Центрального Комитета можно убедиться, что многие вопросы, которые едва ли подлежали его компетенции, все же рассматривались на его заседаниях. Сюда относятся, напр., такие чисто политические вопросы, как вопрос о публичности или непубличности заседаний Ком-

¹⁾ Lefrançais, 198.

²⁾ J. O., 7/IV.

муны, о свободе печати и т. п. Дебатируются и вопросы экономической политики, напр., об организации помощи безработным женщинам¹⁾.

Порой, в Центральном Комитете можно было услышать предложения, более радикальные, чем в Коммуне. Один из называемой «большой книги государственных кредиторов»; делегатов поднял вопрос о необходимости уничтожения так эта мера должна была отрезать всякие пути к возврату прежних капиталистических отношений. Появление в «Официальном Журнале» заметки о якобы состоявшемся решении Центрального Комитета в этом смысле вызвало в Коммуне немалый переполох²⁾.

Правда, Центральный К-т не выносит по таким вопросам каких-либо окончательных резолюций, но он рекомендует вниманию Коммуны или ее комиссий те или другие мероприятия, иногда прямо на них настаивает³⁾.

На одном из заседаний Центрального Комитета было решено издавать самостоятельный журнал—орган, который отстаивал бы политическую линию Центрального Комитета и подвергал критике действия Коммуны⁴⁾.

И после избрания Коммуны Центральный Комитет продолжал обращаться к населению с воззваниями чисто политического содержания. 29 марта он издает приказ, призывающий национальную гвардию к участию в дополнительных выборах⁵⁾. Его знаменитая прокламация «К гражданам Парижа» (от 5 апреля), уже приведенная выше и носившая программный характер, появилась на две недели раньше соответствующей декларации Коммуны: «Эта прокламация была своего рода пробным шаром, средством побудить общественное мнение высказаться по поводу линии поведения Центрального К-та». Некоторые члены меньшинства усмотрели в ней определенно узурпаторские стремления Центрального К-та и категорически требовали его роспуска⁶⁾.

Центральный Комитет имел свою печать с надписью: «Федерация Национальной Гвардии. Центральный Комитет.—Главный Штаб». Его члены, как и члены Коммуны, носили красные шарфы.

У некоторых делегатов порой прорывается сожаление, что Центральный К-т сам устранился от политики. «Если бы Центральный К-т *остался у власти*,—говорит на заседании 11 апреля Моро,—поведение Коммуны носило бы иной

¹⁾ Enq. Parl., III, 62, 63, 83.

²⁾ J. O., 21, 22 mai.

³⁾ Enq. Parl., III, 112.

⁴⁾ Enq. Parl., III, 73—74.

⁵⁾ J. O., 31/III.

⁶⁾ Bourgin, p. 96.

характер, и удалось бы избежать многих неудачных мероприятий»¹⁾).

Тем более компетентным считал себя Центр. К-т в чисто военных вопросах. Он организовал при себе 11 комиссий: артиллерийскую, инженерную, по снабжению и т. д. На его заседаниях обсуждаются меры по борьбе с дезертирством, проекты нового военного кодекса и реорганизации национальной гвардии, усиления ее боеспособности и т. п., выясняется боевая обстановка, критикуются стратегические мероприятия военного делегата, от которого требуют объяснений по поводу того или иного административного распоряжения, запрашивают генеральный штаб о положении дел, вызывают самого военного делегата для изложения перед Центральным Комитетом плана обороны Парижа.

В официальном обращении к Коммуне Центральный Комитет требовал ареста военного делегата Клюзере и назначения на его место Домбровского²⁾. Центральный Комитет ставил свою подпись на приказах военного делегата Коммуны, касавшихся выступления отдельных войсковых частей; бывали случаи, когда такие приказы отдавались Центральным Комитетом. Без заключения особого делегата Ц. К-та не могло иметь силы ни одно освобождение от службы в национальной гвардии железнодорожных служащих, хотя бы и признанных «незаменимыми» работниками³⁾.

Несмотря на властное положение, которое стремился сохранить за собою Центр. К-т, его влияние на массы после 28 марта заметно падает по мере того, как все упования населения переносятся на Коммуну. Замирает жизнь и в самом Комитете, что, между прочим, проявляется в слабой посещаемости его заседаний. Те 13 членов Ц. К-та, которые прошли в Коммуну, были перегружены теперь работой в пленарных заседаниях, комиссиях, в управлениях различных ведомств и, естественно, не могли уделять много времени Федерации. После обновления его состава Центральный К-т должен был состоять из 40 человек⁴⁾, но далеко не все фактически вели в нем работу. Если в конце марта на прокламациях Центр. К-та можно насчитать от 23 до 30 подписей, то в начале апреля число их падает до 21—25. Но эти подписи красуются лишь под наиболее важными документами. Просматривая протоколы заседаний, видишь, что подчас

¹⁾ Enq. Parl., III, 73.

²⁾ Enq. Parl., III, 112, 194.

³⁾ J. O., 6/V. С 18 мая для действительности таких освобождений стало достаточно подписи генерального контролера железных дорог. (J. O., 18/V).

⁴⁾ После избрания Коммуны были произведены перевыборы в Ц. К-т, при чем в нем оказалось лишь 12 старых членов (Лисс. 229, прим. 1. См. также Lanj. et Corr., 247.

весьма важные решения принимаются большинством всего 11—12 голосов. Что касается общеделегатских собраний, то после 15 марта они больше не созываются.

С другой стороны, как и следовало ожидать, началось соперничество между Ц. К-том и Коммуной, возникли трения и конфликты.

Чувствуя ненормальность создавшегося положения, одни делегаты видели выход в усилении влияния Центр. К-та на Коммуну, другие—в созыве общеделегатского собрания и в переизбрании самого Центр. К-та.

Первый вопрос был поднят в связи с дополнительными выборами в Коммуну, назначенными сначала на 1 апреля. Исходя из того, что многие члены Центр. К-та состоят одновременно и членами Коммуны, а такое совмещение ведет к неаккуратному посещению заседаний, некоторые делегаты принципиально высказались против такого совмещения и предлагали не выставлять кандидатов из среды Ц. К-та на предстоящих выборах. Муален предлагал даже лишить полномочий тех членов Центр. К-та, которые одновременно заседают и в Коммуне. Представители этого течения, повидимому, надеялись, что отказ Ц. К-та от активного вмешательства в политическую борьбу устранил антагонизм между ним и Коммуной.

Но нашлись сторонники другой точки зрения: они находили, что Ц. К-т должен принять самое активное участие в избирательной кампании и постараться провести возможно большее количество своих людей в Коммуну, с тем чтобы, войдя туда компактной массой, влиять на Генеральный Совет ¹⁾. Представители этого течения утверждали, что при усиленном вхождении членов Ц. К-та в Коммуну в последней оживет снова тот революционный дух, который она начинает утрачивать. Вместе с тем должен исчезнуть и тот «дуализм», то двоевластие, на который многие указывают. Вообще тактика отказа от выставления своих кандидатур была бы равносильна «самоустранению» Центр. К-та от политической жизни.

Нашлись, наконец, такие оптимисты, которые отрицали самую наличность антагонизма между Центр. К-том и Коммуной. «Мы хотели,—говорил Арнольд,—создать в Париже сильную власть: если и происходят недоразумения между нами и Коммуной, то лишь по ее вине. Центр. К-т должен ограничиться ролью бдительного часового; при данных условиях он может лишь оказать Коммуне свое революционное содействие. Вот почему нет оснований воспрепятствовать членам Центр. К-та состоять в то же время в Коммуне».

Большинство Центр. К-та стало, однако, на противопо-

¹⁾ Официальное название Городского Совета.

ложную точку зрения: вопрос о выставлении членами Ц. К. своих кандидатур на дополнительных выборах был решен отрицательно ¹⁾.

В то же время Центр. К-т хочет теснее связаться с массой национальных гвардейцев, чтобы, опираясь на них, чувствовать себя более независимым при столкновениях с Коммуной.

С этой целью было выдвинуто предложение о созыве делегатского собрания и переизбрании и реорганизации на новых началах самого Комитета. Вопрос этот обсуждался в заседании Центрального Комитета 19 и 20 апреля ²⁾. Ссылались на то, что такое переизбрание, с одной стороны, пополнит ряды Центр. К-та, сильно поредевшие после выборов в Коммуну; с другой—поднимет его престиж как среди национальных гвардейцев, так и в глазах самой Коммуны; решения обновленного Центрального К-та получают больший моральный вес, а его притязания на контроль приобретут большее основание. «Если Коммуна позволит себе враждебные шаги по отношению к Центр. К-ту, нам останется обратиться к избирателям, к национальной гвардии, уполномоченным которой... он является...»

Но некоторые члены Центр. К-та усмотрели в этом предложении опасный шаг, который мог быть, по их мнению, истолкован как новая демонстрация против Коммуны и как попытка Центр. К-та снова взять власть в свои руки. Созыв же общеделегатского собрания неизбежно приведет к тому, что всплывут все щекотливые вопросы. И в том и в другом случае в результате получится острый конфликт между Коммуной и Центр. К-том. Между тем, при настоящем положении, перед лицом наступающего беспощадного врага, борьба между Центр. К-том и Коммуной абсолютно недопустима. Ради спасения дела революции необходимо во что бы то ни стало сохранить единство.

Член Ц. К-та Моро, напротив, полагает, что созыв общеделегатского собрания не только не приведет к новому конфликту, а, наоборот, будет способствовать восстановлению добрых отношений между Центр. К-том и Коммуной. «Мы должны доказать,—говорит Моро,—что можем оказать ей существенную поддержку. Созыв делегатского собрания поможет рассеять недоразумения и облегчит Центр. К-ту его задачу—доказать свое благожелательное отношение к Коммуне».

«Конфликт все равно неизбежен,—говорил Лякор.—Но только делегатское собрание может снова вернуть Ц. К-ту его бывшее политическое значение; если же, опасаясь смуты,

¹⁾ Enq. Parl., III, p. 66—71. (Заседание от 11 апреля).

²⁾ Ibid., 118—127.

вы останетесь тем, чем являетесь сейчас, вам не избежать катастрофы... Коммуна слабеет; мы должны пополнить свои ряды, чтобы оказать на нее давление и спасти положение».

— «Постоянно отступать перед Коммуной, — говорит Гроляр, — не менее опасно; необходимо созвать делегатское собрание; *мы рискуем все быть арестованными...*, если будем топтаться на одном месте».

Некоторые сторонники того же течения шли еще дальше и ставили вопрос ребром: ссылаясь на слабость Коммуны, они указывали на необходимость снова предоставить Ц. К-ту руководящую политическую роль. В заседании 23 апреля Моро говорит, что Центральный К-т должен идейно сблизиться с национальной гвардией и снова взять на себя революционную инициативу. Он требует контроля над Коммуной, чтобы положить конец всяким попыткам установления «олигархии»¹⁾.

«...Мы должны созвать общее собрание, представить ему отчет в своем поведении, объяснив, что его дело дать нам определенный мандат, уполномочивающий добиваться признания за Центр. К-том права контроля над действиями Коммуны»²⁾.

В заседании 19 апреля было решено созвать делегатское собрание в кратчайший срок; было даже назначено определенное число, но на следующий день (20-го), после новых прений, была принята другая резолюция, и делегатское собрание было отложено³⁾.

Однако трения между Центр. К-том и Коммуной продолжались. Порой они принимали довольно мелочной характер. У Центр. К-та не было правильного бюджета: взносы от рот, предусматриваемые уставом Федерации, поступали весьма слабо. Между тем Центр. К-ту приходилось нести расходы по агитации (печатание прокламаций, циркуляров, афиш и т. п.) и содержанию довольно сложного канцелярского аппарата его бюро и одиннадцати состоявших при нем комиссий, что требовало значительных расходов. Коммуна, которая отнюдь не была заинтересована в усилении своего соперника, не считала нужным поддерживать Центр. К-т из государственных средств. Неоднократные просьбы о назначении, по крайней мере, жалованья его членам, лежали без движения, что возбуждало справедливое негодование Центр. К-та. В заседании 12-го апреля предложение Лякора о посылке новой делегации для напоминания Коммуне об этом вопросе было отклонено. Ц. К-т чувствовал себя настолько

¹⁾ Намек на проект создания Комитета Общественного Спасения.

²⁾ Enq. Parl., III, 135.

³⁾ Ib., 127.

оскорбленным, что, по предложению Бурсье, решил сноситься отныне с Коммуной только через курьеров.

Одно время в Центр. К-те допускали, повидимому, возможность быть арестованными по распоряжению Коммуны. При обсуждении вопроса о переизбрании Центр. К-та делегат Одуано высказал соображение, что *в случае ареста старых членов* останутся вновь избранные, которые будут продолжать его дело ¹⁾.

Трения между Центр. К-том и военным делегатом Коммуны возникали, главным образом, на почве вмешательства первого в управление военным министерством. Из случайно сохранившегося проекта реорганизации национальной гвардий, относящегося к началу апреля, видно, как представил себе Центр. К-т свои взаимоотношения с военным делегатом и свою роль в организации обороны Парижа. Здесь мы находим следующие положения. 1) Национальная гвардия не имеет постоянного главнокомандующего. Военный делегат управляет всеми военными силами, но не командует ими.

2) В тех случаях, когда по решению Коммуны Национальной гвардии придется выступить из города для выполнения известной боевой операции, Центр. К-т назначает генерала, который принимает на себя командование и руководит военными действиями.

3) Военный делегат назначает весь административный персонал военного ведомства; персонал главного штаба подбирает его начальник.

4) Центр. К-т состоит при начальнике генерального штаба и осуществляет контроль над всеми мероприятиями, касающимися общественных интересов ²⁾.

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько целесообразно передавать вопрос о необходимости той или иной боевой операции на окончательное решение совершенно некомпетентного в военном деле собрания, каковым являлась Коммуна, или назначать от случая к случаю главнокомандующего, отметим, что, судя по этому проекту, Ц. К-т претендовал не только на известный контроль над деятельностью военного делегата, но косвенно, через выдвигаемого Ц. К-том генерала, и на руководство военными действиями.

Считая себя в праве контролировать распоряжения военного делегата, Центр. К-т не раз протестовал против смещения и особенно ареста лиц командного состава, состоявших одновременно членами Ц. К. В такого рода распоряжениях последний усматривал подрыв своего авторитета среди национальных гвардейцев или попытку Коммуны ослабить Центральный К-т, устранив из него тех или других неугод-

¹⁾ Enq. Parl., III, 71, 75—76.

²⁾ Ib., 51—52.

ных членов. Между тем смещения лиц командного состава могли вызываться непригодностью данного лица или нарушением дисциплины.

Так, напр., в связи с отрешением от должности и арестом батальонного командира Ферра (в то же время члена Ц. К.), виновного в неисполнении приказа, между Центр. К-том и военным делегатом возник острый конфликт¹⁾. Другое столкновение произошло в связи с произведенным по распоряжению Коммуны арестом командира 17 легиона Фальто (Faltot) и назначением на его место Жакляра. «Члены Коммуны,—писал по этому поводу Руссо Арнольду, — не сознают, что они делают. Должно быть, им не известны даже первые строки устава Федерации. Национальная гвардия сделала революцию 18 марта, чтобы получить полную автономию, и она надеется сохранить ее за собою и впредь». Назначение Жакляра может быть лишь временным, и Совет легиона во всяком случае оставляет за собой право заместить арестованного Фальто²⁾.

Вообще действия Ключере не раз подвергались в Ц. К-те ожесточенным нападкам. После боев за обладание Аньером (14—17 апр.), когда отряды Национальной гвардии, действовавшие под начальством Домбровского и Околовича, не смогли удержать за собою отбитых у версальцев позиций благодаря недостаточности присланных подкреплений, Ц. К-т обратился к Коммуне с просьбой принять энергичные меры, арестовать Ключере и назначить Домбровского главнокомандующим³⁾.

Но пока Центральный Комитет не входил официально в военный аппарат Коммуны, право контроля над действиями военного министерства было трудно осуществимо. «Каким образом можем мы контролировать военные действия, оставаясь в стороне от министерства?»—спрашивал Гузело (Houselot) в заседании 23 апреля.—«Наше место в военном министерстве», присоединяется к нему Руссо и предлагает присоединить Ц. К-т к Военной Комиссии Коммуны⁴⁾.

Уже с начала апреля Центр. К-т не переставал претендовать на передачу ему военного министерства.

В конце апреля и в начале мая обстоятельства сложились так, что Центр. К-т мог, наконец, осуществить свои притязания. С одной стороны, коммунары понесли ряд военных поражений; с другой—в самой Коммуне произошел резкий раскол между якобинско-бланкистским большинством и социалистическим «меньшинством», что в значительной сте-

¹⁾ Fnq. Parl., III, 101—102; 104, 139.

²⁾ Lepelletier, III, 25.

³⁾ Ibid., 194.

⁴⁾ Ibid., 140, 142.

пени дезорганизовало ее государственный аппарат. После ареста военного делегата Ключера Ц. К. решил взять управление военным ведомством в свои руки. 3 мая он пересылает Коммуне следующую резолюцию: «Мы имеем честь требовать от Коммуны, чтобы с нынешнего дня 1) военная делегация была упразднена; 2) ее заменил Центр. К-т в своем полном составе; 3) на Центральный Комитет было возложено управление национальной гвардией, контроль над ней и организация обороны».

В своем обращении к гражданам (от 9 мая) Центр. К-т признает, что, «принимая на себя управление военным ведомством, он выходит из пределов своей компетенции», но мотивирует свое требование необходимостью спасти дело революции 18 марта, которую «столь счастливо осуществил Ц. К.». Для приема дел военного министерства он выделил «организационную комиссию» в составе пяти лиц. В то же время в циркуляре к батальонным командирам 10/V Ц. К-т оговаривается, что, беря на себя управление военным министерством, он отнюдь не собирается «вмешиваться в распоряжения чисто оперативного характера»¹⁾. Кому будет в таком случае поручено ведение боевых операций, оставалось неясным.

Комитет Общественного Спасения пошел навстречу этим домогательствам. По инициативе одного из его членов, Ф. Пиа, 6 мая в «Официальном Журнале» появилось сообщение о переходе управления военным ведомством в руки Ц. К-та. «Военная делегация, — говорилось в приказе Комитета Общественного Спасения, — включает в себе два отдела: отдел руководства военными операциями и административный отдел. Инициатива и руководство военными операциями возлагаются на полковника Росселя, управление различными отраслями военного ведомства возлагается на Центр. К-т национальной гвардии, осуществляющей свои полномочия под контролем Военной Комиссии Коммуны».

Опираясь на это распоряжение Комитета Общественного Спасения, Центральный Комитет потребовал признания за собою права смещать и назначать военных чиновников. Явившись в интендантское управление, его делегаты предложили Варлену немедленно сдать дела и устраниваться от исполнения своих обязанностей. Одновременно финансовая комиссия Ц. К-та постановила реорганизовать счетный отдел военного ведомства, устранив прежних заведующих²⁾ и назначив своих комиссаров, о чем и известила Коммуну. Таким образом Ц. К-т приступил к фактическому захвату военного ведомства.

¹⁾ Enq. Parl., III, 164—165; 165. J. O., 10/V.

²⁾ J. O., 6/V.

³⁾ Членов Коммуны Авриала и Варлена.

Некоторые члены Коммуны внесли по этому поводу запрос, что повело к бурным прениям в заседании 8 мая.—«Кто же является в таком случае правительством: Центральный К-т или Коммуна?—негодовал Журд.—Имеется учреждение посильнее Центрального К-та: это—Коммуна, и она должна заставить себя уважать, для этого она и назначила Комитет Общественного Спасения... Ц. К-т вышел из границ своих полномочий... Я готов получать приказы от Комитета Общественного Спасения, но не от какой-то неведомой мне власти».

Арнольд протестовал против превращения Центр. К-та из контролирующего органа в орган управления и отказывался признать за ним право назначать чиновников военного ведомства.

Но среди членов Коммуны нашлись и защитники Центр. К-та. Они возражали, что при отсутствии у Росселя людей ничего не оставалось, как обратиться к представителям национальной гвардии—этой единственной силе, самоотверженно преданной делу Республики и Коммуны. Обращаясь за содействием к Центр. К-ту, Комитет Общественного Спасения думал найти в его членах серьезных и преданных делу помощников. Управление военным ведомством сосредоточивалось прежде в руках комиссии, состоявшей всего из 4—5 лиц,—количество, явно недостаточное для выполнения работы, которая требовала 80-ти.

— «Когда я слушаю ваши нападки на Центр. К-т,—говорил Режер,—я нахожу, что вы не логичны: если уж нападать, так на самое Федерацию национальной гвардии, а между тем вы этого не делаете и не можете сделать; ведь Центр. К-т является ее родным детищем. Вместо того, чтобы уничтожать Центр. К-т, благодарите Комитет Общественного Спасения, который нашел ему дело и выдвинул на надлежащий ответственный пост».

— «Центр. К-т,—говорил Ф. Пиа,—потребовал себе чисто административных функций. Он сказал: существуют две сферы: одна чисто военная, другая административная. Первая должна быть предоставлена военному делегату Коммуны, вторая—Центр. К-ту. Мы не претендуем ни руководить военными операциями, ни смещать генералов: мы—только администраторы. — Комитет Общественного Спасения готов признать за военной комиссией право какого угодно контроля над деятельностью военного делегата и Центр. К-та, но не более того; право управлять за ней не признается. Если у гражданина Росселя не оказалось ни сил, ни умения удержать Центр. К-т в пределах чисто административных функций, то нельзя винить в этом Комитет Общественного Спасения»¹⁾.

¹⁾ J. O., 10/V.

Итак, мнения разошлись. «Коммуна, — говорит Лиссагарэ, — колебалась: следует ли распустить Центр. К-т или арестовать его, или поручить ему управление военным министерством». После продолжительных дебатов приняли резолюцию компромиссного характера, что в сущности означало официальное привлечение Центр. К-та к управлению военным ведомством и санкционирование фактически уже имевшегося двоевластия в военном министерстве.

Признавая, что «участие Ц. К-та в управлении военным ведомством является необходимым и полезным», Коммуна поручила своей Военной Комиссии «урегулировать, по соглашению с военным делегатом, отношения между Центр. К-том и военным министерством» ¹⁾.

9 мая в «Официальном Журнале» был напечатан приказ Военной Комиссии, в силу которого Ц. К-т не получал права назначения на должности по военному ведомству, а мог лишь предлагать своих кандидатов Военной Комиссии, от которой зависело окончательное утверждение.

Как бы то ни было, за Центр. К-том осталось известное право вмешательства в управление военным министерством, что в значительной мере связывало деятельность Военной Комиссии и нового военного делегата. Таким образом в этом наиболее серьезном столкновении с Коммуной Центр. К-т одержал, если не полную, то частичную победу.

Тогда же член Центр. К-та Моро был назначен гражданским комиссаром при военном делегате.

В связи с вторичным падением форта Исси и выходом в отставку Росселя вопрос о Центр. К-те снова был поднят в Коммуне. «Сегодня утром, — говорил Делеклюз в заседании 9 мая, — я видел Росселя, он подал в отставку и твердо решил не брать ее обратно. Все его действия тормозились Центр. К-том, который достиг вершины своего могущества... Франция волнуется, она предлагает нам моральную помощь, которая приведет к активной поддержке. Чтобы спасти положение, необходимо использовать храбрецов 18 марта и Центральный Комитет, который оказал столь важные услуги революции. Необходимо установить единство командования... Военная администрация была целиком вверена Центр. К-ту. Что он там сделал? Я не знаю. Во всяком случае, если Центр. К-т, считаясь с создавшимся положением, желает принять участие в работе, которая должна теперь вестись, чтобы сплотить разрозненные элементы обороны Парижа, мы скажем: добро пожаловать!..» ²⁾

Незадолго до падения Коммуны влияние Центрального К-та усиливается еще больше. 16 мая Военная Комиссия была

¹⁾ Ib., 10/V.

²⁾ J. O., 10/V.

заменена делегацией, состоявшей исключительно из членов большинства. Теперь в ней всецело господствовал дух Центрального К-та. 19 мая его организационная Комиссия предлагает кавалерийским, артиллерийским и инженерным частям послать по одному делегату для участия в заседаниях Комитета. Одновременно она организует в военном министерстве ежедневные отчеты о положении Парижа при участии делегатов от легионных советов.

20 мая в «Официальном Журнале» появилось обращение к «парижскому народу» и национальной гвардии, подписанное Военной Комиссией Коммуны и членами Центрального К-та. Обращение было выпущено, чтобы положить конец всяким толкам о разрыве между большинством Коммуны и Центральным Комитетом. В нем заявлялось, что с этого дня Центр. К-т вступает, по предложению К-та Общественного Спасения, в свои обязанности по управлению военным министерством, «оставаясь в то же время тем же, чем он был и раньше: прирожденным защитником Коммуны, силой, которая предоставляет себя в ее распоряжение, вооруженным противником гражданской войны, часовым, поставленным народом на страже завоеванных им прав»¹⁾.

Центральный К-т играл настолько крупную роль, что один из новейших историков Коммуны — Лепеллетье — готов утверждать, что «именно Центр. К-т представлял подлинную силу режима, который установился после 18 марта». Центральный К-т олицетворял собою организованную военную силу и фактически распоряжался батальонами национальной гвардии; а так как удержание уже добытых рабочими завоеваний и осуществление нового строя всецело зависело теперь от армии, то с именем Центр. К-та связывались все надежды на спасение революции. «Вот почему, — говорит Лепеллетье, — для современников Центр. К-т был настоящей активной властью, обязанной сражаться, чтобы сама Коммуна могла существовать»²⁾.

В этой оценке значения Центрального К-та есть несомненное преувеличение, но остается фактом огромная популярность этой могущественной организации, существовавшей параллельно с Коммуной и в значительной степени подрывавшей авторитет последней.

¹⁾ J. O., 9, 16/V; 20/V.

²⁾ Lepell., III, 27—29.

Глава X.

Военные силы Коммуны.

С начала апреля судьба Коммуны зависела от исхода происходивших под стенами Парижа боев. Поэтому вопрос о состоянии ее военных сил приобретает особый интерес.

Декретом 29 марта Коммуна уничтожила постоянную армию: отныне единственной вооруженной силой Парижа могла быть национальная гвардия. Конскрипция была отменена. Но вскоре пришлось снова вернуться к системе обязательной воинской повинности. В силу декрета 5 апреля в состав маршевых батальонов (*bataillons de guerre*) должны были входить все холостые граждане в возрасте от 17 до 35 лет. 7 апреля последовало новое распоряжение, согласно которому служба в маршевых батальонах молодых людей в возрасте от 17 до 19 лет могла быть только добровольной; в то же время обязательная в них служба распространялась на всех граждан от 19 до 40 лет как холостых, так и женатых ¹⁾.

Маршевые батальоны посылались на линию укреплений и участвовали в боях. Лица старше 40 лет входили в резервные батальоны (*bataillons sédentaires*) и несли караульную службу внутри города.

Таким образом, армия Коммуны была милиционной, поскольку она строилась на территориальном принципе: в состав легиона входили все граждане призывного возраста, проживавшие в соответствующем округе; но в то же время она отнюдь не была армией добровольческой.

Некоторые категории граждан совершенно освобождались от службы в национальной гвардии независимо от их возраста. Так, напр., были освобождены от принудительного включения в батальоны все служащие Газовой Компании. Освобождались также признанные незаменимыми рабочие Национальной Типографии и служащие Национальной Библиотеки, железнодорожники. Освобождение последних признавалось действительным лишь в том случае, если, помимо распоряжения назначенного Коммуной Генерального Контролера железных дорог, имелось согласие специального делегата от Ц. К-та Национальной гвардии ²⁾.

Кроме граждан Парижа, в состав национальной гвардии были включены оставшиеся в городе линейные солдаты и мобили. В то же время Коммуна решила распустить разного рода добровольческие отряды, которые возникли самочинно

¹⁾ J. O., 5/IV. М. Р., II, 222.

²⁾ С 18 мая последнее стало необязательным. J. O., 6, 7, 10, 18/V 22/IV. М. Р., II, 433, 425.

и не входили в Федерацию национальной гвардии. Некоторые специальные части, напомилавшие наши боевые дружины 1905 года, все же остались, другие возникали в течение осады как, напр., батальоны «вольных стрелков», «мстителей Парижа», «разведчиков», «зуавов-республиканцев» и т. п. ¹⁾

Установить точно численность национальной гвардии во время Коммуны невозможно: большая часть именных списков и штатов сгорела во время пожаров, возникших в последние дни баррикадной борьбы.

По официальным сведениям, представленным Военной Комиссией, на 3 мая в маршевых батальонах числилось 84.986 национальных гвардейцев и 3.413 офицеров, в запасных—77.665 рядовых и 3.094 офицера, а всего—162.250 гвардейцев при 6507 офицерах. В расчет не вошли числившиеся больными, лежавшие в госпиталях, а также находившиеся в разрешенной или самовольной отлучке.

Авторы доклада исходили из данных о количестве взятого оружия и списков национальных гвардейцев в платежных ведомостях финансового ведомства. Между тем, благодаря несовершенству учетного и административного аппарата, в армии Коммуны наблюдалось особенно резкое несоответствие между числом гвардейцев, получавших жалованье или довольствие, и количеством бойцов, имевшихся в распоряжении высшего командования. Вот почему цифры, приведенные Военной Комиссией, в значительной мере носят фиктивный характер.

Безусловно не внушают доверия сведения, которые находим у противников Коммуны, естественно, заинтересованных в преувеличении сил «мятежников», с которыми столь успешно справились солдаты Мак-Магона. Так, по данным генерала Аппера, в национальной гвардии насчитывалось 205.403 рядовых и 8866 офицеров ²⁾.

К 18 марта армия Коммуны состояла из 234 батальонов. К началу военных действий в ее рядах насчитывалось до 80 тыс. человек. После неудачной вылазки 3—4 апреля, она постепенно таяла, частью благодаря понесенным в боях потерям, частью в результате отхода от революции мелочного элемента, частью, наконец, из-за отсутствия правильной организации, что позволяло уклоняться от службы многим деморализованным элементам из рабочего класса, черпать же свежие силы было неоткуда.

Военный делегат Ключере определял ее численность (к 5 апреля) в 41.500 боеспособных. Но и эту цифру надо

¹⁾ М. Р., II, 48. „Les 31 S.“, 10—11. М. Р., II, 498, 529, 531, 542.

²⁾ Rapport d'ensemble d. gén. Appert sur les opérations de la justice militaire relat. à l'insurrection de 1871, p. 117. Беру цифры, приводимые Аппером для всех родов оружия, включая моряков.

считать слишком высокой: 6 апреля количество живой силы, которую можно было послать в траншеи, определялось, самое большое, в 25—30 тыс. В начале мая на линии фортов и укреплений не было более 27—30 тыс. человек, из которых 12 тысяч приходилось на южный сектор—от Иври до Исси, и 15 тысяч на западный—от Point du Jour до Сен-Уан ¹⁾). Большинство новейших исследователей сходятся на том, что на линии укреплений никогда не было более 12—15 тыс. чел.

Национальная гвардия состояла почти исключительно из пехоты. Кавалерия числилась лишь на бумаге: и не только за отсутствием лошадей—их едва хватало для артиллерии, обоза и курьеров, — создать импровизированную конницу всегда гораздо труднее, чем пехоту. В общем, в распоряжении генералов Коммуны имелось всего два полных эскадрона.

Лучше обстояло дело с вооружением, военной амуницией и боевыми припасами. В распоряжении Коммуны имелось 280 тысяч усовершенствованных игольчатых ружей системы Шаспо и до 250 тыс. ружей старых образцов (ударных и т. п.) с 30 милл. патронов, 56 тыс. револьверов и 56 тыс. сабель, наконеч, весьма сильная артиллерия—1740 пушек и митральез.

Но в артиллерийском ведомстве, которым заведывал, интернационалист Авриаль, царил хаос: часть орудий была разбросана по разным кварталам города, при чем местные батальоны национальной гвардии, считавшие артиллерию своей собственностью и убежденные в неизбежности баррикадных боев, не хотели передавать пушек в центральный артиллерийский парк ²⁾). Не могло не отражаться на состоянии артиллерии и соперничество между Центр. К-том национальной гвардии и Центральным Артиллерийским Комитетом, с одной стороны, и между последним и военным ведомством—с другой. В результате, из 1740 орудий против неприятеля действовало всего 320. До самых последних дней существования Коммуны дальнобойные морские орудия мирно лежали у брустверов, тогда как парижским фортам приходилось отстреливаться из 7—12 сантиметровых пушек на осадные орудия, доставленные по распоряжению Тьера из Тулона.

Общее число артиллеристов не превышало 5.600 чел.³⁾. Помимо пехоты и сухопутной артиллерии, в распоряжении Коммуны имелась речная флотилия, состоявшая из нескольких судов, вооруженных пушками. По данным генерала Ап-

¹⁾ J. O., 6/V (р. 484—5). Lerebelle, III, 365, 367, 368. Приблизительно те же цифры дает и Дюбрейль: 30—35 тыс. чел. (стр. 158). Дун Флю определяет численность армии Коммуны в 45 тыс., Лиссагарэ — даже в 60 тыс., что два ли соответствовало действительности.

²⁾ Всех артиллерийских парков было пять.

³⁾ Лиссагарэ, 228. Ann. Parl., III, 159—163. Lepelletier, III, 370—371.

пера число моряков доходило до 300 чел. (с артиллеристами) ¹⁾.

Что касается инженерного ведомства, то Коммуна получила его в совершенно дезорганизованном состоянии: после 18 марта военные чиновники бросили свои места, как и гражданские. Инженерный батальон насчитывал всего 1200 чел. и состоял из 9 рот минеров и одной электро-техников (Sapeurs conducteurs).

Между тем среди рабочего населения Парижа имелось немало людей, которые, как, напр., землекопы, уже в силу своей профессии могли дать кадры, достаточные для формирования 2—3 инженерных полков. К сожалению, Коммуна не использовала этой возможности, а между тем для успешной защиты Парижа многочисленные отряды саперов были необходимы. Лишь с 14 мая появляются воззвания, приглашавшие рабочих-землекопов, камешников, плотников и др. записываться в мэриях их округов, чтобы принять участие в работах по обороне Парижа ²⁾.

В частности, важное место в общей системе укреплений должны были занять баррикады, за которые осажденные могли отступить в случае, если бы противник прорвал не только линию фортов, но и городских стен. Высшее командование учитывало возможность баррикадных боев, но в качестве кадровых офицеров Клузере и его преемник Россель глубоко презирали этот плебейский способ войны, а потому ограничились лишь приказом о сооружении баррикад и превращении «в почти неприступные цитадели Трокадеро, Пантеона и холмов Монмартра», но ровно ничего не сделали для осуществления этих прекрасных планов.

Во главе баррикадной комиссии был поставлен член Интернационала коммунист Гайяр-старший, по профессии сапожник. Гайяр был чрезвычайно популярен, как клубный оратор, но, несмотря на все его усердие, он не годился на роль импровизированного инженера. Единственная построенная им баррикада (на углу улицы Saint-Florentin и Риволи), правда, грандиозная по своим размерам, так и не была закончена и даже не была использована: ворвавшимся в Париж версальским войскам удалось ее обойти.

Таким образом, драгоценное время было упущено: город не готовился к баррикадной борьбе, возвышенности остались неукрепленными. Все это, как увидим ниже, имело самые

¹⁾ Речная флотилия и ее экипаж находились сначала в ведении Военной Комиссии, потом, со 2-го мая, перешли в особое морское ведомство. 20 мая отряд моряков был распущен, провести же предполагавшуюся его реорганизацию не успели (Da Costa. „La Commune Vecue“, I, 104).

²⁾ Enq., III, Parl., 156—158 (доклад заведующего инженерной частью военному делегату). М. Р., 502, 278, 510, 512. J. O., 1/V, p. 452.

печальные последствия, когда наступило время уличных боев ¹⁾).

Во главе интендантской части, дезорганизованной саботажем чиновников, стояли братья Мэ (May). К маю им удалось вполне наладить финансовый, продовольственный, обмундировочный и санитарный отделы. Но вскоре Мэ был заменен Варленом.

Последний приложил немало усилий, чтобы упорядочить дело снабжения. Приказом от 6 мая абсолютно воспрещались какие бы то ни было реквизиции, производимые у поставщиков военного обмундирования по распоряжению батальонных и легионных командиров. В приказе подчеркивалось, что в реквизициях, порождающих всякого рода «неудобства и эксцессы», нет никакой необходимости, ибо приняты все меры к безотлагательному и экономному удовлетворению нужд национальной гвардии. К участию в управлении интендантством была привлечена Комиссия Труда и Обмена. С 4 мая ее представители должны были войти во все отделы интендантского управления, ознакомиться с условиями сдачи подрядных работ и представлять доклады обо всех его операциях.

Когда в заседании Коммуны 12 мая выяснилось, что интендантство косвенно поощряло потогонную систему ²⁾, Комиссии Труда и Обмена было поручено пересмотреть все договоры, заключенные с поставщиками предметов военного обмундирования, и принимать участие при выработке подрядных условий в будущем.

Если принять во внимание все трудности доставок в Париж продовольствия, приходится признать, что в общем интендантскому ведомству удалось справиться со своей задачей: устроенные вблизи от линий укреплений склады всегда были обильно снабжены провиантом ³⁾.

Управление военно-санитарной частью было возложено на главного врачебного инспектора. На каждый легион полагался один главный врач, на каждый батальон—один штаб-лекарь, его помощник и под-помощник. Национальные гвардейцы, находившиеся на излечении в госпиталях, получали 50 сант. в день, остальная часть жалованья выдавалась их женам.

В целях пополнения кадров медицинского персонала, работавшего в национальной гвардии, было выпущено воззвание к студентам-медикам и фармацевтам; воззвание имело значительный успех. Не было недостатка и в санитарках и сиделках.

¹⁾ Lepell., III, 375—377.

²⁾ См. Отд. III, гл. 6, а.

³⁾ J. O., 1 4, 5, 7, 13/V. Lepell. III, 373—374.

Говоря о медицинском персонале, нельзя не вспомнить имени Тонни Муалена, служившего врачом в 193 батальоне: арестованный по доносу, он был расстрелян версальцами ¹⁾.

Национальные гвардейцы, зачисленные в резервные батальоны, получали прежнее жалование: 1 фр. 50 сант., или 30 су в день, не считая пособия в 75 сант. на жену, или 25 су на каждого из детей. Служившие в маршевых батальонах, кроме денежного жалования, имели соответствующее довольствие. В артиллерии и инженерных частях рядовые получали 3 фр. в день. Унтер-офицеры получали 2 фр. в день, а офицеры—от 2,5 фр. (су-лейтенант, лейтенант и капитан) до 5 фр. (майор). Жалование офицеров, служивших за линией городской черты, колебалось от 5 фр. (су-лейтенант) до 16 фр. 05 с. (главнокомандующий), или от 150 до 500 фр. в месяц ²⁾.

Мы уже говорили ³⁾, что Коммуна обеспечила судьбу инвалидов и родственников граждан, погибших за ее дело.

Длительная осада и мартовская революция не могли не отразиться на боеспособности национальной гвардии. Старая дисциплина, связанная с именами ненавистных генералов и политически умеренных офицеров, сильно расшаталась, а новая еще не успела укрепиться. О той путанице, которая имелаась в головах многих рядовых гвардейцев, можно судить хотя бы по тому, что далеко не все члены самой Коммуны отчетливо сознавали необходимость принуждения в эпоху диктатуры пролетариата; среди «меньшинства», несомненно, еще встречались анархические взгляды на обязательную военную службу. В доказательство сошлемся на одно из мест книги Арну.

Критикуя разделение военных сил на маршевые и запасные батальоны, Арну видит главный недостаток этой реформы в том, что она смешивала в одну кучу идейных защитников Коммуны с теми, кто шел под ружье лишь из-под палки. «Не все,—говорит он,—всем сердцем желали победы социальной революции: некоторые смотрели на нее даже, как на мерзкое и отчаянное дело. Декретом... нельзя было заставить их идти, а если бы они и пошли, то только с задней мыслью—или перейти на сторону врага, или, обратившись в бегство при первом же выстреле, вызвать панику и содействовать поражению» ⁴⁾.

Падению дисциплины в огромной степени содействовало то обстоятельство, что оперировавшие против версальцев от-

¹⁾ Lepell., III, 372—373. М. Р., II, 243.

²⁾ М. Pol., II, 170, 308. Enq. Parl., III, 139. J. O., 13/IV.

³⁾ См. отд. III, гл. 6, б. (Социальное обеспечение).

⁴⁾ Арну, 177.

ряды гвардейцев не получали необходимых директив из центра, у которого, кстати сказать, никогда не было общего плана действий.

Вот как рисует положение дел на линии укреплений Лиссагарэ. «Смены были редки, или их совсем не было. Вся тяжесть падала на одних и тех же. Одни батальоны оставались в траншеях по 20 и по 30 дней, тогда как другие были постоянно в резерве... Эта беззаботность вскоре убила всякую дисциплину».

Действительно, целые отряды то вступают в бой, не дожидаясь приказаний, или отходят, не получив еще соответствующего приказа, то упорно дерутся, несмотря на приказ отступить.

Рабочие, действительно преданные делу Коммуны, сражались с беззаветной храбростью, не зная усталости. Тот же Лиссагарэ дает такую картинку борьбы этих самоотверженных людей: «На брустверах несколько артиллеристов громят версальские линии, требуя лишь хлеба и железа, оставляют свои отряды лишь тогда, когда их уносят бомбы. Отдельные форты с пробитыми казематами, с разрушенными амбразурами, смеясь, отвечают на град падающих с высот снарядов. Храбрые стрелки рискуют без прикрытия нападать на лежащих в своих норах линейных солдат. Все это самоотвержение, этот героизм были брошены на ветер. Перед вами точно котел паровой машины, пар из которого уходит через сотни отверстий».

Естественно, что эти предоставленные самим себе храбрецы презирали теперь всякие приказы свыше, как бы разумны по существу они ни были. С другой стороны, было немало и таких, которые преждевременно покидали позиции и шли на отдых из чисто шкурнических соображений.

«Так отступали и офицеры: одни бросали свои посты, чтобы сражаться в рядах своего соседа, другие самовольно возвращались в город или, выступив со своей частью, не доходили до позиции. Многие офицеры имели непривоенные их званию ружья и увлекались стрельбой по версальцам, вместо того, чтобы руководить своими ротами и батальонами. Росселю пришлось напоминать офицерам устав полевой службы, разъясняя в особом приказе недопустимость какого бы то ни было общения с неприятелем, необходимость принятия особых мер предосторожности при попытках противника завязать переговоры через парламентариев и т. д.¹⁾

Упадок дисциплины среди офицерства проявлялся и в иных формах. Назначения и смещения высшего командного состава, исходившие от военного делегата, порой наталкивались на сопротивление не только со стороны Центр. К-та,

¹⁾ Лисс., 222—223. J. O., 16/IV, 16/V, 3/V.

но и самих заинтересованных лиц. Замена Бержере Домбровским была встречена настолько резкими протестами штаба Бержере, что последнего пришлось арестовать.

Командиры, провалившиеся при пере выборах в своих частях, не сдавали сабель и револьверов.

Среди офицеров, особенно штабных, необычайно развилась далеко не демократическая страсть к красивой форме: нашивкам, галунам, аксельбантам и т. п. Этих вылещенных, напомаженных офицеров, в сапогах чуть не до ляжек можно было зачастую видеть на бульварах в обществе уцелевших в Париже кокоток. Военному делегату Кюзере пришлось издать даже специальный приказ по поводу ношения лицами командного состава неприсвоенной формы. «Граждане...—говорилось там.—Должен с прискорбием констатировать, что среди нас появляется смешная, совершенно несоответствующая нашему скромному происхождению—страсть к галунам... и аксельбантам. Работники! Впервые вы совершили революцию труда, через труд и ради него. Не будем же отрекаться от своего происхождения: нам нечего краснеть за него. Мы были рабочими, мы остаемся ими сейчас, останемся и в будущем.

Прежде, чем прибегать к наказаниям, я обращаюсь с напоминанием к сограждаам: долой аксельбанты, галуны и всякую мишуру, слишком дешевую, чтобы выставлять ее напоказ, и в то же время весьма дорогую с точки зрения лежачей на нас ответственности!

На будущее время всякий офицер, который, не довольствуясь присвоенными его чину знаками отличия, будет из тщеславия присоединять к установленной в национальной гвардии форме аксельбанты и т. п., подлежит взысканию в дисциплинарном порядке»¹⁾.

На-ряду с падением дисциплины в строю, чрезвычайно развилось дезертирство: многие граждане призывного возраста совсем не появлялись на сборных пунктах, сохраняя в то же время оружие и продолжая получать жалованье и довольствие. Немало укрывающихся было и среди бывших мобилей. 14 апреля, на заседании Ц. К. Руссо сообщил, что молодые люди из V округа переходят на левый берег Сены, чтобы уклониться от службы.

Дезертиры уносили с собой не только оружие, но и прочее казенное имущество, которое потом распродавали на рынке. В целях борьбы с этим злом Военная Комиссия объявила недействительными все торговые сделки с казенным

¹⁾ М. Р., II, 368. J. O., 8/V. Enq. Parl., III, 148. Коммуна уничтожила орд и почетного легиона; отличившиеся в боях коммуны могли рассчитывать лишь на занесение их в особый список, который велся при каждой окружной мэрии (декрет Коммуны от 4/V, J. O., 4/V).

имуществом и грозила привлекать покупателей в ответственности по всей строгости закона.

Вопрос о мерах борьбы с дезертирством не раз обсуждался и в Ц. К-те. Раздавались голоса за лишение семей дезертиров казенного пособия; другие предлагали лишать уклоняющихся от службы в национальной гвардии политических прав и опубликовывать списки таковых лиц по округам во всеобщее сведение.

В некоторых округах удалось наладить учет военно-обязанных и борьбу с дезертирством введением особых удостоверений личности для всех граждан. В заседании Коммуны 2 мая было решено распространить аналогичные мероприятия на весь Париж.

Коммуна не могла, конечно, допустить, чтобы лица, не входившие в состав национальной гвардии, хранили у себя оружие, которое всегда могли обратить против пролетарского правительства. Декретом от 6 апреля объявлялось, что всякий национальный гвардеец-дезертир должен быть обезоружен¹⁾; он лишается жалованья; в случае отказа от службы на поле сражения, лишается всех политических прав по приговору дисциплинарного суда. Одновременно прошел декрет, предписывавший вычеркнуть из новых избирательных списков²⁾ всех лиц от 40 до 60 лет, отказавшихся служить в Национальной гвардии.

С половины мая дезертирам, не явившимся немедленно к своим частям, грозила уже смертная казнь по приговору военных судов.

В одном из приказов Росселя говорилось: «Бегущие с поля битвы или те, которые отстанут по дороге, будут изрублены кавалерией, а если их окажется слишком много, то будут обстреливаться из орудий».

Работа по выдаче удостоверений личности, разоружению дезертиров и розыску скрываемого оружия была возложена на органы военного управления в округах. Таковыми являлись «военные бюро», состоявшие из 7 человек. Они назначались членами Коммуны, управлявшими данным округом³⁾. Военное Бюро имело право требовать всяческого содействия со стороны местного Легионного Совета и Ц. К-та. Цирку-

¹⁾ В то же время были приняты меры к учету оружия, имевшегося на складах у торговцев. Всякий гражданин, у которого имелось недоделанное по заказам оружие или военная амуниция, обязывался заявить об этом военному делегату в течение 2-х суток под страхом немедленного предания военному суду (12/ V).

²⁾ Составление их должно было начаться с 25 мая.

³⁾ В число обязанностей „Военного Бюро“ входил и также учет лошадей, назр за состоянием резервной гвардии и несением ею внутренней службы. Но ответственность за исполнение боевых приказов по внутренней и внешней службе, исходивших от коменданта крепости, лежала исключительно на начальниках легионов.

ляром от 21 апреля Клузере рекомендовал муниципальным властям производить в целях розыска оружия и аммуниции облавы и массовые обыски из улицы в улицу.

С своей стороны Ц. К. высказался (ввиду многочисленных жалоб на массовое дезертирство) за немедленную организацию в каждом округе исполнительного совета, состоящего из лиц, делегированных местным Советом Легиона для надзора за исполнением декретов и приказов, касающихся дезертиров¹⁾.

Но одних репрессивных мер было, конечно, недостаточно: успешная борьба с дезертирством немыслима без хорошо налаженного аппарата, которого как раз не было у Коммуны. Этим и объясняется тот невероятный, с первого взгляда, факт, что в начале мая требовательные ведомости составлялись на 162.250 рядовых и в 6507 офицеров, а между тем фактически в распоряжении военного ведомства имелось не более 30 тысяч боееспособных гвардейцев.

Чтобы поднять дисциплину в национальной гвардии, Коммуна издала по настоянию Ц. К. и Советов Легионов декрет об организации при каждом легионе Военных Советов в составе председателя—штаб-офицера, двух офицеров, двух унтер-офицеров и двух гвардейцев, избираемых делегатами от рот.

В мотивированной части декрета говорилось, что существование военной силы немыслимо без неуклонного соблюдения дисциплины и порядка, что при создавшемся серьезном положении особенно необходима суровая дисциплина, которая спаяла бы национальную гвардию и сделала бы ее непобедимой.

Кроме того, учреждались особые «Дисциплинарные Советы» по батальонам для разбора менее важных проступков. Эти Дисциплинарные Советы составлялись из делегатов от рот, избранных без различия чинов, и могли приговаривать к аресту или тюремному заключению от одного дня до одного месяца.

Что касается «Военных Советов», то они могли налагать более серьезные кары, вплоть до лишения политических прав и расстрела; но все приговоры о наложении тяжких наказаний Должны были поступать на ратификацию специального «Ревизионного Суда», избранного по жребию из числа всех членов Военных Советов.

Помимо наказаний по суду, предусматривались и взыскания, налагаемые в дисциплинарном порядке. Всякий офицер имел право посадить своего подчиненного под арест на срок от 1 до 5 дней, но с обязательством немедленно до-

¹⁾ Eng. Parl., III, 97, 147, 148: 67, 68, 114. J. O. 4/V, 10/V, 16/V 27/IV, 7/IV. „Les 31 S.“, p. 102, 146, 147, 150. M. P., II, 422.

вести до сведения соответствующего Дисциплинарного Совета о мотивах наложения взыскания.

Декрет об учреждении Военных Советов был издан 11 апреля, а уже 16 по настоянию Клюзере было решено немедленно сформировать «временный военный суд» в составе начальника Главного Штаба (председатель) и пяти других

Военному Суду предлагалось предавать не только военно-служащих, отказавшихся, напр., итти против неприятеля, или версальских шпионов, но и «наглых газетчиков, ежедневно оплевывающих Коммуну, капиталистов, жертвующих на вербовку людей для версальской армии, наконец, всех, кто принципиально отрицает установившуюся в Париже власть, или предлагает перемирие и компромисс с Версалем». Смертные приговоры, выносимые этим судом, должны были итти на утверждение Исполнительной Комиссии Коммуны.

На первых же порах в Военном Суде разбирались несколько дел о самовольном уходе из траншей, неисполнении боевых приказов и т. п., при чем было вынесено несколько суровых приговоров, начиная от смертной казни и вечной каторги до лишения воинского звания и политических прав.

Обеспокоенная строгостью налагаемых кар, Коммуна учредила постоянную Ревизионную Комиссию из 5 лиц с правом кассации решений Военного Суда ¹⁾.

В основу организации национальной гвардии был положен принцип выборности командного состава. Но высшие военные начальники, очевидно, не могли избираться на тех же основаниях, что и низшее офицерство.

При обсуждении проекта реорганизации вооруженных сил в Ц. К. встал вопрос о способе замещения должности командного состава. При этом одни высказывались за избрание начальников легиона батальонными командирами при условии предварительной сдачи командиром соответствующего испытания.

Другие возражали, что нельзя доверять выбор начальника легиона батальонным командирам, людям в большинстве своем мало компетентным в военном деле, и выдвинувшимся лишь благодаря своей популярности среди национальных гвардейцев; в силу этого соображения предполагалось замещать такие должности исключительно путем конкурсных экзаменов.

Выдвигалось и иное предложение: Ц. К.-т должен представить известное число кандидатов, а военный делегат — утверждать, кого он найдет наиболее подходящим.

¹⁾ J. O., 12/IV, 16/IV. Dauban, o. c., 218—219. J. O., 25/IV.

Раздавались, наконец, голоса и в пользу прямого назначения военным делегатом с последующим утверждением Ц. К-том.

Большинство высказалось, однако, за избрание начальников легионов батальонными командирами.

В выдвинутом Ц. К-том проекте реорганизации национальной гвардии находим уже существенное ограничение выборного начала. Все чины национальной гвардии, говорилось там, подлежат избранию; но в течение трех ближайших месяцев прежде избранные офицеры должны подвергнуться публичному экзамену перед специальной комиссией, назначенной Коммуной. Лица, которые окажутся не на высоте своих обязанностей, будут замещены другими; на будущее же время при выборах могут быть выставляемы кандидатуры лишь тех лиц, которые будут признаны способными занять данную должность после соответствующего испытания.

Конечно, в создавшихся условиях такой порядок мог быть для Коммуны лишь идеалом: при бедности военными специалистами было невозможно найти немедленно таких лиц, которые счастливо совмещали бы в себе симпатии национальной гвардии и известную компетентность в военном деле, и в этом была одна из трагедий Коммуны.

После неудачной вылазки 3—4 апреля, когда с очевидностью выяснилась необходимость «иметь во главе легионов опытных штаб-офицеров», решено было временно замещать вакантные должности командиров легионов путем назначения военным делегатом, с последующим утверждением Ц. К-том.

В связи с обсуждением преимуществ выборного начала или системы назначений перед Ц. К-том неизбежно должен был встать вопрос о военных специалистах, о привлечении в командный состав бывших офицеров национальной гвардии и кадровых офицеров линейных войск.

На замечание одного делегата, что трудно найти людей, способных командовать хотя бы батальоном, Прюдом отвечал, что он вообще оспаривает необходимость подыскивать столь большое число специалистов, раз дело идет о такой ограниченной по своим размерам войне, как данная. «Мы должны, — говорил он, — искать в первую очередь элемент коммуналистический, а отнюдь не вступать на путь соглашения со старым военным элементом».

Бурье настаивает на назначении, по крайней мере, начальников легионов лишь в зависимости от наличия необходимых способностей, независимо от принадлежности кандидата к той или другой партии ¹⁾.

Ц. К-т возглавлял собою организацию, опирающуюся на легионные и батальонные Советы. Эти Советы играли чрез-

¹⁾ Enq. Parl., III, 110—111, 52. J. O., 6/IV.

вычайно важную роль во внутренней жизни национальной гвардии. Являясь связующим звеном между массой и Ц. К.-том, Советы осведомляли его о нуждах и требованиях национальных гвардейцев; они же назначали выборы новых делегатов в случае открытия вакансий. «В их (Советов) задачу,—читаем в приказе Ц. К.-та от 9 апреля,—входит наблюдение за бодростью духа батальона или легиона, путем убеждения и собственного примера они должны поддерживать в нем дисциплину, прилагать все усилия к тому, чтобы ни один гвардеец не мог уклониться от возложенных на него обязанностей». Они могут разрабатывать вопросы, связанные с улучшением общей организации национальной гвардии и представлять их в Ц. К.-т.

Но батальонные собрания и легионные советы отнюдь не довольствовались той ролью, которая отводилась им инструкциями Ц. К.: нередко они вмешивались в чисто оперативные распоряжения командиров.

Ц. К.-т, повидимому, признавал недопустимость подобного вмешательства. В том же приказе от 9 апреля, утвержденным военным делегатом Коммуны Ключере, читаем: «Легионные Советы и Батальонные Собрания или ротные делегаты никоим образом не могут вмешиваться в командование, отдавать приказы или бить сборы батальонов. Общее благо требует, чтобы предписания соблюдались строжайшим образом; чтобы, с одной стороны, обеспечивались с возмужной полнотой интересы национальных гвардейцев, как граждан и солдат, а с другой—чтобы разумная дисциплина проникла в ряды доблестных граждан, от мужества и сознательности которых зависит будущее республики. Национальные гвардейцы должны отнестись с величайшей осмотрительностью к выборам своих командиров. Военные познания, энергия и твердость республиканских убеждений—вот качества, которыми должны обладать кандидаты.

Но, как скоро выбор произведен вполне сознательно, национальные гвардейцы обязаны доверять своим избранникам, они должны воздерживаться от толкований полученных приказаний и не забывать, что повиновение и дисциплина составляют силу армии, что любой недисциплинированный отряд превращается в дезорганизованную, легко побеждаемую банду.

Власть, издающая приказ, одна несет за него ответственность, и всякое непослушание, иногда даже просто колебание, легко может превратиться в преступление, позорящее честь национальной гвардии и подрывающее успех операции. Начальники должны проявлять снисходительность, но энергично подавлять всякие попытки к неподчинению»¹⁾.

¹⁾ J. O., 10/IV.

Повидимому, вмешательство Легионных Советов и других органов Федерации в оперативные распоряжения не прекратилось и после издания приказа 9 апреля. Вскоре пришлось снова напоминать о ненормальности подобного положения.

В специальном циркуляре по Федерации, выпущенном Ц. К-том после назначения военным министром Делеклюза, говорилось: «...В делегаты следует выбирать стойких и открытых граждан, которые должны примирять разногласия, а не обострять их. Их роль... может быть сведена к следующему: контроль, посредничество, охрана принципов права и справедливости... Делегаты должны пускать в ход все свое моральное влияние для укрепления авторитета командиров; все усилия должны быть направлены к установлению тесной связи между командным составом и гражданами-гвардейцами. Ни при каких обстоятельствах делегаты не могут вмешиваться в отдачу и выполнение приказов: иначе положение командиров стало бы невыносимым, их авторитет свелся бы к нулю, перестала бы существовать какая бы то ни была дисциплина, и все наше дело было бы осуждено на гибель»¹⁾.

Предостерегая легионные и батальонные Советы от вмешательства в чисто оперативные распоряжения командного состава, Ц. К-т совершенно правильно учитывал специфические особенности боевой обстановки, не допускавшие «митингования» по вопросу о выполнении того или иного приказа. Верно и то, что в области чисто военной командный состав должен был пользоваться безусловным авторитетом среди национальных гвардейцев. К сожалению, сам Ц. К-т не всегда оставался верен этим хорошим принципам, когда дело шло о руководстве военными операциями в их целом.

Как бы то ни было, вопрос о командном составе стоял очень остро. В области военной еще больше, чем во всякой другой, ощущался недостаток в специалистах, преданных делу Коммуны. Большинство ее членов были рабочие или люди мирного кабинетного труда, не имевшие никакого отношения к военному делу, а потому неспособные даже контролировать действия военных специалистов. К тому же в эпоху Второй Империи во Франции не существовало всеобщей воинской повинности, так что лишь самая ничтожная часть взрослого мужского населения получала элементарную военную подготовку.

Вот почему Коммуна не могла немедленно выдвинуть достаточные кадры своих красных командиров, которые по своей подготовке не уступали бы военным специалистам; даже легионные командиры обычно «выказывали больше храбрости, чем военных способностей».

¹⁾ Eng. Parl., III, 171.

В распоряжении Коммуны имелось лишь небольшое количество опытных кадровых офицеров, покинувших армию после заключения перемирия с пруссаками и предложивших теперь свои услуги рабочему правительству. Но Коммуна стеснялась к таким офицерам с недоверием, и если и допускала их в национальную гвардию, то назначала на второстепенные должности.

К числу таких бывших офицеров принадлежали Ветцель, Брюнель и другие. Наконец, в составе офицерского корпуса имелось несколько польских эмигрантов-революционеров, прошедших хорошую боевую школу в рядах повстанческих армий в Польше и Италии (Домбровский, Врублевский). Под их началом небольшие отряды национальных гвардейцев сумели оказать длительное сопротивление версальцам, несмотря на огромный численный перевес последних¹⁾. Среди «генералов» Коммуны, не бывших военными по профессии, выдвинулись La Cécilia и Эд.

Все эти немногие лица не могли заполнить той огромной брешы, которая имелась в управлении военного ведомства и командном составе, состоявшем в подавляющем большинстве из импровизированных офицеров.

Еще накануне мартовской революции главнокомандующим национальной гвардии был заочно избран Гарибальди, но ему не удалось прибыть в Париж. После 18 марта Ц. К.—т поставил во главе Национальной гвардии одного из своих членов, лейтенанта морской службы Люлье. Это был человек довольно способный, но мало дисциплинированный, к тому же страдавший постоянным запоем и кончивший алкоголическим помешательством.

Уже 24 марта Люлье был смещен. Теперь во главе военного ведомства поставили («до приезда Гарибальди») трех делегатов: Брюнеля, Эда и Дюваля. Из них военным специалистом был только Брюнель.

Сменившая Ц. К.—т Коммуна, создавая различные Комиссии, назначила в военную Бержере, Эда, Пенди, Дюваля, Шарбона, Ранвье и Флюранса.

1 апреля она отменила совсем звание главнокомандующего национальной гвардией и устранила от командования Брюнеля, заменив его Бержере. Теперь национальной гвардией командовали аптекарь Эд, рабочий-литейщик Дюваль и типографщик Бержере.

Первая же крупная операция, руководимая этими импровизированными генералами, привела к поражению.

Первые выстрелы со стороны войск Тьера вызвали необычайный подъем у национальной гвардии, которая рва-

¹⁾ Lepelletier, III, 403.

лась в бой и требовала немедленного похода на Версаль. Идея навстречу желаниям федералистов, генералы назначили вылазку на 3 апреля, несмотря на то, что Комиссия высказалась против наступления до представления подробного отчета о состоянии интендантства, командном составе, ходе обучения гвардейцев стрельбе и т. д.

А состояние национальной гвардии в этот момент было довольно плачевное. «Большинство батальонов,—пишет Лиссагарэ,—не имело начальников с 18 марта; национальная гвардия не имела кадров; генералы, бравшие на себя ответственность командовать 40.000 человек, никогда не водили в бой и одного батальона. Они пренебрегали самыми элементарными мерами, не сумели собрать ни артиллерии, ни обоза, ни госпитальных фур; забыли издать приказ, оставили солдат в продолжение нескольких часов без продовольствия, под пронизывающим туманом. В результате, каждый шел к тому начальнику, к которому вздумалось идти. Многие не имели патронов, думая, что это—только демонстрация»¹⁾.

Версальская армия в этот момент была еще слишком малочисленной, чтобы начать систематическую осаду Парижа; но она уже достаточно оправилась после поражения 18 марта, чтобы дать отпор рвавшейся в бой, но дезорганизованной и лишенной опытных руководителей национальной гвардии. Вылазка окончилась полной неудачей. Батальоны коммунаров сразу же попали под истребительный огонь того самого форта Мон-Валерьец, который Люлье не сумел во-время занять. Во время боя погибли Дюваль и Флюранс, отряды вернулись в город с большими потерями, совершенно деморализованные.

Неудачное выступление уронило военные силы Коммуны в глазах противника и подорвало авторитет высшего командования среди национальных гвардейцев, убило во многих всякий революционный энтузиазм и веру в свои силы; наконец, поражение национальной гвардии придало смелость контр-революционерам, остававшимся в Париже.

Вслед за поражением 3—4 апреля в военном ведомстве произошли новые перемены: вместо Дюваля и Бержере, в состав Военной Комиссии были включены Верморель, Делеклюз и Курне.

Исполнительная Комиссия уничтожила чин генерала, как несовместимый с демократическими принципами, но в виду «тяжелых обстоятельств» признала необходимым объединить все функции военного ведомства в руках одного лица, назначив военным делегатом Ключере. Начальником его штаба был назначен Россель. Оба были военными специалистами.

¹⁾ J. O., 25/III, 30/III, 2/IV. Лиссагарэ, 175.

Вместе с тем, в интересах единства военного командования, Коммуна распустила окружные комитеты, которые ежедневно вмешивались в распоряжение боевыми силами¹⁾.

Клюзере был типичным авантюристом. В июньские дни 48 года, он, в чине поручика, расстреливает рабочих; потом участвует в крымской кампании и африканских экспедициях. В конце Второй Империи он становится ярким республиканцем, выходит в отставку и уезжает в Америку, где и натурализуется. Затем он снова в Европе, в войсках Гарибальди, во главе батальона американских добровольцев. В 60-х годах Клюзере участвует в американской гражданской войне и сражается на стороне северян. Вернувшись во Францию, становится журналистом, подвергается частым преследованиям парижской полиции; в конце концов его высылают в Америку, где Клюзере становится теперь организатором местных секций Интернационала.

Революция 4 сентября перебрасывает его снова в Париж. После 18 марта Клюзере стал на сторону рабочей власти и даже прошел в Коммуну, но не столько потому, что понимал ее идеи и сочувствовал ее борьбе, сколько по страсти к приключениям.

Это был образованный и храбрый офицер, но не отличавшийся должной инициативой и организационными способностями. Клюзере имел известный опыт в гражданской войне, но американские условия слишком отличались от парижских, чтобы его можно было использовать. В качестве главнокомандующего национальной гвардии Клюзере оказался далеко не на высоте задачи.

Россель был молодой офицер, инженерный полковник, предложивший свои услуги Коммуне единственно под влиянием крайнего раздражения против легального версальского правительства, подписавшего унизительный мир с Пруссией.

Как бы то ни было, от этих двух людей в значительной мере зависела теперь судьба пролетарской революции.

Вступив в управление военным министерством, Клюзере воспретил вылазки впредь до нового приказа. Решено было ограничить военные действия защитой фортов с тем, чтобы приступить к реорганизации и усилению боевой подготовки национальной гвардии.

Но держаться исключительно оборонительной тактики было крупной стратегической ошибкой. Клюзере не хотел понять, что в тот день, когда версальцам удастся совершенно изолировать Париж, участь города будет решена. Необходимо было строить новые укрепления, постоянно беспокоить неприятеля, пытаться продвигаться вперед. Даже после неудачи 4 апреля далеко не все было потеряно: версальская

¹⁾ J. O., 4/IV, 7/IV.

армия еще не закончила своей реорганизации, удачным натиском ее можно было отгеснить и взять инициативу в свои руки.

Клюзере упустил эту возможность: с 4 апреля он не произвел ни одной внушительной демонстрации и, таким образом, не использовал даже той живой боеспособной силы, которая была в его распоряжении. Военный делегат, в руках которого находилось руководство военными операциями, сам хвастался, что никогда не посылал в бой более шести тысяч человек. И это при 35—40 тыс. боеспособных, которые были в его распоряжении! Ожесточенное и продолжительное сопротивление, оказанное наступавшим версальцам в боях за обладание фортами Исси и Ванв, доказывает, что, перебросив на линию укреплений более крупные силы, можно было удерживать за собою эти важные позиции, остановить натиск неприятеля и, по крайней мере, отодвинуть его конечный успех.

Клюзере допустил и другую серьезную ошибку, разбив национальную гвардию на маршевые (*de la marche*) и запасные (*sédentaires*) батальоны. В первые должны были войти все граждане в возрасте от 19 до 40 лет, во вторые — старше 40 лет.

Клюзере был уверен, что маршевые роты, существовавшие во время первой осады, в общем, сохранили свою организацию. В действительности они разложились сейчас же после капитуляции; теперь приходилось формировать их заново.

С другой стороны, эта реформа дезорганизовала уже сложившиеся батальоны: она сняла с передовых позиций многих пожилых рабочих, беззаветно преданных Коммуне, людей, сражавшихся на баррикадах еще в июньские дни (сорокалетним в эпоху февральской революции было всего 20 лет), и в то же время расстроила уже сложившиеся роты и батальоны, искусственно разъединила людей, которые до тех пор были связаны не только службой в одной боевой единице, но зачастую и работой в одной и той же мастерской.

Эта спайка оказывалась порой настолько прочной, что некоторые батальоны, как утверждает Арну, не пожелали воспользоваться новым законом и «в полном составе пошли в огонь». В резервных же батальонах нередко подбирались люди, желавшие лишь сохранить на всякий случай оружие и получать жалованье.

Что касается маршевых батальонов, то они состояли преимущественно из выросшей под развращающим влиянием Второй Империи молодежи, весьма неустойчивой в политическом отношении. Теперь, с выделением в маршевые батальоны, эта молодежь уже не подвергалась благотворному влиянию политически зрелых элементов рабочего класса.

Итак, люди, всего более преданные Коммуне, должны были сидеть в городе, тогда как менее стойким, порой равнодуш-

ным или даже враждебным приходилось с оружием в руках защищать пролетарскую революцию.

Лефрансе утверждает, что эта «гибельная мера» сократила активные боевые кадры Коммуны, по крайней мере, на 100 тысяч человек, которые, «ссылаясь на свой возраст, чтобы избежать казармы, тотчас же исчезли. Численность батальонов не превышала теперь 250, в большинстве случаев даже 100 человек»¹⁾.

Цифры, приводимые Лефрансе, преувеличены; но все же не подлежат сомнению, что одной из причин все прогрессирующего сокращения боевых сил Коммуны была реформа Клюзере.

Вообще, проводить столь сложную реорганизацию военных сил под неприятельским огнем было чрезвычайно рискованным и требующим значительного времени делом, чего как раз не было в распоряжении Коммуны.

Лефрансе дает вообще весьма нелестную характеристику этому генералу Коммуны: «Благодаря своим предрассудкам профессионала-военного... Клюзере был обречен играть роль Трошю Коммуны. Подобно последнему, Клюзере не верил в храбрость национальной гвардии, а особенно не видел возможности использовать ее политические убеждения и порывы в интересах военных операций. Наконец, подобно Трошю, он решил, повидимому, ждать, пока, утомившись войной, обе партии—осаждающие и осажденные—не сложат оружие, на чем-нибудь столковавшись. Впрочем, он был убежден, что одной силой оружия Париж взять нельзя; он и не подумал, что, по крайней мере, в этом отношении ему следовало поспешить с приведением в боевую готовность угрожаемых со стороны версальцев укреплений и использованием имевшейся на валах артиллерии, снятые с лафетов орудия которой валялись на земле по бастионам»²⁾.

30 апреля, под впечатлением временного занятия версальцами форта Исси, Исполнительная Комиссия постановила отпустить Клюзере от должности, арестовать его и предать суду. Бывший военный делегат обвинялся в небрежном исполнении своих обязанностей, если не в измене.

Приходилось искать нового военного министра, и Коммуна остановилась теперь на начальнике главного штаба Росселе, которому еще больше, чем Клюзере, был чужд весь дух национальной гвардии.

«Россель,—говорит Дюбрейль,—по самому существу своему неспособен был... установить то духовное общение со своими подчиненными, которое стоит больше, чем всякая дисциплина, потому что именно оно вызывает то самопожерт-

¹⁾ Lefr., op. c., p. 230—231.

²⁾ Ib., 230.

твование, порождает ту инициативу и... то взаимное доверие, которые являются залогом победы...» Россель выступил с планом еще более радикальной реформы: он собирался реформировать легионы, образовать, вместо них, полки, уничтожить выборность командиров, перевести национальную гвардию на казарменное положение.

Как и следовало ожидать, эти проекты вызвали сильнейшую оппозицию со стороны Ц. К-та и батальонов, которые жаловались на делегата Коммуне. Дело дошло до того, что начальники легионов явились в военное министерство, чтобы заставить Росселя отказаться от проведения намеченных реформ. Во дворе министерства стоял взвод национальных гвардейцев, которые должны были расстрелять явившихся протестантов; тем не менее командирам удалось настоять на своем.

Положение Росселя усложнялось тем, что ему еще в большей степени, чем Ключере, приходилось разделять власть с Ц. К-том, чему в немалой степени содействовал К. О. С., подозревавший нового главнокомандующего в бонапартистских замыслах.

Россель оставался во главе военного ведомства всего 9 дней. 9 мая, узнав о новой сдаче форта Исси, он распорядился немедленно расклеить афиши с сообщением об этом, не снесясь предварительно ни с Комитетом Общественного Спасения, ни с Ц. К-том. В Коммуне потребовали его ареста. Тогда Россель послал в Ратушу письмо с просьбой об отставке, мотивированной тем, что все его начинания были похронены благодаря вмешательству в военное управление Ц. К-та, Ц. Артиллерийского Комитета и самой Коммуны или вследствие инертности всех этих учреждений, в которых много говорили, но ничего не делали. В результате, говорилось в письме, в батальонах идет разложение: офицеры и гвардейцы митингуют, когда надо идти в огонь. Вчера легионные командиры обещали собрать 12 тысяч человек, сегодня явилось только 7.000.

«Я не считаю себя способным нести дальнейшую ответственность за командование там, где все обсуждают и никто не повинуется, — писал Россель. Я удаляюсь и имею честь просить об одиночке в тюрьме Мазас».

Это письмо, появившееся затем во всех газетах, только усилило панику и дезорганизовало ряды коммунаров. Россель был смещен и отдан под суд. Вызванный для допроса в Коммуну, он успел скрыться¹⁾.

Теперь военным делегатом был назначен штатский—старый якобинец Делеклюз, который, по словам Лиссагарэ, «при-

¹⁾ Арну, 176—8. Лавров, 98—99; 101—4. Lepelletier, III, 403—16 (passim.). Лиссагарэ, 260—72 (passim.). Ж. О., 29 IV, 1 V, 10 V. Дюбрейль, 203.

нес Коммуне лишь свою самоотверженность. Слабохарактерный, несмотря на свою резкую внешность, он всецело зависел от своего штаба.

Делеклюзу Коммуна могла доверять вполне, но природный ум и популярность в массах этого поседевшего в борьбе за республику человека не могли заменить недостатка технических сведений.

Во всяком случае, когда Делеклюз вступил в управление военным министерством, все уже было упущено, и ничего нельзя было поправить.

Нужно сказать, что ни у Кюзере, ни у Росселя никогда не было какого-либо плана обороны Парижа. При Кюзере военный совет не созывался ни разу; при Росселе—только однажды. Начальникам отдельных частей не давалось определенных инструкций. «Генералы,—говорит Лиссагаре,—получали лишь один приказ—«защищайтесь».

«Военная администрация,—говорил член Коммуны Билльорэ,—это—организованная дезорганизация».

«Ведомство военного министерства,—пишет Лиссагаре,—было какой-то темной комнатой, где все сталкивались. Канцелярия министерства была полна офицеров, простых гвардейцев, которые требовали военных припасов, продовольствия; жаловались, что их не сменяют. Их отсылали в командатуру... В нижнем этаже Ц. К., переведенный туда Кюзере, волновался в беспорядочных заседаниях... Артиллерийский Комитет спорил из-за пушек с военным министерством».

Словом, наблюдалась полнейшая неслаженность отдельных частей военно-административного механизма, которые беспорядочно цеплялись друг за друга, тормозя всякую работу.

Но никакой стройности организации, никакого единства и планомерности в политике военного ведомства и не могло быть при том многовластии и недостаточном разграничении компетенции отдельных органов, которое наблюдалось в военном управлении и командовании.

Во время боев резервы не приходили вовремя, или приходили в недостаточном количестве, несмотря на неоднократные просьбы командиров; нередко приходилось ждать подкреплений по несколько суток. Форт Ванв был занят версальцами только потому, что Домбровский не мог добиться своевременной присылки артиллерии и свежих частей пехоты.

Живая сила, которой и так было недостаточно, расходовалась чрезвычайно неэкономно: одни батальоны бессменно сидели в траншеях, другие никогда не появлялись на передовых позициях. В результате, лучшие пролетарские части быстро таяли. «Экспедиции,—пишет Малон,—лично сопровождавший в траншеи свой 17-й легион,—были кровопро-

литны, и часто пролетарские фаланги возвращались сильно поредевшими. Сколько раз можно было видеть их, проходивших мимо Ратуши! Почерневшие от порохового дыма, с разорванными снарядами знаменами... поредевшие, но воодушевленные ряды их кричали, покрывая бой барабанов: «Да здравствует всемирная республика! Да здравствует труд! Да здравствует Коммуна!»

В то же время солдаты, которым совсем не доверяли, сидели в казармах, и никто не подумал использовать их хотя бы для саперных работ.

Чрезвычайно неудовлетворительно были поставлены разведка и караульная служба. В ночь с 3-го на 4-е апреля отряду версальских солдат безнаказанно удается подойти к редуту Мулэн-Саке, перебить часовых, а затем переколоть 50 федералистов и 200 взять в плен.

Станцию в Клямаре версальцам удалось захватить только потому, что они знали пароль, и часовой сам открыл им ворота. Разрушенные неприятельской канонадой ворота Сен-Клу были оставлены без всякого прикрытия, что дало версальцам возможность неожиданно ворваться в город ¹⁾.

Было бы ошибочно возложить всю вину на эти беспорядки на Клюзере или Росселя. Пусть оба они оказались непригодными к ответственной роли военного министра Коммуны, организатора и руководителя ее боевых сил. Но уже один тот факт, что дело обороны пролетарской революции находилось в столь неумелых и ненадежных руках, свидетельствует о том затруднительном положении, в каком находилась Коммуна по части приискания опытных военных специалистов, готовых честно работать с пролетарской властью. С другой стороны, частая смена высшего командования, отсутствие единого авторитетного органа управления, двоевластие Коммуны и Ц. К., наконец—вся соглашательская политика Ц. К-та, сделавшая невозможным немедленное (после 18 марта) наступление на Версаль,—все это в сущности почти предрешало военное поражение Коммуны.

Глава XI.

Версальская армия.—Ход осады.—Версальцы в Париже.— Итоги умирения.

После бегства в Версаль в распоряжении Тьера имелось всего три дивизии регулярных войск и около 5000 жандармов. Согласно позднейшим показаниям главы правительства, его армия состояла тогда из 22.690 человек, притом находившихся в состоянии полнейшего разложения.

¹⁾ J. O., 11/V. „Les 31 S.“, p. 117. Enq. Parl., III, 94, 147. Лиссагарэ, стр. 227—8. 197. Лавров, 99, 100, 102. Арну, 182. Дюбрейль, 161.

Тьер хорошо понимал, что парижскую революцию можно сломить лишь силой оружия, а не фразами. Пока Ц. К. тратил драгоценное время на бесполезные переговоры с парижскими мэрами, Тьер с лихорадочной поспешностью приводил в порядок остатки своей армии. Через две недели после революции он уже мог не без некоторого хвастовства телеграфировать префектам: «Собрание заседает в Версале, где организуется одна из лучших армий, которыми когда-либо располагала Франция».

За этот короткий промежуток ему удалось пополнить свои силы солдатами, стянутыми из других городов, и восстановить расшатавшуюся дисциплину. 6 апреля, когда версальская армия насчитывала уже 64.900 чел. ¹⁾, во главе ее был поставлен один из героев Седана—генерал Мак-Магон.

Тьер возродил армию в своем роде классическими приемами. Прежде всего солдаты были совершенно изолированы от населения: их заперли в казармы вместе с офицерами, беспрерывному контролю и надзору которых они были теперь поручены. Был увеличен солдатский паек, по временам давалась водка и другие спиртные напитки, солдат хорошо одели.

В своих показаниях перед следственной комиссией Тьер не без гордости повествует: «Я отдал также приказ сконцентрировать армию и, что самое важное, изолировать ее. Главные наши силы были расквартированы в Сатори; было отдано распоряжение не пускать кого бы то ни было и стрелять по всякому, кто рискнул бы приблизиться... В то же время я рекомендовал снабдить наших солдат самой лучшей пищей; я увеличил рационы, особенно мясные, признанные недостаточными. Я был уверен, что при хорошем питании, при отдыхе, при условии пребывания офицеров в одних помещениях с солдатами, войска весьма быстро преобразятся. После первой осады солдаты были оборваны, плохо экипированы, имели недовольный вид. Я был уверен, что при деятельном и неуклонном надзоре за ними все эти недостатки вскоре будут устранены. Мои надежды меня не обманули: уже через несколько дней, ко всеобщему изумлению, армия имела совершенно иной внешний вид» ²⁾.

Постепенно солдаты должны были снова превратиться в профессиональных рубак, которыми славилась французская армия времен Империи. Вскоре машина для массового убийства была готова, оставалось пустить ее в ход. «Как только мне удалось собрать 50 тысяч, я сказал себе, что настал момент проучить инсургентов», показывал впоследствии Тьер.

¹⁾ 47.780 пехотинцев и 17.120 кавалеристов, а всего 62.503 рядовых и 2400 офицеров.

²⁾ Enq. Parl., I, 14, 15. Лиссагарэ, 219.

Все же, чтобы взять Париж, имевшихся налицо сил было недостаточно. Призыв добровольцев дал самые жалкие результаты: со всей Франции их набралось только два батальона. «Я отважусь повести атаку на столь сильные позиции, как парижские, только в том случае, когда в моем распоряжении будут все средства, необходимые для успеха», говорил тот же Тьер.

Оставался еще один источник живой силы — находившиеся в Германии французские военно-пленные; но отпустить их на родину для включения в версальскую армию зависело от Бисмарка, к которому Тьер и Жюль Фавр и обратились с соответствующей просьбой.

Вопреки нелепым измышлениям реакционных газет, канцлер отнюдь не чувствовал каких-либо симпатий к Парижской Коммуне, что засвидетельствовал и Тьер в своих показаниях перед следственной комиссией. «Бисмарк, — говорил он, — публично предлагал свою помощь против Коммуны, которой мы не могли, однако, принять. Он торопил нас с этим покончить...»

Прусское правительство охотно пошло на удовлетворение домогательств версальцев. Согласно мирному договору военные силы Франции не могли превышать 40 тысяч человек. Сначала Тьер просил увеличить контингент до 80 тысяч, потом до 130 тысяч. К половине апреля версальская армия уже насчитывала 170 тыс. едоков, из них 130 тысяч боеспособных. Значительная часть ее состояла из бывших военнопленных. Согласно показаниям Тьера, из Германии прибыло 50—60 тыс., но почти наполовину это был недовольный элемент, неспособный драться так, как этого хотелось версальскому командованию, так что многим пришлось выдать отпускные билеты; многие были измучены. «Было сделано все, — говорит Тьер, — чтобы восстановить их силы». — Версальская армия, — откровенно признается ген. Винуа, — была реформирована, главным образом, при помощи многочисленных военнопленных, возвращенных нам Германией, и прежде всего — офицеров, что дало возможность немедленно создать новые кадры, куда вливались потом солдаты, прибывшие из плена.

В конце апреля версальская армия состояла из трех корпусов, находившихся под командой генералов Лядмиро, Сесэ и Дю-Барайля. «Первые два корпуса состояли каждый из трех пехотных дивизий, бригады легкой кавалерии, шести батарей и трех саперных батальонов. Третий корпус составлен был исключительно из кавалерии, поддерживаемой тремя конными батареями» ¹⁾.

¹⁾ Enq. Parl., II, 14—16. Vinoy. „L'armistice et la Commune“, 244—245. Дюбрейль, 193.

Итак, военные силы версальцев непрерывно возрастали, тогда как ряды их противников таяли с каждым днем. Против 30 — 35 тысяч коммунаров действовала 130-тысячная армия, обученная по всем правилам военного искусства и поставленная под начальство опытных генералов.

Еще находясь в германском плену, солдаты были озлоблены против парижан и Коммуны, о которой они, разумеется, имели самые невероятные представления. Вот что писали, напр., военно-пленные члену Ц. К. и Коммуны Асси. «Ты и твой ничтожный Ц. К., как видно, не учитывают, что нам надоели ваши глупые шутки и ваши бесполезные, бесцельные интриги. Горе вам, подонки народа... своими бесмысленными поступками вы навлекете на себя ненависть всех находящихся в Германии пленных... А тому из вас, кто решится перейти границу, последний из пленных вонзит в грудь свой меч, тот меч, который должен вернуть спокойствие законному правительству... Не забудьте о суде, к которому хотят вас привлечь все находящиеся в Германии пленные... Смерть инсургентам! Смерть адскому комитету! Трепещите же, грабители!» (Следуют подписи.)

Можно себе представить, какое настроение создалось у солдат, когда по возвращении из плена они снова попали на строгий режим версальской казармы. Военно-пленные, в большинстве крестьяне, надеялись, что их немедленно отправят по домам, а теперь снова приходилось оставаться на службе на неопределенный срок из-за каких-то бунтовщико-коммунаров, которых буржуазные газетчики и офицеры аттестовали им как «грабителей» и «поджигателей», пытающихся на развалинах несчастной страны «создать царство лени, разврата, разбоя и убийств»¹⁾.

Солдаты охотно верили своим офицерам, утверждавшим, что федералисты — живодеры, которые подвергают пленных пыткам. Попад в плен, некоторые версальцы долгое время отказывались принимать пищу из опасения, что их отравят.

Итак, армия Тьера была не только хорошо одета и сытно накормлена, не только вышколена строгим казарменным режимом, но и распропагандирована в духе бешеной ненависти к коммунарам. Армия находилась под командой бонапартистских офицеров, заведомых врагов не только социализма, но и республики; к тому же все эти Мак-Магоны, Галифе, Винья и прочие «герои» франко-прусской войны, не раз подвергавшиеся беспощадному осмеянию в парижских газетах и в клубах времен первой осады, горели теперь желанием «проучить» парижских «краснокожих»; версальское офицество ухватилось теперь за гражданскую войну, как за сред-

¹⁾ Прокламация ген. Дюкро к шербургскому гарнизону.

ство поправить свою военную репутацию, безнадежно потерянную под Седаном и Мецом.

Этим настроением солдат и командного состава в значительной степени объясняются неслыханные зверства, совершенные версальцами в течение так называемой «майской недели» и после окончательного разгрома Коммуны.

Расстрелы пленных коммунаров начались после первых же серьезных боев 3—4 апреля и мотивировались тем, что именуемые национальной гвардией мятежники не могут считаться регулярным войском. Коммуна отвечала на расстрелы уже известным читателю декретом о заложниках, который, однако, не применялся.

После неудачной для парижан вылазки 3—4 апреля версальская армия день за днем продвигается вперед, выбивая коммунаров из укрепленных позиций. Постепенно вокруг Парижа сжимается кольцо блокады. Восточные и северные форты, от Марны до Сен-Дени все еще занимали стоявшие под горсом пруссаки; с юго-запада круг замыкали версальцы, растянувшись фронтом от Сен-Дени до Сен-Жоржа.

С юга Париж был защищен фортами, выдвинутыми далеко за городскую черту; таких фортов было пять: Исси, Ванв, Монруж, Бисетр и Иври. За фортами тянулись окопы, доходя до Мулино, Клямара, Валь-Флери и Мулен-Саке. На юго-западе естественным прикрытием являлась Сена. Западный форт Мон-Валерьен еще с 20 марта был занят версальцами.

До конца апреля они сосредоточивают свои удары на северо-западном и западном участках фронта (от Сен-Уана до Пуэн-дю-Жур), действуя против войск Домбровского. С 6 до 8 апреля значительные отряды версальцев продвигаются по направлению к Нейи, Левадуа (Levallois) и Аньеру (Asnières), 9-го произошла первая бомбардировка Парижа, принесшая значительные повреждения.

На этом участке национальная гвардия оказывала в десять раз сильнейшему неприятелю упорное сопротивление, переходя порой в контр-атаку и возвращая утерянные позиции. В ночь с 9-го на 10-е Домбровский выбил версальцев из Аньера, а его брат Владислав вместе с Жакляром захватил замок Бекон, господствующий над дорогой из Аньера в Курбеуа. Попытка противника взять обратно этот важный стратегический пункт потерпела неудачу. 12-го в руки федератов снова перешло укрепление Нейи.

В течение следующих дней в этой части окрестностей Парижа велись ожесточенные бои, позиции по нескольку раз переходили из рук в руки, но до 17 апреля, вопреки победоносным реляциям Тьера, национальная гвардия успешно отражала все атаки противника.

Только 17-го версальцы берут замок Бекон, что вынуждает коммунаров эвакуировать Аньер и перейти на правый берег Сены. На другой день осаждающим удается завладеть почти всеми позициями, недавно находившимися в руках пруссаков, парижские окраины подвергаются обстрелу. С 20-го неприятель занимает весь берег Сены и ведет под прикрытием своих батарей бешеные атаки на Нейи, превращенное вскоре в груды развалин. Но 21-го Домбровскому удается помешать переправе противника через Сену у Клиши; кольцо блокады все еще не было сомкнуто, а утомленные боями версальцы соглашались даже приостановить на несколько часов военные действия, чтобы дать возможность эвакуироваться в Париж уцелевшему от бомбардировки населению деревни Нейи.

Затем схватки возобновились. «Каждый дом, каждый сад превращались в поле сражения и переходили поочередно то в руки федералистов, то их противников... Сражавшиеся жили, как в аду, подвергаясь непрерывным нападениям, еле находя время для сна, оставляя ружье только для того, чтобы схватить лопату и строить импровизированные окопы, которые на час, на два служили для них ненадежным прикрытием, пока, выбитые из них и обойденные, они не отступали на несколько шагов назад, чтобы вновь рыть такие же окопы для новой защиты. С Мон-Валерьяна и с грозного редута Монтрету на них падал непрерывный дождь чугуна, а также и на несчастные местечки Аньер и Левалуа, которые представляли из себя одни развалины... На эту бомбардировку отвечали только орудия, поставленные без всякого прикрытия у ворот Майо... Здесь... наводчиков и канониров хватало всего на несколько часов, так как смерть косила их беспощадно. Несмотря на это, орудия не молчали ни одного мгновения. Всегда и немедленно находились другие смельчаки, чтобы занять место тех отважных людей, которые только что пали на их глазах».

А вот что говорит о действиях парижской артиллерии на этом участке один из офицеров версальской армии: «На северо-западе огонь поддерживался с таким же оживлением. Аньер подвергался обстрелу снарядами с батареи, установленной в типографии Поля Дюпона, и с блиндированного локомотива, непрерывно двигавшегося по путям. Бекон бомбардировался из Левалуа и с вокзала Сен-Уэна, Крубевуа фронтальным огнем укреплений 50—53 крепостной стены»¹⁾.

С конца апреля главные силы версальцев были брошены против юго-западного и южного участков, защищаемых вой-

¹⁾ Bourgin, p. 143—144. J. O., 25/IV. Дюбрейль, 159—160, 192. Guerre des Communeux de Paris. Par un officier supérieur de l'armée de Versailles, p. 158. Mur. Pol., II, 367.

сками под общим начальством Врублевского. План версальского военного совета заключался в том, чтобы заставить замолчать бастионы Пуэн-дю-Жур, вытеснив затем федералистов из равнины Биланкур, что дало бы возможность разрушить артиллерийским огнем и взять форты Исси, Ванв и Монруж.

Описание военных действий, происходивших на этом участке, дает тот же версальский офицер. «В то время, как стягивались наши войска, а инженерные части продолжали свои работы, наша артиллерия тоже не бездействовала. Умело использовав неожиданные печальные случайности недавней войны, артиллерия расположила свои силы по большей части за земляными насыпями, воздвигнутыми незадолго до этого пруссаками, и с этой стороны (с юга) более 15 орудий выставлено было против пушек парижской инсургенции... В то же время, когда пушен был в дело весь этот материал (на позициях между Мулен-де-Пьер, Медонской террасой, Севреким мостом и террасой Сен-Клу), в Монтрету заложена была батарея на 70 орудий крупного калибра, и разрабатывался план сооружения батарей в парке Исси на 20 орудий калибра 24.

С открытием огня, 25 апреля, наши батареи стреляли, главным образом, по форту Исси и тотчас же вынудили его замолчать... На следующий день, 26-го, форт буквально засыпан был нашими снарядами. Несмотря на это, наши противники старались изо всех сил. Монруж и Ванв энергично поддерживали Исси. Пуэн-дю-Жур беспокоил нас беспрестанно. Бастион 65, с его 4-мя орудиями, куртины 65—66, бастион 68 и батарея Октруа состязались в соревновании с Трокадеро, стреляя в Мон-Валерьен. Орудия Октруа громили одновременно Медон и Фонарь Демосфена. Четыре блиндированные локомотива, помещенные на мосту, непрерывно обстреливали нашу батарею и Бретейль. Наконец, канонерка Фарси, поддерживаемая четырьмя другими и пловучей батареей, то и дело осыпала снарядами Севр, Бретейль и Бримборион. Пловучая батарея, спустившись до Билланкура, однажды осмелилась даже остановиться там для бомбардировки Медона¹⁾.

Несмотря на стойкое сопротивление со стороны коммунаров, версальцы продвигались вперед. Уже 26-го генерал Фаррон взял укрепления, построенные возле кладбища в Исси, и достиг местечка Мулино, которое и взял в ночь на 27-е. 27-го и 28-го, обстреливая ураганным огнем форт Исси, версальцы довели свои траншеи почти до местечка Исси и станции Кламар. В ночь на 29-е были заняты кладбища и парк в Исси, при чем много гвардейцев было перебито и

¹⁾ „Guerre des Communeux“, p. 156—158.

взято в плен вместе с 8-ю орудиями. 29-го начальник форта (Межи) решил, вопреки приказу Кюзере, очистить форт, заклепав орудия, что и было приведено в исполнение в ночь на 30-е: 300 федералистов оставили груды развалин и отступили к Парижу.

Очищение форта Исси вызвало чрезвычайное волнение в Париже и повело к отрешению Кюзере и замене его Росселем. Между тем версальцы не решились немедленно занять Исси, и через несколько часов с помощью приведенного Кюзере батальона эта важная позиция была снова в руках Коммуны.

Россель начал с назначения Гайяра — отца комиссаром баррикадной комиссии, которой предписывалось усилить свои работы. Врублевский был назначен командующим всеми войсками и фортами, расположенными на левом берегу Сены.

Между тем версальцы продолжали развивать наступление. В ночь на 2-е мая станция Клямар была взята штыковой атакой, был занят также после кровопролитной схватки замок Исси. 3-го в Мулен-Саке сонные федералисты были переколоты внезапно атаковавшим их неприятелем.

Положение форт Исси и Ванва становилось с каждым днем все отчаяннее. «Под градом снарядов и бомб, непрерывно падавших, как дождь, стены форт рушились и обваливались в рвы; в образовавшиеся бреши можно было въехать в экипаже. Коммунары-канониры должны были стрелять без прикрытия, представляя собою верную цель для неприятельских стрелков. Трупы, наваленные в подвалах и коридорах, возвышались горами до двух метров. Роковой исход был несомненен».

4-го мая коммунарам удалось отбить атаку на Ванв, но ночью сообщение его с Исси было прервано. Версальцы сосредоточили на форт Исси около 270 орудий батареей Монтрегу и высот Севра, Бельвю и Медона. 9-го, после героической защиты, Исси был оставлен.

Падение Исси позволило армии Мак-Магона приняться вплотную за осаду Ванва. Уверенный в близости окончательной победы, Тьер выпустил свой манифест-ультиматум к парижанам, в котором обещал пощадить жизнь тем, кто сложит оружие, и временно выдавать пособие безработным рабочим; но в то же время благонамеренные граждане приглашались активно содействовать немедленному прекращению восстания, открыв ворота армии законного правительства. «Но если вы не проявите инициативы,—писал Тьер,—правительство вынуждено будет принять для вашего освобождения самые экстренные и действительные меры... Вам нужно здраво обдумать это, парижане! через несколько дней мы будем в Париже... Вы можете оказать содействие своему освобождению:

обоев — 154, переплетчиков — 106, формовщиков — 157, картонажников — 124, инструментальщиков — 98 и т. д. ¹⁾

Еще красноречивее данные муниципального обследования, обнаружившие огромные потери, понесенные парижским пролетариатом в результате великой классовой битвы. Так, сапожное производство, где до 18 марта насчитывалось 24.000 рабочих, потеряло 12 тыс. убитыми, арестованными или эмигрировавшими. В производстве готового платья вышло из строя более 5 тыс., потери мебельного производства в Сен-Антуанском предместье достигли по меньшей мере 6.000 чел. Сами хозяева в ожидании осенних заказов умоляли, чтобы им вернули их рабочих. В строительном деле всех мастеров-маляров пришлось заменить учениками; не досчитывались 3.000 кровельщиков, свинцовых и цинковых дел мастеров. Рабочие-бронзовщики потеряли 1.500 чел. Не меньшие потери были отмечены среди механиков и металлистов... Такого же рода данные, говорится в отчете, констатированы были и по отношению ко всем отраслям промышленности, производящим так называемые «articles de Paris» («парижские изделия»), изготовлением которых обычно было занято более 20 тыс. Наконец, фабриканты швейных машин заявили, что их производству грозит полное разорение, так как работницы, покупавшие раньше их машины, совершенно исчезли ²⁾.

Из 1.051 женщины, судившейся 4-м военным трибуналом, оказалось: 85 интеллигенток (журналистки, учительницы и т. п.), 78 представительниц мелкой и средней буржуазии (содержательницы мебелированных комнат — 10, кафе — 5, владельцы торгово-промышленных заведений, мелочные торговки, консьержки и т. п.), 246 не имевших профессий; всего, таким образом, к непролетарским элементам следует отнести 409 женщин, или несколько более $\frac{1}{3}$; остальные $\frac{2}{3}$ приходятся на домашних хозяек — 56 (большинство которых едва ли принадлежало к буржуазной среде), и женщин-работниц всевозможных профессий: модисток — 45, портних разных специальностей — 75, белошвейск — 26, цветочниц — 22, башмачниц — 31, шерстоткачих — 49, прачек — 57, домашней прислуги — 65, басонниц — 13, приказчиц — 3 и т. д. ³⁾

Таковы были итоги тьеровского правосудия; если к 30 тысячам убитых и казненных прибавить отбывавших заключение и эмигрантов, то можно считать, что Париж, преимущественно рабочий Париж, потерял 70 тыс. человек; приблизительно столько же женщин, детей и стариков осталось без своих кормильцев ⁴⁾.

¹⁾ Rapport d'ensemble de M. le general Appert sur les opérations de la justice militaire relatives à l'insurrection de 1871, p. 261.

²⁾ Дюбрейль, 263—264.

³⁾ Enq. Parl., III, 309, sq.

⁴⁾ Дюбрейль, 268.

В качестве победительницы буржуазия беспощадно отомстила своим «рабам», которые осмелились стать свободными. Бойня 1871 года далеко превзошла июльские дни 1848 г. Ген. Кавеньяк был героем налуганного красным призраком буржуа, у которого впервые заколебалась почва под ногами. Теперь этот призрак, хотя и не надолго, превратился в нечто реальное: г. Тьер сделался спасителем буржуазного общества, пережившего два месяца пролетарской диктатуры. С подавлением Коммуны французский рабочий класс был обескровлен, дезорганизован и деморализован. Социалистическому движению во Франции был нанесен страшный удар, и должно было пройти около 10 лет прежде, чем оно снова оправилось.

Глава XII.

З а к л ю ч е н и е.

Военное поражение Коммуны объясняют иногда тем, что национальная гвардия была организована на основе милиционной системы, а потому, якобы, должна была неминуемо быть разбита регулярной армией. Но делать подобный вывод было бы большой ошибкой. Не следует, во-первых, забывать, что коммунарам пришлось сопротивляться более, чем вчетверо сильнейшему врагу. Во-вторых, отсутствие единства в управлении и командовании национальной гвардией, двоевластие Коммуны и Ц. К., трения и конфликты между Ц. К-том и военным делегатом, что роковым образом сказалось на боеспособности парижской армии.—все это не стоит ни в какой связи с милиционной системой и при известных условиях могло быть устранено. Еще меньше можно отнести на счет последней плохую подготовку гвардейцев, недостаток в опытном и преданном делу Коммуны командном составе, или отсутствие военной дисциплины.

В самом деле, известно, что правильная постановка милиционной системы предполагает тщательно организованную допризывную военную подготовку юношества, поголовное военное обучение граждан призывного возраста в течение известного, хотя бы и очень короткого срока, дополняемое затем периодическими поверочными сборами; наконец, милиционная система отнюдь не исключает систематической подготовки высоко-квалифицированных кадров военных специалистов.

Но о такой милиционной системе Парижская Коммуна не могла и мечтать, прежде всего, в силу общих условий политического развития Франции в конце 60-х годов. В эпоху

тесь, как один человек, и перед вашим грозным сопротивлением неприятель, хвастливо собирающийся согнуть вас в бараний рог, сам будет сломлен под действием стыда (!) за те преступления, которыми он запятнал себя за эти два месяца... Коммуна рассчитывает на вас, держитесь и вы за Коммуну! 1)»

Сколько великолепного презрения к дисциплине и всякому всенному искусству; какая упрямая вера в магическую силу баррикад и революционного воодушевления в этом взывании старого якобинца!

«Этим совершенна была,—пишет Дюбрейль,—последняя и непоправимая ошибка. Делеклюз одним росчерком пера уничтожил все то, что еще сохранилось у солдат революции в смысле дисциплины и сознания необходимости взаимной связи».

Прокламация военного делегата сделала окончательно невозможным сколько-нибудь организованное и планомерное сопротивление ворвавшимся в город солдатам.

Эффект, произведенный выступлением Делеклюза, усилился благодаря постановлению Коммуны, разославшей своих членов по их округам для руководства защитой отдельных кварталов. Тем самым она сама переставала существовать, как единое организующее целое. В последнем еще не было бы особой беды—в момент уличного боя не до парламентаризма,—если бы продолжал правильно функционировать Комитет Общественного Спасения; но вместо того, чтобы попытаться руководить борьбой в целом, его члены сражались в разных концах города.

Войдя в Париж с западной стороны, версальцы заняли прежде всего расположенные в этой части города буржуазные кварталы. Существует мнение, разделяемое, например, Дюбрейлем, что, если бы в первый же день все пять уже вошедших в город дивизий развернули дальнейшее наступление, версальцам удалось бы немедленно захватить почти весь Париж, загнав федералистов в восточные кварталы Мочмартра и Бельвиля.

Входило ли действительно в план Тьера дать коммунарам время собраться с силами, чтобы затем с тем большей жестокостью раздавить инсургентов, как это полагает тот же Дюбрейль, или, что более правдоподобно, версальское командование ожидало встретить при дальнейшем продвижении большее сопротивление, а потому считало необходимым выработать (план дальнейших действий и произвести перегруппировку своих сил,—остается фактом,—что по приказу Тьера вечером 22-го операции были приостановлены.

1) J. O., 22/V.

Это дало возможность коммунарам использовать ночь на 23-е для сооружения баррикад. Рабочие восточных предместий устремились в центральные кварталы и принялись укреплять Ратушу и прилегающие улицы. Баррикады возводились с лихорадочной поспешностью: наряду с мужчинами работали женщины и дети. У Севастопольского бульвара множество рыночных торговки насыпали землю в мешки и корзины.

Но и здесь сказывалось отсутствие какого-либо плана. Вместо того, чтобы выстроить 200 стратегически объединенных баррикад, для защиты которых было бы достаточно семи-восьми тысяч гвардейцев, пролетарии возвели 586 баррикад, для обслуживания которых не хватило сил.

В то же время на стенах были расклеены воззвания к версальским солдатам К. О. С. и Ц. К. «Солдаты версальской армии!—говорилось в первом.—Парижский народ никогда не поверит, чтобы вы могли обратить против него ваше оружие, когда вы встретитесь с ним грудь с грудью; перед актом, который был бы поистине братоубийством, должны опуститься ваши руки. Вы—такие же пролетарии, как и мы: у нас одни и те же интересы—не давать больше заговорщикам-монархистам пить вашу кровь, подобно тому как они уже высасывают из нас все соки. То, что мы сделали 18 марта, вы сделаете теперь, и тогда народу не придется сражаться с чувством скорби против тех, кого они считают своими братьями... Переходите же на нашу сторону, братья!.. Мы встретим вас с распростертыми объятиями!».

«Мы—отцы семейств,—писал Ц. К.—Мы сражаемся за то, чтобы наши дети не согнуло, как нас, ярмо военного деспотизма. Вы также когда-нибудь будете отцами. Если вы сегодня будете стрелять в народ, ваши сыновья проклянут вас, как мы проклинаем солдат, которые растерзали детей народа в июне 1848 и в ноябре 1851 года. Два месяца тому назад ваши братья из парижской армии побратались с народом; возьмите с них пример. Когда отданный приказ позорен, неповиновение является долгом»¹⁾.

23-го, с раннего утра завязались ожесточенные бои. Еще накануне батальонам XVII округа удалось отбить первые атаки версальцев, которыми подготавливалось движение на Монмартр. Теперь гвардейцы рассчитывали на поддержку монмартрских батарей, но артиллерия молчала, что до чрезвычайности облегчило версальцам занятие этой важной позиции, с которой можно было обстреливать высоты Шомона и Пэр-Лашэз. Цитадель революции, столь памятная по событиям 18 марта, сдалась почти без боя!

¹⁾ М. Р., II. 561, 567.

С падением Мопмартра завязалась перестрелка в его окрестностях, где федераты оказывали упорное сопротивление. В занятых версальцами кварталах начались первые массовые расстрелы илленных. Сначала убивали только гвардейцев и тех, на кого указывали доносчики, потом всех без разбору, всех попадавшихся под руку. Вместе с рабочими расстреливались «волчицы» и «волчата», как назывались на версальском жаргоне жены и дети пролетариев. Солдаты грабили лавки, владельцы которых почему-либо считались сочувствующими Коммуне. Следуя указаниям полицейских агентов, войска производили массовые обыски и облавы, выслеживая ускользнувших гвардейцев.

К вечеру, после кровопролитных боев в центре города, особенно в VI округе, где федералистами руководил Варлен,—версальцам удалось захватить уже половину Парижа. Коммунарам пришлось начать эвакуацию Ратуши. В ту же ночь в Париже начались грандиозные пожары.

Палачи Коммуны и историки-реакционеры обвиняли потом национальную гвардию в систематических поджогах домов. При отступлении коммунары, действительно, подожгли Тюльерийский дворец, Счетную Палату, дворец Почетного Легиона, а на другой день и Ратушу, но много зданий сгорело и от ядер версальской артиллерии. В своей «Гражданской войне во Франции» К. Марке дал блестящую отповедь этим лицемерам, приходившим в негодование от «варварства» защитников Коммуны.

«Рабочий Париж,— писал он,— в своем геройском самопожертвовании предал огню здания и памятники. Когда работодатели пролетариата рвут на куски его живое тело, то пусть они не надеются ликующе вернуться в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «Поджог!» Когда правительства дают своим военным флотам официальные разрешения «убивать, жечь и разрушать», есть ли это разрешение поджогов... когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, уверяя, что желает разрушить только те дома, в которых есть люди, был ли это поджог? На войне огонь— вполне законное оружие. Здания, которые занял неприятель, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставить эти здания, они сами их поджигают, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, мешающих какой бы то ни было регулярной армии,— быть сожженными. Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной правомерной войне, какую только знает история, такой поступок считают, видите ли, преступлением! Коммуна пользовалась огнем, как средством обороны, в самом строгом смысле слова; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальских войск в те длинные, прямые улицы, которые Осман пред-

усмотрительно приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление так же, как версальцы, наступая, посылали вперед себя гранаты, которые разрушали домов не меньше, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается спорным вопрос, какие здания сожжены были наступающими, какие — оборонявшимися¹⁾.

В ответ на зверства версальцев, вечером 23-го были расстреляны по приказу Р. Риго четверо заложников. В этот момент, когда судьба Коммуны зависела исключительно от исхода ожесточенных уличных боев, Ц. К. национальной гвардии выпустил прокламацию, в которой рекомендовал соглашение с версальским правительством. В качестве единственного средства положить конец кровопролитию и в то же время сохранить за Парижем завоеванные им права, Ц. К. предлагал одновременный роспуск Национального Собрания и Коммуны, под условием удаления регулярных войск на 25 км. от Парижа, взаимной амнистии и созыва особого временного Собрания из депутатов от больших городов, которое выделило бы временное правительство и организовало бы выборы в Учредительное Собрание и в Парижский Городской Совет²⁾.

Этой позорной прокламацией Ц. К. солидаризировался с либеральной «Лигой Прав», которая предлагала свои посреднические услуги приблизительно на тех же условиях. Выходка Ц. К. была тем более недопустимой, что она подрывала авторитет Коммуны, деморализовала ее самоотверженных защитников и в то же время усиливала позицию врага, демонстрируя перед версальцами полный организационный распад пролетарского Парижа. К тому же было в высшей степени наивно предлагать какой-то компромисс противнику, который был уже недалек от полной победы, мечтать о соглашении с Тьером, горевшим желанием вырезать пролетарский Париж.

24-го июня гвардейцам пришлось очистить Ратушу, которая была окружена версальцами уже с трех сторон. Коммуна перешла в здание мэрии XI округа, но баррикады соседних кварталов оказали настолько упорное сопротивление, что войска Тьера могли овладеть выгоревшей, полуразрушенной Ратушей лишь утром следующего дня. В то же время на правом берегу Сены они заняли Пантеон, Вандомскую площадь, Тюильери, площадь Согласия, Лувр, Биржу, Банк, Пале-Рояль и Рынок; на левом — федералисты держались лишь в XIII округе.

Итак, к вечеру 24-го коммунары были вытеснены из всех буржуазных частей города. В следующие четыре дня борьба

¹⁾ „Гражд. война“, 68.

²⁾ М. Р., II, 571.

перешла в Бельвилль и Менильмонтан — в рабочие кварталы, X, XI, XIX и XX округов, в одном из которых (XI) собрались теперь остатки Коммуны.

25-го национальной гвардии пришлось очистить большую часть X округа и весь левый берег Сены. К вечеру версальцы подошли к площади Бастилии и Шато-До, в их руках было уже более $\frac{4}{5}$ всего Парижа. Ночью Коммуна перешла в мэрию XX округа.

26-го эти важные позиции пали после геройского сопротивления. Теперь версальцы берут Сен-Антуанское предместье. На севере они занимают Шапель. 27-го федералисты еще держались на высотах Бельвилля и Шомона. В этот день после кровопролитнейших боев версальцы взяли почти все предместье Тампль, кладбище Пэр-Лашэз и Шомонские высоты. В воскресенье 28-го пала последняя баррикада на улице Рампонно.

130-тысячной версальской армии, поддерживаемой артиллерийским огнем с окружающих Париж высот, понадобилась целая неделя, чтобы разбить революцию в уличных боях. Особенно упорное сопротивление коммунары оказали в последние дни, когда борьба перешла в твердые революции — в рабочие кварталы X, XI, XIX и XX округов, когда вокруг уцелевшего ядра Коммуны сплотились все, кто хотел защищать до конца пролетарскую революцию. Это была истинно классовая битва! Отстаивая последнее прибежище Коммуны, свои жилища, свои фабрики и заводы, эти несколько тысяч храбрецов дрались с необычайным упорством: вынужденные отступать с одной баррикады, они переходили на следующую, чтобы с той же энергией встретить врага.

Кучка повстанцев, героически защищавшая баррикады на улицах Суфлю и Гэ-Люсак, была перебита целиком наступающими солдатами. Женский батальон под командой Луизы Мишель проявил чудеса храбрости, защищая одну баррикаду за другой в течение всей недели. После взятия версальцами площади Бастилии баррикады оказались заваленными горами трупов из защитников. При взятии кладбища Пэр-Лашэз горсть храбрецов предпочла смерть сдаче: жестокая борьба велась среди памятников, даже в могилах. Последнюю баррикаду на улице Рампонно защищал в течение 15 минут один федерат.

Там, где федератами руководили опытные офицеры, версальцы лишь медленно и с большими потерями продвигались вперед. В XIII округе, на площади Жанны д'Арк и у Аустерлицкого моста, 24 мая несколько тысяч коммунаров под начальством Врублевского в течение 36 часов успешно отбивали атаки целого армейского корпуса и даже сами

переходили в наступление; гвардейцы отступили лишь утром следующего дня, после пятой атаки, при чем увезли с собой даже часть орудий.

С 28-го мая Париж переходит во власть версальской армии, которая превращается как бы в огромный карательный отряд. Мы не будем останавливаться на подробностях массовой бойни, учиненной кровожадными победителями под аплодисменты парижской буржуазии и продолжавшейся до начала июня. Ужасы «трехцветного террора» достаточно выяснены в работах Пеллетана, Лиссагарэ, Дюбрейля и др., а палачи Коммуны пригвождены к позорному столбу истории еще в классической работе Маркса.

Классовый характер беспощадной борьбы, разыгравшейся на улицах Парижа в течение «майской недели», может быть, особенно ярко выступает в той роли, которую сыграли при подавлении Коммуны немецкие войска. Подобно тому, как во время столетней войны английские рыцари помогли французскому дворянству потопить в крови восстание французских «жаков»¹⁾, пруссаки приняли все меры, чтобы преследуемая Тьером «дичь» не ускользнула от охотника. С понедельника (22) между версальским правительством и германским командованием было заключено соглашение, в силу которого армия «порядка» могла пользоваться нейтральной зоной. Уже 23 мая пруссаки пропустили через нейтральную зону бригаду Монтодона, которая получила, таким образом, возможность вести наступление на Монмартр с севера, что ускорило падение этой важнейшей стратегической позиции. С другой стороны, когда стиснутые в восточном углу Парижа федералисты пытались уйти из города через прусские линии, они расстреливались густыми цепями немецких часовых²⁾.

Побежденный и победитель, французский буржуа и немецкий юнкер, забыв недавнюю вражду, трогательно объединились на почве борьбы с очагом пролетарской революции, и кровь десятков тысяч убитых в боях и расстрелянных коммунаров падает одинаково как на Тьера, так и на Бисмарка.

За все время осады версальская армия потеряла 834 человека убитыми (83 офицера и 749 солдат), 6454—ранеными (430 офицеров и 6024 солдат) и 183 пропавшими без вести; всего, следовательно, 7471³⁾.

¹⁾ „Жак-боном“—прозвище французских крестьян. Столетняя война—война между Англией и Францией, тянувшаяся с небольшими перерывами с 1337 по 1453 г.

²⁾ Лишь отдельным коммунарам удалось пробраться через нейтральную зону и бежать за границу благодаря „попустительству“ со стороны немецких солдат.

³⁾ Согласно данным ген. Мак-Магона, потери версальцев определяются в 7.600 чел. (убитыми и ранеными).

По сравнению с потерями, понесенными инсургентами, эти цифры ничтожны. Установить сколько-нибудь точно число погибших коммунаров довольно трудно: здесь мы имеем дело с самыми разноречивыми показаниями. Реакционер Максим-дю-Кан определяет потери национальной гвардии в 6667 убитых, считая в том числе и расстрелянных уже после подавления восстания, — цифра, конечно, невероятно приуменьшенная. Сам Мак-Магон говорит в своих показаниях о 15 тыс. расстрелянных, а руководитель военной юстиции ген. Аппер определяет число убитых федералистов в 17 тысяч человек¹⁾.

Но и эти цифры гораздо ниже действительных. По мнению Лиссагаре, число жертв майской и предыдущих недель должно считаться минимум в 20 тыс. чел. (мужчин, женщин и детей).

К тому же выводу приходит и новейший историк Коммуны Буржен²⁾. Наиболее правдоподобной надо считать цифру в 30 тыс. человек, которую дает в своей специальной работе о «майской неделе» Камилл Пеллетан.

«Земля усеяна их трупами, это ужасное зрелище да послужит уроком», — телеграфировал дикоующий Тьер своим префектам. — Но вот сама буржуазия утомилась кровожадными оргиями версальских солдат и реакционеров-добровольцев или, скорее, испугалась возможных последствий беспорядочных массовых расстрелов пленных, едва засыпанные землей тела которых распространяли зловоние и заразу по всему городу. «Не следует допускать», — писала одна из буржуазных газет, — чтобы эти мерзавцы, причинявшие нам столько бед при жизни, могли еще повредить и после своей смерти». «Общественное мнение» требовало «передышки». Начались массовые аресты и отправка случайно уцелевших от бойни пленных в Версаль, потом в форты Ламанша и на берега Атлантического океана.

Во время облав войскам помогали образовавшиеся по кварталам буржуазные «комитеты чистки», которые усердно разыскивали всех действительных и мнимых сторонников Коммуны. С 24 мая по 13 июня, по данным газеты «Фигаро», число доносов достигло колоссальной цифры — 399.823!

Правительственные данные говорят о 38.568 арестованных (в том числе 1058 женщин и 651 детей). Но сюда не вошло 5—6 тысяч арестованных, которым удалось доказать свою непричастность к движению и вскоре освободиться. Дюбрейль считает, что общее число арестованных доходило до 45 тысяч, при чем 20 тысяч из них падает на неделю с 21 по 29 мая и 25 тыс. — на следующие два месяца³⁾.

¹⁾ Enq. Parl., II, 28.

²⁾ Bourgin, „Hist. de la Commune“, 183.

³⁾ Bourgin, op. c., 183. Дюбрейль, 256—257.

Теперь принялись за работу военные суды. «Правосудие совершится обычным порядком. Мы прибегнем только к закону, но он будет применен во всей своей строгости. При помощи закона необходимо уничтожить мерзавцев... Исполнение будет полное, оно произойдет именем закона, при помощи закона и на основании закона»,—говорил Тьер в Национальном Собрании.

Можно заранее представить себе характер этого классового правосудия, мстившего пролетариату, осмелившемуся посягнуть на политическое господство буржуазии. И, тем не менее, даже в руках этой скорострельной юстиции не оказалось достаточных данных, чтобы вынести обвинительные приговоры всем 40 тысячам томившихся в тюрьмах и крепостных казематах коммунаров.

За вычетом 1.179 чел., умерших за время предварительного заключения, и 1090, взятых на поруки реакционерам, суду было предано 36.300 человек, но лишь 13.450 получили обвинительный приговор (из них 9.285—за вооруженное восстание и незаконное занятие общественных должностей).

БЫЛО ПРИСУЖДЕНО.	В том числе:		
	женщин	подростк.	
К смертной казни	270	8	—
„ срочным и пожизнен. каторжн. работам	410	29	—
„ высылке с заключен. в крепости	3989	20	—
„ простой ссылке	3507	16	1
„ тюремному заключению	1269	8	—
„ простому заключению	64	10	—
„ общественным работам	29	—	—
„ аресту на срок более года	1344	15	4
„ „ от 3-х месяц. до 1 г.	1622	50	1
„ аресту менее чем на 3 мес.	432	—	—
„ изгнанию	332	—	—
„ отдаче под полиц. надзор	117	1 ¹⁾	—

Интересны приводимые ген. Аппером данные о социальном положении осужденных, еще раз вскрывающие пролетарский характер Коммуны. Так, литераторов оказалось 2.901, учителей—106, слесарей—2.664, каменщиков—2.293, столяров—1.659, приказчиков—1.598, сапожников—1.491, служащих—1.065, маляров—863, типографских рабочих—819, каменотесов—766, портных—681, столяров-полировщиков—636, ювелиров—528, плотников—382, кожевников — 347, скульпторов-прикладников—283, жестяников—227, литейщиков—224, шапочников—210, портных—206, басонщиков—193, часовых дел мастеров — 179, позолотчиков — 172, печатников

¹⁾ В этот счет не вошли приговоры вынесенные в провинции.

немедленно заняв снова места среди своих сограждан и братьев, вы сделаете ненужным общий штурм города».

Падение Исси повело к выходу в отставку Росселя, его аресту и замене Делеклюзом, что не могло, разумеется, означать успехов версальцев. 13-го мая федералистам пришлось очистить деревню Исси и форт Ванв, который на другой день был занят неприятелем и перевооружен, чтобы громить уже самый Париж, 13-го же мая версальцы пустили ко дну канонерку «Estok» и заставили отступить всю флотилию за мост Согласия.

Коммунары были оттеснены и на западном фронте, где Домбровский вынужден был оставить часть Левалуа и Клиши. Плохо установленная артиллерия Монмартра была не столько по врагам, сколько по сидевшим в траншеях гвардейцам. Развивая свое наступление, версальцы перешли Сену по понтонному мосту и укрепились в Булонском лесу. Теперь защитой парижан могли служить лишь городские стены.

Из мер, принятых при Делеклюзе, следует отметить назначение гражданских комиссаров, которые должны были состоять при генералах Домбровском, Ля-Сесилиа и Врублевском; полное обновление состава Военной Комиссии, куда были включены теперь только представители большинства; отставку Гайяра и расформирование организованных им саперных батальонов, при чем дальнейшее ведение работ по сооружению баррикад было возложено на начальника военно-инженерной части; выпуск прокламации к рабочим—землекопам, каменщикам, плотникам и т. п., достигшим 40-летнего возраста, с призывом записываться на работы по обороне Парижа.

Комитет Общественного Спасения издал приказ о предварительном задержании всех прибывающих в Париж пассажирских и товарных поездов у крепостной стены для осмотра их особыми полицейскими комиссарами.

Исходя из результатов бомбардировки, ген. Мак-Магон предполагал назначить решительный штурм города на 23 мая, но уже 21-го, около 3-х часов дня отряд версальцев ворвался в город через совершенно разрушенные и никем не охраняемые ворота Сен-Клу¹⁾.

¹⁾ На эти ворота указал солдатам один из шпионов Тьера—гр. Дюкатель, получивший потом орден почетного легиона и 120 тыс. фр., собранных по подписке благодарной буржуазией. (Эрнест, 42). Bourgin, 144—8. Дюбрейль, стр. 194, 195, 196. 203—204, 208, 215. J. O., 1/V, 16, 17/V. M. P., II, 444—445.

Итак, первая брешь в городской стене была пробита: версальцы находились в Париже. С помощью вызванных по телеграфу подкреплений они сейчас же захватили ворота Отейль и открыли южные ворота дивизии Сиссэ. Из Версаля спешно вызываются главные силы. К вечеру в город вошло уже 4 корпуса; пользуясь ночной темнотой, армия Гьера вливалась в Париж уже через пять ворот, захватывая все новые позиции и закрепляя их за собою.

Если бы, согласно имевшимся у военного ведомства проектам, коммунары успели возвести вторую линию укреплений в треугольнике, образуемом Трокадеро, площадью Эйлау, Триумфальной Аркой и Ваграмской площадью, дальнейшее наступление версальцев скоро было бы приостановлено. Но проекты, к сожалению, остались на бумаге. Захватившие врасплох, гвардейцы первое время не оказывали почти никакого сопротивления, что дало версальцам возможность занять Пасси, Отейль, улицу Бетховена и Трокадеро вместе с находившимися там орудиями. На левом берегу войска ген. Сиссэ захватили весь XV округ.

Известие о вступлении версальцев в город было получено в военном министерстве лишь в 5 с половиной часов дня. В телеграмме Домбровского, прочитанной в заседании Коммуны, требовались подкрепления, но никто еще не сознавал всей серьезности положения; воображали, что неприятель будет легко отброшен за городскую черту. Вечером было расклеено официальное сообщение, опровергавшее слухи о вторжении версальцев.

На другой день пришлось считаться уже с несомненным фактом: до 50 тысяч неприятельских войск не только проникли за стены Парижа, но успели захватить около $\frac{1}{5}$ города.

В этот момент, когда необходимо было сосредоточить все силы в занятых версальцами округах, среди национальных гвардейцев произошла паника. Великая дисциплина исчезает, федералисты уходят с позиций, думая лишь о защите своих кварталов, где спешно начинают возводить баррикады.

Разложение в рядах осажденных растет еще более под впечатлением прокламации, выпущенной в этот день военным делегатом. «Довольно милитаризма! — писал Делеклюз. — Довольно с нас обшитых галунами... генеральных штабов! Дайте место народу; дорогу борцам с голыми руками! Час революционной борьбы пробил. Народ ничего не понимает в ученых маневрированиях. Но, имея в руках ружье, а под ногами каменную мостовую, он не боится всех стратегов монархической школы, вместе взятых. К оружию, граждане, к оружию!.. Если вы хотите, чтобы кровь, которую в порыве самопожертвования вы проливали... в течение шести недель, не пропала понапрасну... вы подними-

Второй Империи не существовало даже всеобщей воинской повинности, а потому лишь весьма незначительная часть взрослого мужского населения получала военную подготовку. Отсюда недостаток выучки среди национальных гвардейцев, и почти полное отсутствие военных специалистов в армии Коммуны, в распоряжении которой к тому же не было достаточного времени для поднятия боеспособности национальной гвардии. Наконец, слабость дисциплины в значительной степени обуславливалась тем разложением военного аппарата буржуазной республики, которое началось в результате войны и усилилось в связи с революцией 18 марта. Вообще, крупные недостатки военной организации Коммуны были неизбежны: они объясняются тем, что очутившийся у власти парижский пролетариат и его вожди весьма смутно сознавали существование пролетарской диктатуры и еще не изжили многих мелко-буржуазных, анархических предрассудков, мешавших целесообразно использовать революционную энергию восставших рабочих.

Исход гражданской войны решается в известные моменты результатом столкновения военных сил противников. Но это еще не значит, что в слабости военной организации Коммуны следует искать *основную* причину поражения парижского пролетариата. Несовершенство военного аппарата Коммуны, как и общегражданского административного ее механизма, стояло в теснейшей связи с незрелостью тогдашнего французского пролетариата. Еще недостаточно вышколенные развитием крупной промышленности, рабочие не смогли выделить многочисленных кадров гражданских и военных организаторов, которые требовались Коммуне для замены старой государственной машины новыми органами управления.

С другой стороны, победа пролетарской революции может быть прочной только в том случае, если рабочее правительство опирается на крепко сплоченную коммунистическую партию, имеющую стройную научно-обоснованную программу и последовательную тактику и руководящую всем движением; если рабочим удастся создать массовые организации, в частности — мощные, и притом стоящие на революционно-классовой позиции профессиональные союзы, способные выделить необходимое число людей для управления и организации хозяйства на новых, социалистических началах.

Но в марте—мае 1871 г. в Париже как раз не было (налицо этих условий). Профессиональное движение развивалось слабо. Симпатии революционно настроенных рабочих кругов склонялись частью к бланкизму, которому не хватало понимания всей важности немедленных экономических преобразований, частью к прудонизму, органически неспособному осознать неизбежность диктатуры пролетариата, как орудия переустройства всех основ старого буржуазного общества. Слабая, построен-

ная на принципе федерации секций, не имевшая общей программы и заранее выработанной тактики организация Интернационала в сущности не была партией вообще и менее всего — партией восставшего пролетариата. Еще с меньшим правом могли претендовать на это название разрозненные кружки бланкистов.

Организационной и политической незрелостью парижского пролетариата объясняется и состав Коммуны, где интернационалисты оказались в меньшинстве, и отсутствие у нее определенной социалистической программы, и колебания коммунаров в вопросах тактики, и нерешительность, непоследовательность их социалистического строительства. Но все это неизбежно должно было сказаться на прочности рабочего правительства.

Еще более незрелым оказался пролетариат провинции. Несмотря на изолированность столицы от остальной Франции, последняя не осталась молчаливым свидетелем гражданской войны между Парижем и Версалем: мартовская революция нашла здесь свой отклик. Но в провинциальном движении необходимо различать два течения: оппозиционно-соглашательское и революционное или «коммуналистическое». Первое, опиравшееся на среднюю и отчасти мелкую буржуазию больших городов и претендовавшее на роль посредника между парижскими повстанцами и «законным» правительством, было рассмотрено нами выше ¹⁾; остановимся теперь на втором, в котором преобладали пролетарские элементы крупных центров, пытавшиеся активно поддержать парижских рабочих посредством распространения коммунальной революции на провинциальную Францию ²⁾.

Как и в Париже, провозглашению Коммуны по отдельным городам местами предшествовали неудачные революционные вспышки, относящиеся ко времени осады столицы пруссаками.

В Лионе еще в конце сентября 70 г., местные коммунисты захватывают на один день Ратушу. 4 ноября здесь снова делается неудачная попытка провозгласить Коммуну.

Марсель с 4-го сентября пережил в сокращенном виде те же этапы в развитии революции, что и Париж.

31-го октября здесь имели место волнения, вызванные возмущением против действий изменнического правительства национальной обороны, при чем рабочим удается занять Ратушу. Движение было подавлено лишь 4-го ноября.

С того же времени упорная агитация за провозглашение Коммуны велась и в Сен-Этьене.

¹⁾ См. ч. III, гл. 8.

²⁾ См. Lepelletier, III, стр. 69—167. Лиссагарэ, оп. с., гл. IX, X, XIII. Дюбрейль, гл. X.

Вслед за революцией 18 марта в Париже Коммуна была провозглашена в Лионе марта (22-го), Сен-Этьене (24-го), Марсели (23-го), Тулузе (24-го), Нарбонне (24-го).

Но провинциальные Коммуны оказались еще менее долговечными, чем Парижская: так, в Лионе Коммуна существовала 3 дня, в Сен-Этьене—четыре, в Тулузе—три, в Лиможе и Крезе—всего по одному дню; несколько дольше повстанцы продержались в Марсели, где Коммуна существовала около двух недель (с 23/III до 4/IV), и Нарбонне (неделю).

Изучая провинциальное движение и отвлекаясь от некоторых чисто местных особенностей и случайных эпизодов, легко убедиться, что в общем эти местные революции во многом напоминают в миниатюре парижскую и в то же время до чрезвычайности похожи друг на друга.

При получении известия о мартовской революции в Париже, в названных городах начинаются массовые митинги, которые в Марсели переходят в уличные демонстрации. Почин принадлежит всюду либо офицерам национальной гвардии, либо народным и республиканским клубам, делегации от которых являются в Ратушу, требуя расширения компетенции местного самоуправления, передачи распоряжения вооруженной силой в руки мэра; в других местах такие делегации требуют провозглашения Коммуны. Нигде не видно, чтобы застрельщиками движения выступали чисто рабочие политические или профессиональные организации.

Так как ни представители центральной власти (префекты), ни местные мэры и муниципальные советы не обнаруживают склонности пойти навстречу подобным требованиям, революционеры переходят к более решительным действиям. Движение растет; дело решается активным выступлением батальонов национальной гвардии из народных кварталов и рабочих крупных заводов (в Сен-Этьене). Вооруженная толпа захватывает ратушу или префектуру, изгоняет или арестовывает законных властей—мэров, префектов, начальников местного гарнизона, распускает старый муниципалитет и провозглашает Коммуну.

В Марсели толпа захватила оружие, которое нашли на железодельательных заводах; в Нарбонне в руки восставших попал арсенал.

Почти всюду революция одерживала свою первую победу без серьезного столкновения с регулярными войсками, которые нигде не оказывают сколько-нибудь значительного сопротивления. В Крезе пехота отказывается стрелять по толпе: в Сен-Этьене одно соприкосновение с населением настолько деморализует солдат, что начальство вынуждено отслать их в казармы; в Нарбонне правительственные войска бросают оружие, переходят на сторону народа и выдают своих офицеров; часть солдат присоединяется к революционерам.

Лишь в Крезе национальной гвардии пришлось выдерживать натиск со стороны регулярной конницы.

Легкость, с какой повстанцам удавалось овладеть ратушей, в значительной степени объясняется и поведением буржуазных батальонов национальной гвардии, которые всюду оставались пассивными, несмотря на все усилия властей заставить их драться с рабочими: в решительный момент эти «сторонники порядка» предпочитают остаться дома, тогда как гвардейцы народных батальонов спешат на площадь. В особенности комическом положении оказался начальник марсельского гарнизона ген. Вильбуане, задумавший организовать вооруженную демонстрацию национальной гвардии в пользу версальского правительства: на его призыв явились лишь батальоны рабочих кварталов, превратившие смотр в шумный митинг, который послужил толчком к захвату народом здания префектуры.

Прогвозглашение Коммуны сопровождалось организацией новой власти, которая должна была в ближайшее время назначить выборы в муниципальный совет. В Лионе после захвата Ратуши национальная гвардия избрала так называемую «Коммунальную Комиссию» из 11 членов. В Марсели правительственная комиссия была назначена на большом народном собрании, происходившем после захвата префектуры национальной гвардией.

Всюду революция одерживала победу, благодаря дружному выступлению рабочих, выдвинувших лозунг «Коммуны», но нигде пролетариат не создал *своего* правительства; последнее в лучшем случае носило коалиционный характер, при чем большинство составляли республиканцы-радикалы. В Марсели в состав Комиссии вошло 3 члена от старого Городского Совета, три от Республиканского Клуба Национальной гвардии, 9—от Южно-Республиканского клуба и 3—от народных собраний. Из 15 членов Комиссии рабочих было лишь двое ¹⁾.

Такой состав революционного правительства свидетельствовал об организационной слабости пролетариата и живучести иллюзий о возможности классового мира с буржуазией.

Буржуазная природа новой власти определила характер всех ее выступлений. В прокламациях, исходивших от временных правительств, нигде не встретишь требований социального порядка. Так, в манифесте, выпущенном марсельской Департаментской Комиссией, говорилось лишь о желании Марсели избегнуть гражданской войны и выдвигался лозунг «оберегать республику впредь до образования правительного избранного правительства в Париже». Граждане призывались «вернуться к мирному труду» и «сохранять спо-

¹⁾ Носильщик Этьен и сапожник Мальвиэль.

койствие», предоставив новым властям заботу «день и ночь охранять республику»¹⁾). Манифест заканчивался лозунгами: Да здравствует Париж! Да здравствует Республика!

«Коммуна,—говорится в воззвании сен-этьенской Временной Комиссии,—это... завоевание свободы и независимости, отнятых у нас империей и монархией. Коммуна — верная основа республики».

Прокламация тулузской Коммуны показывает, что ее представители совершенно не понимали обще-политической ситуации и все свои надежды наивно возлагали, с одной стороны, на парижских депутатов Национального Собрания (!), которых просили взять на себя посредничество между Парижем и Версалем, с другой, на г. Тьера (!!), которого просили о роспуске Собрания²⁾). О социализме и здесь ни слова.

Лишь программа лионской Комиссии имеет неопределенно социалистический оттенок; она упоминает, между прочим, о необходимости понижения налогов, но не дает ясных политических лозунгов.

Такими бессодержательными прокламациями трудно было завоевать симпатии широких народных масс, которые смутно ожидали от новой власти каких-то коренных перемен в своем социальном положении: ведь над Ратушей развеялся теперь красный флаг, этот символ пролетарской революции!

Всюду, где была провозглашена Коммуна, ставшие у власти радикалы проявили бездействие, поразительную беспомощность и недальновидность. Они не сумели довести борьбу до конца, до полного разгрома контр-революционных сил даже там, где, как в Марселе, победа повстанцев была настолько решительной, что ген. Вильбуане счел за лучшее вывести правительственные войска из города, где хозяином положения становился вооруженный народ. Марсельская Департаментская Комиссия совершила ту же ошибку, что и парижский Ц. К., допустив свободный уход из города, правда, дезорганизованной, но все же значительной вооруженной силы противника, которая при благоприятных условиях могла быть вновь пущена в ход врагами революции. И здесь велед за солдатами город покинули и чиновники, увозившие с собою общественные кассы. А в результате уже через несколько дней у революционной власти не оказалось денег, чтобы заплатить жалованье, по крайней мере, отрядам гарибальдийцев³⁾ не говоря уже о всей национальной гвардии. Платили только тем, кто нес караулы в префектуре; неудивительно, что на другой же день после провозглашения

1) „Journal des journaux de la Commune“. I, 120—122. -

2) М. Р., II, 108—109.

3) Отряды гарибальдийцев (добровольцев из Италии) задержались в городе после заключения мира с Пруссией; они сочувствовали революции, но не могли существовать в чужом городе, не получая жалованья.

Коммуны марсельские пролетарии, которых особенно важно было удерживать под ружьем, стали на работу.

Финансовый кризис был одной из причин недолговечности новой власти и в других городах, но и он был вызван ошибочной тактикой повстанцев. Вместо захвата банков и общественных касс, лионская Комиссия выпрашивает денег у местных банкиров и, разумеется, получает отказ.

Упоенные легко одержанной победой, повстанцы нигде не приняли элементарнейших мер предосторожности. В Лионе, благодаря их беспечности, вокруг Ратуши вскоре не осталось никакой вооруженной силы, за исключением 2—3 наиболее революционных батальонов.

В Тулузе здание Префектуры было добровольно очищено красными батальонами. В Марсели арестованные префект, мэр, два городских секретаря и ген. Оливье были оставлены в качестве заложников, но Оливье был скоро выпущен, прочие видные реакционеры продолжали оставаться на свободе.

Марсельские радикалы допустили образование контр-революционного гнезда в 17 верстах от города, в Обане, куда отвел свои 6—7 тысяч солдат ген. Вильбуане, свободно сносившийся с богатыми марсельскими купцами и офицерами буржуазных батальонов.

Для защиты города от возможного нападения со стороны войск Вильбуане и флота ничего не было предпринято: не были заняты окружающие город возвышенности, вроде Нотр-Дам де-ля Гард, с которой потом правительственная артиллерия будет обстреливать засевших в Префектуре революционеров.

Комиссия не сумела привлечь к обороне Коммуны гарибальдийцев и отклонила предложение об услугах со стороны некоторых опытных офицеров. Ограничились тем, что в Префектуру свезли винтовки и пушки, не позаботившись, однако, о достаточном количестве патронов и ядер.

В Тулузе Исполнительная Комиссия позволила реакционерам и правительственным войскам укрыться в арсенале, где разбитый враг вскоре сумел оправиться.

Немудрено, что, когда через некоторое время реакция переходит в наступление, революционные власти оказываются застигнутыми врасплох, и не могут организовать должного отпора, несмотря на огромный численный перевес поголовно вооруженной национальной гвардии над противником.

В Тулузе каким-нибудь 600 солдатам при шести орудиях легко удается окружить мэрию, где помещается главный штаб революционеров. Ген. Вильбуане почти беспрепятственно ¹⁾ вступает снова в Марсель, располагая всего 6—7 тысячами регулярного войска.

¹⁾ Некоторое сопротивление было оказано лишь на вокзале.

Почти всюду новая власть держится совершенно пассивно не только в том смысле, что после победы не переходит в наступление против дезорганизованного противника: движение быстро идет на убыль потому, что молодые Коммуны не умеют расширить его за пределы своих стен, связаться с другими городами, что дает версальскому правительству возможность быстро стягивать войска к изолированным очагам революции и легко подавлять движение, не давая ему разрастись. А между тем революция охватила важнейшие центры юга и юго-востока Франции, которые могли бы создать внушительную федерацию Коммун против Версаля.

После падения Коммуны в Лионе (25/II) освобождаются силы, которые посылаются затем для восстановления порядка в Сен-Этьене. Подавление восстания в Лионе, Сен-Этьене и Тулузе позволяют правительству отправить из Монпелье, Тулузы и Перпиньяна внушительные подкрепления войскам, действовавшим в Нарбонне. Тем легче было справиться затем с единственной ¹⁾ уцелевшей до первых чисел апреля коммуной в Марсели.

Уже одно известие о падении Коммуны в соседнем городе обескураживает революционеров: получив сведения о поражении революции в Лионе, повстанцы в Крезе очищают Ратушу по первому требованию вернувшегося с подкреплениями коменданта.

Можно отметить всего две попытки провинциальных Коммун связаться друг с другом: так, лионский Центральный Комитет отправил двух своих делегатов в Сен-Этьен; стоявший во главе нарбоннского восстания, Дижон хотел установить связь с Тулузой и Марселью, но этот план не осуществился благодаря прибытию правительственных войск на помощь местному гарнизону.

Подобно парижской, провинциальные коммуны возникли в результате революционного натиска рабочих масс, правда, действовавших в союзе с мелкой буржуазией. Париж, совершивший первую пролетарскую революцию, был поддержан крупными промышленными центрами. Лион, этот второй город в стране, с населением в 323 тыс., с шумными рабочими кварталами Круа-Русс (Croix-Rousse) и Гиллотьерой (Guillotière), где классовая вражда к буржуазии подогревалась воспоминаниями о восстании 1831 года, внушал постоянные опасения императорским прокурорам. Значительные пролетарские массы имелись налицо и в Сен-Этьене, с его железоделательными заводами, многочисленными оружейными мастерскими и ленточными фабриками.

¹⁾ Е ли не считать Коммуны в Лиможе, которая существовала всего один день и пала одновременно с марсельской 5 апреля.

К тому же Сен-Этьен, окруженный фабричными местечками Рикамари, Фирмини и Сен-Шамон, являлся как бы центром целого промышленного района, «черной страны», где нищета и страдания рабочих всегда поддерживали тлеющее пламя социального мятежа.

Крезе с его знаменитыми металлургическими заводами и чисто рабочим населением выделялся еще во времена Империи своими упорными и многочисленными стачками.

Тулуза с ее кожевенными заводами, развитой металлургической и хлопчато-бумажной промышленностью имела свое революционное гнездо—предместье св. Киприана.

Нарбонна славилась производством сахара, ликёров и водок, а также литейными заводами.

Наконец, в Марсели, считавшейся когда-то третьим портом в мире по своей торговле, имелось немало сахароваренных, свечных и мыловаренных заводов. Население этого города возросло к концу Империи до 300 тыс.

Но рабочее движение во всех этих центрах не достигло даже того уровня, на котором оно стояло в конце Империи в Париже.

Правда, почти во всех городах, где возникли Коммуны, имелись секции Интернационала, но они были слишком слабы организационно, слишком беспомощны в теоретическом отношении и нерешительны в вопросах тактики, чтобы взять движение в свои руки, или, по крайней мере, наложить на него пролетарский отпечаток. Социалисты ничего не дали рабочим, кроме неопределенной агитации за Коммуну, что, впрочем, вполне соответствовало и уровню сознательности самих масс, умевших только кричать: «Долой Версаль, да здравствует Коммуна!»

А когда эта Коммуна стала фактом, вожди не выдвинули никаких социально-экономических требований, которые расшевелили бы отсталые слои пролетариата и сделали бы ее понятной каждому рабочему; не сумели развить и агитации, разъясняющей смысл парижских событий. Не только мелкобуржуазные, но и рабочие круги смущала «неизвестность» имен членов парижского Ц. К-та. Наконец, местные секции Интернационала не дали рабочим ни революционного штаба, без которого самая революционная пролетарская армия никогда не может стать решающей силой, ни тактических директив—указаний, что нужно делать, чтобы закрепить и углубить завоевания первых дней.

Нет ничего удивительного, что всюду энтузиазм масс, вызванный революцией 18 марта, быстро остывает; на другой же день после победы народные батальоны почти перестают существовать как организованная сила, и новая власть оказывается штабом без армии.

В противоположность парижскому пролетариату, провинциальные рабочие не сумели выдвинуть своих людей на ответственные революционные посты: в составе временных правительств мы не видим ни одного члена Интернационала или бланкиста. Весьма красноречив факт, что во главе лионской Коммуны стоял буржуазный республиканец доктор Крестен; в Тулузе наиболее популярной фигурой оказался бывший префект, радикал Дюпорталь; движением в Марсели руководил тоже радикал Гастон Кремье; наиболее последовательного революционера в лице журналиста Эмиля Дижона выдвинуло коммуналистическое движение в Нарбонне, хотя и он не был социалистом.

Провинциальные Коммуны менее всего носили социалистический характер; и тем не менее средняя и мелкая буржуазия отвернулась от революции на другой же день после ее победы, может быть, инстинктивно опасаясь, что уж одно длительное существование нового порядка сделает пролетариат более сознательной, а потому и более притязательной силой.

Идеологами этих буржуазных слоев были радикалы. Подобно парижским соглашателям, эти господа готовы были метать громы и молнии против заседавших в Версале реакционеров, но они не хотели и слышать о присоединении к Парижской Коммуне. Везде радикалы сбивают с толку массы, спекулируя на «неизвестности» членов парижского Ц. К., за которым, де, «могут скрываться агенты Бонапарта» (!).

Но именно радикалы составляли большинство в тех «Комиссиях», которые возникли со времени революционного устранения агентов старой власти; судьба провинциальных коммун в значительной степени зависела от поведения местных Клемансо и Ранков.

И вот радикалы в буквальном смысле предали революцию, дезертировав с тех ответственных постов, на которые выдвинуло их народное движение.

В Лионе Коммуна была провозглашена 22-го марта, а уже 23-го Коммунальная Комиссия выражает готовность передать свои полномочия старому Городецкому Совету, ссылаясь в оправдание своего панического поведения на слухи о возможной осаде города пруссаками, распускавшиеся начальником регулярных войск ген. Круза.

Но так как «отцы города» благоразумно отказались от роли временного революционного правительства, то члены Комиссии начинают постепенно исчезать из Ратуши; двое оставшихся трусливо отказываются от власти, мотивируя свое дезертирство следующим великолепным заявлением:

«Принимая во внимание, что временная лионская Коммуна, провозглашенная национальной гвардией, этой гвар-

дией больше не поддерживается, члены Коммуны считают себя свободными от всяких обязанностей, возложенных на них их доверителями, и слагают с себя вверенную им власть».

С исчезновением Комиссии лионская Коммуна была «безболезненно» ликвидирована.

В Сен-Этьене члены Республиканского Союза и радикалы из газеты «Eclairer» («Разведчик») покинули Ратушу через два дня после занятия ее революционными рабочими.

В Марсели уже на другой день после провозглашения Коммуны часть членов Комиссии не явилась в Префектуру. Подобно представителям парижской буржуазии, эти случайные гости спешили покинуть ненадежный корабль революции и переселиться в Обань под защиту законной сабли ген. Вильбуане. Трое других (в том числе Г. Кремье) ополчились против развевавшегося над префектурой красного знамени и объявили «бесполезным» дальнейшее удержание заложников.

Тот же Кремье тщетно пытался перебросить мост между Департаментской Комиссией и Муниципальным Советом, предлагая передать последнему полномочия революционного правительства. Вместо энергичной борьбы с реакционерами этот столп радикализма предлагал позорное соглашение с ними!

К вечеру заявил о своей отставке товарищ прокурора Буше. Возшедшие в Комиссию муниципальные советники искали случая, чтобы покинуть компрометировавшие их революционные посты.

Все это не могло не дискредитировать новую власть в глазах рабочих и в то же время придало смелости старому Муниципальному Совету, который объявил себя единственной законной властью, отозвал своих делегатов из Коммунальной Комиссии, и обратился с воззванием к национальной гвардии.

27-го делегаты от Совета объявили Комиссию лишеной власти, на что еще уцелевшие в ее составе либеральные и радикальные члены ответили трусливым бегством. Остались одни рабочие, но, без вождей и должного руководства со стороны местной пролетарской организации, они уже не могли спасти положение: бездеятельность, непростительное революционное прекраснодушие продолжали царить в Комиссии и после очищения ее от буржуазных элементов.

Наконец, в Тулузе радикалы собственными руками помogli контр-революции задуть Коммуну. Именно Дюпорталь, принявший звание делегата Коммуны, поддержал предложение прикинувшихся республиканцами реакционеров, которые домогались передачи управления департаментом одному из советников префектуры и временному муниципалитету, а также вывода красных батальонов из Капито-

лия¹⁾. «Компромисс» состоялся; но в то время, как коммунары разоружались, «слуги реакции» не дремали. Отряды добровольцев из сторонников порядка немедленно заняли важнейшие стратегические пункты города, что до чрезвычайности облегчило задачу вступившему на другой день в город префекту Кератри: Ратуша была окружена, на нее навели орудия, и Дюпоршало с его друзьями пришлось сдать ее на милость победителей.

Изменению в настроении средне-и мелко-буржуазных кругов, быстро огшатнувшихся в сторону контр-революции, соответствовало и поведение буржуазных батальонов национальной гвардии. Если в дни провозглашения Коммун эти защитники «порядка» предпочитали сидеть по своим норам, то теперь они проявляют признаки жизни. Мы уже отметили их роль при подавлении движения в Тулузе. В Марсели реакционные батальоны национальных гвардейцев поддерживали атаки регулярных войск на Ратушу.

После всего сказанного уже не приходится удивляться той легкости, с какой версальскому правительству удалось ликвидировать эти провинциальные Коммуны. В Лионе, говорит Лепеллетье, «революция даже не была побеждена: она просто испарилась»²⁾. В Сен-Этьене достаточно было прибытия подкреплений правительственным войскам, чтобы национальная гвардия согласилась немедленно очистить Ратушу. То же произошло в Крезе. В Тулузе сторонники Коммуны сдались, как мы видели, без боя. В Лиможе, заняв Префектуру, национальные гвардейцы расходятся по домам, после чего войскам легко удается раздавить движение.

Лишь в Марсели и Нарбонне Коммуна пала после вооруженной борьбы. Здание марсельской Префектуры подверглось ожесточенному оружейному и артиллерийскому обстрелу, после чего революционеры очистили свое убежище, воспользовавшись ночной темнотой. Правительственные войска потеряли здесь 30 человек убитыми и 50 ранеными.

В Нарбонне Совет, с Дижоном во главе, решил бороться до конца, несмотря на обещания полной амнистии при условии немедленного очищения Ратуши. Улицы были забаррикадированы, Ратуша сильно укреплена. Первые атаки противника были отбиты с ничтожными потерями со стороны коммунаров.

Но с получением известия о падении Коммуны в Тулузе, Лионе и Сен-Этьене, с прибытием в Нарбонну покорителя Тулузы ген. Ленца со свежими войсками среди национальной гвардии начались колебания, перешедшие затем в панику. Покинули ряды защитников Коммуны и солдаты-дезер-

¹⁾ Так называлось в Тулузе здание Ратуши.

²⁾ Lepelletier, III, 106.

тиры. После бомбардировки города артиллерией Ленца Дижон распорядился очистить Ратушу, которая подверглась затем полному разгрому со стороны осаждавших.

Подавление провинциальных Коммун сопровождалось жестокими репрессиями. В Марсели победителями были произведены массовые аресты и расстрелы участников движения без суда; национальная гвардия обезоружена, ее клуб закрыт. В Нарбонне тюрьмы наполнились заключенными, вопреки обещанию амнистии, которое было дано ген. Ленцем.

Даже в тех городах, где, как в Сен-Этьене, правительственным войскам не было оказано никакого сопротивления, многие коммунары были арестованы.

Движение замерло, не успев окрепнуть, но ненадолго: оно вспыхнуло еще раз в апреле, после начала военных действий между Парижем и Версалем, охватив новые города, кроме Лиона, где оно возобновилось.

Эти новые отзвуки революционной борьбы в Париже не следует смешивать с легальными выступлениями некоторых муниципалитетов (как, напр., Лилля, Сен-Омера, Лиона и др.) в пользу примирения Версаля с Парижем, имевшими место в этот же период гражданской войны. На этот раз движение началось с Лиможа, где при получении известия о неудачной для коммунаров вылазке 3—4 апреля «Народному Обществу» удалось помешать отправке солдат на помощь Версалю и даже обезоружить их. Собранная по тревоге национальная гвардия захватывает здание Префектуры. Но, благодаря неорганизованности революционеров, лиможская Коммуна просуществовала всего один день.

О своем присоединении к парижской Коммуне заявили и рабочие Руана. В Гренобле, 16 апреля, толпа явилась на вокзал, чтобы не допустить отправки войск и аммуниции в распоряжение Тьера. Аналогичная попытка имела место в Вариле, где толпа опрокидывала вагоны с военными грузами. Через два дня в Ниме произошла демонстрация с красными знаменами, на которых красовались лозунги: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Париж в Ниме!»

В Бордо народные волнения произошли 16, 17 и 18 апреля; они сопровождались арестами полицейских и избияниями офицеров. В Фуа задержали предполагавшуюся для версальцев артиллерию; в Периге железнодорожные рабочие захватили митральезы. В других местах железнодорожные служащие убеждали проезжавших солдат не стрелять в парижан; по ночам неизвестно кем срывались правительственные сообщения и воззвания.

Все это указывает на сочувствие провинциальных рабочих делу Парижской Коммуны; остается пожалеть, что оно не проявилось в более организованной и решительной форме. Наиболее серьезный характер движение приняло в Лионе.

где население рабочего квартала Гилльотьеры решило сорвать назначенные Национальным Собранием муниципальные выборы ¹⁾. 30 апреля явившиеся на них избиратели не нашли урн. Вооруженные рабочие заняли мэрию Тилльотьеры и забаррикадировали улицы. «Порядок» был восстановлен лишь после прибытия свежих правительственных войск; после обстрела мэрии из орудий ее защитники были вынуждены отступить; но некоторое время борьба еще продолжалась на баррикадах, при чем пало до 50 пролетариев. В квартале Круа-Русс дело не пошло дальше безрезультатного штурма Ратуши и уничтожение избирательных урн.

С подавлением второго лионского восстания замирает последняя революционная вспышка в провинции. Пролетариат крупных промышленных центров оказался еще менее организованным и политически зрелым, чем парижский.

Этот факт стоит как будто в противоречии с успехами промышленного развития Франции в эпоху Второй Империи. В самом деле, если парижская индустрия в значительной степени сохранила свой мелко-ремесленный характер, то в других городах крупное машинное производство должно было создать значительные кадры настоящего индустриального пролетариата. Так это и было, но не надо забывать, что на ранних ступенях капиталистического периода рекрутирующийся преимущественно из деревенской бедноты фабрично-заводский пролетариат оказывается менее культурным, менее поддающимся организации, наконец, менее развитым политически, чем квалифицированные рабочие мелких ремесленных мастерских, еще не затронутых победоносным шествием машинизма.

Вот почему на заре капиталистического развития ремесленный пролетариат оказывается более восприимчивым к социалистическим учениям, чем индустриальный пролетариат, который лишь в дальнейшем становится настоящим авангардом всего рабочего класса как в организационном, так и в идеологическом отношении. Стоит, например, вспомнить, что ядром Союза Справедливых, а потом Союза Коммунистов были немецкие ремесленные подмастерья, вроде портного Вейтлинга или часовщика Молля, а виднейшим вождем германской социал-демократии — ремесленник — токарь А. Бебель.

С этой точки зрения становится понятно, почему в эпоху Коммуны рабочее движение в мелко-буржуазном Париже все же более, чем на двадцать лет, переросло остальную Фран-

¹⁾ Эти выборы должны были произойти на основании закона 14 апреля 71 г., в силу которого города с населением свыше 20 тыс., к числу которых принадлежал и Лион, лишались права иметь своего выборного мэра.

цию: «была,—говорит Дюбрейль,—социалистическая столица, но не было социалистической городской Франции».

Оценивая коммунистическое движение в провинции, сравнивая его с парижским, не следует упускать, однако, из виду и еще одного важного обстоятельства. Крупные провинциальные города меньше пострадали от войны; им не пришлось пережить ничего подобного парижской осаде и вызванному ею голоду, безработице, обнищанию, квартирному кризису, массовому банкротству мелких и средних буржуа и т. п.

А потому провинциальные рабочие, как и известные слои буржуазии, были гораздо менее революционизированы, чем их столичные товарищи; отсюда недостаточная активность рабочих масс, которая бросается в глаза при изучении коммуналистического движения в провинциальных городах.

Имел, наконец, известное значение и тот факт, что, в противоположность Парижу, провинциальные центры пользовались городским самоуправлением, хотя бы и ограниченным вмешательством префекта; поэтому лозунг Коммуны был менее понятен массам, чем в столице, и уже совершенно чужд буржуазным слоям, оппозиционно настроенным по отношению к версальским монархистам, но мало заинтересованным в борьбе за коммунальную автономию, отсутствие которой так остро ощущалось буржуа в Париже.

Итак, пролетариат провинции оказал слишком недостаточную поддержку революционному Парижу. Но в стране с преобладающим земледельческим населением, каковой была Франция в эпоху Коммуны, победа пролетарской революции не мыслима без союза городских рабочих с пролетарскими и полупролетарскими массами деревни, а также со средним (трудовым) крестьянством. Говоря о социально-экономической политике Коммуны, мы уже отмечали, что выставляемая коммунарами аграрная программа в общем отвечала насущным потребностям деревенской бедноты; лозунги: земля тем, кто ее обрабатывает, уничтожение старой податной системы, бюрократии и суда, уничтожение зависимости крестьянина от банкира—могли заинтересовать деревню и вовлечь ее в борьбу за социалистическое переустройство общества.

Но Коммуне не удалось развернуть агитацию в деревне сколько-нибудь широко. Двух прокламаций к крестьянству, поздно выпущенных и едва ли получивших большое распространение, было для этого слишком мало.

Никаких попыток связаться с крестьянством организационно, сколько нам известно, сделано не было.

Крестьянская Франция осталась изолированной от пролетарского Парижа в еще большей степени, чем провинциальные города.

То недоверчивое, а часто и глубоко враждебное отношение к революционному Парижу, которое гнездилось в крестьянских головах в период выборов в Национальное Собрание, могло только усилиться под влиянием правительственной агитации (циркуляры Тьера префектам и т. п.) и той бешеной травли, которую вела против Коммуны буржуазная печать.

Удержание на службе вернувшихся из Германии военнопленных для пополнения версальской армии, несомненно, еще более вооружило против Коммуны крестьянина, совершенно не осведомленного об истинных причинах гражданской войны и жаждавшего лишь мира и возвращения к спокойному труду.

И все же при более благоприятных условиях деревенская Франция могла примкнуть к движению. На это указывают те, правда, весьма немногие случаи крестьянских волнений, которые явились как бы отзвуком парижской революции 18 марта. Так, из Бордо движение перекинулось в некоторые сельские округа, где произошли демонстрации с красными знаменами. Произошли крестьянские «беспорядки» и в некоторых местах департаментов Ньевр и Шер, где были популярны имена Ф. Пиа и Гамбона.

Пролетарская революция не может ограничиться одной страной: ее завоевания не могут быть прочны, если движение не примет международного характера. В 1871 году еще не было предпосылок для международной пролетарской революции, но Коммуна не могла не искать поддержки у пролетариев других стран.

В связи с этим интересно выяснить, что было вообще сделано Коммуной для расширения своего влияния в пределах Франции и пропаганды своих идей за границей.

Во главе делегации Внешних Сношений стоял сторонник большинства Паскаль Груссе. Помимо посылок делегатов в некоторые крупные центры, делегация должна была вести письменную агитацию. Но число распространенных ею прокламаций было ничтожно: два воззвания к крестьянам, декларация, да обращение «к большим городам», в которых революционный Париж требовал от крупных провинциальных центров уже не платонических выражений сочувствия, а реальной поддержки силой оружия¹⁾, — вот и вся агитационная

¹⁾ См. Ж. О., 16/V.

литература, предназначавшаяся для информирования провинции. Вспомним еще, что все расходы рабочего правительства на агитацию и пропаганду (за апрель) не превышали 100 тысяч фр.

Делегация по Внешним Сношениям тщательно оберегала личные и имущественные права проживавших в Париже иностранцев, протестовала против заявления Тьера, что Коммуна не может сослаться на женеvскую конвенцию, к которой она якобы не примкнула ¹⁾, но совершенно не озаботилась установлением связей с рабочими организациями других стран, не поддерживала сношений даже с Генеральным Советом Интернационала.

Рабочие Европы и Америки должны были довольствоваться самыми скудными и притом извращенными буржуазной прессой сведениями о том, что происходило в столице Франции, поднявшей знамя восстания против капиталистического строя. А между тем, несмотря на скудную информацию о парижских событиях, среди передовых слоев европейского пролетариата наблюдался живейший интерес к Коммуне; различные социалистические организации приветствовали революцию 18 марта и заявляли о своей солидарности с французскими рабочими.

В берлинском «Социал-Демократе» появился адрес «К французским рабочим», принятый на трехтысячном рабочем митинге в Ганновере. В этом интересном документе, перепечатанном затем в «Официальном Журнале», говорилось: «Рабочие Франции!.. Несмотря на поражение, понесенное вами в борьбе с германским милитаризмом, вы остались верны своему долгу перед самими собой и перед всем рабочим классом. Вы знаете—1789, 1830 и 1848 годы научили вас,—что право на труд попирается... при республике в такой же степени, как и при империи или королевском самодержавии. Во Франции разрыв между различными социальными слоями обозначился настолько определенно, демаркационная линия между элементами, относящимися к социальной демократии, и разрозненными силами реакции прошла настолько резко, что, даже не будучи пророком, можно было предсказать, что за заключением мира последуют события 18 марта... Восстав против правительства, когда оно готовилось совершить свое преступное дело... вы исполнили свой священный долг. Нет, вы—не банда разбойников, убийц и грабителей! Мы видим, как в лице вас пролетариат борется за права человека. Французские рабочие! Вы являетесь авангардом армии, которая поднимается на освобождение всего мира; все ее симпатии на вашей стороне, она на вас надеется... Рабочие Франции! вы избавились от императорской власти, а у нас она еще

¹⁾ Ib., 27/V. М. Р., II, 486.

сидит на шее. Мы не видим в германской империи ни малейшей гарантии мира и свободы. Нас грозит окутать черная ночь реакции»¹⁾).

15 апреля в Женеве, состоялось собрание местной секции Интернационала, которое приняло «Адрес парижским рабочим». «Перед лицом жестокой борьбы,—читаем в нем,—на которую спровоцировала вас редакция, ввиду злобной клеветы, распространяемой... продажной прессой, долг всех рабочих групп заявить во всеуслышание о той братской солидарности, которая связывает нас между собою, вопреки всяким политическим границам... В коммунальной революции 18 марта мы приветствовали политическое выступление рабочего класса; мы рассматривали его, как начало эры социальных преобразований. Пусть ваши имена не известны для невежд монархической Вандеи²⁾, нам они дороги, как свидетельство вашей испытанной преданности нашему общему делу; те принципы, которые провозглашены в выпущенной вами прокламации пролетарской республики и которые в то же время исповедуются могучими организациями Международного Общества, являются в наших глазах верным ручательством того, что в настоящий момент в Париже приступают к закладке нового социального здания... Что бы ни случилось, братья и сестры..., ваше дело не погибнет, так как это — дело всемирного освобождения рабочих. Мы исполним свой долг... всегда и всюду продолжая ту борьбу, застрельщиками в которой вы являетесь... Пролетарская рука никогда не подпишет мира с нашими общими угнетателями. Они не способны понять, что начинают безысходную войну; ведь, если они хотят превратить всю Францию в сплошное кладбище, это не так-то скоро им удастся: со всех концов мира соберутся свежие силы, которые погребуют у них отчета в совершенных убийствах... Примите же, пионеры социальной и интернациональной революции, наш братский привет... Да здравствует Коммуна! Да здравствует пролетарская революция³⁾!»

В аналогичных выражениях был составлен и адрес Коммуне от Флорентийского Интернационального Демократического Общества. «Париж,—говорилось там,—который является сейчас Спартаксом⁴⁾ наций, выдерживает грандиозную борьбу с привилегированными всего мира, борьбу за свободу и уничтожение пролетариата, этого рабства XIX века... Выйдете ли

1) J. Off., 2/V (p. 443).

2) Вандея—один из департаментов на западе Франции, известный своим контр-революционным крестьянским восстанием в эпоху Великой революции.

3) J. O., 7/V (p. 497).

4) Вождь римских рабов, восставших против своих господ в 70 г. до Р. X.

вы из нее победителями или побежденными, наше знамя останется славным стягом будущего, и, если не мы, то наши сыновья соберут эту кровь... и бросят ее к небу с криком: наше время придет ¹⁾!»

Заслуживает быть отмеченной статья под заглавием «Конец буржуазии», появившаяся тогда же в брюссельском еженедельнике «Свобода». «Мы не знаем,—говорилось в статье,—каков будет... результат завязавшейся под Парижем ужасной борьбы, но вот что является уже несомненным приобретением, это, с одной стороны,—окончательный разрыв между буржуазией и рабочей демократией; с другой,—бессилие буржуа спасти свое состояние, не отрицая в то же время своей собственной революции и не бросаясь в объятия своих врагов... Буржуазный период истории завершился, с 19 марта начинается новый... Мы ушли далеко вперед как от неясного движения в феврале, так и от необдуманного восстания июньских дней (48 г.). Организация проникла в ряды рабочих и впервые победоносно укрепляется... Рабочий народ проявил энергию, свойственную классам, которые не допускают больше господства над собою, проявил единство действия—этот верный залог победы; наконец, у него нашлись в изобилии и люди и идеи, а в этом—гарантия будущего... Без сомнения, буржуазия до поры до времени не исчезнет... Но грозное единство только что начавшегося социалистического движения заставляет ее превратиться в беспорядочную смесь разношерстных элементов... Отныне жизнь бьет ключом в жилах этого нового пробуждающегося народа, которого уже ничто не заставит склонить колена, раз он встал во весь рост: в бога он не верит, а людей сумеет победить» ²⁾.

Отклики на Парижскую Коммуну слышались даже из отсталой, едва вступавшей на путь капиталистического развития России. Но они исходят не из социалистически настроенных рабочих групп, каковых тогда еще не имелось ³⁾, а из кругов народнической интеллигенции.

В одной из прокламаций, выпущенных Гончаровым (от 13 апр. 1871 г.), «выражалась уверенность, что начавшаяся в Париже революция распространится повсюду и таким образом проникнет и в Россию...» Другая—от 14 мая, посвященная в предчувствии близкой гибели Коммуны, оканчивалась: «призывом ко всем честным людям, кои должны откликнуться погибающему Парижу и возобновить начатое им дело революции»: «Пусть наш скромный призыв будет началом этого отклика... Париж падет, Париж в огне, вер-

¹⁾ J. O., 28/IV, p. 410.

²⁾ J. O., 22/IV (p. 343—344).

³⁾ Адрес одесских рабочих французскому пролетариату по поводу Парижской Коммуны появился лишь в 1878 г. (См. „Община“, № 3—4).

сальские разбойники входят в Париж! Все должны помогать ему, а между тем никто не двигается. К оружию, к оружию 1)!»

В путевых записках народника Утина, печатавшихся летом 71 г. в «Вестнике Европы», находим, между прочим, такую оценку событий. «Национальное Собрание... безумно, потому что оно не понимало, что пролитая кровь обратится в конце концов, против него же, и что, если в стране есть партия, которая способна драться в продолжение 2½ мес., то минутное усмирение ее не означает вовсе уничтожения ее, и что пораженная сегодня, она снова поднимется завтра...» 2)

Итак, приходится признать, что делегация Внешних Сношений сделала слишком мало для распространения идей Коммуны в провинции и за границей.

Могут возразить, что Коммуна лишена была возможности сношения с провинциальной Францией, а тем более с заграницей, благодаря версальской блокаде. Но, во-первых, до начала военных действий, т. е. с 18 марта до 3 апреля, никто не мешал Ц. К-ту, а затем Коммуне рассылать своих комиссаров по департаментам, снабжать провинцию своей литературой и т. д. Но и после неудачной вылазки 3—4 апреля долгое время блокада не была полной, чем, как мы видели, объясняется и сравнительно благоприятное продовольственное положение Коммуны; следовательно, и в этот период ее существования некоторая, хотя и весьма ограниченная, возможность сношений с внешним миром имелась.

Между тем и Ц. К-т, и Коммуна сделали слишком мало для установления связи хотя бы с крупнейшими промышленными центрами. Особенно необходимо было немедленно связаться со всеми городами, где вспыхнуло революционное движение. Между тем мы знаем лишь о посылке эмиссаров Ц. К. в Лион, Марсель и Крезе 3). Лиможцы ничего не получили из Парижа, несмотря на то, что от местных рабочих обществ в столицу был командирован специальный делегат, который должен был доставить программу Коммуны и привести с собой ее комиссара.

Уже после того, как провинциальное движение было задумано, несколько граждан составили следующий довольно смелый план: организовать особый батальон волонтеров, вооружить его и, посадив в вагоны вместе с несколькими членами Коммуны, попытаться прорвать фронт версальцев, отрезать их сообщения, поднять дух и возбудить энергию революционеров провинции. 12-го мая было получено согласие Делеклюза. Коммуна разрешила выдать оружие, боевые при-

1) См. „Правит. Вестник“ от 25/II, 1872 г. Дело Гончарова, а также Базилевского „Государственные преступления в России в 19 в.“, т. I.

2) „Вестн. Европы“, 1871 г., т. IV, стр. 304—305.

3) В Крезе Ц. К-том был послан некто Дюмаэ (Dumaу), старый местный рабочий.

пасы и деньги. 14-го обратились с воззванием к парижскому населению. В казарме Шато д'О образовался довольно многочисленный отряд. 23-го Коммуна должна была выдать ружья, 200 человек были уже в сборе, когда пронесся зловеющий слух: версальцы проникли в Париж ¹⁾. Но это предприятие, о котором сообщает нам один из участников движения, в сущности было делом частной инициативы.

Что касается деятельности эмиссаров Коммуны на местах, то наши сведения о них весьма скудны и отрывочны. Известно, напр., что в Крезе по инициативе присланного Ц. К-том эмиссара была организована народная демонстрация в честь Парижской Коммуны с участием местной национальной гвардии. Лишь в Марсели прибывшие из Парижа комиссары пытались изменить слишком умеренную политическую линию местной Департаментской Комиссии, во главе которой стоял радикал Гастон Кремье.

На этой почве между Кремье и одним из эмиссаров, Ландеком, возник весьма острый конфликт, едва не закончившийся арестом первого. Ландеку удалось лишить Кремье руководящей роли в Комиссии и самому стать во главе марсельской Коммуны, но это мало изменило положение дел. Парижский эмиссар не сумел ни оживить уже замиравшего движения ни принять необходимых мер к защите города. Вся его деятельность свелась к аресту некоторых местных буржуа, объявлению «вне закона» стоявшего под городом генерала Вильбуане и назначению (конечно, чисто бумажному) на его место одного из младших офицеров.

После обзора провинциального движения читателю должно быть ясно, что Парижской Коммуне неоткуда было ждать помощи, а пролетарская революция, победившая лишь в одном городе, хотя бы и столице, была осуждена на поражение.

Но и слабость военных сил Коммуны, и недостаточная организованность, и политическая незрелость пролетариата, и оторванность Парижа от других крупных городов—все это, в конечном счете, объясняется слабостью капиталистического развития тогдашней Франции и связанною с нею незрелостью общественных отношений. Здесь мы еще раз должны вернуться к тому положению, которое было установлено в I главе первой части.

Мы констатировали весьма заметные успехи капитализма в эпоху Второй Империи; но все же ко времени Коммуны Франция отнюдь не была страной крупной машинной промышленности: мелкое ремесленное производство в значительной мере сохранило еще свои позиции, особенно

¹⁾ „Община“, № 3—4, ст. „Фран-тирэры революции“.

в Париже. Обобществление труда зашло недостаточно далеко. К 70-м годам XIX в. французский капитализм еще не вступил в стадию финансового капитализма, который облегчает рационализацию общественно-трудового процесса и переход к социалистическому строительству. Отсюда распыленность пролетариата, его неспособность создать мощные классовые организации, выдвинуть организаторов производства, провести в сколько-нибудь крупных размерах социализацию промышленности, дать национальной гвардии опытный командный состав и т. д.

Незрелость пролетариата объясняются и все частные «ошибки» Коммуны, как недопустимая нерешительность в борьбе с контр-революцией, оборонительная тактика в первые дни после 18 марта, соглашательские тенденции Ц. К-та, бережное отношение к святыням банка и т. д.

«Рабочий класс, — писал Маркс в своей «Гражданской войне», — не требовал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства ¹⁾».

Итак, недостаточное развитие производительных сил, наложившее своеобразный отпечаток на первую пролетарскую революцию, — такова, в конечном счете, основная причина гибели Парижской Коммуны.

Существует мнение, высказанное Дюбрейлем, что Коммуна пала потому, что «запоздала своим возникновением на полгода». «Когда события, — продолжает он, — скорее даже тайные происки ее противников привели, наконец, к ее провозглашению, благоприятные условия уже миновали, и пролетарское движение было уже заранее осуждено на поражение, обречено на гибель и бойню ²⁾». Но какой же момент был более благоприятен? «Если бы революционная Коммуна, — говорит Дюбрейль в другом месте, — захватила власть в течение осады, если бы ей удалось ее 31 октября или 22 января, она могла бы укрепиться и продержаться. Почему? Потому что она оказалась бы истинно патриотической и была бы действительно таковой, даже если бы и не желала этого. Оказавшись против завоевателя, она до известной степени... явилась бы национальным средоточием и спаяла бы, во всяком случае на некоторое время, с вооруженным пролетариатом».

¹⁾ „Гр. война“, 53.

²⁾ Дюбрейль, русск. пер., стр. 1 („Гос. Изд.“, 1920).

том среднюю и мелкую буржуазию. Она увлекла бы в битву... и, следовательно, подчинила бы себе такие социальные категории, которые при иных обстоятельствах должны были избегнуть ее воздействия, и благодаря этому она имела бы возможность осуществить, вопреки желанию... этих социальных категорий, глубокие реформы... Таким образом, она прошла бы один из этапов по пути эволюции и создала бы по меньшей мере демократическую республику...

Но когда капитуляция была уже подписана, когда мир был заключен, а законное собрание, избранное страной уже заседало, подобное развитие событий становилось невозможным. Буржуазия должна была роковым образом сначала ускользнуть, а вскоре и открыто выступить против Коммуны... Коммуна 18 марта почти немедленно проявила себя, как чисто пролетарское движение..., и вокруг нее автоматически сообразилось пустое пространство ¹⁾».

На этих рассуждениях одного из новейших историков Коммуны стоит остановиться.

Прежде всего, что понимать под случайным захватом власти? Если бы, скажем, парижским бланкистам, несмотря на их организационную слабость, удалось все же «случайно» захватить власть 8 или 31 октября, то такая, возникшая без достаточной организационной и политической подготовки Коммуна исчезла бы так же быстро, как возникла. В действительности, анализ неудачных движений 31 октября и 22 января показывает, что поражение сторонников Коммуны отнюдь не было чем-то случайным. С одной стороны, идея Коммуны, т.-е. идея захвата власти пролетариатом, еще недостаточно укрепилась даже в сознании рабочих масс, и в то же время эти массы были слишком распылены, неорганизованы; чтобы новая революция могла одержать победу, понадобилось революционизирование низов парижского населения, вызванное частью дальнейшим ухудшением их экономического положения, частью контр-революционной политикой появившегося на сцену Национального Собрания; необходимы были довольно длительный процесс самоорганизации поставленных под ружье пролетариев и их сплочение вокруг Ц. К-та национальной гвардии; необходимо было, наконец, чтобы процесс разложения старой регулярной армии зашел достаточно далеко, чтобы создались необходимые предпосылки для победоносной революции 18 марта.

С другой стороны, как, вероятно, помнит читатель, движение 31 октября, как и 22 января, встретило довольно внушительный отпор со стороны буржуазных батальонов национальной гвардии. Не только крупная, но и средняя и мелкая буржуазия великолепно учитывала реальное значе-

¹⁾ Ib., 270—271.

ние лозунга Коммуны, означавшего перемещение власти в сторону народных низов, а потому предпочитала мириться с военными поражениями и прямой изменой правительства национальной обороны, чем дать увлечь себя патриотическим порывам. Отсюда, между прочим, видно, насколько оснswательна самая гипотеза Дюбрейля относительно возможности объединения в период осады средней и мелкой буржуазии с «вооруженным пролетариатом» вокруг революционной Коммуны. И здесь понадобился урок выборов в Национальное Собрание, давших монархическое большинство; и здесь необходимо было, чтобы парижский лавочник и средней руки «мануфактурист» почувствовал на своей спине... все прелести исходивших от реакционной «деревенщины» декретов, чтобы революция 18 марта получила нового сторонника, если и не выступавшего активно на стороне пролетариата, то, по крайней мере, державшегося по отношению к нему «дружественного нейтралитета».

Итак, в октябре и даже в январе Коммуна, как *рабочее* правительство, была явно невозможна; самое большее, на что могли тогда рассчитывать ее сторонники,—власть могла перейти от буржуазно-монархического правительства Национальной Обороны к коалиционному правительству из радикалов и якобинцев. Но такая «патриотическая» Коммуна, возникшая еще до ликвидации войны, означала бы некоторое обуздание крупных спекулянтов, да, может быть, устранение от военного командования махровых бонапартистов, но едва ли осуществила бы «глубокие реформы», как это думает Дюбрейль; хорошо известно, что так называемое гражданское перемирие, заключенное перед лицом внешнего врага, обязывает к самопожертвованию отнюдь не буржуазию, а как раз пролетариат.

Короче говоря, Коммуна 31 октября не была бы тем, чем, может быть, помимо сознания ее участников, оказалась Коммуна 18 марта,—диктатурой пролетариата, а ее деятельность не носила бы социалистического характера. В сущности, это признает и сам Дюбрейль, когда говорит, что, возникнув на полгода раньше, Коммуна ничего не дала бы рабочему классу, кроме демократизации существующих политических учреждений».

Опыт Коммуны показывает, что, ставши у власти, пролетариат не может не вести социалистической политики, как бы умеренна она ни была на современный масштаб.

Несмотря на все чуждые пролетариату, мелко-буржуазные наслоения, в социально-экономической политике Коммуны, бесспорно, имеются элементы социалистического строительства: достаточно вспомнить опыт привлечения рабочих к

управлению государственными предприятиями, проект восстановления дезорганизованной промышленности путем передачи бездействующих мастерских рабочим товариществам, первые шаги к разрешению жилищного вопроса, анти-религиозную политику Коммуны, ее интернационализм и анти-милитаризм, ее отношение к женскому вопросу и т. д. Если бы Коммуна просуществовала дольше, социалистические тенденции в ее политике выступили бы еще определеннее.

Коммуна была больше, чем представляли себе сами коммунары: это была первая пролетарская, социалистическая революция, первая попытка пролетариата дать буржуазии генеральное сражение. Именно таковой Коммуна осталась в памяти последующих рабочих поколений. Парижский пролетариат дорого поплатился за то, что осмелился бросить свой вызов капиталистическому миру в тот момент, когда остальная Франция еще не могла оказать ему должной поддержки. В 1871 г. час гибели буржуазного общества еще не пришел. Но та дикая жестокость, которую проявила буржуазия по отношению к побежденным, углубила пропасть между господствующим и угнетенным, эксплуатирующим и эксплуатируемым классами.

Традиции Парижской Коммуны, несомненно, сыграли огромную роль в той новой полосе международного рабочего движения, которая характеризуется созданием национальных социалистических партий.

Но в этот период опыт Коммуны, как первого в истории воплощения пролетарской диктатуры, почти не изучался теоретиками социал-демократии, что, конечно, имеет свое достаточное объяснение. В эпоху II Интернационала, когда в связи с социально-экономическими условиями конца XIX века ближайшей задачей социалистов являлось использование буржуазной демократии для политического воспитания рабочих масс, вопросы о захвате государственной власти пролетариатом, сущности пролетарской диктатуры, о ближайших задачах и формах хозяйственного строительства пролетарского государства не стояли на очереди дня.

Иное дело—наше время, эпоха, когда социалистическая революция далеко переросла рамки одного города, когда коммунистическое преобразование общества стало вопросом жизни для международного пролетариата.

Последний имеет теперь, правда, опыт четырехлетнего существования рабочего государства в России, опыт неизмеримо более богатый и поучительный, чем опыт Парижской Коммуны, но русские коммунисты, оглядываясь на недавно пройденный путь, не могут не признать, как многим они обязаны Коммуне, практика которой вместе с ее ошибками—сознательно или бессознательно—во многом воспроизводилась в советском строительстве, особенно в первые месяцы

после Октябрьской революции. Кто не знает, какое колоссальное значение имел опыт Коммуны для выработки всей тактики коммунистической партии в России!

С другой стороны, опыт Парижской Коммуны, впервые правильно оцененный еще Марксом и Энгельсом, теперь изучаемой в свете истории всероссийской Коммуны, выступает перед нами своими новыми сторонами.

Рабочий класс должен знать и ценить свое прошлое, историю своих классовых битв, которые привели его в наши дни к генеральному сражению с мировым капиталом.

Внимательное изучение этих предварительных схваток, учет их опыта должны облегчить пролетариату ту грандиозную классовую войну, которая разворачивается на наших глазах.

Библиография.

а) Источники. *Journal Officiel de la République française sous la Commune* (Réimpression. 1871). Les 31 séances officielles de la Commune de Paris. (ed. Reue de France, 1871). Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars, T. I—III *M. Mahon*. L'armée de Versailles... Rapport officiel.

De Balatier Braglonne. Paris insurgé. *Journal des Journaux de la Commune*, I—II. *F. Maillard*. Affiches, professions de foi, documents officiels, clubs pendant la Commune.

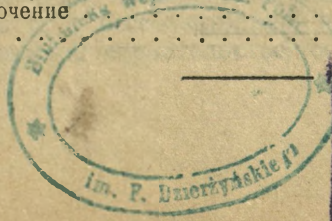
Rapport d'ensemble d. gen. Appert sur les opérations de la justice militaire relat. à l'insurrection de 1871.

Les Murailles Politiques Françaises, T. II. La Commune.

б) Литература. *Lanjaley et Corriez*. Histoire de la Révolution du 18 mars. *Clarctie*. Histoire de la Rév. 1870—1. *Bourgin*. Histoire de la Commune. *Gagnière*. Histoire de la presse sous la Commune. *Louis Fiaur*. Histoire de la guerre civile. *Marim du Camp*. Les conulsions de Paris. — V. *L. ichel*. La Commune. *Gaston Da-Costa*. La Commune recue. — III. *Lefrançais*. Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871. *Beslay*. Le Vrit sur la Commune. *Vnoy*. L'armistice et la Commune. Guerre des communeux de Paris par un officier supérieur de l'armée de Versailles. *Lepelletier*. Histoire de la Commune de 1871, T. I—III. *Kautsky*. Terrorismus und Communismus. *Pelletan*. La semaine du mai. *Chincho'le*. Les surients de la Commune. *Троцкий*. Терроризм и коммунизм. *Hanotaux*. Histoire de la France contemporaine. *Dauban*. Le fond de la société sous la Commune. *Delion*. Les membres de la Commune. *Clvre*. Les hommes de la Commune. *Proles*. Les hommes de la Rév. de 1871. *Vaperau*. Dictionnaire universel des contemporains (Supplément à la 4-ième ed. Garnier). *Вейль*. История социального движения во Франции. *Степанов*. Парижская Коммуна 1871 г. и вопросы тактики в пролетарской революции. (Г. с. Изд. 1921 г.). „Коммунистический Интернационал“, № 16 (ст. Стеклова). Р. боты Маркса, Лаврова, Арну, Лисагарэ, Мендельсона, Дюбрейля и Инсарова, указанные во II части. Ленин. Государство и революция. См. также „Библиография Парижской Коммуны“. (Гос. Изд. 1921 г.).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	1
Отдел I. Эпоха Второй Империи	7—92
Гл. I. Французская промышленность при Второй Империи. Крупная буржуазия, бюрократия и духовенство	9
Гл. II. Мелкая городская буржуазия. Крестьянство. Крупное землевладение	18
Гл. III. Пролетариат. Рабочее движение (до 1868 г.)	26
Гл. IV. Трудонизм к коллективному	46
Гл. V. Накануне революции	55
Библиография	72
Отдел II. Правительство Национальной Обороны	73—131
Гл. I. Франко-прусская война. Революция 4 сентября 1870 г. Умеренные республиканцы у власти. Осада Парижа	73
Гл. II. 31 октября и 22 января. Капитуляция. Национальное Собрание	93
Гл. III. Центральный Комитет Национальной гвардии. Накануне новой революции	115
Библиография	131
Отдел III. Коммуна	132
Гл. I. Революция 18 марта	132
Гл. II. Главные мероприятия. Борьба за выборы в Коммуну	140
Гл. III. Программа Ц. К-та. Итоги его деятельности	151
Гл. IV. Выборы в Коммуну, ее состав и программа	162
Гл. V. Государственный аппарат Коммуны. Борьба с контр-революцией	193
Гл. VI. Социально-экономическая политика Коммуны	227—283
а) Рабочая политика	227
б) Возврат заложенных в ломбарде вещей бедняков. Социальное обеспечение. Жилищный и продовольственный вопросы	249
в) Отсрочка уплат по векселям и другим обязательствам. Коммуна и крестьянство	265
г) Финансовая политика Коммуны	273
д) Социализм Коммуны	278
Гл. VII. Народное просвещение. Антимилитаризм и интернационализм Коммуны	289
Гл. VIII. Соглашатели. Дополнительные выборы. „Большинство“ и „меньшинство“	303
Гл. IX. Коммуна и Центральный Комитет	328
Гл. X. Военные силы Коммуны	342
Гл. XI. Версальская армия. Ход осады. Версальцы в Париже. Итоги усмирения	363
Гл. XII. Заключение	382
Библиография	407

57474/e